

ОШОНО 97

Андрей Дашев

Дикий остров

Шорь Золотусский

Оборвавшийся звук

Автобусные познавательные
туры по городам Европы

С "Восток" ВОКРУГ СВЕТА

Израиль, Тунис,
Таиланд, Египет,
ОАЭ, Греция,
Турция, Болгария,
Чехия, Франция

Россия, 103009, Москва,
Тверская, 15, оф. 63,
Тел./факс (095) 229-59-02,
факс (095) 200-58-80

Главный редактор
МИХАИЛ НИЗИЛОВ

Редколлегия:
ВАЛЕНТИНА БОЧАРОВА
ВАЛЕРИЙ ГУРИНОВИЧ
зам. главного редактора
БОРИС ДАНОШЕВЧИЙ
НИКОЛАЙ ЛЕВИЧЕВ

зам. главного редактора
СЕРГЕЙ ПОПОВ
МИХАИЛ ТЕЛИНИН

главный художник
ВИТАЛИЙ ФЕДОРОВ
ТАМАРА ЧИНИНА

оформление
ВАЛЕНТИН ДАВЫДОВ

худ.-технический редактор
АЛЕНСАНДРА ГУСЕВА

Сдано в набор 29.01.97.
Подписано к печати 28.02.97.
Формат 84x108 1/32.
Бумага офсетная.
Печать офсетная.
Усл. л. л. 15,54.
Усл. кр. отт. 17,64.
Учизд. л. 23,10.
Тираж 72500 экз.
Заказ № 1231
Цена свободная.

101457, ГСП, Москва,
Бумажный проезд, 14.
212-15-07 — для справок.
250-28-39 — отдел реализации.
250-48-98 — отдел рекламы.

Факс (095) 250-59-28.

Журнал зарегистрирован
в Комитете Российской
Федерации по печати.
Reg. № 014832

**Учредитель — коллектив
редакции журнала
«Смена».**

Рукописи, фото и рисунки
не возвращаются.

Набор, верстка и
цветодделение — «Институт
новых информационных
технологий».

Отпечатано в типографии
издательства

«Пресса»,
125865, ГСП, Москва,
А-137, ул. «Гривады», 24.

В случае полиграфического
брака обращаться
в издательство «Пресса»:
257-28-30, 257-41-03.

4 (1590) АПРЕЛЬ

© «Смена», 1997.

СМЕНА

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ
Основан в январе 1924 года.

СОДЕРЖАНИЕ

- 32** ФРИЦ ЛЕЙБЕР
проза
**ПОЛНОЧЬ
В ЗАЗЕРКАЛЬЕ**
Мистический роман
- 154** АНДРЕЙ ДЫШЕВ
ДИКИЙ ОСТРОВ
Детектив
- 41** БЕЛЛА АХМАДУЛИНА
поэзия
- 20** ДМИТРИЙ ШЕВАРОВ
время и мир
**"...МЛАДШИЙ -
ВОВСЕ БЫЛ ДУРАК"**
- 46** ИГОРЬ ЗОЛОТУССКИЙ
**ОБОРВАВШИЙСЯ
ЗВУК**
- 62** ИРИНА МЕДВЕДЕВА,
ТАТЬЯНА ШИШОВА
**ЗБЫЮЗ:
РОССИЙСКИЙ
АКЦЕНТ**
- 74** ИГОРЬ ГАМАЮНОВ
ПОСЛЕ ПОБЕГА
- 100** ВАЛЕРИЙ АГРАНОВСКИЙ
**ДНЕВНИК
НАИВНОГО
АДВОКАТА**
- 113** ТАТЬЯНА СМОЛЬЯНОВА
ИМЯ ЕГО - ГЕРПЕС
- 126** АЛЕКСАНДР ПЬЯНКОВ
БЛЕФ
- 136** АЛЕКСАНДР ЛЕБЕДЕВ
ЗАБАВА
- 4** ИВАН ЗЮЗЮНИН
история и культура
**ТОЛСТОЙ
И ТОЛСТАЯ**

82 АЛЕКСАНДР КРАВЦОВ
**МОНОЛОГ
НА ЗАКАТЕ**

88 ЭМИЛЬ ВЕРХАРН
РУБЕНС

На 1-й обложке: весна.
Фотохуд АЛЕКСАНДРА НОВАЛЯ.

А Н О Ш И С

АНДРЕЙ ПРИХОДЬКО:
**«Я УБИВАЛ ТОЛЬКО
НАРКОБАРЫГ...»**

выучку и стал смертоносной «тенью». Он был своим среди наркодельцов, барыг и убийц. И никто не догадывался, что вся его жизнь - спецзадание КГБ...

Откровения секретного агента КГБ, в которых раскрывается технология тайных убийств... Он прошёл жесткую нравственную

смертоносной «тенью». Он был своим среди наркодельцов, барыг и убийц. И никто не догадывался, что вся его жизнь - спецзадание КГБ...

НИКОЛАЙ ЛЕОНОВ
ЗАЩИТА ГУРОВА

этот раз задача перед ним стоит чрезвычайной сложности. Чтобы спасти молодого чеченца, приговоренного судом к расстрелу за организацию взрыва в автобусе, сыщик ведет частное расследование и находит настоящего террориста.

И вновь - встреча со знаменитым сыщиком Львом Ивановичем Гуровым. На

этот раз задача перед ним стоит чрезвычайной сложности. Чтобы спасти молодого чеченца, приговоренного судом к расстрелу за организацию взрыва в автобусе, сыщик ведет частное расследование и находит настоящего террориста.

ИВАН ЗЮЗЮКИН

Толстой

*"Я требую,
чтобы меня
любили так же,
как я могу любить.
Но это невозможно..."*

Лев Толстой

и Толстая

Домашние животные

В студенческие годы мои товарищи (а вместе с ними и я) на шумных пирушках по случаю выдачи стипендии, перебирая репертуар озорных песен, не раз во всю силу молодых глоток с пародийным оканьем затягивали на мотив известной песни "По диким степям Забайкалья..." следующие куплеты:

*В одном алекандритском именье
Жил Лев Николаич Толстой,
Не ел он ни рыбы, ни мяса,
Ходил по аллеям босой!
Жена ж его, Софья Андревна,
Обратно, любила поесть,
Босой по селу не ходила,
Хранила фамильную честь!*

Остальные куплеты были про то, как своенравная ревнивая жена не давала житья своему мужу, графу и знаменитому писателю, из-за чего тот, горемычный, в конце концов, сбежал из "великолепного" имения... Недавно я слышал, как эту же самую песенку прямо на улице распевала веселая компания молодых людей. Что интересно: на дворе иные времена, и слова в песне немного не такие, а стереотип отношения к тому, что когда-то произошло в семье Толстых, остался прежний: во всем виновата "Софья Андревна"...

Надо заметить, что попытки представить жену Л.Н. Толстого его "злым демоном" (выражение М. Горького, не любившего Софью Андреевну, но однажды из чувства справедливости посчитавшего нужным вступить за нее в печати), предпринимались в трудах более солидных, чем вышеупомянутая песенка. Так, сравнительно недавно у нас вышла большая книга, посвященная жизни и творчеству Толстого и написанная, кстати, не без литературного блеска. И вот буквально на первых страницах этого труда встречаются такие пристрастные строчки: "Она его любила горестно, завистливо и тщеславно". "У Софьи Андреевны была мания благонадежности". "...Но Лев Николаевич и на рояле играл лучше ее". И т.д. и т.п.

Возникает впечатление, что все, кто безоговорочно или с некоторыми (для пущей объективности) оговорками винил во всем случившемся Софью Андреевну, видя в ней чуть ли не личного врага, напрочь забывали, что она была не кем-нибудь, а женой Толстого и матерью его детей. А те, кто в адвокатском захлебе во всем оправдывали Льва Николаевича, вольно или невольно делали из великого даже в своих ошибках человека безответную жертву самовластной женщины, эдакого смирягу с записными добродетелями, каким он отродясь не был. Нет, всякое резкое суждение о семейной драме Толстых — от лукавого. Не нам их судить и рассуживать. (Как, впрочем, и любую семью, разлад в которой возник из-за разного отношения к высшим ценностям человеческого существования.) Отчего и думается, что, вникая в драму супругов Толстых, мы обязаны в первую очередь внимательно и бес-

пристрастно выслушать их обоих. И лишь после этого решать, кто же из них виноват больше, кто меньше или виноваты ли они в ней вообще...

Правда, читатель вправе спросить; а хотели ли когда-нибудь супруги Толстые, чтобы кто-то вникал в их семейные дела? Нет, впрямую они такого желания не высказывали никогда, но косвенно — пожалуй. В пользу такого предположения говорит тот факт, что Толстой еще при жизни давал близким читать свои дневники и даже кое-какие выборки разрешал публиковать. Софья Андреевна, зная, как силен интерес читателей Толстого к его личной жизни, написала документальную повесть о том, как они встретились, полюбили друг друга и поженились. После смерти мужа она сочла необходимым опубликовать его письма, написанные ей начиная с 1862 года, когда они стали мужем и женой. Зная также о том, что в обществе о ней как о жене Льва Николаевича сложилось в целом предвзятое мнение, Софья Андреевна (в дальнейшем, краткости ради, будем называть лишь их инициалы) писала: "...после моей смерти... будут по обыкновению судить и описывать мои отношения к мужу и его ко мне. Так пусть уж интересуются и судят по живым и правдивым источникам, а не по догадкам, пересудам и вымыслам".

Одним из таких "живых и правдивых источников", к тому же самым впечатляющим, являются, без сомнения, дневники Л.Н. и С.А. История, пожалуй, не знает другого примера, когда бы два человека, мужчина и женщина, муж и жена, исповедовались друг перед другом с таким горячим неподдельным чувством, с такой, казалось бы, не знающей предела искренностью — словно каждый раз прощались друг с другом навсегда... а прожили рядом тем не менее почти полвека!.. Но здесь необходимо пояснение. Поженившись, Л.Н. и С.А. договорились не утаивать друг от друга своих чувств, какими бы они ни были. Каждый из них имел право открывать дневник другого и узнавать, что у него на душе. И вот это обстоятельство сделало дневники Толстых (речь, понятно, идет о той их части, которая касается личных отношений супругов) уникальным семейным романом, романом мужчины и женщины, не равных по таланту, но равных по знанию друг друга, причем настолько равных, что им и скрывать-то что-то не имело смысла (если вообще в утаивании истины есть положительный смысл). Поначалу их дневники, особенно, если читать их параллельно, воспринимаются как диалог из абсурдистской пьесы, в которой два человека, сидя рядом и словно бы не замечая этого, воодушевленно говорят друг о друге в третьем лице. Но постепенно начинаешь понимать, что Л.Н. и С.А. сознательно идут на то, чтобы говорить в своих дневниках друг о друге (а это, согласитесь, не совсем то же самое, что говорить друг другу). Такое впечатление, будто супруги Толстые еще задолго до изобретения телефона устанавливают в доме свой, супружеский "телефон доверия". Конечно, от этого их не очень-то счастливая семейная жизнь не становится легче и проще, но, по крайней мере, они избавляют себя от того, что

8

делает жизнь большинства неблагополучных семей совсем уж невыносимой — от необходимости каждодневно лгать друг другу и лицемерить на людях. В самых острых конфликтах супруги Толстые не опускаются до дряг и склок, не мстят друг другу за причиненную боль, не выносят сор из избы, а если и выносят, то для того, чтобы мужественно выслушать суд своих детей, друзей и близких. И это достигается ими во многом благодаря тому, что они почти все прожитые вместе годы ведут неустанный, предельно честный диалог с помощью открытых друг для друга дневников. (Верный своей прямодушной натуре Л.Н. иногда ведет этот диалог непосредственно в дневнике С.А., давая ей какие-то пояснения. Вот одно из них: "Соня, голубчик, я виноват... Только во мне есть отличный человек, который иногда спит. Ты его люби и не укоряй".)

Надо заметить, отношения Л.Н. и С.А. с самого начала складывались непросто...

Надумав распрощаться с холостяцкой жизнью, граф Лев Толстой, в ту пору уже известный писатель, то и дело наезживает из Ясной Поляны в Москву, подолгу и охотно гостит у кремлевского врача Андрея Берса, в семье которого, кроме сыновей, есть также три дочери — Елизавета, Софья и младшая, еще подросток, Татьяна. Выбор свой Л.Н. сразу останавливает на черноглазой Софье. Из всех сестер самой живой, красивой, обаятельной, умнице, схватывающей все слова Л.Н., что называется, на лету. (С.А. потом не без гордости вспомнит, как быстро она расшифровала записку Л.Н., состоявшую из одних начальных букв: "В. м. и п. с. с. ж. н. м. м. с. и н. с.", что означало: "Ваша молодость и потребность счастья слишком живо напоминают мне мою старость и невозможность счастья". Верно, первое время Л.Н. отчего-то сопротивляется своему чувству, подсознание посылает ему какие-то неясные, но определенно тревожные сигналы. "Мне 34 года, — пишет он в дневнике незадолго до сватовства. — Скверная рожа, не думай о браке, твое призвание другое, и дано за то много". Его смущает, что он почти в два раза старше избранницы своего сердца. Но постепенно вполне уверяет себя, что влюблен в Софью, как не был влюблен еще никогда.

Несмотря на свое графское происхождение и писательскую известность, он застенчив, робок и неловок. Ему так хочется понравиться Софье, что однажды он берет оглобли и вместо лошади везет девушку на телеге. "...Завтра пойду как встану и все скажу, или застрелюсь... — делает он очередную запись в дневнике. — 4-й час ночи... Я написал ей письмо и отдам завтра... Боже, как я боюсь умереть. Счастье и такое, мне кажется невозможным". Нет, завтра он еще не осмелится сделать ей предложение. В это трудно поверить, но так было: граф боится, что ему откажут! Как свидетельствует Татьяна Берс (в замужестве Кузминская), Толстой был уверен, что он "отталкивающе дурен". (Что, впрочем, ему не мешало до женитьбы много раз влюбляться и иметь случайные связи с женщинами.) Когда же, наконец, Л.Н. в состоянии, близком

к обмороку, вручает Софье письмо-предложение (в нем он с обезоруживающей непосредственностью спрашивает влюбленную в него девушку: "Скажите, как честный человек, хотите ли Вы быть моей женой?"), в доме Берсов возникает замешательство. Граф со всеми сестрами был так любезен и учтив, так тщательно скрывал свое предпочтение, что родители до последнего момента были уверены, что он имеет виды на их старшую дочь Елизавету. Да она и сама, тоже влюбленная в Л.Н., нетерпеливо ожидала, когда же он, наконец, сделает ей предложение. И даже когда родители смиряются, что выдавать замуж сначала придется среднюю дочь и дадут свое благословение, родственники Берсов и Толстого, узнав о помолвке, бросятся поздравлять... Елизавету! "17 сентября, — описывает день помолвки Л.Н. — Жених, подарки, шампанское. Лиза жалка и тяжела, она должна бы меня ненавидеть. Целует". Недоразумение с Елизаветой происходит помимо воли Л.Н., но оно звучит как некое предостережение. Кто знает, сколько раз у новобрачных недобро екало сердце: как-никак, а на их счастье с самого начала легла тень Елизаветиной обиды...

Насчет недобрых предчувствий — вовсе не авторский, как кто-то может подумать, домысел. Перед свадьбой Л.Н. мечется, пристальнее, чем прежде, приглядывается к невесте. Теперь его одолевают "сомнения в ее любви", а в день свадьбы, по его собственным словам, он испытывает (это вместо счастья-то!) "страх, недоверие, желание бегства". Нет, сбежать Л.Н. не сбежал, но к венчанию сильно опоздал, заставив невесту и ее родных изрядно поволноваться.

Но вот все свадебные торжества позади. Граф поселяется с молодой (даже можно сказать юной) женой в своем родовом имении Ясная Поляна. И что же напишет в дневнике после первой брачной ночи? Среди прочего вот что: "Ночь, тяжелый сон. Не она."... Очевидно, из-за своей женской неопытности молодая (юная) жена не сразу понимает, что стоит за этими короткими, но сокрушительными по смыслу словами — "Не она". Во всяком случае, в ее дневнике они никакого отклика не получают. Зато через несколько лет признание героя-рассказчика из "Крейцеровой сонаты" в том, что он с первых недель после свадьбы "почувствовал, что пропал, что вышло не то", чего он ожидал, "что женитьба не только не счастье, но нечто очень тяжелое", вызовет у С.А. возмущение, как что-то касающееся лично ее, она яростно возненавидит эту повесть мужа, потрясшую весь мир своей неслыханной доселе откровенностью и мрачным взглядом на брак как таковой, и даже напишет что-то вроде контр-повести под названием "Чья вина?"...

Но если С.А. "не она", то кто же — "она"? Не ищите в дневниках Л.Н. прямых указаний на сей счет: их нет. Скорее всего, это для него самого было загадкой. Может, это язычески красивая, сильная Марьяна из его "Казачков"? (Как и многое в творчестве Толстого, эта повесть сугубо автобиографична.) Может, это соседка по имени девица Валерия Арсеньева, на

которой он хотел жениться да вдруг раздумал и поспешно уехал путешествовать по заграницам? Может, это утонченная аристократка камер-фрейлина Александрина Толстая — их отношения так и остались тайной для биографов Толстого? Наконец, это, может, молодая, пышнотелая яснополянская крестьянка Аксинья Базыкина не давала Л.Н. покоя в его “тяжелых снах”?.. Как бы там ни было, “она” или “не она”? — важнейший вопрос в жизни каждого мужчины, как и в жизни женщины — “он” или “не он”? Толстой был религиозным человеком, верил в бессмертие души и загробную жизнь, но вся его биография свидетельствует, что к этой жизни, ко всем ее радостям и страданиям он относился так же, как все простые смертные — будто она у него первая и последняя. Страстный искренний человек, он не скрывает от себя (и благодаря дневнику — от жены), что ожидал от брака большего. Довольно скоро в его дневнике появится (и будет живо подхвачено С.А.) выражение — “надрезы любви”. Оно обозначает первые, пока еще негромкие ссоры, о которых в известной пословице игриво сказано: “милые бранятся — только тешатся”... Года после свадьбы не пройдет, как Л.Н. в одном из своих писем Кузминской назовет С.А. “холодной фарфоровой куклой”...

И дневники С.А. в первые дни и недели замужества полны смятения и порой — отчаяния. Но, чтобы понять ее чувства, нужно пояснение. Желая начать семейную жизнь, как говорится, с чистого листа, Л.Н. перед свадьбой дал своей невесте почитать дневники молодых, холостяцких лет. С.А., прочитав их, словно бы навек отравилась стойким ядом ревности. “Он не понимает, что его прошедшее — целая жизнь с тысячами разных чувств хороших и дурных, которые мне уже принадлежать не могут. Точно так же, как и не будет мне принадлежать его молодость, потраченная Бог знает на кого и на что, — изливает она свою досаду и печаль через несколько дней после свадьбы. — И не понимает он еще того, что я ему отдаю все, что во мне не потрачено, что ему не принадлежало только детство...” Она ревнует мужа к его прошлому, и ничего не может поделать с этим. “Я с таким удовольствием смотрела на книжки, ружья, — признается она самой себе, еще раз перечитав в дневнике мужа то место, где он говорит о своей влюбленности в Аксинью Базыкину. — Один удар — легко. Пока нет ребенка. И она тут, в нескольких шагах...”

Что же? Замечательный писатель, несравненный знаток человеческой души Лев Толстой погорячился, взяв в жены красивую барышню Софью Берс? А она обманулась в своих чувствах к нему? Нет, если судить по их дневникам, все с точностью наоборот. О своем разочаровании друг другом они пишут лишь в дни размолвок и ссор. В остальные дни — они полны очарования! “Неимоверное счастье, — такую запись делает в дневнике Л.Н. вскоре после свадьбы. — Не может быть, чтобы все кончилось только жизнью”. “Только и есть муж, т.е. Левочка, который всё, в котором и заслуга моя, потому что я его люблю ужасно, — как бы вторит ему С.А., — и ничто мне не

дорого, кроме его". Когда-то Л.Н. писал Александрине Толстой, что сомневается, принесет ли ему семейная жизнь счастье. И вот теперь, женившись, он сообщает ей же: "Такое счастье есть и я живу в нем третий год". "Люблю его ужасно, — пишет С.А., ожидающая первого ребенка, — и это чувство только владеет мной, всю меня обхватило. Все больше его узнаю и все он мне милее". Почти в то же самое время, словно они списывают друг у друга признания в любви, мы находим у Л.Н. следующую запись: "Я ее все больше и больше люблю. Она так невозможно чиста и хороша и цельна для меня... Что-то мучает меня. Ревность к тому человеку, который вполне стоил бы ее. Я не стою".

У Толстого, как и у всякого человека, были свои слабости и даже недостатки. Но в нем не было и грана лукавства. И когда он писал: "Я не стою", он знал, что он имел в виду: в жены ему досталась женщина с редкими умственными и душевными качествами.

С.А. и вправду была изначально талантливой и своеобразной натурой. Ей еще нет восемнадцати, а она, почти что на одном дыхании, пишет повесть, прочитав которую Л.Н. (всегда весьма суровый и ревнивый критик) скажет, что нашел в ней "энергию правды и простоты". Ей перевалит уже за пятьдесят, как она вдруг увлечется живописью. И, к великому изумлению родных и близких, сделает отличную копию репинского (!) портрета Толстого. С юных лет любит и тонко чувствует поэзию. (К примеру, С.А. одной из первых в России по достоинству оценит чудесный поэтический дар Афанасия Фета.) До самозабвения любит музыку, по памяти исполняет на рояле ее лучшие образцы. (Лишь "Крейцерову сонату" по известным причинам терпеть не может.)

Словом, она вполне могла стать человеком творческой (скорее всего, писательской) профессии. Об этом говорят ее небольшие повести и рассказы, написанные на хорошем литературном уровне. Но судьбе было угодно свести ее со Львом Толстым. "Заниматься писательством подле Льва Николаевича было бы смешно", — это она поймет намного раньше тех, кто заподозрит ее в зависти и тщеславии. Да и захоти С.А. полностью посвятить себя литературе, где бы она для этого нашла время? Ведь с первых и до последних дней их совместной жизни она является первым редактором, первым корректором и переписчицей набело почти всех произведений Л.Н., написанных им после 1862 года. Кто хоть раз видел факсимиле толстовских черновиков, этот живописный кошмар многочисленных поправок, вставок и купюр, подчеркиваний и перечеркиваний, тот оценит поистине титанический труд не только самого Л.Н., но и его первой помощницы и советницы С.А. Довольно часто случалось, что переписав набело всю рукопись, она тут же получала от него новый вариант той же самой вещи! И что же? С.А. садилась вновь редактировать, переписывать рукопись набело, что называется, молча. И вот более чем наглядный пример их сотрудничества: после окон-

чательной отделки одного из романов из дома Толстых черновиков вывезли — полную телегу!..

Несравнимо уступая мужу в литературной одаренности, С.А. превосходит его в некоторых качествах. Например, в деловитости. Это при ней запущенное имение под названием Ясная Поляна достраивается и перестраивается, освобождается от накопившегося за многие годы мусора, при ней вокруг дома разбиваются цветочные клумбы и прочищается парк. (Любопытный факт. Переехав в Ясную Поляну, С.А. обнаруживает, что граф спит без простыней под ситцевым одеялом. Пришлось привезти постельные принадлежности из отчего дома.) Многим людям графиня Толстая запомнится решительной, стремительно шагающей по усадьбе женщиной в белом (ее любимый, как и слово "ужасно", цвет) платье с тяжелой связкой ключей на поясе от кладовых, чуланов, погребов. Роль литературного редактора она успешно сочетает с солидным огурцов по особенным рецептам, выпечкой диковинных пирогов, шитьем, вязаньем, руганью с ленивыми старостами, безалаберными управляющими, судебными тяжбами по поводу порубок принадлежащего Толстым леса местными крестьянами, приемом и устройством гостей и даже аудиенциями с царем и царицей с целью протащить всё написанное Л.Н. через рогатки цензуры... А ведь она еще и мать. Всего С.А. родит тринадцать детей. Пятерых из них, каждый раз сходя с ума от горя, она похоронит, остальных при почти полном участии Л.Н. в их выхаживании (воспитанием их он занимался, хотя не всегда успешно) она поставит на ноги, обеспечит им хорошее образование...

"Крупной личностью" назовет ее художник Л.Пастернак (отец поэта), хорошо знавший семью Толстых. Афанасий Фет с присущим ему оригинальным складом ума однажды напишет ей: "Дорогая Графиня, я не виноват, что я поэт, а вы мой светлый идеал..." И еще многие выдающиеся люди той эпохи отдавали должное ее острому уму, огромной силе воли, многогранной талантливости, а некоторые даже влюблялись в нее, из-за чего до болезненности ревнивый Л.Н. невыразимо страдал и по детскости своей натуры ничуть этого не скрывал. Был и такой эпизод в ее жизни: она влюбилась (правда, безответно), в композитора С. Танеева. И первым, кто об этом узнал от нее самой, был Л.Н.

Однако превыше всех и вся она любила мужа. На почве любви к нему С.А., доведенная до отчаяния либо ревностью, либо каким-то незаслуженным упреком Л.Н., не раз предпринимала попытки самоубийства. Когда глухой октябрьской ночью 1910 года Л.Н. тайком покинет семью с намерением никогда больше не возвращаться в нее, С.А. с горя и стыда бросится в ледяную воду пруда — ее едва успеют вытащить. Конечно, желание уйти из жизни, да еще в таком возрасте, скорее говорит о подорванном (или от рождения слабом) психическом здоровье, чем о любви или горьком чувстве покинутости. В то же время этот и другие ее из ряда вон выходящие поступки можно расценивать как ответы на вызов

судьбы. Да, ей выпадет быть женой великого человека. Тем не менее она не хочет (и не станет) живым приложением к нему. Как его жена, она была кем угодно, только не чеховской "душечкой". (Но вот парадокс: тип женщины, выведенный Чеховым в известном рассказе, вызовет у Л.Н., вопреки замыслу автора, не улыбку, не смех, а умиление — он увидит в "душечке" идеал замужней женщины!) Преклоняясь перед гением мужа, С.А., тем не менее, считает для себя возможным придерживаться иных, чем у Л.Н. взглядов на частную собственность, на дворянские привилегии ("Хранила фамильную честь!"), не во всем разделяет его отношение к церкви, к искусству (к концу жизни Л.Н. приходит к выводу, что оно есть грех), не одобряет и даже посмеивается над вегетарианством мужа ("Обратно, любила поесть") и еще задолго до возникновения феминистского движения настаивает на равных правах женщины с мужчиной. "Он стар и слишком сосредоточен, — с грустью и тревогой пишет она год спустя после свадьбы. — А я нынче так чувствую свою молодость, и так мне нужно чего-нибудь сумасшедшего. Вместо того, чтобы ложиться спать, мне хотелось бы кувыркаться. А с кем?" Много позже, когда С.А. уже будет зрелой женщиной и их разлад усугубится, она напишет в дневнике: "Корректировала сегодня "Крейцерову сонату" и опять тяжелое чувство, сколько цинизма и голого разоблачения человеческой стороны. И везде Позднышев говорит: мы предавались свиной страсти, мы чувствовали пресыщение, мы — везде. Но женщина имеет совсем другие свойства и нельзя обобщать ощущения, хотя бы половые; слишком разное к ним отношение мужчины и чистой женщины..."

Десятилетиями идет болезненная притирка, а порой настоящая война двух разных (правда, во многом и схожих) характеров, разных темпераментов, взглядов на жизнь и любовь. Но наступит время, и в дневнике С.А. появится признание, похожее на отчаянный крик: "Сила моего мужа сломала и убила и мою личность, и мою жизнь". В отношениях супругов год от года повышается градус нетерпимости и взаимного раздражения, все громче становятся их ссоры, которые иногда сопровождаются рыданиями обоих. Разуверившись найти общий язык с женой, Л.Н. все чаще пишет о том, что им лучше "расстаться". В то же время, кажется, понимает, что лучше женщины, чем С.А., он не найдет и, похоже, хочет с ней расстаться — не расставаясь...

Может ли быть падение одновременно взлетом? Супружеская жизнь Толстых показывает: да, может... Рождаются новые дети, укрепляется благосостояние семьи. Ясная Поляна становится (прежде всего благодаря С.А.) полной чашей и (прежде всего благодаря Л.Н.) одной из духовных столиц России, а затем всего мира. Дня не проходит, чтобы у Толстых не гостил кто-нибудь из известных людей, в ворота усадьбы стучатся люди, ищущие смысла жизни, добра, справедливости, а то и просто куска хлеба. И все это, несмотря на растущее

убеждение Л.Н., что идеал христианской жизни есть безбрачие...

Женившись, Л.Н. много работает как писатель и, пожалуй, столько же как помещик. Сегодня в это трудно поверить, но так было: в первые годы после женитьбы его охватывает азарт приумножения богатства! Он скупает земли, леса, заводит пасеки, выписывает и откармливает экзотических японских свиней, в паре с соседом-помещиком намеревается построить винокуренный завод. (Даже прагматичная С.А. осуждает эту его затею, как безразличную, но Л.Н., словно гипнотизированный своей целью, оправдывается тем, что завод будет поставлять барду для японских свиней.) "Если он не ест, не спит, не молчит, он рыскает по хозяйству, — замечает в своем дневнике С.А. — Любовь его ко мне выражается машинным целованием рук..."

Нет, накопление богатства не становится и не могло стать самоцелью Толстого: не той он породы человек. Бурной хозяйственной деятельностью он хочет, но не может развеять душевную смуту. "Я в запое хозяйства погубил невозвратно девять месяцев, которые могли бы быть лучшими, а которые я сделал чуть не худшими из худших в жизни, — признается он самому себе (и, надо полагать, С.А.) в дневнике. — Сколько раз я писал: нынче кончено. Теперь не пишу. Боже, помоги мне..." А вот строчки, обращенные непосредственно к жене: "Безумная ночь. Я тебя ищу, чем бы обидеть невольно. Это скверно и пройдет, но не сердись, я не могу не не любить тебя". В конце концов Л.Н. ужаснется и возмутится тем, сколько сил и времени он отдает хозяйству да так страстно рассердится, что его гнев на себя сначала переплеснется на жену, а затем и на брак как на таковой. Еще недавно уверявший Александрина Толстую, что счастлив в семейной жизни, он теперь пишет: "Ужасно, страшно, бессмысленно связывать свое счастье с материальными условиями — жена, дети, здоровье, богатство..."

Мысль о заведомой несчастливости любого, неудачного и даже в общепринятом смысле удачного, брака теперь будет все настойчивее звучать в его дневнике и письмах. А в его произведениях ("Крейцера соната", "Дьявол", "Живой труп" и др.) она будет — кричать! Не Толстой первым откроет, что со временем между мужем и женой возникают противоречия, но именно он первым из писателей покажет это с такой страшной в своей неотразимости правдой, что весь читающий мир содрогнется... Конечно, все более частые столкновения в семье (в том числе, и со своими взрослыми детьми, в особенности, с сыновьями) — не единственное, что питает безграничный пессимизм Л.Н. относительно брака, этому в немалой степени способствует и общая атмосфера той эпохи. Итог же таков: Толстой — и опять же первым из писателей и мыслителей — приходит к отрицанию не только брака, но и любовных отношений между супругами. Для обывателя это крайность, заскок гения, очевидная бессмыслица — как же, мол, тогда будет с продолжением рода человеческого? А для

личности такого масштаба, как Толстой, этот вывод был, пожалуй, неизбежным. Можно выразиться еще определеннее: скорее всего, Л.Н. был обречен на семейную жизнь как на тяжкое испытание. Обречен даже не столько свойствами своего характера (а он у него, право, был нелегким), не столько разницей в годах с С.А., сколько особенностями своей души и своего великого неповторимого дара. Ведь творчество, по словам одного поэта, это болезнь души, подобно тому, как жемчужина есть болезнь моллюска. Художник раздвоен, он живет сразу как бы в двух измерениях — в реальном мире со всеми его радостями и мерзостями, и в воображаемом, который для него подчас реальнее первого. Писателю трудно и в том, и в другом, но в реальном все-таки труднее, чем в воображаемом, где он творец всего и полный властелин. "Бываешь днями настолько выше себя обыкновенного и, наоборот, — гораздо ниже". "Выше себя обыкновенного" — это когда писатель выражает на бумаге то, чего в нем, как ему самому кажется, не было и быть не могло, а вот — получилось. (Все, конечно, знают, что выделывал и что выкрикивал Пушкин, написав "Бориса Годунова".) "Гораздо ниже" себя — это когда писателю не пишется, когда из-под пера выходит что-то вымученное, мелкое, бледное. И вот в такие минуты писатель раздражен невероятно, он может возненавидеть себя, близких, весь мир и, если ему покажется, что причиной его творческих неудач является семья, он, как это и случилось со многими художниками, уйдет из семьи. В черные дни депрессии Толстому не помогает ни его могучий ум, ни его острое чувство справедливости. Он становится мрачным, придирчивым, брюзгливым. Именно в такие дни он плохо понимает, зачем ему семья, дети, зачем все, когда он "гораздо ниже" себя. "Очень тяжело в семье... — это напишет в дневнике еще за четверть века до того, как навсегда уйдет из Ясной Поляны. — Как они не видят, что я не то, что страдаю, а лишен жизни".

Страдания писателя усугубляются тем, что вокруг себя он видит океан людского горя и вопиющей несправедливости. Не всегда и не всеми понятый дома, что только он ни делает, чтобы обрести душевную гармонию. Считая себя излишне богатым, а свою жизнь и жизнь своих домочадцев несправедливой, он готов хоть завтра раздать имущество, нажитое им самим и его предками, бедным и нищим, берется за плуг и пашет наравне с крестьянами, подшивает валенки беднякам (ужасно сердясь, что дети не следуют его примеру), возмущенный каким-нибудь беззаконием, бросает вызов властям, церкви, самому царю, наконец, завещает все права на свои сочинения в пользу нищих. Но из-за всех его смелых, прекрасных поступков и благородных порывов в яснополянском доме становится еще тяжелее. И чем сильнее отдаляется семья от Л.Н., (а он — от нее), тем больше вокруг него появляется людей, ценивших в нем не столько писателя, сколько проповедника и моралиста — их больше восхищает то, что он подшивает валенки, чем то, что пишет...

Временами он сознает (и при таком уме не мог не сознавать), что с ним происходит. Сохранился в шутку им написанный (но, как известно, в каждой шутке есть доля правды) "Скорбный лист душевно больных ясинопольянского госпиталя". О самом себе Л.Н. в нем написал следующее: "...Пункт помешательства в том, что больной считает возможным изменить жизнь других людей словами. Признаки общие: недовольство всем существующим порядком, осуждение всех, кроме себя, и раздражительная многоречивость, без обращения внимания на слушателей, частые переходы от злости и раздражительности к не натуральной слезливой чувствительности..."

16

Что же помогает Л.Н., несмотря на его глубокое убеждение, что жить так, как живет сам он и его семья, нельзя, продолжать жить и создавать один за другим литературные шедевры? Кажется, то и помогает, что окончательно порвать с прежней жизнью и начать новую он поручает людям, созданным его гениальным воображением. Уходит из благополучного, но смертельно скучного дома его прекрасная и трепетная Анна Каренина, уходит из семьи, а затем, не снеся душевных мук, уходит и из жизни его чистый, умный и несчастный Федя Протасов из "Живого трупа", преданный любимой женщиной, порывает с мирской жизнью гордый князь Касатский из "Отца Сергия"... Последним уйдет сам Л.Н. Уйдет старым, бесконечно усталым человеком, который все постиг на свете, всем хотел помочь, а для себя так и не смог обрести желанной свободы. (В течение многих лет он лелеет мечту жить одному в просторной избе с кадкой чистой воды и столом со стопкой писчей бумаги.) Все же и этот запоздалый порыв вполне в духе Л.Н., человека с необычайно сильным характером, привыкшего ставить перед собой цель и достигать ее чего бы это ни стоило. То, что его жена много раз делала с собой мысленно или не доводила до конца, он всего один раз сделает это, но — на самом деле, и своим уходом убьет себя...

Могла ли С.А. предотвратить раскол семьи, а затем уход и гибель Л.Н.? Вряд ли. Ведь она вступила в спор не просто с мужем, а, если так можно выразиться, с человеком-вселенной: величайшим писателем, философом, религиозным мыслителем, педагогом, просветителем, проповедником "непротивления злу насилием", решившим на самом себе проверить нравственные принципы своего учения о добре и зле, сколь великом, столь и противоречивом. При всей своей природной талантливости и недюжинном уме С.А. не смогла противопоставить Л.Н. ничего позитивного, кроме отстаивания интересов семьи.

Верно, поначалу она пытается быть с ним заодно. Занятая по горло домом и семьей, находит время для благотворительности, в голодные годы помогает Л.Н. спасти крестьян от верной смерти. Идя навстречу мужу, она даже позволяет ему привлекать дочерей к полевым работам, но, как истая

барыня, против того, чтобы они, уродуя руки, копались в навозе.

Но следовать мужу во всем ей не хватило ни сил, ни духу. Вековечный инстинкт жены, матери, хранительницы очага вынудил ее, в конце концов, стать в жесткую оппозицию к Л.Н. Она изо всех сил сопротивляется его настойчивому требованию раздать семейное имущество бедным и всем членам семьи вести скромную, трудовую жизнь наподобие крестьянской. С.А. опасается — и не без оснований, — что, чрезмерно увлекаясь ролью проповедника, Л.Н. перестанет писать, погибнет как художник, что ее многочисленная семья, привыкшая к обеспеченной дворянско-интеллигентской жизни, любой другой образ жизни не примет и перестанет существовать. Порой ее противостояние мужу на бытовом уровне перерастает и в политическое. "...Он мне гадок со своим народом, — с присущей ей запальчивостью напишет она однажды в дневнике, — ...он и я по разные стороны". В революцию 1905 года, когда в некоторых уездах крестьяне подвергают грабежу помещичьи усадьбы, Л.Н. склонен считать, что, совершая это, мужики исторически правы. С.А., напротив, нанимает специальных людей для охраны Ясной Поляны, чуть не с кулаками бросается на мужиков, явившихся вырубать березовую рощу, посаженную руками их страстного защитника — писателя Толстого...

Воюет она и с толстовцами. Все они так или иначе отвлекают его от литературных дел, один другого настойчивее претендуют на роль душеприказчиков, оттесняя С.А. на задний план и настраивая против нее Л.Н. И хотели они того или нет, но они во многом способствовали тому, чтобы в С.А. жену Толстого победила графиня Толстая: на многих из них она смотрит как на мелкую шпану... Но острие своего гнева она все-таки направляет на мужа. Поначалу сочувствовавшая его нравственным исканиям, теперь она проникается жгучей враждой и к нему самому, и к его учению, лихорадочно ищет повода, чтобы уличить Л.Н. в непоследовательности, непомерном тщеславии и т.п. (Вот строчки из ее дневника тех горьких лет. "...ест спаржу, и не ездит на телеге, а на резиновых шинах". "Насколько раньше, несколько лет тому назад, был Лев Ник. выше духовно настроен! Какое было стремление искреннее к простоте, к лишению себя всякой роскоши... Теперь он откровенно веселится, любит и хорошую еду, и хорошую лошадь, и карты, и музыку, и шахматы, и веселое общество, и снятие с себя сотен фотографий...") Увы, Л.Н., категоричностью своих суждений о том, что нравственно и что безнравственно, самого себя не раз заводивший в безнадежные тупики, почти каждодневно предоставляет озлобившейся жене обильный материал для ее желчных насмешек. Спасаясь от ее нападков, он все глубже уходит в себя, обществу жены, когда-то самого близкого друга и единомышленника, предпочитает общение со своими последователями, среди которых было столько же добрых и честных людей, сколько и кликуш и даже авантюристов...

Л.Н. однажды написал в дневнике: "Бывают дни, когда живешь как будто не по нашей воле". Что касается семейной жизни Толстых, то складывается впечатление, что не только дни, а целая вереница лет складывалась не по воле супругов. Они много пишут о том, как тягостны для них ссоры, обещают самим себе быть мягче, терпимее друг к другу. Но следом же идут записи о новых обидах и разочарованиях. Как и в первые годы совместной жизни, они пишут о своих отношениях чаще всего после каких-то тяжелых сцен. Но теперь они уже не ведут диалога между собой, каждый из них как бы произносит исполненный горечью монолог о том, как у него болит и плачет душа, как ему одиноко в доме, где полно детей, гостей. (Л.Н. в последние годы даже заводит "Тайный дневник" и "Дневник для одного себя". Это свидетельствует о том, что их "телефон доверия" прекратил свое существование.)

Правда, иногда в дневниковых строчках теплится надежда, что, может, еще не все потеряно — память о прекрасных днях молодости и любви живет в них. "У меня постоянные взрывы нежности и глупой сентиментальной любви к нему, — пишет С.А. в дни, когда их отношения, казалось бы, испорчены навек. — Когда я болела, он мне принес 2 яблока чудесных, и я семечки посадила на память о его столь редкой нежности ко мне. Увижу ли я, как взойдут семечки?". И Л.Н. в "Тайном дневнике" пишет о том, что как супруг он был верен ей всю жизнь, хотя С.А. к кому его только не ревновала... "Положение мое в доме становится, стало невыносимым, — признается он ей в прощальном письме. — Кроме дурного, я не могу более жить в тех условиях роскоши, в которых жил... Благодарю тебя за твою честную 48-летнюю жизнь со мной... Я люблю тебя и жалею от всей души, но не могу поступить иначе, чем поступаю..."

Да, они не всегда были властны над своими чувствами и поступками. Что-то роковое (и не только тень Елизаветиной обиды) довлело над союзом их сердец. Но кто знает, были бы они каждый порознь более счастливы и менее несчастливы, чем были, не сведи судьба их вместе? Кто знает, помогла бы не С.А., а другая женщина Толстому-мужчине (точнее говоря, его Левину из "Анны Карениной") прийти однажды к мысли, сколь похожей на безумие, столь же и на божественное откровение: что он — это она?!

Их, как струна, натянутые и грозившие порваться в любую минуту отношения измучили, истерзали их обоих. Но не забудем: браки совершаются не на земле, а на небесах. И брак Л.Н. и С.А. был совершен неспроста. Наиболее умные и наблюдательные друзья этой семьи понимали, что конфликты между Л.Н. и С.А. — не заурядная семейная драма, а растянувшаяся на десятилетия борьба двух незаурядных людей за недостижимый идеал отношений между женщиной и женщиной — настолько недостижимый, что стремление к нему часто приводило их к противоположному результату. Да и была ли это борьба двух людей — двух в полном смысле слова? "Я все-

гда боялся говорить с Вами о Софье Андреевне (мне иногда хотелось осуждать ее), — писал Толстому один из его друзей, — потому что я чувствовал, что между Вами и ею существует глубочайшая связь, какая может существовать между людьми, связь теснее, чем между детьми и отцом и матерью, смешение двух человек в одном...”

За несколько дней до ухода Л.Н. из дома С.А. записывает в своем дневнике: “Вечером я показывала Льву Ник. его дневник 1862 года, когда он в меня влюбился и сделал предложение. Он как будто удивился. А потом сказал: “Как тяжело!”...”

В этом признании Толстого — и боль за несложившуюся семейную жизнь, и сожаление о светлых днях любви. Подведена черта под всем, что было между ними. Что дальше? “Жизнь есть сон. Смерть — пробуждение. Смерть есть начало другой жизни”. Это его слова...

Когда Толстого похоронят в Ясной Поляне, в дом, где он родился и жил, со всех концов России хлынут люди. Один из них, студент, удивленно спросит свояченицу Л.Н.:

— Как, граф жил в такой простой обстановке?

— Вот, как видите, — ответит она.

— Так где же эта роскошь, про которую он говорил? — так ничего и не поймет студент.

В самом деле, каждый, кто бывал в доме-музее Толстого, долго удивляется тому, как просто жила эта семья: недорогая, без всяких вычурностей мебель, потертый кожаный диван, некрашенные полы... и книги, книги, книги. Таким было “влеколенное имение”. Л.Н. страдал от роскоши, которой не было. То же самое можно сказать и о его семейной жизни. Он и его жена смотрели друг на друга через увеличительное стекло высочайшей требовательности. И оба от этого невыносимо страдали. Их пригрезения друг против друга, если задуматься, были ничтожны по сравнению с тем, что он сделал в литературе, а она в том, чтобы все написанное им дошло до нас в целостности и сохранности...

Закончить этот рассказ хочется эпизодом прощания С.А. с Л.Н. на станции Астапово, где он, покинув дом и тяжело заболев в пути, сошел с поезда. Пока его организм боролся за жизнь, С.А. не пускали к нему — боялись, что она плохо повлияет на него. Пустили, когда он уже умер. И вот что, по словам С.А., произошло во время прощания с покойным:

— Я тихо шептала ему на ухо, что все время была здесь, что люблю его и нежно прощалась с ним... И вдруг выразительный глубокий вздох ответил мне. Это поразило окружающих. Опять я заговорила с ним тихо и нежно. Снова нечеловеческим усилием ответил мне такой же вздох, и все стихло навеки...

Что же можно сказать по поводу этих потрясающих минут расставания Софьи Андреевны Толстой со Львом Николаевичем Толстым? Да, пожалуй, то же самое, что и в начале нашего рассказа: не нам судить Толстых, не нам...

ДМИТРИЙ ШЕВАРОВ

”МЛАДШИЙ —

ВОВСЕ БЫЛ ДУРАК”

Голодные и неурожайные годы в России:

1371, 1429, 1518, 1533...,
1868, 1872, 1880, 1891,
1918-1921, 1930-1933, 1939,
1942-1945, 1947, 1949,
1953, 1963, 1972...

-ТРУДЫ ПО ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ-

Федор Левашов живет на свете тридцать два года, а крестьянству — тысячу лет. Что-то около этого. Полвена можно выкинуть на войны, партизанщину и всяческие схватки с внешним противником, да еще столько же — на солдатчину в мирное время. Оставшиеся без малого девятьсот лет род Левашовых пахал землю.

Есть вещи, которым его не учили, но руны вспомнили, и теперь он умеет то, чего не умел отец и забыл дед. Через их головы прямо от прадеда передалось. Федор может на спор, с завязанными глазами, управляться с лошастью, рубить дом, идти за плугом. Старинный ржавый плуг он нашел на свалке, принес домой, долго чистил. Соседи спрашивали: «В музей продашь?» А он с ним — в поле.

Федор родился в ностромской деревне в те времена, когда безземельные, ограбленные, униженные крестьяне уже научились на беду свою жить с пятнадцати, а то и с пяти соток личного хозяйства. Стали привыкать жить без лошади, с унынием и унысом глядеть на землю, как на проклятие. С конца шестидесятых по конец семидесятых в центральной России вымерли, разбегались, исчезли тысячи деревень. Целые поколения крестьянских детей растворились в городах, на великих стройках, в армейских батальонах.

Федор даже пацаном знал, что он будет землепашцем. Гордым сво-

бодным крестьянином. Почему он это знал — объяснить невозможно. Ему нужен был не огород, а только Земля. И так, чтобы взгляд не упирался в соседский забор или колхозную ферму. А чтобы он, Федор, мог выйти в поле и сказать, махнув рукой вдаль: «Вот моя земля — отсюда и до горизонта...»

Если бы ему нужен был лес, то он бы, конечно, уехал в Сибирь, в тайгу. Но ему нужна была земля и поэтому, как только демократические власти разрешили мечтать о своей земле, он стал ее искать. Да же забросил престижный ленинградский институт, куда поступил после армии. Обошел пешком и объехал на мотоцикле «Планета» всю Ностромскую область, но нашел свою землю только за Волгой, в Ивановской области. В двенадцати километрах от города Плеса местное начальство выделило ему, скрипя зубами, несколько клочков неудобий, истощенных судных полей.

Первое, что Федор построил, — это конюшню. Разгородил ее на две половины. В одну перевез лошадей, в другой жил первое время с семьей. У Федора — трое детей. Гриша, Ксюша и Нинита. Гришуля сейчас в третьем классе, Ксюша заканчивает первый, Нинитке — шесть, он еще во сне летает и очень достоверно об этом рассказывает.

Из конюшни они давно переехали, живут в доме, приткнушемся к склону горы Левитана — той самой, знаменитой, где больше ста лет назад так счастливо работалось Исааку Ильичу. Но дом — еще как бы временный, тесный для большой семьи, да и печки настоящей нет.

Жена Федора, Ира (сосредоточенно-грустная, излучная, тихая), робко сказала: «Мама не любит к нам приезжать, а как придет — все ругается на Федора. Вы, говорит, как цыгане живете...»

Ирина мама живет в Ялте. Там во времена флотской службы Федор

и нашел свою будущую жену. Ира занималась в балетной студии и он увидел ее на сцене...

За пять лет жизни в Плесе Федор срубил дома несолько своим соседям, построил штук пять бань — опять же соседям или дачникам, а до своего дома все руки не доходят. За эти годы ни он, ни Ира не имели ни единого выходного — поля, лошади, корова Доча, теленок, кролики. А ведь еще дети растут. Они, чем могут, помогают, но ведь маленькие пока.

Федор не читает газет, не слушает радио, у него никогда не было телевизора. Но тектонические, глубинные сдвиги он чувствует не хуе, а монет, и лучше аналитиков, напичканных информацией. Он чувствует, куда нас тащит и что может случиться. И поэтому он так торопится. Он выхаживает доставшуюся ему землю, нан земский врач выхаживал тянело больного — неотлучно.

А тащит нас пока только в одну сторону, считает Федор, — к голоду. Нам в городе при полных приливах трудно в это поверить. Угроза голода так осмеяна нашими политиками и журналистами, что и говорить о ней стало дурным тоном.

Вонруг же Федора картина совсем другая. За пять лет его фермерства разорились все колхозы в округе — их доби́ли цены на запчасти и горючее. Солярка стала дороже молока. Из семи фермеров, начинавших крестьянствовать одновременно с Федором, только один дернится на плаву. Плес, еще недавно один из туристских центров — теперь вымирающий городок с почти сплошь безработным населением. За девять месяцев прошлого года в Плесе сыграли всего восемь свадеб. Родились пятнадцать детей. Восемьдесят пять (!) пьесан проводили в последний путь.

По дороге к полям Федора, в трех километрах от Плеса, стояла когда-то деревня Левашиха. Те-

перь здесь два дома. Но зимой тут уже никто не живет. Пропадают и соседние деревни Горшково, Пеньки.

В Пеньках заведует клубом Альбина Александровна Жукова. Она рассказала мне, что нико сюда больше не возят, денег на подписку уже два года не дают, почту закрывают, магазин на днях дочиста ограбили и его, наверное, тоже закроют.

Альбина Александровна поправляет на голове платок.

— Хожу на кладбище, с папой говорю. В каких передрыгах он только не был, но всегда был веселый. А теперь я ему говорю: «Пап, ты если бы встал вот сейчас, увидел бы все это, то тут же бы умер... Он в семьдесят шестом году умер с верой в коммунизм...»

Пустыня вонруг Федора, пустыня. За ним бродят сельские бомжи. Он дает им работу, потом они исчезают, проливая то, что он им платит. В Левашихе Федор построил домин вроде приюта — для подростков, что прибились к нему. Он учит их управляться с лошадьми, дает подработать, кормит. Федор мечтает возродить Левашиху, но вот уже и колодец завалился, воды не достать и никто не верит, что здесь когда-то снова будет жизнь.

Многие злятся на Федора. Он здесь чужой, с того берега. Он по здешним меркам богат. И — что более всего раздражает несчастных людей — он хорош собой. И силен. Он фантастически силен и ни одному алкашу в округе никогда не захочется меряться с ним силой. Он любит красиво одеваться, в своем стиле — крупновязанные свитера, вышитые рубахи. Он умен. Он нравится женщинам, этот русский широкоплечий мужик с молочне-смешливым взглядом. Он — на коне, а в этом тоже есть что-то неотразимое.

Кроме того, у Федора в запасе — невероятные для нынешнего русского крестьянина добродетели: он

никогда не swearing, не курит, не пьет спиртного и не ест мяса. Раньше бы такого человека на выставку достижений народного хозяйства повезли, а сейчас ему ланостят по ночам. Он если чего и боится – так это неурожая, неудачи, долгов. Однажды он решил не брать в долг ни у людей, ни у государства, ни у частных баннов. Никогда. Может, потому он и держится, что весь его банк – в кармане штанов.

Федор живет как североамериканский поселенец времен освоения Дикого Запада – он должен быть готов в любую минуту выхватить из-за пояса кольт (которого у него нет). Он все время должен быть готов к тому, что все нанитое им в одночасье может быть разграблено – бандитами, бомжами, соседями, новыми или старыми властями.

Только после встречи с Федором я понял, что плохо представляю себе коллективизацию 20-х годов. Если распулчивали таних, как Федор Левашов, то какая же это битва была?! Нулан Федора тланет луда на полтора.

Два стьлых и солнечных октябрьских дня мы бродили с Федором по его полям или сидели в его тесном доме. И мне назалось, что Федору тесно не только в доме, но вообще тесно. Ему в жизни тесно, но трудно сназать, в каком времени ему было бы вольно. В прошлом вене его бы за бунтарский харантер вполне могли бы забрить в солдаты, а советские времена он непременно угодил бы в лагеря.

Мне хочетса, чтобы вы послушали рассказы Федора Левашова без моих пространных комментариев. Я не менял в них ни слова, только назвал их по-своему.

Рассназывает он обстоятельно, в охотну, а то вдрут сбиваетса, умалнает, но через минуту, со смехом: «Эх, простите, у меня голова сейчас урожаем занята, о чем я говорил?..»

Про деда

Мой прадед Федор был бурланом на Волге. Грузил баржи. То, что другие муники влятаром брали, он один носил. Дед мой Евграф войну прошел. И первую, и вторую, Отечественную – в пехоте, вернулся с именным орунием. Бабушна у меня до сих пор живая, ей 86 лет. Она не хочет уезнать из своего дома, живет одна. Баба Саня... Мы у нее нандрое лето гостили всегда. Я уже пять лет нигде не был – ни на родине, ни у нее. А она хочет посмотреть на меня, потому что я в деда. Когда я со слунбы пришел, она залпланала. Дед тоне залпланал: «Неужели я таной был?..» А она ему: «Да ты похож на него, а он на тебя, как две капли воды!»

После войны дед не потрафил районным властям. Они приезжали к нему на охоту. Места глухие, деревня Кошшино называется, Парфеньевского района Ностромской области. Вот в этом Кошшино прекрасные охотничьи угожья. На охоту всегда руководители деда брали, приказывали ему подготовать, затравить зверя – медведя или лосся. А потом деду надоело. Он сназал, что больше этого делать не будет. Тогда его соспали далено, за Урал. А у деда был брат Василий, он тоне прошел две войны и в Москве у них был знаомый генерал. Василий ему написал. Через две недели деда вернули на место. В девяностом году я получил телеграмму: умер...

Про бабушку

Я не помню, чтобы у нас в Мантуровском районе были замни. Это сейчас пошли эти огромные амбарные замни. Обычно приставляли посошон к двери и никто не захолил. А если и залез... Нан-то к нам забралса вор. Бабушна у нас одна дома, ланит на печи: ага, кто-то в пограбе

лезит. Она думает – кошна, говорит: брысь, брысь! А вор съел сметану и ушел.

Про начало службы

Меня в армии чуть не сразу послали в Хронштадт, на соревнования по гиревому спорту. В спортзале эти гири нидал-нидал... Я не устал, это судья устал считать: «Хватит-хватит, ты уже и так всех победил...»

Возвращаюсь в боцноманду. Там сидят годни. Они уже не сплунат. Если вино найдут, пьют и разведут в нубрине костер – собаку занарят. Был таной случай. Так вот захожу в боцноманду, они сперва: «Кто такой, откуда?» Землянов не оназалось. Где, говорю, тут люля свободная? Нойна то есть по-морскому. Мы тебе, говорят, покажем люлю. «Ты спать пришел на слунбу? У тебя полтора года не будет нинаного отдыха! Ты хоть что-нибудь умеешь?» И на железяки показывают. Две гири по 24 нилограмма. Я подхожу, беру одной рукой обе гири, раз так приподнял: «Достаточно?» Те: «Да-а».

Потом я пошел на бак, посмотреть мораль, а там сидят человек пятнадцать, курят. Один меня подзывает: «Ну-на принеси нам сигарету!» Какую сигарету, говорю. Я не курю и вам не советую. И все опять: «Борзый!» и сразу колотить меня навалились... Восемь человек оказалось за бортом, а меня посадили на 15 суток на губу. Вот начало слунбы.

Про оборону в Севастополе

Я был командиром отделения радиометристов поиска. Но звания мне не присваивали, был матросом как все.

За три армейских года я сто суток просидел на «губе». Из них 15 суток – в нарцере на хлебе и воде. Воды вот по колено и огромные крысы... Таких людей, как я, не

любят нигде. Их просто истребляют.

Дело было под Новый год, в Севастополе. Плавбаза подводных лодок «Волга». Я пришел туда сразу после учебного отряда. Один морячок сразу показывает мне на стопку робишек, рабочей одежки: «Иди стирай!» Я не понял, говорю: «Я слунить пришел или в прачни? Это чье?»

– Это годнов.

Годнами зовут тех, кто два с половиной года отслужил. Я сказал: «Пусть нандый за себя стирает. Это будет нормально. А эксплуатировать человека не надо. Человек – он таной, ему нужна свобода».

А экипаж на плавбазе был сильно забитый. Матрос спать не идет в свою каюту – боится, что его избыют. Так вот я отказался стирать. Через минуту приходят трое, у них слунба была уже по два года. Подходят и говорят: «О-о, это борзый, ага...» И бросаются на меня – бить. Но не тут-то было. Я их нладу в прямом смысле. Один попадает с переломом в медблок. Меня отправляют на «губу».

Про «Планету», на которой Федор искал землю

Вернулся из армии, услышал, что землю дают. Газеты пишут. У меня был мотоцикл «Планета», я на нем все ностромские места объехал – искал землю. Еду, вижу: деревня брошена. Я к председателю: «Хочу землю!» А он сидит, нос в потолок, не подступись. «Ну и что, – говорит, – а кто ты таной?» «Тан у вас же земля брошена стоит...» «Ну и что?»

В Унну приехал. Тоне ведь в газете расписали: есть работа, есть жилье, ждем добровольцев. Я – семью в охапну, приехал. Щитовые домини, мороз, а отопления нет. У нас уже был Гришутна маленький, груд-

ной. Все замерзает. Иду в райисполком, по дороге вижу – председатель идет. Я ему: «Вы сделаете отопление?»

– Да, скоро придет бригада...

– И весне?

На понравился ему мой разговор. Вижу, он нас насмерть заморозит. Уезжаем. Автобусов нет. Гололед. Я – на дорогу, попутку ловить. До Ностромы двести километров. Стою целый день. И вечеру ловлю машину, беру сверточек с Гришуткой, коляску – в нузов, сами в кабину. Снимаю в Ностроме комнату, иду землю опять, институт бросил. Ира все Ялту вспоминает – как там тепло...

«...А мне кажется, Плес чем-то похож на Ялту, – говорит Ира, – особенно вечером».

– Еще как похож! – смеется Федор.

Летом – те же огни на набережной, тот же уют городна, лежащего в укромной бухте. Правда, нет моря, белых огромных пароходов, духового оркестра у «Ореанды», магазина масандровских вин, «белой дачи» Чехова... Но зато есть музей Левитана, есть катерон «налоша», ранними осенними вечерами он скрашивает темное пространство Волги своим зеленым огоньком. Смотришь на него и кажется: все поправимо. Хочется верить, что вот сядешь на этот катерон и можно снова увидеть рядом тех, кого уже нет на этом бедном свете.

Смотришь, провожаешь зеленый огонек, плывущий сперва на карьер, там рабочий поселок, потом в деревню Сарново – и так во время, долгожданно повеет уже не прелью осенней, не рекой, не лесом, а печным дымом, чуть щечущим и веселым. Это зима... И вода в роднике отчаянно студена. После ночи в ведрах качается ледок, тихонько позвякивая.

Ира наливает нам по стакану шиповника: «Ялтинский, мама прислала...»

Федор рассказывает, я слушаю.

«...Было у отца три сына. Старший умный был детина. Это мой старший брат, он председатель сельсовета».

Средний сын – и так, и сяк, он коммерцией занимается.

Ну, а про себя я знаю: младший вовсе был дурак».

Иногда я слышу, как Ксюша вслух читает что-то по истории. «Вышли из Ниннего Новгорода не позднее 10 марта и шли через Балахну, Юрьевец, Нинешму. В Плес ополчение прибыло около 18 марта тысяча шестьсот двенадцатого года... Мам, а что такое ополчение?..»

Про то, как Федор дома покупал и детей от скверных слов отучал

В Ностроме разбирали дома на Рабочем проспекте – большие, хорошие, добротные дома, рубленные. Я шел как-то, смотрю: отличные дома, на селе таких нету. Во дворе – табличка: «ИЖН № 2». Захожу, спрашиваю: там у вас дома разбираются – с какой целью? Ага, будут строить девятиэтажный дом. Я говорю: «Понял. Можно ли купить ваши дома?» «А вы кто?» «Председатель кооператива. Давайте заключим договор. Я разберу дома, снесу фундаменты, подготовлю площадку, вы мне заплатите». По ручкам.

Шел 88-й год, свободных людей тогда не было, поэтому у меня бригада – одни уголовники. Я загоняю технику, бригада моя – как часы работала. Ни вина, ничего, будь здоров. Все удивлялись: с кем ты работаешь? Да с уголовниками. Вы же их выбросили на свалку, я подобрал. Как и эти дома.

Кооператив мой назывался «Всадники». Там дети в каникулы занимались верховой ездой, отучались от всяких матерщинных слов, от того безобразия, как они друг с другом в школе обращаются. Все лето говорили «спасибо», «пожалуйста», а пошли в школу — опять забываются.

Как Федор чуть не погиб

Я чуть не погиб в те времена, когда меня клевали сильно. Драло до того, что я не мог дышать, пить, есть. Сильно хворал. Простудился, пока лошадь спасал.

Жеребец у меня был чистокровный русско-орловский рысак. Красивой темно-вишневой масти, в яблоках. Хвост и грива — белые. Картина, не конь. Когда я уезжал в Нострому, он один остался на конюшне. И вот мальчишки приезжают ко мне и говорят, что твоего жеребца хотят заколоть мужики пьяные, бичи, которые там сплываются. И мне уж ничего не оставалось делать. Седло, уздечка — я туда. А поздняя осень, уже где-то минус пятнадцать, холодно, а это расстояние километров семнадцать. Шапку забыл, лечу на лошади километров шестьдесят в час, пригнулся к шее. Застудился. Жеребца спас, но захворал — гланды, ангина. А тут телеграмма, что дед умер. Я на машину. Еду с похорон, гаишник в Островском останавливает, требует документы, говорит: «Пьяный?» А я хриплю: «Ангина душит...» Он поначал головой: «С вами совсем плохо».

Дома но мне три раза вызывали «скорую», три раза они меня хотели забрать — я не еду. Температура сорок. На четвертый раз они мне сильно укололи что-то. Вшестером держали. Забрали в больницу. А там мне плохо, в палате зловоние, меня мутит, я в коридор — меня гонят. Я вижу, что тут людям помогают умереть. Дождался, пока сестры пошли

чай пить и ушел — в мороз, в тапочках. Иду пешком по снегу, смотрю — фургон какой-то стоит. Кладу руку на капот — теплый. Залезаю в кабину и еду домой. Мычу что-то отцу, собираю документы, ключи от своей машины, а через полчаса «скорая» приезжает, меня ищут. Отец говорит: «Уехал...» Они говорят: «Не может быть! У него сорол температура, летальный исход будет!..»

Я проехал тридцать километров, приехал к другу-десантнику. А его нет, жена дома. Она спрашивает: «Ты пьян?» Я на глотку показываю, мычу... Она неделю держала мою голову, а я хрипел у нее на софе. Я уже воду не мог пить. Но скоро гной стал отваливаться, я окип, только до сих пор еще слабенький, всей силы не набрался пока.

Про деньги

Я землю получил по указу Ельцина. Как-то ехал в автобусе в район-центр с Николаем Петровичем Травниковым, ученым из музея-заповедника. Он говорит: президент выступил про землю. Я чуть не спросил: а кто у нас президент? Я дошел вот до этого... Вчера ходил, собирал долги и там один старик на огороде кричит, что какой-то там Лебедь куда-то летает, чего-то организует, а Чечня теперь сама по себе... Я четко в жизни усвоил, что чем больше денег людям надо, тем больше будет вреда для них. Так и в Чечне. Только ребята наши погибшие в чем были виноваты?

Про страх и бесстрашие

Они мне отдали эту землю, потому что из нее все выкапали, отпиливали, как навоз. Сколько ее унатывали транторами, сколько насиловали, издевались. А я на землю — с лошадкой, я землю кормлю, чтобы она меня кормила.

В поле за мной из милиции приехали: на вас заявление пришло, ваши лошади энкологию в городе портят. Не дают допахать, от сохи забирают. Стоило мне заболеть на неделю – конную носилку перевезли бульдозером, трактор мой раскрутили, стройматериалы растащили, ятху тоже покурочили. Построил мост через канал, торф по нему вожу на поле, так они этим летом и мост поломали... Правда, теперь мне не смеются. Они видят, что у меня унос в четыре-пять раз больше, урожай выше, а у них совхоз разваливается, зарплаты полгода как нет, земли истощены, техника стоит без запчастей и новой у них не будет – вот и злятся. Только и ждут момента, чтобы раздолбать, растолтать меня. ГКЧП было, они руки ходили потирали.

А я ничего не боюсь. Отбоился. В 89-ом году, еще в Красном Селе, но мне пришли с цепями от пилы «Дружба». Я только приехал с леса, сину, ужинаю, а у меня в лесу гусеница полетела с трактора, я ее ремонтировал, она мне на плечо упала и рука отнялась. И вот я сину кожан кушаю, заваливает эта бригада. Время позднее, дом у нас на окраине был. Четыре человека, двое здоровые, двое-то не очень. «Мы знаем, что деньги у тебя есть». Цепь схватили и к горлу, меня прижали, а я ничего не могу, рука вообще не шевелится... Нороче, денег я им не дал. У Иринки были пятнадцать рублей последние в кошельке, так они из сумки вытащили.

Про то, как Федор начал пахать землю в Плесе

Когда я первый год выехал на лошадке пахать, такие выражения слышал: «Вот в космос летаем, а опять к сохе возвращаемся!» И в этом роде. И вот я все-таки пахал, несмотря на все насмешки. Смея-

лись многие, но они смеялись не от большого ума.

Тан издревле пахали. Я им наяву показал то, о чем и старики забыли. Я им дачные участки пахал руками. Запахал весной, нарезал гребни. Они посадили картошку, потом я онучивал. Урожай был отменный. Я брал десять тысяч с сотни. Транктористы – пятнадцать. А кому-то и в долг пахал. Врач Иван Ностин, у него семья трое детей, а ничего не получает полгода. Ладно, Иван, как деньги будут, ты со мной рассчитаешься...

А транкторист сел в трактор и жмет на педали, рычаги, коверкает землю, уродует.

Про государство

Я отказался от этого государства. Но сперва оно меня покинуло. Это было еще в 1989 году. Дане мыло по талонам только давали. А мне талоны не дают. Живу в Плесе, в прописан-то у меня костромская. И мне что приходилось делать? Беру машину, загружаю пиломатериалом, еду на базу наную-нибудь, продаю, загружаю машину круп, привожу и людям еще продаю.

Про налоги

С налоговой инспекцией я почему так поступил? Я пришел к ним и спросил: «Нание у вас налоги?» Она мне так грубо ответила. Я сказал: «Тогда никаких не будет». И ушел. Ничего не плачу. А она сидит там, даже фамилию не помню. Шлет мне нание-то бумажки, а я их, не читая – в мусор. Они меня не могут взять, потому что я в банке не существую. Я не кладу туда свои дененки.

Я три банка прошел – везде грабен. Когда нас собрали в земельном комитете первый раз и фермеры закричали: «Дайте технику, суды!», я сказал: «Муники, банки вас ограбят!» На меня стали возмущать-

ся и больше я на эти собрания не ходил.

Я никогда в жизни ни на кого не надеялся. Я не собираюсь с местными властями так сойтись, чтобы они меня за своего считали... Не надо, дайте только жить. Но как они все привыкли языками злыми чесать! Люди бы вместе трудились, если бы этого длинного поганого языка не было. А раз недоверие – душа замынается.

Про мафию

Это было осенью, позапрошлый год. Вот когда мода-то пошла стяжательством заниматься. Время позднее, вину: машина идет с фарами и прямо так к дому. А тут вокруг грязь непролазная, только на лошади, да на вездеходе можно проехать. Ну, думаю, значит, вездеход. У меня в акиурат бульдозер стоял на дороге. Его не объехать ни с той стороны, ни с этой. Лес кругом... Они выходят. Я спрашиваю: «Что?» Они прямо так: «Ивановская мафия».

Я говорю: «Документы спрашивать не буду, но близко не подходите. Стойте там...» «А что?» «У меня есть рунье».

Рунье я прихватил, встал за бульдозерным носом, а они тание наглые... «Ну, чего!» – кричат. А у меня рунье МЦ, пятизарядное, добавляешь магазин и оно восьмизарядное. Я один разок стрельнул вверх. Они меня спрашивают: «У тебя одностволон небось?» «Одностволон, – говорю, – одностволон...» И еще разок шарахнул.

«Мужини, – говорю, – я у вас ничего не занимал, ничего не должен вам, понятно? Можете разворачиваться и ехать спойной, пока я разрешаю, пока вы не нагубили, иначе вы можете не выехать отсюда. Тут закон – тайга, медведь – хозяин...»

Все, они уехали и я больше с ними здесь не сталливался.

Про то, как Федор торговал в райцентре

Поехал в прошлом году в Приволжск, мясо продавать. Подходят несколько. Один не очень высокий, коренастый, Саша его звали, спрашивает меня: «Нрыша есть?» Я говорю: «Нрыша? Нрыша... Ну, есть у меня нрыша».

– Надо, – говорит, – тогда братве отстегивать.

Братва... Ну и начинаю соображать, в чем дело. Братва – это кто, говорю? «Ну, те, которые у хозяина». «Так это, я представляю, в тюрьме, что ли?» Они переглядываются, смеются. Я говорю этому Саше: «А братва придет ко мне на поля помогать, да? Убирать? Копать чего-нибудь будет?» Он сразу на меня: «Борзый каной, а?..» А их шесть человек там. «Давай в сторону отойдем, – говорю Саше, – пару лансовых снажу».

Вот мы с ним и отошли в сторону. Саша, говорю, вот что тебе по-мунски снажу: будь вас тут рота целая – я вам копейки не дам. Я крестьянин. Сам паху, сею, убираю, людям продаю. Я человеку могу дать бесплатно. Вину, что женщине детей кормить нечем, так отрублю ей килограмм, другой. Этого не жално. А вот тание Саша подходят, я им сразу – неэтрэз.

«Ну, мы, – угрожает, – тебе сразу носеса прокалем и стенла выьем». Я говорю: «Пона я живой, ты этого ничего не сделаешь, Саша».

Я в жизни правду одну знаю: если ты простой, с людьми обращаешься нормально, не грубишь, не хамишь, помогаешь им – люди тебе спасибо снажут. А если ты вымогашешь, заставляешь силой себя уважать, то не дай Бог ты оступилшься где – тебя обязательно затопчут.

Вот так я с ними расстался. Главное, еще два милиционера подошли: «У вас есть разрешение на

торговлю в этом районе?» А тогда только появились эти буманки. «Вообще-то, — говорю, — я из леса приехал, не знаю ваших разрешений. Торговля там, где есть торговая площадь...»

— Тогда, чтобы эксцессов не было, вы отсюда уезжайте.

Ладно, с властью спорить не будешь. Завел машину, переехал на другое место, продал людям, только уже другим.

Про то, как Левашовым давали справку о том, что они есть на свете

Рассказывает Ира Левашова:

— Плес — это уже десятое место, где мы живем. Всего за шесть лет столько объехали... Хотела получить пособие на детей. «У вас кто муж — фермер? Дайте справку». Пошла за справкой в земельный комитет. «Ваш муж не принял Устав». То есть он не числится фермером. Счета у него нет, с банками он не работает. Я чуть не со слезами поехала в Приволжск, в райцентр, там сколько ходила, пока дали справку, что мы есть на свете.

Он хочет жить в своей стране так, как он хочет. И пахать землю так, как пахали предки. Страну гнут в одну сторону, а он не может гнуться. Не умеет. Но он может сломаться...

Когда я вернулся домой и беспомощно сидел с ручной над белым листом бумаги, мне стало казаться, что Федор, рассказывая о своей жизни, пытался мне донести что-то очень важное. А я этого так и не понял.

Я только понял, что в нем течет другое время. Не то, которое мелькает в телевизоре.

Я только понял, что он не очень хочет разбогатеть. Он хочет чего-то иного. Покоя и воли. Не указа о воле и не закона о покое. А вот самой воли — чтобы дышалось не тесно, не душливо. И — чуть-чуть покоя. Тайного. Упасть в поле, в траву, но так, чтобы пьяный тракторист не наехал.

Я думаю о нем с тревогой и ловлю себя на жалости.

Мне снится, как с Исюшей и Нинитой мы искали заблудившуюся корову Дочу. Всю гору Левитана облазили, а ее нет. Это было на самом деле в тот вечер, когда я узнал из Плеса.

Мы проводили солнце, нашли Дочу.

Потом прискакал Федор. Его недавний силуэт появился над домом, на горе. Так же с прямой спиной, как и в седле, Федор соскочил на землю, взял под уздцы Зарему и крупными шагами стал спускаться по тропинке к дому.

Фото ВЛАДИМИРА ЧЕЙШВИЛИ

✓
Нравственные качества справедливого человека вполне заменяют законы.

Менандр.

Рисунок ЛЮБА РЫБИНА

ФРИЦ ЛЕЙБЕР

ПОЛНОЧЬ В ЗАВЕРКАЛЬЕ

Большие настенные часы начали бить полночь. Джейк Нефандер посмотрелся в одно из двух зеркал, висевших друг против друга. Он каждый раз проходил между зеркалами, спускаясь с крыши собственного дома после того, как заканчивал обзор ночного неба в телескоп.

Мимолетный взгляд на свое отражение заставил Джейка остановиться и всмотреться повнимательней. Внезапно сильный порыв ветра, который влетел в разбитые решетчатые окна, наклонил огромную люстру с металлической отделкой. Люстра стала раскачиваться, словно маятник, и Джейка охватил страх. Ему показалось, что надвигается неведомая опасность.

Стоя между зеркалами, Джейк видел не одно свое отражение, а бесконечное множество. Причем каждое последующее было

Мистический рассказ

меньше и слабее предыдущего. И в каждом, кроме восьмого по счету, на него смотрело во мраке его собственное худое лицо изпод гладко прилизанных черных волос.

Однако в восьмом отражении волосы его выглядели растрепанными, а лицо было землистого цвета, с широко открытым ртом и круглыми от ужаса глазами. В восьмом отражении Джейк увидел позади себя черную фигуру. Рука, украшенная черной шелковой лентой, вытянулась и мягко легла на его отраженные в зеркале плечи. Джейк не видел всю фигуру, поскольку большая ее часть была скрыта за позолоченной рамой зеркала.

Выражение страха на отображенном восьмом лице было неподдельным. Джейк помахал рукой. Сразу же все отражения, кроме восьмого, повторили этот жест.

Пробило двенадцать.

Когда Джейк снова внимательно всмотрелся в зеркало, черная фигура рядом с ним исчезла. Теперь восьмое отражение выглядело таким же, как и все остальные. Все встало на свои места. Джейк еще некоторое время изучал зеркальную поверхность, пока не успокоился.

Спустившись вниз, он сел за пианино и принялся наигрывать сонаты Скрябина. Потом долго сидел над шахматными комбинациями из последнего турнира, пока не устал окончательно. Тогда он пошел спать.

Засыпая, Джейк несколько раз возвращался мыслями к тем странностям, что увидел в зеркале. Но все больше убеждал себя, что темная фигура была простым обманом зрения. Он ведь так долго перед этим смотрел на звезды. К тому же зеркала старые и не без дефектов. А тут еще эти прыгающие тени от раскачивающейся люстры...

Проснувшись утром, Джейк совершенно позабыл о ночных видениях в зеркале. Он вспомнил о них только ближе к вечеру, когда, возвратившись с прогулки, поднимался на крышу к своим телескопам и проходил по лестничной площадке между зеркалами. Понаблюдав за кометами, спутниками Земли, а также за созвездием Большого Пса, которое было окутано непонятной бледной туманностью, Джейк посмотрел на часы. Почти двенадцать. Он закрыл крышки телескопов, убрал инструменты и стал спускаться по лестнице. Остановившись на площадке, Джейк осмотрелся.

Ветра не было, и черная люстра с асимметрично расположенными лампочками неподвижно висела на длинной цепи. Тени падали ровно, а не кружились, как вчера. Все отражения в зеркале выглядели одинаковыми.

Однако Джейк медлил. Чего-то недоставало. А-а, боя часов...

Вот и первый удар. Напрягая уставшие глаза, Джейк продолжал всматриваться в свои бесконечные отражения. И... странное дело! Ему опять показалось, что он видит черную руку. Да и вся темная фигура теперь стала чуть заметней из-за золоченой рамы. Сосчитав отражения, Джейк убедился, что видение возникло не в восьмом, как в вчера, а в седьмом отображении. Пересчитать снова он не успел — с двенадцатым ударом часов аномалия исчезла.

Джейк задумался. Теперь он был склонен считать, что у него возникла зрительная галлюцинация, однако продолжал ощущать явную недоброжелательность, исходящую от темной фигуры.

В эту ночь он не играл Скрябина, а пытался размышлять над шахматными комбинациями. Свое мнение относительно галлюцинаций Джейк решил отложить еще на сутки.

Как ни странно, во всей этой истории чья-то недоброжелательность в наибольшей степени не давала ему покоя. Джейк не мог припомнить, чтобы кто-нибудь так к нему относился, ведь он был очень добрым по натуре человеком. Поскольку он унаследовал довольно приличное состояние, конфликты с кем-либо на почве денег исключались. В свое время Джейк был женат, имел двоих детей, но потом жена бросила его, а дети разъехались кто куда. Свои сбережения Джейк тратил исключительно на себя, на содержание большого старого дома, а также на свои увлечения астрономией, музыкой и шахматами.

Так кто же мог ненавидеть его? Профессиональные завистники? Но он уже давно не принимал участия в шахматных турнирах, ограничившись игрой по переписке. А в астрономические журналы писал все реже и реже, поэтому его наблюдения не могли вызвать научных споров.

Женщины? После развода Джейк надеялся завязать новые знакомства, однако привычка к одиночеству оказалась сильнее. Он оставил все попытки найти себе кого-либо.

Так чья же ненависть может преследовать его в зеркале?

Джейк задавал себе эти многочисленные вопросы, изучая комбинацию на шахматной доске: черная королева неотвратимо преследовала белого короля.

В следующую ночь Джейк подошел к зеркалам на лестничной площадке, когда пробило уже пять ударов. И снова перед ним предстало его охваченное ужасом лицо с зеленоватым оттенком — в шестом отражении, как он и предчувствовал... Черная фигура тоже была здесь, но теперь Джейку удалось разглядеть, что ее лицо скрыто маской. Полностью рассмотреть лицо мешало легкое мерцание, весьма походившее на бледную туманность, окутавшую созвездие Большого Пса в телескопе...

В эту ночь Джейк полностью изменил своим привычкам. Он не дотронулся ни до пианино, ни до шахмат, а просто лег спать. Однако пролежал с открытыми глазами всю ночь и добрую часть утра, размышляя над загадочными явлениями в зеркале.

За это время несколько интересных мыслей пришло ему на ум. Он и раньше, оказывается, замечал странности в зеркальных отображениях. Но просто не придавал им значения и не забивал ими голову, как сейчас. Когда он бросал взгляд на свои бесконечные отражения, возвращаясь по ночам с крыши, некоторые зрительные аномалии в глубине зеркального лабиринта отчасти забавляли его, отчасти вызвали мимолетное желание разобраться в них поподробнее. В нем просыпалась страсть математика.

Итак, когда стоишь между двумя параллельно расположенными зеркалами и смотришься в одно из них, то видишь сначала прямое отображение своего лица, затем — затылка в зеркале

сзади. Второе отражение лица просматривается чуть хуже. Потом опять отражение затылка. И так далее.

Это значит, что восьмое отражение, увиденное им в первую очередь, было на самом деле пятнадцатым. Ведь он считал только отражение лица. О, зеркальный мир! Ты прекрасен!

Кроме того, в каждом последующем отображении размеры лица становятся все меньше и меньше. Джейк измерил расстояние между двумя зеркалами на лестничной площадке — почти три метра. Он рассчитал, что восьмое отображение должно находиться на расстоянии около 35 метров. Совсем на уровне маленького чердачного окошка противоположного дома...

Джейка забавляла мысль о том, чего могли бы добиться все его отражения, если бы их усилия можно было бы объединить. С их помощью Джейк Нефандер мог бы стать пианистом с мировым именем, известнейшим астрономом или шахматистом...

Это размышление пробудило в нем почти забытые мечты, и он совершенно позабыл об опасности, таящейся в черной фигуре. Ему следовало вернуться от мечтаний к реальности, что он и сделал весьма неохотно.

Итак, Джейк убедился, что на практике мог видеть намного больше своих отображений, чем теоретически. Он обнаружил, что при хорошем освещении, если только заменить все сгоревшие лампочки в люстре, он сумел бы различить по крайней мере десять или двенадцать отображений собственного лица. Последующие тускнели и пропадали в серой пелене.

Подводя итоги, Джейк решил для себя, что ему все-таки трудно установить точное количество отражений — глаза уставали от однообразия, и он мог сбиться со счета. Почему же он был так уверен, что заметил странности сначала в восьмом отражении, а в последующие ночи — в седьмом и шестом? Разве аномалия может приближаться? Скорее всего, это был лишь плод его богатого воображения, нечто вроде туманности в созвездии Большого Пса...

Джейк задался целью насчитать как можно больше отражений в спокойной обстановке. Он принес свой самый лучший бинокль и, установив рядом с ним свечу в качестве источника света, принялся считать отображения светового пятна. Как и предполагал, дальнейшие отражения после пятнадцатого терялись в туманной дымке и исчезали. Джейк уже было решил принести с крыши телескоп, но почувствовал себя слишком усталым.

Несмотря на это, настроение его улучшилось. Впервые за многие годы он открыл новую, захватывающую воображение теорию. Хотя наука об отражениях не похожа на музыку, астрономию или шахматы, это был ни на что не похожий, параллельный мир загадок. Джейк с волнением думал о том, что ему предстоит увидеть в дальнейшем. Только бы феномен вообще не исчез...

В следующую ночь, без одной минуты двенадцать, Джейк уже стоял на лестничной площадке. Как только раздался первый удар часов, изменилось пятое отражение. Черная фигура, как он и рассчитывал, находилась теперь на расстоянии 21 метра и немного увеличилась. Лицо, как и раньше, прикрывалось вуалью,

а тонкая рука на плече Джейка была в перчатке. Внезапно он понял, что перед ним женщина.

В эту ночь Джейку опять не спалось. Он думал о женщинах — о том, что, в конечном итоге, всегда избегал их. Может быть, Черная Леди — некий обобщенный образ, призванный отомстить за слабость его характера? Внезапно Джейк вспомнил, что совершенно позабыл об одном своем давнем знакомстве. Когда в следующую ночь часы пробили полночь, и женская фигура исчезла, он произнес вслух имя: Нина Фасинери.

Это случилось десять лет назад. Мисс Фасинери была высокой худощавой брюнеткой с тонкими губами, которые она постоянно облизывала кончиком языка. Она двигалась с изяществом пантеры, при этом можно было слышать легкий шелест ее шелкового платья.

Нина Фасинери пришла к нему за советом, поскольку решила заняться музыкой. Она была актрисой, но, как выяснилось, выступала лишь несколько раз за летний сезон на Бродвее. Джейк довольно быстро определил ее возраст — не намного моложе его. Ей уже приходилось красить волосы, а некогда гладкая кожа была покрыта легкими морщинами. Ее музыкальные знания оказались элементарными.

Вскоре Джейк понял, что ее больше интересует он сам, нежели его музыкальные советы. Она уже была готова на любовное свидание — либо в ресторанчике какой-нибудь гостиницы, либо прямо здесь же, в его доме. Нина ему нравилась, но ее жадность и безрассудность пугали и настораживали Джейка. Иногда ему казалось, что она даже принимает наркотики.

В итоге Джейк вежливо, но как-то холодно и твердо стал отвергать ее попытки сделаться его любовницей и, в конце концов, указал ей на дверь.

На следующий день он прочел в газете, что Нина покончила с собой. Сначала он сильно переживал, поскольку чувствовал себя виновным. Но потом отнес этот случай к неблагоприятному стечению обстоятельств, к року, и успокоился. С течением времени Джейк совершенно позабыл о Нине Фасинери.

Сейчас он почему-то вспомнил, что Нина носила темно-зеленые перчатки и шелковое платье такого же цвета. Еще он припомнил, что вырвал статью о ее смерти из газеты, и сразу принялся искать ее. Когда уже начало светать, Джейк обнаружил пожелтевшую от времени вырезку в одном из сборников Шопена.

БЫВШАЯ АКТРИСА ПЕРЕДЕЛАСЬ ДЛЯ СОБСТВЕННЫХ ПОХОРОН —

прочитал он заголовок статьи.

“Как сообщил лейтенант полиции Бен Дэвид, прошлой ночью очаровательная Нина Фасинери, игравшая на Бродвее три года назад, повесилась в своей комнате, которую снимала на Вейвери Плейс. На ее туалетном столике был найден кошелек с 87 центами. Она не оставила ни дневника, ни записки. Как сообщила домовладелица Эльвира Винтерс, обнаружившая тело в три часа ночи, причиной самоубийства актрисы послужила депрессия.

39-летняя Нина Фасинери была одета в черное шелковое вечернее платье, включая вуаль и длинные перчатки. Она опустила шторы на окнах и зажгла в комнате все освещение. Именно этот ослепительный свет посреди ночи и привлек внимание домовладелицы.

В небольшой комнате с высоким потолком тело мисс Фасинери висело на бельевой веревке. Стул был перевернут. Врач Леонард Белстрем определил, что смерть наступила от удушья около полуночи.

Вот что рассказала нам миссис Винтерс:

“Она висела между двумя зеркалами – стенного шкафа и трюмо. Горел ослепительный свет. Ее тело бесконечно отражалось в обоих зеркалах. Это напоминало театр, но было ужасно. Когда я дотронулась до нее, мисс Фасинери была уже холодной”.

Дочитав статью, Джейк Нефандер покачал головой и нахмурился. Затем достал карту города и измерил расстояние между комнатой, которую снимала Нина Фасинери, и своим домом – 11,5 миль...

Он сосчитал, сколько времени прошло со дня смерти Нины: 10 лет и 101 день. Если бы она проникла в мир зеркал в момент своей смерти и двигалась бы к его дому, как делала это за последние пять ночей, переходя из одного отражения в другое, то за 10 лет и 101 день прошла бы 18317,7 метров, или одиннадцать с половиной миль...

38 Джейк долго ломал голову над тем, почему в мире зеркал человек за сутки проходит такое маленькое расстояние. Это должно зависеть от расстояния между двумя зеркалами отправления и двумя зеркалами прибытия. Потом Джейк решил, что человеку в каждом отражении необходимо найти определенную дверь, чтобы двигаться в нужном направлении. А сделать это за сутки, когда дверей бесконечное множество – задача не из легких...

Он также задумался над тем, почему именно у Нины Фасинери хватило сил и желания блуждать в зеркальном лабиринте, направляясь к нему, в течение десяти лет? Причиной тому должно быть их недолгое знакомство. И... любовь? Но разве Нина любила его? Ему всегда казалось, что она разыгрывала перед ним какую-то комедию.

В следующую ночь Джейк увидел черную фигуру в третьем отображении. И сразу же узнал приятное худощавое лицо Нины, прикрытое вуалью. Как он мог не узнать ее раньше? Нина как-то загадочно, с полуулыбкой, смотрела на него. Собственно-го отражения Джейк уже не замечал. Взгляд его был прикован к лицу Нины. Долгие годы, прожитые в одиночестве, внезапно навалились на него. Почему он не осознавал раньше, что все это время надеялся, что кто-то должен найти его. Он ведь никогда не покидал свой старый дом, словно ожидая появления кого-то...

Джейк понял, что любил Нину. С этой самой мимолетной встречи. Если бы только она сейчас пошевелилась, он бы услышал шелест ее шелкового платья...

Пробило двенадцать. Впервые за долгие годы Джейк ощутил горечь утраты.

... В течение трех следующих ночей Джейк Нефандер был счастлив. Он полностью отдался во власть своих увлечений — вдохновенно играл Моцарта, Бетховена, Шопена, Скрябина, Скарлатти; с азартом размышлял над шахматными комбинациями Нимцовича, Алехина, Ласкера, Капабланки; наблюдал за любимыми созвездиями — Рака, Большого Пса, Плеядами... Джейк даже открыл несколько новых туманностей.

Иногда его мысли блуждали по коридорам зеркального лабиринта, по бесконечным комнатам и залам с прозрачными стенами. Потом он снова возвращался мыслями к Нине и их странным взаимоотношениям: два атома встретились во вселенной среди триллионов им подобных. Неужели, чтобы любовь возникла, нужно десять лет? Или только десять секунд? И то, и другое, подумал он.

Временами Джейка охватывал страх — он начинал во всем сомневаться. Нина Фасинери могла быть воплощением ненависти, некоего черного паука в зеркальной сети. Она, в сущности, была для него загадкой, несмотря на то, что ему казалось, будто он прекрасно ее знает. Джейк не находил себе места, и у него мелькнула мысль: не сходит ли он с ума?

Как бы то ни было, к каждой полуночи Джейк теперь одевался с особой тщательностью: черный костюм, белоснежная рубашка, аккуратно повязанный черный галстук. Ему было приятно, что цвет его костюма совпадает с цветом платья Нины.

Наконец Джейк обнаружил две черные фигуры в первом отражении. Он рассмотрел свое лицо на расстоянии полутора метров. Выражение ужаса совсем исчезло — Джейк улыбался. Рука Нины Фасинери в черной перчатке лежала на его плече. Черные пальцы слегка дотрагивались до белоснежного воротничка рубашки.

...Следующей ночью поднялся сильный ветер, хотя небо было безоблачным. Звезды в телескопе мерцали как-то по-особенному. Джейк давно не помнил такого ветра — казалось, он все усиливался. К одиннадцати Джейку стало невозможно находиться на крыше, и он открыл дверь, чтобы спуститься по лестнице.

Люстра почему-то не горела, и Джейка охватило ужасное волнение. Он ощущал, что вот-вот выпрыгнет в пространство, и ветер унесет его в космос...

Джейк начал спускаться по темным ступенькам. Он весь дрожал от холода. Внезапно внизу раздался треск и грохот. Джейк пошатнулся, схватившись за стенку. Его пальцы дотронулись до какой-то абсолютно гладкой поверхности. Это было стекло. Вдруг он услышал хриловатое дыхание и шелест шелка. Тонкие руки обняли его, и к нему прижалось женское тело. Холодные губы встретились с его губами. Джейк ощущал в руках гладкость шелка.

Кругом царил полная темнота. Часы били двенадцать. Рука нежно гладила его спину, пальцы слегка касались шеи. Пробил

последний удар. Пальцы начали с силой сжиматься и схватили его за воротник. Другая рука начала затягивать галстук. Чудовищная боль пронзила голову и полностью поглотила Джейка.

Через четыре дня полицейский, проезжая в полночь мимо дома Джейка Нефандера, при свете фар увидел в окне мертвое тело, висевшее на люстре, над лестничной площадкой.

Полицейский доложил о состоянии тела — оно было зацеплено воротником и галстуком за железные крючки люстры. Но он не занес в протокол то, что увидел в зеркале на лестничной площадке: множество отражений собственного потрясенного лица, а в четвертом отражении — еще две черные фигуры. Они держались за руки и смотрели на него, широко улыбаясь. Одна из них была фигурой Джейка Нефандера, который выглядел намного моложе своего возраста. Другая — фигурой женщины в черном, верхняя часть лица которой была прикрыта вуалью...

Перевод с английского МАКСИМА ДРОНОВА.

✓
*Мы оставим сей мир таким же глупым и таким же
злым, каким мы нашли его при своем появлении.*

Вальтер

БЕЛЛА АХМАДУЛИНА

Александрю Блоку

*Бессмертьем душу обольщая,
все остальное отстраняя,
какая белая, большая
в окне большичном ночь стоит.*

*Все в сборе: муть окраш, гавань,
вдохнувшая морская близь,
и фрезит о герое главном
собрание действующих лиц.*

*Пойдем ли то, что разыграют,
покуда будет ночь свежеть?
Из умалчаний и загадок
составлен роковой сюжет.*

Тревожить имени не стану,
чей первый и последний слог
непроницаемую тайну
безукоризненно облек.

Все сказано – и все сокрыто.
Совсем прозрачно – и темно.
Чем больше имя знаменито,
тем неразгаданней оно.

А это, от чьего паитья
туманно в сердце молодом, –
тайник, запретный для открытья,
замкнувший створки медальон.

Когда смотрел в окно вагона
на вспышки засух торфяных,
он знал, как грозно и огранно
предвестье бед, и жаждал их.

Зачем? Непостижимость таинств,
которые он взял с собой,
пусть называет чужестранец
Россией, фатумом, судьбой.

Что видел он за мглой, за гарью?
Каким был светам упоен?
Быть может, бытия за гранью
мы в этом что-нибудь пойдем.

Все прозорливее, чем гений.
Не сведущ в здравамыслье зла,
провидит он лишь высь трагедий.
Мы видим, как их суть низка.

Чего он ожидал от века,
где все – надрыв и все – навзрыд?
Не снесший пошлости ответа,
так бледен, что уже незрим.

Исхавший мук, одну лишь муку:
не петь – поющий не учел.
Вослед замученному звуку
он целамудренно ушел.

Приняв брезгливые проклятья
былых сподвижников своих,
пал кротко в лютые объятия,
своих убищ благословив.

*Поступок этой тихой смерти
так совершенен и глубок.
Все приживается на свете,
и лишь поэт уходит в срок.*

*Одно такое у природы
лица. И остается нам
смотреть, как белой ночи розы
все падают к его ногам.*

ДВОРЕЦ

*Мне во владенье дан дворец из алебастра
(сталов дебелых строй становится палней,
каль возвести в уме, для общего баланса,
виденье над-морских, надземных пропелей).*

*Я вдвинулась в портал, и розных двух диковин
взаимный бред окреп и затвердел в уют.
Оврага храбрый мрак волзег на подоконник.
Вот-вот часы внизу двенадцать раз пробьют.*

*Ночь – вотчина моя, во дне я – чужестранец,
молчу, но не скромна в глазах утайка слез.
Сословье попляхов, для суесловья трапез
содвинувшее лбы, как Батюшков бы спес?*

*К возлюбленным часам крадусь вдале коридора.
Ключ к мертвой тайне их из чьей упал руки?
Едины бой часов и поступь Командора,
но спящих во дворце ему сухи грехи.*

*Есть меж часами связь и благородной группой
предметам наверху: три кресла, стол, диван.
В их времени былам какой гордец угрюмый
колена преклонял и руки воздевал?*

*Уж слышатся шаги тяжелые, и странно
смотреть – как хрупкий пол нарядно навощен.
Белей своих одежд вы стали, донна Анна.
И Батюшков один не знает, кто вошел.*

*Новехонький витраж в старинной есть гостиной.
Моя игра с зарей вечерней такова:
лишь испечет стекло рубин неугасимый,
всегда его краду у алого ковра.*

Хватаю – и бегу. Восходит слабый месяц,
Остался на ковре – и поправ изумруд.
Но в комнате моей он был бы незаметен:
я в ней тайком от всех держу овраг и пруд.

Мне есть во что играть. Зачем я прочь не еду?
Все длится меж колонн овражный мой постой.
Я сведуща в тоске. Но как назвать вот эту?
Не Батюшкова ли (ей равных нет) тоской?

Вспомнила стихи, что были им любимы.
Сколь кротко перед ним потупилось чело
счастливого певца Руслана и Людмилы,
но сумрачно взглянул – и не узнал его.
О чем бишь? Что со мной?

Мой разум сбивчиве, жарок,
а прежде здрав бывал, смеллив и незлобив.
К добру ль плуствует он средь колоннад и арок,
электики бальной возлятье возлюбив?

Кружится голова на глиняном откосе,
белясины прочны, да воли нет спастись.
Изменчивость друзей, измена друга, козни..
Осталось: "Это кто?" – о Пушкине спросить.

Все-пошлость такова, – ты лучше лоб потрогай, –
что из презренья к ней любой исход мне гожа.
– Ты попросту бальна. – Не боле, чем Петроний.
Он тоже во дворец был рабозетно вхожа.

И воздалось дворцу. – Тебе уж постелили. –
Возможно дважды жить, дабы один лишь раз
сказать: мне сладок яд, рабы и властелины.
С усмешкой на устах я покидаю вас.

Мои овраг и пруд, одно неоспоримо:
величью перемен и превращений вспять
лоб должен испарять истому аспирина,
осадок же как мысль себе на память брать.

Закат – пора идти за огненным трофеем.
Трагедии внутри давайте-ка шалить:
измыслим что-нибудь и ошупью проверим
явь образа – есть чем ладони опалить!

При кресла, стол, диван за ловлею рубина
участливо следят. И слышится в темне:
вдруг вымыслам своим, и только, ты любима?
довольно ли с тебя? не страшно ли тебе?

Вот дерзок почему приглед дворцовой стражи
и челядь не таит ухмылочку свою.
На бал чужой любви в наемном экипаже
явилась, как горбун, и, как слепец стою.

Вдобавок, как глупец, дня расточаю убыль.
Жив на столе моем ночей анахорет.
Чего еще желать? Уж он-то крепко любит
сторожский силуэт: висок, зрачок, хребет.

Из комнаты моей, тенистой и ущельной,
не слышно, как часы оплакивают день.
Неужто — все, мой друг?
Но замкнул круг ущербный:
свет лампы, пруд, овраг. И Батюшкова тень.

Фото В. КУПЧИКОВА

ИГОРЬ ЗОЛОТУССКИЙ

БОРВАВШИЙСЯ ЗВУК

ОТ РЕДАКЦИИ.

В апреле 1990 года «СМЕНА» опубликовала главу романа Владимира Максимова «Семь дней творения».

После долгих лет запретов и хлы произведений писателя-изгнанника возвращались на родину.

Наша публикация была одной из первых в этом ряду. Вновь имя Максимова появилось среди авторов «Смены» спустя два года - на этот раз горькие размышления о российской интеллигенции.

Маленький штрих: Максимов отказался получить гонорар за свои работы: пресса в России переживает нелегкие времена, и он хотел так нам помочь.

В музыке есть разные определения темпа и силы звучания мелодии. Есть темп и сила умеренные, плавные, тихие, есть взрывчатые, громкие, нарастающе-быстрые. Одним словом, есть *piano* и *forte*, что в музыкальном словаре обозначается, как "громко, сильно, в полную силу звука". Именно с *forte* я бы и сравнил жизнь Владимира Максимова. Он жил в полную силу звука. Когда я говорю "жил", мне хочется сказать: "мы жили", ибо родились мы с ним в один год, в один месяц и почти в один день: он 27, а я 28 ноября 1930 года.

Все на небесной карте России в те дни указывало на кровь. Осенью 1930 года начался процесс над Промпартией. Деревню уже выкосили - теперь пришла пора разделаться с инженерной интелли-

генцией. 16 октября в "Известиях" была напечатана статья Горького "Об умниках". В ней задавался кровожадный вопрос: "Надо ли вспоминать о людях, которые исчезают из жизни медленнее, чем следовало им исчезать?" 14 ноября – после публикации обвинительного заключения по делу о вредителях-инженерах – всю первую полосу перекрыла шапка: "Требуем расстрела пособникам интервенции!" На экстренном собрании работников искусств режиссер А. Довженко заявил: "Потребуем запретить им дышать!" 15 ноября появилась новая статья Горького, подведшая итог всенародным воплям о возмездии, – "Если враг не сдается – его истребляют". Именно так называлась она при первой публикации в газете. 25 ноября в тех же "Известиях" разродился стихами Сергей Городецкий:

*Из нор вредительства,
из зарубежных ям,
из дыр поповства,
из кулацких гнезд
капканы хищные
снешат расставить нам,
но рвет капканы
наш дозорный пост.*

48 "Дозорный пост" – это, естественно, ОГПУ, которое восторженные работники искусств (среди них Шкловский, Пудовкин, Таиров) за его заслуги перед Отечеством потребовали немедленно наградить орденом Ленина. Передовая статья в "Известиях" в день моего рождения заканчивалась словами: "Страшен сон, да милостиво ОГПУ".

Мы родились в эпоху бесправия и расправ и, может быть, потому ничего так не желали в своей жизни, как остановить насилие. Нам казалось, что литература тоже может помочь этому.

Как и многие из нас, Максимов начинал в газетах. Он печатал в них статьи и очерки, и даже стихи. Одно из таких стихотворений, где в положительном смысле упоминалось имя Сталина, было извлечено из подшивки перестроечным "Огоньком" и представлено читателю вместе с портретом молодого Максимова. Это был превентивный удар по тем, кто, по возвращении на родину, захотел бы предъявить права на свою чистую биографию. Оставшиеся в СССР и подличавшие в свое время интеллигенты боялись таких людей, как Максимов, и им нужно было, чтобы обелить себя, если не замарать, то хотя бы отчасти запачкать их. Так и поступил редактор "Огонька" В. Коротич, писавший антиамериканские романы, а потом сделавшийся заклятым западником. Он-то перешел в новую веру из корысти, а Максимов, которому во время написания злосчастного стихотворения едва ли было 20 лет, никакой выгоды из почтения к Сталину не извлек. Это столкновение главного редактора "Континента" с отцами новой русской демократии было неизбежно: ни он для них, ни они для него не были своими. Ибо у них в карманах пиджаков лежали партийные билеты, а у него

не имелось даже паспорта — советский отобрали, а французского, прожив 16 лет во Франции, он так и не получил.

У Максимова до самой смерти было только беженское удостоверение, французское гражданство он брать не хотел, так как считал себя не только русским писателем, но и русским гражданином. Если переставить слова в известном стихотворении Некрасова, то получится современный афоризм: гражданином можешь ты не быть, а поэтом быть обязан. Так или примерно так думают нынешние молодые гении литературы, которым претит политика, связь поэтического слова с жизнью и т. д. Они все в этом смысле “набоковцы” и верят, что наконец-то оторвались от заветов Пушкина и Толстого. Но Набоков, написавший “Истребление тиранов”, “Подвиг”, “Облако, озеро, башня”, никогда не был “набоковцем”, и пошлость (явление сколь метафизическое, столь и реальное) недаром стала, если вспомнить выражение Гоголя, той мясистой белугой, которую Набоков преследовал и казнил всю свою жизнь.

Максимов не был королем только литературного королевства, как Набоков, и, наверное, менее всего был им, — но одну заповедь классика он усвоил твердо: не писать мимо себя. Кто хочет узнать его биографию, по крайней мере ее начало, может прочесть “Прощание из ниоткуда” — там все о Максимове первых витков его судьбы.

Известно, что его отец (железнодорожный рабочий) был арестован как троцкист. Сам Максимов сидел в тюрьме, в психушке, в колонии. Я видел его фотографию, где он снят с матерью и сестрой. На нем короткие штанишки, носочки и сандалии — последний сон детства, последние мгновения покоя. Потом уже никаких носочков и отглаженных штанишек не было — грянуло время скитаний, побегов, время улицы, подножек товарных вагонов и шпал, по которым все дальше и дальше относилось от детства. Максимов бежал из колонии, я — из детского дома. Оба мы были сыновьями врагов народа, оба “затравленные зверушки”, как напишет он потом о себе. Человек, прошедший такую школу, навсегда отделен от мягкого, детского. Если оно и живет в нем, то очень глубоко, очень потаенно и только в условиях полной безопасности выходит наружу. Такой человек уже никогда не сделается кроткой овечкой, он, скорей, готовый к упреждающему прыжку на противника волк. Он недоверчив, подозрителен, он боится разоружиться. К нему с силой лучше не подходить — получишь в ответ ее же.

Наверное, сходство наших судеб и не позволило нам чиниться при знакомстве. А познакомились мы в марте 1963 года, в том самом марте, когда Никита Хрущев, как с цепи сорвавшись, набросился на интеллигенцию. Было устроено очередное идеологическое побоище, и лед, который начинал уже отмерзать, вновь превратился в лед. Я печатался тогда в “Знамени” и часто бывал на Тверском, 25, где в двухэтажном особняке находилась редакция журнала. Забегал туда и Максимов, худенький, плохо одетый, в рваном пальтишке и старой заячьей шапке. Два этажа “Знамени” — были два этажа советского мира. Внизу сидели простые смертные — старшие и младшие редакторы, а наверху — начальст-

во. И нравы на обоих этажах были разные. Если на первом болтали и не очень боялись стен, у которых есть уши, то на втором строго хранили партийную тайну. Там и разговаривали, по-моему, полупшепотом и, по большей части, о посторонних предметах.

В тот день, когда я впервые увидел Максимова, все в редакции находилось под впечатлением хрущевской речи в Кремле. За большим "знаменским" окном отесно падал крупный снег, снег таял на володиной вытертой шапке, а в комнате, где располагались отделы критики и поэзии (С. Дмитриев, Л. Аннинский, Г. Корнилова), было тепло и уютно. На втором этаже (В. Кожевников, Б. Сучков, Л. Скорино) стояла мертвая тишина. Хозяева журнала гадали, кого выбросить из верстки, кого окончательно "зарезать", чтобы еще лучше угодить агитпропу ЦК, а здесь, внизу, царил смех — Максимов в лицах представлял Сталина и его присных. Он в то время коллекционировал анекдоты про Сталина и разыгрывал их с актерским азартом. Светлые его глаза тоже играли, из них излетали веселые молнии и, зорко фиксируя реакцию слушателей, он ничем не выдавал своих позывов к смеху. Его молодое лицо было подвижным, живым (это позже оно окаменело), меняющим свет и тени, как земля в ветреный и облачный день.

Вскоре я прочитал новую повесть Максимова "Жив человек" и написал о ней заметку для журнала "Юность". Благодарность Володи за эту короткую похвалу растянулась на много лет. Максимов вообще был человек благодарный и никогда не забывал о толике добра, которую ему сделал кто-то. Никогда я не слышал от него разговоров о Боге, о церкви, обязательных в среде новообращенных. Один из таких — нынешний премник Максимова на посту главного редактора "Континента" — обычно начинает свои публичные выступления словами: "Я, как человек верующий, считаю..." Религиозность Максимова была выстраданной, а оттого скрытой. Да, он ходил в церковь, в его доме висели иконы, он крестил своих дочерей, но и мысли не мог допустить, что это ставит его над другими людьми. Гордыни в его вере не было.

Мое литературное почитание его имени началось с романа "Семь дней творения" (1971), а до того — с главы из этого романа, которая ходила по Москве под названием "Двор посреди неба". Ее читали, как запретную литературу, как политический документ. Меж тем это была прекрасная проза уже зрелого и, если хотите, обретшего свой идеал Максимова. Симптоматично, что эпиграфом к своей первой повести "Мы обживаем землю" (1961) он взял слова Горького, к повести "Жив человек" (1962) — цитату из Толстого, а к следующей — "Стань за черту" (1962) — из Евангелия от Матфея. Эта эволюция цитат — эволюция самого Максимова. Начав с горьковских тем и горьковской интонации (и даже языка), он стремительно стал уходить от него в сторону классики. Он первый среди диссидентов, если не считать "Матрениного двора" Солженицына, написал не антисоветский, а истинно христианский роман, поняв, что отрицание не может исчерпать целей искусства. В этом смысле он обошел многих своих современников, для которых счеты с

властью, насмешка над властью стали альфой и омегой их усилий. Его двор – то есть площадка, или пространство, на котором развертываются перипетии романа, – был двор *посреди неба*: и этим все сказано.

Как и другие писатели, уехавшие на Запад, Максимов лучшие свои вещи написал дома. Парадокс судьбы, до сих пор не разгаданный временем. И Максимов, и Аксенов, и Войнович, и Владимов, и Некрасов, и Солженицын – все должны быть зачислены в этот список. “Семь дней творения”, “Ожог”, “Чонкин”, “Верный Руслан”, “В окопах Сталинграда”, “Архипелаг Гулаг” – создавались под колпаком цензуры. В чем тут дело? Земля питала или воля к сопротивлению, как искра, зажигала талант?

Правда, в отличие от других у Максимова на Западе родилось еще одно прекрасное дитя – “Континент”. Когда в декабре 1996 года я побывал на последней его квартире в Париже на улице Шальгрэн, то увидел продолговатый обеденный стол, за которым собиралась редколлегия “Континента”. За ним сидели и Солженицын, и Сахаров, и Эрнст Неизвестный, и Бродский. Максимов переехал на эту квартиру за десять дней до смерти. Его, собственно, перевезли сюда. А до этого он много лет обитал на улице Лористон, где на втором этаже было его жилье, а на четвертом – редакция журнала. Обе эти улицы находятся в районе Триумфальной арки и площади Этуаль, в которую со стороны центра упираются Елисейские поля, а по другую начинается авеню Великой Армии. В этом городе русской эмиграции и торжества Наполеона (его имя и имена его маршалов раздарены улицам, мостам, площадям, станциям метро), который был повержен Россией, Максимов и основал свой журнал. Полный комплект “Континента” стоит сейчас у меня на полках. Это – подарок Володи. Вскоре после своего первого приезда в Россию он стал рассылать эти томики всем, кто мог бы их сохранить как память о нем. Максимов создал “Континент”, но и “Континент” пересоздал Максимова. Из частного лица, литератора, может быть, не бросающегося в глаза в каком-нибудь московском ЦДЛ, он превратился в фигуру, которую знал весь мир. Он изменился и внешне. С фотографий, какие иногда просачивались через границу, смотрел новый Максимов – в тройке и галстук, хорошо постриженный, солидный и даже обретший маску “деятеля” – всегда серьезного и знающего себе цену.

Он и до этого много читал, а на Западе стал читать еще больше. Вся запрещенная в СССР литература сделалась доступной ему: книги по философии, истории, политике. Опыт и знания, приобретенные в эмиграции, дали ему свободу судить о событиях крупно, а иногда и провидчески. Он достиг уровня, с которого мог смотреть на мир в целом, не путаясь в мелочах и не завися от подробностей. Это важно отметить, потому что эмиграция третьей волны, к которой он принадлежал, по всем статьям уступала эмиграции первой и прежде всего в образованности, знании языков и внешней воспитанности. Первая эмиграция вывезла на Запад великую культуру, третья – свой великий гнев.

В "Прощании из ниоткуда" Максимов пишет, что из ненависти ничего не построишь, из ненависти ничего не вырастишь. Поливать древо жизни ненавистью, значит, поливать его ядом. Оно засохнет и никогда больше не даст плодов. Гулкий рефрен почти каждой главы этой исповедальной книги всегда один: "прощай и прости". "Прости меня, Господи", "да святится имя твое, женщина", "ты не забывай о нем, мой мальчик, не забывай и, если он жив, пошли ему свое благодарное "прости", "Господи, прости нас, маленьких и нечестивых, за нашу собственную обездоленность", "суди меня, моя земля". К кому обращены эти слова? К отцу, которого он предал, сказав, что у него нет отца. К женщине, которую он бросил. К батумскому вору Бандо. К врачу Абраму Рувимовичу, спасшему его в колонии и давшему денег на дорогу. К матери, к друзьям, к возлюбленным. "Кровавыми слезами" готов он оплатить каждый свой проступок, каждый глоток пьяного "вина греха".

На титульном листе первого тома собрания своих сочинений, изданного еще на Западе, Максимов написал мне: "Игорю Золотускому от автора этот "плод любви несчастной" с давней душевной нежностью". Что спасло его в жизни? Думаю, эта любовь, эта нежность. "Любовь несчастная". Почему? И потому, что грамотешки не было (не окончил и семи классов), и оттого, что били его и в колониях, и в тюрьмах, что разорили семью, дом, двор, к которому пристыло его детское сердце, что измывались и позже, забирая в наручники не только руки, но и душу. Надо было не дать сломить себя ненависти ("пепел Клааса стучит в мое сердце"), желая мстить, расквитаться. Надо было подняться из-под обломков собственной жизни и из мальчика стать мужем, из бессемейного одиночки отцом семейства, из бывшего зэка и шпаны — одной из самых заметных фигур интеллигенции конца века.

Все это он сделал сам и только сам.

Смотрю на второй номер "Континента" за 1975 год. Владимир Марамзин, Александр Галич, Роберт Конквест, Александр Солженицын, Абрам Терц, Грэм Грин, кардинал Миндсенти, Мария Розанова — вот имена авторов этого номера.

Выделяю из них два имени — Абрам Терц и Мария Розанова. Не вдаваясь в историю отношений Максимова с этими двумя замечательными людьми, скажу лишь о финале их дружбы-вражды. Сначала была дружба, потом вражда. Она длилась несколько лет, и незадолго до смерти Максимова завершилась примирением.

Господи, сколько эти счеты, подозрения, слабость наша и склонность верить слухам уносит наших сил! Сколько бы мы выиграли, если б не ссорились, не были бы надки на дурное мнение о других! Человек бывает подл и низок, и смирять в себе эту злую стихию есть высшее освобождение и высшее облегчение. А ведь когда я приезжал в Париж, то тайком от Максимова ездил к Синявским, а тайком от Синявских — к Максимова. Тая Максимова недавно попеняла мне за это. "И напрасно ты это делал, — сказала она. — Это ничего не изменило бы в ваших с Володей отношениях".

Что правда, то правда. Писатели обычно любят только тех критиков, которые их хвалят. Как-то один хороший прозаик сказал

мне: ты не мой критик. Я спросил, почему. Он ответил: потому что ты обо мне не пишешь. Они обижаются на то, что критик о них не пишет. Ну а если, не дай Бог, покритикует, то нет более смертельного врага, чем обиженный талант. Максимову как редактору журнала приходилось не раз отказывать в печатании, и он лучше других понимал, что рвать из-за этого отношения, обижаться и дуться глупо. Помню, в 1993 году, когда я работал в "ЛГ", он принес мне главу из нового романа. Глава была слабая, и мы ее не опубликовали. Когда вскоре после этого мы встретились с ним в Париже, он покорно принес мне другую главу. И добавил: "Я и сам не знаю, что написал. Не понравится — скажи прямо". Эту главу постигла судьба ее предшественницы, но ни слова упрека я от Максимова не услышал.

Сравнивая эту историю с другими подобными историями, сталкивавшими меня с литературными великими мира сего, не нахожу ей аналогов. Вчерашние добрые знакомые или даже друзья в случае отказа печатать или хвалить их сочинения превращались в разъяренных тигров. Следовали брань, оскорбления, писались письма "наверх", требования снять меня с работы, очернение в печати. Не стану называть имен, но это вполне чтимые кое-кем и по сей день люди. Для Володи же я был, наверное, "его критиком", хотя после той маленькой замечочки в "Юности" никогда больше о нем не писал.

Но вернемся к "Континенту". В 1990 году Максимов решил распрощаться с журналом. Он сказал мне об этом, когда мы, ожидая начала его вечера в Доме литераторов, гуляли по Поварской. Стоял апрель, листья готовы были вот-вот брызнуть из набухших почек, и все в природе и в нас было настроено на какую-то перемену, на ломку судьбы. "Та жизнь, — сказал Максимов, — как оторвавшаяся льдина, ушла и тает на глазах. Не знаю, что именно, но надо начинать что-то новое". "Новым" стал его бросок в политику, то есть в клубящийся хаос российской жизни, повстречавшись с которым многие диссиденты спешили вернуться обратно, чтобы отдышаться на благополучном Западе. Говорили, что Максимов потому оставил "Континент", что после смерти Шпрингера, дававшего деньги на журнал, его некому было финансировать. Действительно, денежные дела "Континента" ухудшились, но нашлись люди, которые посылали пожертвования, и на них Максимов мог тянуть журнал еще год-два. Но он сверхслухом услышал, что пора сменить тему. Он перерезал пуповину, соединяющую его с журналом, одним ударом ножниц.

Что теперь открывалось перед ним? Страна неизвестности, точней, известная страна, связи с которой он не мог оборвать, даже употребив на это всю свою волю. Он был однолюб. И в то время, когда жил в Париже, и когда с нарастающей частотой стал наезжать в Россию, сердце и мысли его были только с ней. "Истинное величие почвенно. Подлинный гений национален", — сказал Иван Ильин. Это относится и к талантам. Максимов никогда не был угрюмым почвенником, который на все иностранное смотрит, как на заразу. Он долго жил на Западе и научился ценить его культуру и способность к выживанию. Но он чувствовал и то, как опадают силы Запада, как, достигши удовлетво-

ния, грубо говоря, животных нужд, тот уперся в это удовлетворение, как в потолок. Максимова казалось, что Запад в этом смысле безнадежен, а у России еще есть надежда.

Но уже в 1992 году в диалоге, который состоялся между нами и был опубликован в "Литературной газете", он скорректировал свой прогноз: "Мне здесь часто говорят, что, мол, не может такая страна пропасть, исчезнуть с лица земли. К сожалению, может. Россия... особое тело, оно складывалось синтетически. Точно таким же образом оно может и распаться. Часть страны отойдет на Восток и растворится в нем, а другая — на Запад и делается его придатком". Ныне эти притязания в отношении России сделались более чем очевидными. Чего хотят Восток и Запад? Только одного — чтобы не было сильной России. Ислам тянет одеяло на себя, Европа и Америка на себя. В результате тело России рвется и по краям, и в самой ее сердцевине. Максимов быстро увидел, что если этот распад и произойдет, то не по вине извне, а по нашей собственной вине. И прежде всего по вине успевшей, едва получив свободу, рассориться интеллигенции. Его бросок в политику был броском в море страстей, открывшихся распрей, давней, но запретной ранее, идейной и национальной поножовщины. И поэтому первым его движением стала попытка помирить поссорившихся, соединить собственными зубами, как это делали на фронте священники, оборванный провод.

Я помню, как нервен, почти взвинчен он был после первых встреч и застолий. Сначала, казалось, была одна радость, одни объятия. Телефон в квартире, где остановился Володя, беспрестанно звонил. Приходили и уходили люди, на столе стояли букеты принесенных ими цветов. Его жена Таня дежурила у телефона с блокнотом и записывала, кто звонит. Максимова снимали, Максимова интервьюировали. На банкете в ресторане "Прага", сразу по его приезде, были одни "свои". Потом эти "свои" стали рассеиваться, потому что Володя вопреки "партийному" этикету стал встречаться с Распутиным, Беловым, посетил даже Станислава Куныева. На него уже начинали коситься, спрашивая: зачем ты это делаешь? Ведь *те* красно-коричневые. Этот раздор, этот тон превосходства и жажда чуть ли не кровной мести доводили его до отчаяния. Ибо это было уже не вкусовое размежевание (без которого, увы, нет литературной жизни), но почти классовая вражда, очень быстро, накаляясь, перераставшая в ненависть.

В отличие от многих он не страдал самым опасным недугом интеллигенции — болезнью стайности. Законы стаи волчьей: если отделился, поднял голову, пошел против "своих" — загрызут насмерть. Даже самые умные, увы, подчинены этим инстинктам. Помню, как Максимова осуждали, когда он в 1967 году стал членом редколлегии "Октября". Главным редактором этого журнала был В. Кочетов, сам "Октябрь" противостоял "Новому миру" А. Твардовского, и все народное любил склонялись в сторону "Нового мира". Про Максимова говорили, что он "продался", "вступил в сговор", что за его поступком стоят шкурные интересы. Но что же "продал" и что "купил" Максимов? Он получал

право печатать в "Октябре" то, что раньше там не печаталось и что, кстати, не могло появиться — по тем же "партийным" причинам — в "Новом мире". "Новый мир" был хороший журнал, но печатал исключительно тех, кто не перечил ему. По-моему, Максимов так ничего и не опубликовал у Твардовского, да и не помню, сделал ли он это у Кочетова.

Как-то он сказал мне: "Все они (он имел в виду и Твардовского, и Кочетова) — коммунисты и все сидят на нашей бумаге. Надо вырвать у них из-под задницы эту бумагу". Эта его внутренняя свобода заставляла ежиться тех, кто любил и рыбку съесть, и на елку влезть. Максимов был слишком значителен, чтоб его, как попугая, можно было посадить в клетку и заставлять повторять чужие слова. Да и характер его — с детства подавляемый, а потому привыкший к отпору и неповиновению — не позволял.

Когда в конце 60-х годов вышли в свет очерки Л. Гинзбурга "Потусторонние встречи", где автор обличал возрождение фашизма в Германии, Максимов негодовал: "Это все равно, что из чумного барака показывать на барак выздоравливающих и кричать, что именно там хуже всего".

Осенью 1990 года в Риме состоялась конференция писателей, которую созвал Максимов. Он собрал под одной крышей людей, если не находившихся по разные стороны баррикад, то, по крайней мере, отличавшихся друг от друга в убеждениях. В маленькой гостинице в центре Рима, возле Пантеона, разместились как соседи Василь Быков и Виктор Астафьев, Дмитрий Сергеевич Лихачев и Владимир Солоухин, Бакланов и Шемякин, Буковский и Залыгин, Максимов и лауреат Ленинской премии Айтматов. Впрочем, Айтматову, как члену горбачевского президентского совета, отвели роскошные апартаменты на Корсо. Одним словом, состав был пестр, и вряд ли большинство из участников этой встречи когда-либо сидели за одним столом. Да и что, казалось, могло соединить членов КПСС Виноградова и Бакланова с сидевшим за борьбу с коммунизмом Буковским или эмигрантом Шемякиным и главой антикоммунистического международного центра Максимовым? Тем не менее они вместе обедали, пили вкусное итальянское вино и даже гуляли по улицам. По тем временам это был случай исключительный, ибо раскол интеллигенции стал фактом. Это был вызов войне партий, которая, как правило, начинается с теоретических прений, а завершается кровью.

Максимов хотел эту кровь предотвратить. Но встреча в Риме, несмотря на теплоту атмосферы, подогреваемой тем, что нас окружало (римский серебряный воздух, синее — без единого облачка небо и сама вечность, глядящая в окна и взывающая к умиротворению), конечно, не могла ничего решить. Хотя там открыто ставился вопрос "обновление или гражданская война?" В обращении, принятом участниками конференции, говорилось о распаде империи и его последствиях, о противостоянии моральному нигилизму, о возрождении исторического и религиозного сознания. Как средство развязывания этих узлов был предложен диалог: "диалог внутри страны и со всем миром". Кроме уже названных имен, под этим документом сто-

или подписи Эрнста Неизвестного, Иосифа Бродского, Леонида Плюща, Натальи Горбаневской, Владимира Крупина, Витторио Страда. Оно было опубликовано в "Комсомольской правде" 23 октября 1990 года.

Но диалогу не суждено было состояться. Над Россией уже маячила тень кровавых разборок. Позже Максимов будет клясть себя за то, что поверил новой власти, что взялся ей как бы помогать. На самом деле, он верил не ей, а тому, что разрушающийся корабль можно подвести к пристани. Дать ему отстояться, а потом мирно собрать отваливающиеся части. Он не жалел для этого ни времени, ни себя. Он забросил писательство и переиздавал лишь старые вещи. Новые недописанными оставались в столе. Телевидение, радио, газета – вот куда переселился Максимов, и не тщеславие толкало его туда, а одна печаль – вместе со всеми *найти выход*. Менее всего он был доверчив. Ни Горбачев, ни его преемники не могли надуть Максимова (он знал их биографии, их подноготную, их обман). Они были коммунисты, а в отношении к коммунистам он разделял мнение одного из героев Г. Владимова: "Не верь им ни днем, ни ночью, ни в дождь, ни в ведро, не верь им даже тогда, когда они говорят правду".

Впрочем, не только к другим был беспощаден Максимов, он и себя не щадил, признавая, что в разрушении государства есть и его вина. Он сказал об этом по телевидению, когда мы вместе с ним выступали в передаче "Книжный двор", и затем в нашей беседе в "Литературной газете". Года за два до этого там же было напечатано интервью с А. Рыбаковым. Вот строки из него: "Я люблю Париж, преклоняюсь перед Францией, перед ее великим свобододолюбивым народом, но Максимов не парижанин... *Пена* есть во всякой литературе, и здесь, и там. И не надо ее принимать за чистую струю. "Made in" – всего лишь этикетка, даже если она приклеена в Париже. Понятно?" Прошло еще сколько-то времени и опять-таки в "ЛГ" актер А. Ширвиндт пожаловался: "Поощрять надо, а нас панибратски журят разные там, извините, Максимовы. Меня это просто бесит".

Печатая наш диалог, я сопоставил эти отзывы о Максимове с оценками других знаменитых людей: Сахарова, Солженицына, Бродского и Белля. По совпадению, все они оказались лауреатами Нобелевской премии. Так вот, их суждения о Максимове были намного почтительнее, чем суровые характеристики, которые дали ему лауреат сталинской премии Рыбаков и лауреат конкурса артистов эстрады Ширвиндт.

Откуда же эта суровость? Оттого, что Максимов, сделавший втрое больше для русской общественной жизни, чем все его хулители, вместе взятые, не принял результата дела рук своих, – то есть тот режим, который установился после третьей русской революции. Этот режим почему-то очень устраивал лису, которая подхватила выпавший изо рта вороны кусок сыра, но не мог устроить тех, кто, в отличие от лисы, хотел, чтоб сыр достался не одной лисе, а, мягко говоря, всем обитателям леса.

Последние годы Максимов еще более потяжелел, посуровел. Это чувствовалось даже в его взгляде – как будто налитом сви-

цом. Он, этот взгляд, был упорен, соперничать с ним в неподвижности, способности выдержать противостояние глаз было нелегко. Володя если уж смотрел, так смотрел — вникая не столько в речь собеседника, сколько в его образ, и по интонации, по жестам, по тем же глазам узнавая больше, чем из слов. От этой неподвижной пристальности он иногда смотрелся как памятник самому себе. Но так могло казаться только тем, кто не знал его близко.

У меня до сих пор хранится бумажный мешочек с лекарствами, присланный из Парижа. На нем нетвердым, почти дрожащим почерком Максимова написаны моя фамилия, адрес и телефон. Эти мешочки я получал регулярно. Тогда в Москве было туго с лекарствами, и Максимов рассылал их друзьям. Он или делал это сам, или посылал с оказией. Перед тем, как отправить посылочку, всегда звонил и спрашивал, что еще нужно. Его опека была ненавязчивой, ничего не требующей взамен и постоянной. Когда я приехал в 1989 году в Париж, я был сильно болен. Володя тут же повел меня к своему врачу и долго сидел в приемной, ожидая, пока тот разберется со мной. И так повторялось несколько раз. Платил за эти визиты, естественно, он. В своих бумагах я нашел рецепт, выданный доктором Леонидом Бальзановым, чей кабинет, как означено на рецепте, находился на rue de Bergé. Рецепт выписан на имя мсье Владимира Максимова. Лекарства (а их целый список) были тут же выкуплены Таней и переданы мне с письменными разъяснениями, когда и как их принимать.

Однажды, когда Максимов приехал в Москву на какой-то конгресс (дело происходило в нынешнем Президент-отеле), я зашел к нему в номер и застал его за раздачей таких же пакетиков, какие посылались мне. Из большой сумки он извлекал один пакетик за другим, но на дне их еще оставалось много, и я удивился, как у него хватило сил доставить эту аптеку из Парижа в Москву.

Ездил он в Россию только на поезде — не знаю уж, боялся ли он самолета, но это был ритуал. Впрочем, почти все в облике Володи сделалось ритуальным: и всегдашняя тройка, и неяркие, консервативные цвета галстука и костюма, и непокрытая даже в холода голова, как у истинного жителя столицы Франции. Никаких сантиментов при встрече, никаких сантиментов при расставании. Он коротко совал тебе в руку свою искалеченную ладонь, так же быстро ее отнимал. По лицу его трудно было угадать, рад он тебе или нет. Но это, повторяю, была лишь маска. Хотя, как я уже сказал, с годами Максимов мрачнел, становился раздражительнее, гневливее. Гнев вскипал в нем вдруг и срывался, как гроза, — все нестерпимее было ему видеть, что происходит в России.

Его кое-где уже переставали печатать. Редакторы разных изданий уже побаивались тех, кто определял теперь, кого казнить, а кого миловать. Я говорю о так называемом "общественном мнении", которое всегда презирал Максимов. Он этих судей, ставящих себя выше Бога, в упор не видел. Да и кто были судьи его? Те же самые члены КПСС, сдавшие не раньше августа 1991-го

свои партбилеты. В уже цитированном мной диалоге из "Литгазеты" есть такой пассаж: "Парадокс времени: я — убежденный антикоммунист, которым по обе стороны границы еще недавно пугали людей, вынужден защищать так называемых путчистов от недавнего выпускника Академии общественных наук при ЦК КПСС (здесь Максимов имеет в виду А. Нуйкина. — И. З.), вдруг возомнившего себя большим борцом с коммунизмом, чем весь блок НАТО, вместе взятый. Мне могут возразить, что люди меняются. Отвечу: правильно, опасен человек, который заостенел в своих заблуждениях, но отчего эти сообразительные господа не меняются самостоятельно, а только вместе с очередным начальством?"

Резонный вопрос, который можно задать многим паханам нашей демократии. Я называю их паханами, потому что они такие же главари воровских шаек, только крадущие не золото и деньги, а не продающиеся за деньги идеи, которые принадлежали тому же Максимову, но только не им.

Что же касается присвоенных материальных, то вот один скромный пример. Член КПСС Анатолий Приставкин, едва совершился переворот в Союзе писателей (прогнали коммунистов, пришли "демократы"), тут же переставил в списке литераторов, стоящих в очереди на автомобили, свою фамилию с одного из последних мест на первое, сбросив вниз занимавшего первое место Проханова. Логика этой рокировки была проста: раз ты краснокоричневый, тебе автомобиля не видать.

То, правда, были еще невинные игры. Аппетиты новых вождей нации распались потом. И они стали хапать все, что хапали их предшественники: кабинеты на Старой площади, черные "Волги", депутатские мандаты, путевки, премии, бесплатные билеты и т. д. А один писатель-демократ, хапнув двухэтажную квартиру в центре Москвы, в добавление к уже имеющейся, отвечал на вопрос о том, есть ли у него совесть: "Совесть? Вот она, совесть!" И крутил перед носом спрашивающих ключиком от новой квартиры.

Этого ли желал Максимов? Этого ли желали те, кто, как и он, рискуя всем, шли на медведя с рогатиной? Не могу представить Галича, сидящего на Старой площади. Не могу представить Некрасова, заявляющего в печати, что "Инкомбанк" — его лучший друг. Не могу представить Максимова, выносящего в кейсе из Кремля сто миллионов рублей — государственную премию.

Ему даже не вернули отобранную в 1974 году квартиру. Ту однокомнатную квартиру на Бескудниковском бульваре, откуда он и уехал на Запад. Когда перестроечный заместитель председателя Моссовета Станкевич (тоже, как оказалось, жулик) предложил Максимову выкупить свою квартиру, тот ответил: "Я ворованное не покупаю".

Таков он был, прошедши колонии, тюрьмы и разные пересылки. Он из вора сделался интеллигентом, в то время как иные интеллигенты уже в наши дни стали ворами. Как было от всего этого не отчаяться, не впасть в гнев? Да я услышал отчаяние даже в словах Солженицына, когда мы разговаривали по телефону зимой 1995 года. Уж на что, кажется, человек-скала, но и тот

дрогнул, и сознание бессилия я почувствовал в его голосе. Пример Солженицына, как и пример Максимова, наглядно свидетельствует, что исполнителям не нужны теоретики, а политической шпана — авторитеты. Что же касается народа, то народ, если он еще существует в России как образование людей, имеющих свое историческое предназначение, уже не верит никому — ни честным, ни бесчестным.

Последний раз я видел Максимова летом 1994 года, когда мы с женой были у него в гостях в Москве. Не имея собственного угла, он останавливался у тещи, где жила и Танина сестра. Отсюда, от дома на Красноармейской, было два шага до газетного киоска. Утро Максимова начиналось с чтения газет. Первые годы перестройки он скупал их все, потом стал покупать лишь две-одну "демократическую", другую "оппозиционную", так как все остальные лишь повторяли друг друга.

В тот день он угощал нас обедом, мы много шутили и смеялись. Сестра Тани, которая стряпала на кухне, шепнула моей жене, когда та вышла к ней, что уже давно не слышала смеха Максимова. Улыбка сразу преображала его лицо: оно из неприступного делалось открытым, добрым. Конечно, я помню и кривые полуулыбки Максимова, свистящий бич его иронии. Он бывал язвителен, может быть, по большей части язвителен, и, если можно так выразиться, сатира брала верх в его смехе над юмором. Зато, когда душа его, не чувствуя опасности, распускалась, смягчалась, Володю хотелось погладить по голове, как ребенка.

Отрывки, которые он передавал или посылал мне для печатания, были кусками из его нового романа. Он писал их, уже мало веря в то, что литература может что-то изменить в жизни. Это был его долг и неутихшая в душе тяга к перу и бумаге. Сейчас архив Максимова находится в одном из германских университетов (там он сохранится надежнее) и пока не разобран, но известно, что роман, который он не окончил, был по времени отнесен в прошлое — в годы гражданской войны. Как и его книга о Колчаке, это была дань памяти белому движению, белому казачеству.

По велению судьбы, вечным приютом Максимова стала могила белого офицера, летчика, полковника Евгения Владимировича Руднева, жившего с 1886 по 1945 год и похороненного на русском кладбище Сен-Женевьев-де-Буа близ Парижа. На могиле стоит черный гранитный крест, вырубленный в Москве, и лежат живые цветы. "Ничего не забывается, — писал Максимов в "Прощании из ниоткуда", — ничего. Мы, словно листья одного дерева, даже опадая, сохраняем в себе его образ и подобие. Я твой, твой навсегда, мой Двор, мой Дом, мой Сокольники!.. До свидания, мати. Аминь".

О смерти Максимова я узнал в Финляндии, из газет. Как всякая смерть близкого человека, она стала нежданно свалившимся горем. Тоской отозвались во мне и некрологи, которые я прочитал в те же дни. Все, писавшие о Максимове, отдавали ему дань уважения, но были и оговорки: "Не все его многолет-

ние друзья поддерживали его и одобряли его выступления" ("Литературная газета"). "В последние годы не все его многолетние друзья были уверены в его правоте" ("Русская мысль"). А журнал "Огонек", напечатавший портрет молодого Максимова, снабдил его комментарием: "На этой фотографии он еще совсем молодой, не патриарх и не борец с режимом (неважно, каким: коммунистическим, демократическим, буржуазным – в течение своей долгой жизни он боролся со всеми по очереди)... Но та народная слава, о которой он мечтал, так и не сбылась. Жаль".

Эта снисходительность и ирония (сегодня ирония стала проникать и в некрологи) поразили меня. Поразила интонация почти брезгливого превосходства. Так когда-то коммунистические доктора наук писали о классиках XIX века. Конечно, писали они, NN был большой писатель, но до нашего понимания вещей не возвысился, правильного мировоззрения не обрел. Они всегда знали, что правы только они, и похлопывали по плечу даже Толстого.

Наша свободная печать свободна только в поношении, но гремит своими цепями, когда речь заходит об идеале. Ибо ее идеал – развенчание и ничто больше. "Бес иронии", как говорил Блок, "ломает" ее так же, как ломал до этого страх перед властью.

Максимов был человеком максимы. И если спросить себя, почему он взял этот псевдоним (ведь настоящее имя его Лев Самсонов), то не Максим Горький, которому он вначале подражал, тому причиной, и не пулемет "максим", из которого "красные" косили в фильмах нашего детства "белых", и даже не киносериал о Максиме, которой он засматривался мальчиком, а именно максима, святая максима. Я убежден, что внезапно настигшая его болезнь и смерть явились оттого, что он не мог снести поругания своей мечты – мечты видеть Россию распрямившейся. Он увидел ее еще более согнутой, закабаленной, с повязкой на глазах, безумно, как слепцы у Брейгеля, влекущейся из темноты в темноту.

Со смертью его как бы оборвалась сильно натянутая струна – замер звук романтического форте. Принято считать, что расцвет романтизма падает на конец XVIII – начало XIX века. Но то был романтизм искусства и философии. Практический же, или политический, романтизм изжил себя к концу XX столетия. Поясню свою мысль. То, что произошло в начале века в России (я имею в виду 17-й год), было действие кроваво-романтическое. Противодействие ему возникло как романтизм бескровный. Но, видать, история, как хищник без мяса, не может прожить без жертв. Бескровный порыв поколения Максимова был на его глазах полит кровью.

И если другие смирились с этим и даже стали искать высоко оправдания расстрелам 93-го года, а после уселись в кабинетах вновь побеленного Белого дома, то Максимов не только проклял совершившую это власть, но и обратил укор на себя, считая и себя повинным в происшедшем.

И тогда кто-то явился и унес его бессмертную душу от нас.

- МОСКОВИЧИ С.** Век толп: Исторический трактат по психологии масс. /Пер. с фр. - М.: Центр психологии и психотерапии, 1996. - 478 стр. - /Библиотека зарубежной психологии/.
- Размышления о России и русских.** Штрихи к истории русского национального характера: В 2-х книгах. - М.: Правда Интернашнел, 1996. - №1. 1-я - 464 стр. с ил., №2-я - 576 стр. с ил.
- Рождение нации: Арабские истории.** - М.: Ди ДИН, 1996. - 624 стр. с ил. - /Мир Льва Гумилева/.
- Русская старина: Путеводитель по XVIII веку.** - СПб.: ЛИЦ, 1996. - 380 стр. с ил.
- Экономка русской цивилизации.** - М.: Родник, 1996. - 382 стр.
- МАССОН Ш. Секретные записки о России: времени царствования Екатерины II и Павла I** - М.: Новое литературное обозрение, 1996. - 208 стр. - /Россия в мемуарах/.
- Религии мира: Энциклопедический справочник.** - М.: Белфаксиздатгрупп, 1996. - 464 стр. с ил.
- СВЕШНИКОВ Н.И. Воспоминания пропавшего человека.** - М.: Новое литературное обозрение, 1996. - 320 стр. /Россия в мемуарах/.
- ГУТЕНБЕРГ, УАТТ, СТЕФЕНСОН и ФУЛТОН, ДАГЕР и НЬЕПС, ЭДИСОН и МОРЗЕ:** биографические повествования. - Челябинск: Урал, 1996. - 438 стр. с ил. - /Жизнь замечательных людей. Библиотека Флорентия Павленкова. Биографическая серия. 1890-1915/.
- ПАВЛОВ В.Г. Операция "Снег": Полвека во внешней разведке НГБ.** - М.: Гей, 1996 г. - 286 стр. с ил.
- АДАМОВИЧ Г.В. Одиночество и свобода.** - М.: Республика, 1996. - 447 стр. - /Прошрое и настоящее/.
- ДУНКАН ДЖЕН У. Основопологающие идеи в менеджменте: Уроки основоположников менеджмента и управленческой практики.** /Пер. с англ. - М.: Дело, 1996. - 272 стр.
- ПЕРШИН Г.В. и др. Телефонный разговор с иностранным партнером. Calling your foreign partner:** Справочное пособие для успешного делового общения. - СПб.: ЛИЦ, 1996. - 144 стр. - /Бизнес-контакт/.
- Энциклопедия этикета.** - СПб.: МИМ Экспресс, 1996. - 350 стр. с ил.
- БРЭГГ ПОЛЬ, БРЭГГ ПАТРИЦИЯ. Секреты здоровья и долголетия.** - Ростов-на-Дону: Феникс, 1996. - 317 стр. с ил. - /Духовное и физическое совершенство/.
- Настольная книга садовода.** - М.: Колос, 1996. - 335 стр. с ил.
- БЕЛЫЙ А. Незнакомый друг: Стихотворения 1896-1932 гг.** Статьи о литературе из книги "Луг зеленый" 1910 г. - М.: Центр-100, 1997. - 256 стр. - /Из поэтического наследия/.
- ВАСИЛЬЕВ Б.Л. Вещий Олег.** Роман. - М.: Новости, 1996. - 464 стр. с ил.
- ЗАГОСКИН М.Н. Юрий Милославский или русские в 1612 году. ЛАНЕЧНИКОВ И.И. Ледяной дом. Опричник.** Роман. - М.: Книга, Просвещение, Милосердие, 1996. - 668 стр. - /Библиотека Российской классики/.
- КОНЕЦНИЙ В.В. Избранное: В 2-х томах.** - М.: Аграф, 1996. - Том 1-й - 448 стр., том 2-й - 448 стр.
- НАБОНОВ В.В. Ада, или Радости страсти:** Роман. - М.: Ди ДИН, 1996. - 576 стр. с ил. - /Семейная хроника/.
- ПУТИЛИН И.Д. Записки первого начальника Санкт-Петербургской сысной полиции. АНТРОПОВ Р.Л. Гений русского сыска Иван Дмитриевич Путилин.** 1. Рассказы. - М.: Иран, 1997. - 335 стр. - /Старое русское спет. Русский Пинкертон/.
- РАДЗИНСКИЙ З.С. Загадки любви:** Повести. - М.: Вагриус, 1996. - 462 стр.
- БЕНЧЛИ П. Белая акула:** Роман / Пер. с англ. - М.: Новости, 1996. - 320 стр. - /Мировой бестселлер/.
- КРЕНЦ Д.Э. Золотой шанс:** Роман / Пер. с англ. - М.: Новости, 1996. - 416 стр. - /Мировой бестселлер/.
- Олди Г.Л. Путь Меча:** Роман-фантазия / Пер. с англ. - М.: Аргус, 1996. - 496 стр. с ил. - /Библиотека фантастики "Хронос"/.
- СТАРДЖОН Т. Избранное в 2-х томах.** /Пер. с англ. - М.: Полифакт-МИГ, 1996. - Том 1-й - 416 стр., том 2-й - 416 стр. - /Итоги века. Взгляд из России/.
- ДЮМА А. Юность Пьеро.** - М.: Аргус, 1996. - 112 стр. с ил. - /Венок сказок: "Сказки Франции"/.
- КОВАЛЬ Ю.И. Полянные сказки:** Повесть о давних временах. - М.: Аргус, 1996. - 128 стр. с ил.
- НИЖИНСКАЯ Р. Вацлав Нижинский.** /Пер. с англ. - М.: Русская книга, 1996. - 464 стр. с ил.

Книжный базар

ЗБЬЮЗ

62

^{1/2} "Золотая" сила искусства

Ширма кукольного театра. Детская кроватка; огромные хищные руки тянутся к кукле, что лежит на этой кроватке. Они шарят по одеялу, ищут крохотное тельце... Отчим пришел в спальню к падчерице, чтобы... культурно говоря, совершить збьюз...

"Збьюз" в переводе с английского — "оскорбление, плохое, неправильное обращение, злоупотребление". В широком смысле слова. Но профессионалы в области человеческих отношений — психологи, социологи, психотерапевты, педагоги — смысл этот несколько сузили. Говоря "збьюз", они обычно подразумевают прежде всего сенсуальное насилие над детьми. Только не думайте, что речь идет о каких-то маньяках. Нет, имеются в виду самые обыкновенные люди. Чаще всего родственники: отец, мать, отчим, брат (по-

русски в доцивизованную эпоху это называлось кровосмешением).

Спектакль, сцену из которого мы упомянули, показывают немецким детям, начиная с девяти лет. Не только потерпевшим — всем.

В Минске, на Международном фестивале детских театров, видели мы и другой спектакль другого немецкого театра — не кукольного, а драматического. Тема была все та же. Только вместо отчима — отец. И девочка уже не малолетняя, а подросток. И сцены збьюза не показывались, а обсуждались. Последнее обстоятельство чрезвычайно утешало, поскольку спектакль "Первая любовь, или То, что мне не принадлежит" шел без перевода, и дети, пришедшие в минский ТЮЗ, реагировали в основном на рок-зонги.

А вот телевидение наше с задачей перевода справилось прекрасно. Американский фильм "Ное-что об Амалии" демонстрировался в 20.15.

РОССИЙСКИЙ АКЦЕНТ

ИРИНА МЕДВЕДЕВА
ТАТЬЯНА ШИШОВА

Поэтому не только взрослые, но и дети смогли приобщиться к столь актуальной для их возраста теме, как соинициативность девочки с папой.

Впору запеть – “Збыюз нерушимый”...

– Нашли повод для иронии! – возразят нам. – Тема-то действительно актуальна. И для нас ничуть не меньше, чем для Запада...

За сим следуют аргументы. Телефон доверия; детская комната милиции; центр охраны семьи... Прямо скажем, не густо. Когда интересуешься статистикой, пытаешься выяснить, сколько детей звонили за месяц, за год с жалобами на сексуальные посягательства родственников, ответом слунит презрительное пожатие плеч. Кто считал?

– Обращаются-то единицы, – слышишь в ответ, – а реально потерпевших в тысячу раз больше. Просто народ у нас дремучий, замшелый и понятия не имеет, что с збыюзом надо немедленно идти к специалисту.

Когда это слышишь, всегда хочется спросить (но не всегда спрашиваешь, чтобы не показаться занудой):

– А откуда вы, собственно, знаете, что потерпевших тысячи, если обращаются единицы?

...Возвращаясь к збыюзу, всерьез говорить об актуальности этой темы имело бы смысл в том случае, если мы и все читатели этой статьи, приходя в каждый третий или четвертый дом, ощущали бы “запах жареного” или приемус “клубнички”, которые, мы повторяем, по-настоящему скрыть невозможно. Тем более, если речь идет о таких страшных цифрах, как 25–30 процентов “збыюзированных” (а именно эти цифры фигурируют в докладах иностранных специалистов о распространении збыюза на Западе). Тут уж скрывать не скрывать, а ослиные уши все равно вылезут. Нам с преступностью. Даже если бы сейчас все газеты и теленаналы в один голос принялись

бы уверять публику, что кривая преступности резко пошла вниз, никто бы в это не поверил: каждый без труда вспомнит ограбленного друга, избитого приятеля, знакомого, у которого угнали машину.

Аналог такой ситуации мы видим практически во всем, что касается темы эбьюза на Западе. Например, в кукольном спектакле "Секрет", о котором мы уже упоминали, о страшном секрете девочки догадывается подруга ее матери, взрослая женщина, у которой в детстве было то же самое. В фильме "Ное-что об Амелии" учительница, которой девочка сообщает о своей двухлетней связи с отцом, не хватается за голову, не выражает изумления и ужаса, как бывает, когда узнают нечто из ряда вон выходящее, а деловито, оперативно звонит по хорошо известному ей телефону — в специальную полицейскую службу, которая изолирует таких детей от родителей. А попав в приют, девочка на свой вопрос: "Такие, как я, и вам когда-нибудь попадали?", незамедлительно слышит, что это не тема для беспокойства, поскольку таких детей много и поступают они сюда регулярно. Примечательно, что утешена не только жертва. Пылкий отец на приеме у психотерапевта, специализирующегося (!) на эбьюзах, узнает, что это дело житейское, с ним не бывает, и все еще можно наладить, если довериться хорошему профессионалу.

Ну, тут легко возразить, что искусство любит сгущать и гиперболизировать явления жизни. В данном случае, похоже, и в жизни все обстоит достаточно круто. Из доклада одного немецкого специалиста мы узнали: проведенное недавно скрытое анкетирование студентам Гамбургского университета показало, что 25 процентов опрошенных в детстве подвергались сексуальному эбьюзу. Американская статистика

еще внушительнее: в биографии каждой третьей молодой женщины сегодня фигурирует перенитый в детстве эбьюз.

В этой связи очень интересна и показательна реакция наших гранд-дан. Тонне обыкновенных, не специалистов. Когда заговариваешь с ними про сожительство родителей и детей, про то, что на Западе это актуальная проблема и касается она всех слоев общества, видишь на лицах вовсе не ханжеское смущение и не смятение людей, которых подловили на тайном грехе, а искреннюю оторопь.

Собеседники явно не сразу "врубаются", словно мы им рассказываем про диние обычаи племени мумбо-омбо. А когда понимают, то какое-то время не верят. Спрашивают: "Вы не шутите?" или: "Разве такое может быть?" или: "Вот уж действительно — у каждого свои проблемы!"

Чем лучше, тем хуже?

На Всемирном психиатрическом конгрессе в Гамбурге (где нам довелось побывать) было специальное сенционное заседание, посвященное проблемам эбьюза. Причем ведущая, профессор из США, с самого начала заявила, что участвующие коллеги собрались не для обсуждения каких-то частных вопросов, а для серьезного разговора о причинах столь печального явления современной жизни. Услышав такое вступление, мы переглянулись: "Наконец-то!" Мы уже знали и про пугающую статистику, и про широко развернутую психотерапевтическую работу в этом направлении, и про классификации, и про "технические" подробности. Наконец, поставлен главный вопрос: "Почему?"

Но то, что прозвучало дальше, носило откровенно фарсовый характер. Все принялись дружно обсуди-

дать... ускорение ритма жизни, непомерное давление общества на волю индивида, тяжелые нагрузки, обилие информации, а также стрессовые состояния, порожденные слишком большим выбором в развитом западном обществе.

Мы задали вопрос: не кажется ли уважаемым коллегам, что причины эбюза как распространяющегося социального явления нужно искать в смещении и размывании моральных норм? Может быть, это естественное следствие свершившейся сексуальной революции?

На повернувшихся к нам лицах отразилось полное недоумение. Но затем ведущая, вероятно, что-то сообразила и дипломатично ответила, что да, может быть, и этот фактор имеет место, но он вовсе не определяющий, сексуальная революция была невеста тогда, в шестидесятые годы, а сейчас самое главное – ускорение, давление, нагрузки... В общем, смотри выше.

Потом, правда, к нам подошел молодой немецкий психолог и сказал, что его очень заинтересовала наша "нетривиальная гипотеза". И попросил пояснить. Мы начали говорить, в общем-то, обычные вещи, которые у множества наших соотечественников не вызывают ни вопросов, ни возражений: что сексуальная революция, включающая просвещение детей, снимает барьер между поколениями. А поскольку в просвещении участвует не только школа, но и родители... то, собственно, что мешает от совместного изучения теории перейти к практике? Почему читать, смотреть, пояснять, показывать, слушать, обсуждать можно, а делать – нельзя? Ведь рассуждая логически, кто лучше преподаст девочке "науку страсти нежной", чем ее отец? Взрослый, опытный, знающий и любящий своего ребенка, как никто другой. Идеальный наставник! Помешать этому могли бы

некие моральные нормы, в итоге как раз и были расшатаны сексуальной революцией. Разнополая "свободная" любовь перестала быть запретной – появилась тяга к однополю, однополая стала признаваться нормой – стали множиться кровосмесительные связи. Что на очереди? Снотолочество? Ненрофилия? В несколько поредевшем списке сенсопатологических аномалий есть еще кое-что на десерт. Не очень ясно, правда, что произойдет, когда меню будет исчерпано...

Дело зашло слишком далеко, если в ряде американских школ (например, в Бостоне) "сексуальные меньшинства" приходят раз в неделю к детям рассказывать об однополю любви – нет-нет, не для рекламы, а для просвещения; если в подавляющем большинстве иностранных книг на тему воспитания детей можно прочесть фразы типа: "Половая жизнь – это сфера инстинктов, почему же от ребенка надо скрывать правду об этом?" А ведь до сих пор считалось, что воспитание призвано укрощать и облагораживать инстинкты, и детей учили не теории и практике половой жизни, а этике и эстетике любви...

*И у детей
и у мамы кое-что
всегда найдется...*

В нашем Отечестве этот разговор пока еще не лишен смысла. Общество здесь все-таки очень традиционное. Гораздо более традиционное, чем кажется нам изнутри. И многие иностранцы это замечают. Например, австралийский социолог из Сиднейского университета Себастьян Дноб, проживший в Москве три года, сказал нам перед отъездом: "Вам кажется, что у вас в стране происходят стремительные перемены, потому что вы

имеете возможность сравнить сегодняшнюю жизнь с той, которая была десять, двадцать лет назад. Я могу сравнивать только то, что я увидел здесь и сейчас, с тем, что я вижу у себя в Австралии и в европейских странах. Русский жизненный уклад чрезвычайно патриархален, своеобразен и устойчив. И я вам желаю, чтобы вы смогли это сохранить*.

Хочется заметить, что, говоря о традиционном, патриархальном обществе, ни наш друг-социолог, ни тем более мы сами не рисуем в своем воображении каких-то публичных картинок. Свершившаяся на Западе сексуальная революция, безусловно, не могла не повлиять на нашу реальность. Но традиция смягчила, амортизировала это, просеяла сквозь сито культуры и оставила в общественном сознании наиболее, что ли, человеческие завоевания сексуальной революции: девушка уже не чувствует себя уязвимой, если не сохранила невинность до замужества, окружающие вполне терпимо относятся к гражданским бракам, исчезло понятие "незаконнорожденный".

Ну так, выходит, нам нечего бояться? То переварили, и это переварим? Нет оснований для паники?

Увы, это не совсем так... В Минске мы одновременно увидели как бы два витка сексуальной революции. Второй был представлен, разумеется, теми, кто опередил нас на двадцать лет – театром из города Мангейма (см. начало статьи), а первый... первый показали хозяева фестиваля – минский ТЮЗ. Хотя нельзя сказать, что это была полностью самостоятельная работа. Пьеса была немецкая, режиссер тоже – Х.Флаххубер. Спектакль назывался интригующе: "Про это не говорят".

В первых рядах сидели мальчики и девочки от шести до восьми. Сзади располагались взрослые –

педагоги и родители. Была приглашена и молодежь – студенты педагогического института. Да, еще, пожалуй, можно добавить, что это была пьеса-игра. Почему можно – скоро поймете.

Представление началось с того, что перед самым носом у детишек (сцены не было, и это тоже явно входило в режиссерский замысел) появились тетя, одетая дядей, и дядя, одетый тетей. В веселой тюзовской манере рязненные задали детям вопрос, к какому полу каждый из них на самом деле принадлежит. Дети, несмотря на маскарад, угадали правильно. Тогда последовал другой вопрос: а как, собственно, определить, кто мужчина, а кто женщина? Дети, еще не понимая, к чему клонят антеры, наперебой закричали: "Парик пускать снимать!", "Усы надо отклеить!" и т.п. Характерно, что ни один ответ (а их было достаточно много) не вышел за рамки приличий, не нарушил те границы, которые приняты и в Москве, и в Минске между взрослыми и детьми. Границу перешли взрослые. С шуточками и прибаутками они подвели детей к тому, что самое главное – другое. И стали со спортивной прытью раздеваться. Нет, не догола (это ведь пока первый виток просвещения, не забывайте!). До нижнего белья. Но зато потом другие актеры принялись рисовать углем на этом белье "самое главное". Рисовали и спрашивали у юных зрителей, как это называется. Дети сначала оцепенели, потом стали смущенно хихикать, отводить глаза, закрывать руками лицо, понимать плечами. Наконец одна бойкая девчушка писнула: "Щелинна!" (это белорусский вариант). "Правильно, умница!" – обрадовались артисты и поспешили дополнить... Справедливости ради надо отметить, что кроме бытовых наименований детям были сообщены научные: "вагина",

"пенис", "фаллос", "половой член". (Ну да, это просвещение!) Правда, потом, когда речь зашла о самом-самом главном и на вопрос, как это называется, та же самая девчушка пискнула: "Секс!", ведущий бодро дополнил: "А можно сказать: Трахаться!" Я, например, всегда говорю так!

И актеры незамедлительно приступили к демонстрации процесса. Понарошку, конечно. Ведь театр допускает условное действие, к тому же — первый виток. Они неловко лонились то крест-накрест, то валетом и все время просили детей показать, как же нужно. Тут даже храбрая девчушка ступевалась. И тогда актеры ласково, но твердо подняли с места совсем уж юную зрительницу лет шести и подвели ее к "маме" и "папе". Дело в том, что абстрактные мужчина и женщина по ходу спектакля очень быстро превратились в маму и папу. И в этом был особый, может, не для всех очевидный цинизм, потому что наши дети (про "ихних", просвещенных, судить не беремся) могут что угодно знать про мужчин и женщин, но, как правило, не переносят свои знания на родителей, автоматически вытесняя это из сознания как неприкосновенную тайну.

Рационально такой феномен необъясним. Почему дворовый хулиган, ругающийся матом, напичканный похабными анекдотами, готовый говорить "про это" даже с классной руководительницей, кричит другому хулигану: "Это твоя мать трахается с отцом! А моя не таняя!"? И украшая стены школьного сортира непристойными рисунками, никогда не изображает своих родителей? Вы спросите, откуда мы это знаем? Но ведь дети имеют обыкновение подобиные художества подписывать: "Маша+Ноля", "училка", "директор", всякие прозвища... Вот только "маму" и

"папу" (или даже "мамку" и "папну") вы там не найдете.

...Но вернемся к сплентанлю. Там было еще много интересного. Например, детям открытым текстом сназали, что онанизмом заниматься очень приятно ("дуже приємно" по-белорусски), и только глупые взрослые могут это запрещать. Тема была освещена достаточно подробно. Актер, изображая мальчика, сназавал (и даже помог себе жестом), как однажды занимался этим на уроке, а плохая учительница помешала. Антриса позаботилась о просвещении женской половины зала и от лица девочки поведала грустную историю о нечутной маме, которая в аналогичной ситуации не только помешала, но и сназала, что это стыдно. Сей ложный тезис артисты, хоча и гримасничая, не замедлили опровергнуть, залев под гитару: "Що приємно, то не стыдно!" И, разумеется, вовлели в хоровое пение весь зал.

Основным аргументом главного режиссера минского ТЮЗа М. Абрамова было то, что таной сплентанль сейчас остро необходим. "Ведь должны же мы были что-то противопоставить потоку грязной порнографии, которая льется на наших детей с экранов телевизоров! Нашей задачей было показать детям, что это можно делать красиво, задорно, весело. Должно же быть нормальное сенсуальное просвещение!"

Что ж, следуя логике режиссера-просветителя, родители уже не вправе будут выразить недовольство, если вдохновленный восхресным утренним спектаклем, ночью и ним в спальню ворвется крошка-сын и заявит: "Вы тут трахаетесь, а мне там одному скучно!" Учительница же, увидев на доске похабщину, не посмеет возмутиться, найти виновного и отвести его к директору. А если кому-нибудь на уроке приспичит... как бы это сна-

зять... Ну, в общем, заняться "приятным", то она прямо-таки обязана будет прервать — нет, не темпераментного шноляра! — объяснение. И, вспомнив театральную шансон с рефреном "что приятно, то не стыдно", призвать класс к подражанию. Чтобы не прослыть душой.

Без барьеров

Смешно? Не верится? Что ж, давайте снова совершим небольшое путешествие в "параллельное время", в общество второго витка. Перед нами недавно переведенная на русский язык книга "Игровая терапия: искусство отношений". Автор — Г.Л. Лэндрет, известный американский психотерапевт. "Позволять ли ребенку мочиться на пол в игровой комнате — это большой вопрос", — пишет он. И в качестве личного мнения добавляет: "Не следует разрешать детям писать в бутылочку с сосной, в потом пить мочу".

(Вы думаете, что речь идет о пациентах, страдающих тяжелой умственной отсталостью? Ничего подобного! Имеются в виду так называемые "дети с проблемами": чересчур застенчивые, заторможенные, не умеющие контактировать с людьми...)

А что еще фигурирует в списке ограничений на занятиях игротерапией? (Занятия эти, по убеждению авторов метода, способствуют установлению нормального контакта между взрослым и ребенком... В списке целых 54 пункта; но мы приведем лишь несколько. Итак, в игровой комнате запрещается: курить, бить окна, поджигать вещи, писать на доске грязные слова, бить терапевта, брызгать в терапевта водой. Нельзя полностью раздеваться, справлять нужду на пол, открыто мастурбировать (втихаря, стало быть, можно; в игровой комнате обычно предусмотрены укромные уголки,

чтобы ребенок мог при желании уединиться). Сам по себе ни один из этих пунктов не вызывает возражений. Действительно, нельзя бить окна, поджигать вещи, накладывать кучу на пол. Но согласитесь, наших детей с непомятым рассудком не надо об этом предупреждать. Им просто не придет в голову, явившись на занятия, вытворять что-то из перечисленного. Такое может быть только в том случае, если барьер между взрослым и ребенком фактически разрушен.

...Нам кажется, что сейчас наступил момент, когда в самом прямом смысле слова от каждого из нас зависит восстановление или, наоборот, окончательная потеря иммунитета. Иммунитета к самым разным социальным болезням, в том числе и к разрушению традиционных культурных норм, уничтожению именуемых "совковой психологией". И ссылки на государство, занятое совсем другими делами, и на бессилие слабого бесправного человека не могут служить оправданием. В конце концов никто сейчас, держа пистолет у виска, не заставляет перенимать западные образцы поведения, обучения и воспитания. Как никто не мешал красным от стыда родителям взять своих детей за руку и вывести их из минского ТЮЗа прямо посреди веселого "просветительского" спектакля. Но ни один этого не сделал.

Видимо, боясь показаться замшелым и дремучим.

Поговори со мной, дядя...

Нам кажется весьма спорным тезис о том, что надо все и везде обдумать, и чем откровеннее, тем лучше. Особенно когда речь идет о традиционных культурах, к которым, нравится это кому-то или не нравится, принадлежит и культура русская.

Более того, специалисты-этнологи относят ее к типу культур репрессивных: таких, в которых происходит бессознательное подавление и вытеснение целого ряда чувств, тем, явлений... По-видимому, это восходит к основам православия. Прекрасно высказался на эту тему отец Павел Флоренский. Он писал, что есть "внутренние слои жизни... которым надлежит быть современными даже от самого Я. (Не то, что от других! — Авт.) Танов по преимуществу пол".

Впрочем, в последнее время мы все чаще задумываемся: а так ли уж полезна и для рационального западного общества "тотальная" гласность, публичные осуждения того, о чем еще совсем недавно и у них полагалось молчать? Вообще рассуждения по типу "или-или", "или все — или ничего" чем дальше, тем больше напоминают наклейку, на которую рассчитывают поймать (и до сих пор ловят, хотя и в меньших количествах) простодушных людей. Или все, как по команде, осуждают эбьюз (а тамне проституцию, гомосексуализм, заражение СПИДом, жизнь "воров в законе", "опускание" уголовников, дрязги в среде музыкантов), или опять-таки все общество об этом "трусливо молчит".

Конечно же, если в жизни ребенка произошла такая трагедия, как превращение взрослым, то надо сделать все, чтобы смягчить последствия этой ужасной травмы. Но почему все дети должны быть вовлечены в эту орбиту? Зачем им получать дало не безобидные знания о том, что их, слава Богу, не коснулось? Мы задали этот вопрос немецкому специалисту, но слева решили кое-что уточнить.

— Вот уже несколько лет, — сказали мы, — в Германии ведется широкая просветительская работа по проблемам сексуального надругательства над детьми. Можете ли вы утверждать, что в результате такой работы эбьюз стало меньше?

Ответ был отрицательным. Нет, напротив, все больше и больше.

— А не опасаетесь ли вы, — задали мы свой основной вопрос, — что широкое обсуждение этой темы может привести к совершенно не запланированным последствиям? Например, породить неловкость и страхи в отношениях детей и родителей? Вызвать нездоровое любопытство и фиксацию на теме, которая большинству и в голову бы не пришла? Допустим, девятилетняя девочка, посмотрев спектакль "Сенрет", приходит домой, и отчим, у которого и в мыслях нет ничего такого, привычно целует ее в щечу, сажает на колени. А у девочки, которая до сих пор воспринимала это как нормальную родительскую ласку, немедленно возникают в голове сцены из спектакля. Там-то все началось именно с поцелуя!

Донладчик задумался, а потом сказал дословно следующее:

— Да, конечно, такое тоже может иметь место, но дополнительные результаты должны перевесить отрицательные.

Должны — и никаких гвоздей! Почти по Маяковскому...

Мыслишки и дейшки

И все же позволим себе поставить под сомнение истинность этого императива. Мы думаем, что при широком обсуждении традиционно запретных тем в общественном сознании происходят очень серьезные сдвиги. И когда маргинальные феномены активно проникают в общественное сознание, они перестают быть маргинальными — окраинными, и смещаются ближе к центру. А если активно муссируется идея об их распространенности, они, стало быть, захватывают все большие территории. И постепенно люди начинают считать, что порок повсюду. Не в отдельных (непросвещенных или, на-

оборот, слишком просвещенных, богемных) слоях общества, а именно везде и повсюду – в самых обыкновенных семьях, у самых обыкновенных людей. (Помните, как при Горбачеве, в эпоху песни "Путана", нам активно внушалась мысль, что девочки из вполне приличных семей страстно мечтают стать проститутками? И приводились ошеломляющие цифры опросов.) Так постепенно стирается, размывается представление о норме.

Конечно, в наш либеральный век нелегко провести такую уж четкую границу между нормой и патологией, между пороком и добродетелью. (Процессы диффузии, знакомые нам еще со школьной скамьи, вполне переносимы и на сферу морали...) Но говорить, что границ вообще не существует, что у каждого своя мораль, что и норма-то понятие весьма спорное и относительное ("Понажите мне, где она, ваша норма?" – характерная полемическая реплика) – это, может быть, очень демократично, но и очень безответственно. Ибо – взрывоопасно. Все равно как курить на бензоколонке.

Чем чревато утверждение, прозвучавшее из уст психотерапевта в фильме "Ное-что об Амелии"? Обращаясь к отцу, который два года сознательно жил с дочерью, человек в белом халате безапелляционно заявляет (вероятно, чтобы ободрить своего пациента):

– Нет такого отца, который бы подсознательно не думал об инцесте.

А у телевизора сидят отцы, много отцов. И, скорее всего, до просмотра фильма мало кому из них приходило в голову подобное. А тут, если уж специалист сказал... И уже не только в общественное сознание, а и в сознание каждого отдельного человека запускается мысль: так ведь и в нем подсудно живет тяга к запредельному пороку.

Не ищай лису на пороге

Помните, что сделал царь Эдип, когда узнал, что невольно вступил в кровосмесительный союз с собственной матерью? Он отказался от престола, бежал из Фив и, не дожидаясь нары богов, покарал себя сам – выколол себе глаза...

– Вы еще поналейте, что дыбу отменили! – возмутится оппонент. – Слава Богу, что сейчас и человек, и общество в целом стали легче ко всему относиться... Смягчение нравов свидетельствует как раз о развитии культуры. В том числе сенсальной.

Что ж, вопрос интересный. Даже отчасти философский. И спорный. В каких-то случаях смягчение нравов – это свидетельство развития культуры, а в каких-то совсем наоборот. Вот что говорит крупнейший западный этнолог и культуролог XX столетия Клод Леви-Стросс, изучивший множество самых разных, в том числе и архаических культур: "Запрещение инцеста – первоэлемент, на котором строятся все без исключения культуры, до сих пор существовавшие на земле, включая самые примитивные".

Нет, западное общество пока не отменило запрет на инцест, напротив, принимается много конкретных мер, создаются специальные службы, пишутся инструкции, снимаются фильмы, ставятся спектакли... Но "не будите спящую собаку" – предупреждает английская поговорка. Русская звучит еще более определенно: "Не буди лиха, пока оно тихо". Впускать в сознание, упрощать и рационализировать запредельное, преступное – это (если уж мы обратимся к фольклорным примерам) уподобляться зайцу из сказки про ледяную и лубяную избушку. Как известно, лиса, которую заяц по наивности впустил в свой домик, в конце концов вытеснила хозяина. Не с перво-

го, правда, захода, а с третьего, по-этапно. А все же выжила.

"Сенсуальные посягательства, — пишет уже цитировавшийся нами Г. Ландрет, — достигли сейчас таких эпидемических размеров и стали настолько эмоционально значимыми проблемами в нашем обществе, что больше нельзя дать никакой четкой рекомендации относительно реакции на поведение ребенка, кроме как быть очень осторожным". (Это автор рассматривает вопрос: может ли врач посадить ребенка на колени?)

Не правда ли, это каная-то другая реальность?

Не может быть?! Может...

— Да все они преувеличивают! — с раздражением воскликнул уже не воображаемый оппонент, а вполне реальный наш приятель, только что вернувшийся из поездки в Штаты. — Я разговаривал там со знакомой, она врач-педиатр. Неужели, спрашиваю, тут на самом деле так много этих збызов? Что, все с ума посходили, что ли? И она мне все объяснила. Что ты, говорит, это вопрос чисто финансовый. Знаешь, сколько тут баб заявляет по этому поводу в суд на своих мужей, лишь бы содрать с них деньги? А заинтересованных много. Это ж нучу рабочих мест можно организовать! Считаю, новое направление и в терапии, и в педагогике, и в юриспруденции... А вы, — сказал нам приятель, — наивно верите этим дутым цифрам, этой рекламной шумихе.

Даже если и так, да же если "все врут календари", и почтенные коллеги на международных научных конгрессах сообщают ложные цифры... Тогда уже неизвестно, что хуже. Муж-извергаец или жена, способная так ослепотеть близкого человека? Отец-совертитель или мать, го-

ворящая дочери: "Малышка, твоей маме сейчас очень нужны деньги. Я не хочу, чтобы лучшие годы нашей жизни прошли в этой дыре. А дом в приличном районе сама знаешь, сколько стоит. Нам не хватит да же на первый взнос". Ну а дальше объясняет, что надо сказать в суде про папу, чтобы с него в судебном порядке взыскали недостающие денюжки.

Как будет себя чувствовать девочка, если она на это согласится? Как сложатся в дальнейшем ее отношения с отцом? А когда она станет взрослой — с мужем? С собственными детьми? Что испытает за время следствия и суда отец? Пойдет ли он в тюрьму или, выловив кучу денег за несовершеннолетний збыз, все-таки насребет (а ведь это тоже немалые средства!) на полугодовой курс психотерапии и вернется в семью? В улучшенные жилищные условия?

Честно говоря, в этом не хочется разбираться. Новая реальность, реальность "второго витка" настолько запороговая, что ее лучше и оставить за порогом сознания. Оторопь наших соотечественников, потрясенное "Не может быть!" — это и есть нормальная защитная реакция.

Но нас, к сожалению, уже просветили. Мы уже не можем защититься восклицанием "Не может быть!" Знаем, что может. И бывает. И есть. Но мы тоже имеем право защитить свое сознание. И поэтому смеемся. Ведь существует такое понятие: "охранительный смех".

Не вживаясь в образы персонажей новой западной реальности, по соображениям психической безопасности не желая влезать в их шуру, обратим внимание читателей на ту особенность, которая сразу, без дополнительного анализа, бросается в глаза. Это — одиночество, которое теперь тоже перешло на какой-то новый виток. Человек уже отделен от другого чело-

века, в том числе и от самого близкого, стенной подозрительности, настороженности. Друг тебя обнял за плечи. — А не голубой ли он? Гость, войдя в дом, поцеловал ребенка. — Может, он педофил? Отец переносит на кровать заснувшую в кресле у телевизора десятилетнюю дочь. А у матери невольно мелькает мысль: не испытывает ли он в этот момент вонделения к девочке? И что самое обидное: у большинства в ноге "гвоздя" нет, а в голове уже засел...

А как же в области эбьюза...

Что-то сканет, что все это "марсианские хроники" и для нас совершенно не актуально. Если бы так... Но в последнее время мы все чаще слышим от родителей: "Мой сын так любит возиться с мальчишками! Борется, катается по полу. Снажите, у него нет скрытых гомосексуальных наклонностей?" И это те самые родители, которые непритворно унасаются, когда слышат о западной "проблеме номер один". Но ведь они точно так же унасались и не верили, слыша, что в некоторых странах разрешены однополые браки. И это было совсем недавно.

"Проблема" у порога. И от того, откроет ли наше общество двери избушки-сознания или все же удержится от такого небезопасного гостеприимства, зависит... А впрочем, чтобы избежать обвинений в излишней патетике, лучше процитируем несколько строк из книги Ивонии Насьяновой "О русском национальном характере": "Репрессивные культуры очень сильно сопротивляются всякому изменению. Когда же, наконец, происходит сдвиг сознания, он наседает ни много ни мало абсолютных точек отсчета. Тогда культурные слепы распадаются вообща, изменение приобретает не-

контролируемый, страшно разрушительный характер".

А если учесть русскую масштабность, страсть к размаху, то можете не сомневаться: отечественный эбьюз даст сто очков вперед эбьюзу западному.

Вперед, к обществу манкуртов?

Мы попросили прокомментировать проблему эбьюза и сексуального воспитания детей по "школьной программе", уже реализуемой в России, одного из авторитетнейших отечественных специалистов в этой области, врача-психиатра БОРИСА ДРАПКИНА.

— Меня, честно говоря, смущает слово "насилие". Насильник — он насилует в подъезде, в лесу, он хватает ребенка, утаскивает. А в семье это, наверное, не насилие, это постепенное извращенное воздействие на ребенка, его растление. Грань между извращением и нормальной родительской лаской очень тонка.

Вот смотрите. Мать для новорожденного ребенка — источник всех дополнительных эмоций. В чем это заключается? Она должна его обнять, поцеловать, принять к груди, приласкать... Без этого ребенок не развивается, растет больным. А почему папа не может ласкать ребенка? И он тоже должен, хотя до 6–8 лет материнское тепло куда важнее. Но где здесь грань? Мы говорим: "отцы-насильники". А мамы что делают? Они до 5–6 лет кладут детей к себе в постель. Да, это жизненно необходимо и ребенку, и матери, но... Это развивает в дочке чувственность. На каком-то уровне у нее начинают функционировать другие железки — и вот, наконец, ваше материнское тепло ненароком вызывает естественную реакцию.

Это жизнь. Здесь тонко надо чувствовать предел, за которым естественная любовь к ребенку переходит в его растление.

Как это сказывается на психике ребенка?

Насилие – это психическая травма, сверхсильное эмоциональное воздействие на организм, которое вызывает соответствующие ответные реакции. И, конечно, чем сильнее травма, чем младше ребенок, тем страшнее. Кроме того, если личность может хоть частично принять случившееся, значит, будет меньшая травма. А если категорически не может принять – это ломка, крушение.

Острая психическая травма – один случай. Другой – когда ребенок долго находится в травмирующей обстановке, когда должен скрывать, например, от матери домогательства отца. Постепенно ситуация становится непереносимой, развивается депрессия, и ребенок может дойти до самоубийства. Конечно, в каждом возрасте дети реагируют по-разному: скажем, до 4 лет – это потеря аппетита, рвота, сбой в сердце, заикание; а в 7–13 лет возможно депрессивное состояние; а с 13 лет уже идут всевозможные "навязчивости"... Физически девочка вполне может стать матерью, но психически – нет. Она станет инвалидом...

И вот в то время, когда психофизиологические структуры организма, данные у старшеклассников, еще не готовы к сексуальной жизни, детям предлагают пройти курс сексуальной подготовки. Сначала, конечно, теория, но где теория, там и практика. Возможности сексуального воздействия расширяются. И насилие мажорным цветом расцветает, и растление. И самое главное – дети будут охотно на это идти: им готовят, "взрыхляют" психологическую почву...

Самое страшное то, что вся эта сексуальная белиберда, которую хотят давать детям, подкреплена авто-

ритетом школы. Альтернативой предлагаемой школьной программе полового воспитания может быть создание в полиплиниках анонимных психотерапевтических кабинетов, специализирующихся на консультациях. Почему не в школе? Потому что если одноклассники увидят: Ира, например, пошла к школьному психотерапевту, значит, у нее сексуальные проблемы. Завтра вся школа будет об этом знать и девочку или загонят в самоубийство, или будут считать, извините, проституткой...

Обратите внимание: программа полового воспитания школьников идет не от медиков, а от педагогов. Почему? Потому что мы не видим в ней пользы, а вред наносить не хотим. Сексуальность – вещь тонкая, не надо в нее вмешиваться. Мы такого можем натворить! У нас сейчас на первое место среди всех детских патологий вышла задержка психического развития. Мы глупеем на глазах. А ведь уже пренебрежительное сексуальное воздействие задерживает интеллектуальное развитие.

Так что же, вперед, к обществу манкуртов, людей-роботов?

Комментарий записала
ТАТЬЯНА СМОЛЬЯНОВА.

**Молодой следователь,
очувившись на скамье
подсудимых, перед
вынесением приговора
исчез из зала суда.
Больше года скрывался
от федеральных властей.
А когда, пойманный,
снова предстал
перед судом, выяснилось:
пережитое им
в это время
оказалось мучительнее
любого наказания.**

ПОСЛЕ ПОБЕДА

и мог спрятаться раньше, потому что не был взят под стражу и приезжал в суд из дому. Но, видимо, теплилась в нем надежда – дадут пару-тройку лет условно, останется, хоть и с клеймом судимого, но – на свободе. И вот последний круг, прения сторон – обвинения и защиты, тогда прокурор вдруг потребовал ему шесть(!) тюремных лет.

Приговор должен был прозвучать на следующий день, но не прозвучал: подсудимого в зале не оказалось. Он, объявленный в федеральный розыск, исчез из города Сочи, оставив там жену и четырехлетнего сына.

Я писал уже о том, как он оказался на сцене подсудимых ("Грехопадение", журнал "Смена" № 12 за 1995 г.), назвав его другим именем, потому что приговора суда на нем не было. Сейчас повторный суд позади. Приговор оглашен. А на моей диктофонной пленке – исповедь самого подсудимого, записанная в камере следственного изолятора. Я включаю запись, слышу прерывистый голос Олега Савостьяна (это подлинное его имя) – его торопливую спороговорку и мучительные паузы, когда слюзы в горле мешали ему рассказывать, и вижу: вот он, с другой стороны стола, то жестикулирует, то вдруг застывает в неподвижности с искаженным болезненной гримасой лицом, то снова, как в пропасть, бросается вспоминать подробности своего нелегального бытия.

Из диктофонной записи:

"... Вы думаете, я где-то в подвале прятался?! Ничего подобного!.. Уехал к друзьям, в Петербург, работал вначале в порту грузчиком... Розыск?... Да какой там розыск!.. Настоящие сыщики в России на другую работу перешли или по тюрьмам за что-нибудь сидят. Но это все равно не спасает от ощущения, что за тобой вот-вот придут. Тошнотворное

чувство!.. А взяли меня случайно... Хотя, да, конечно, в каждой случайности есть своя закономерность... Труднее было, пока семью из Сочи не перевез... Вкалывал грузчиком да писал в инстанции кляззы. Если б вы знали, как это стыдно писать кляззы!.. Грузил ящики с водкой – там на бой что-то списывали, каждый день – по стакану в себя, без закуски, пока кровь желудком не пошла... А когда грузил – думал: ну, накажите вы меня как-то иначе, но не тюрьмой, я же сам туда преступников отправлял... Ну хоть отрежьте уши, но дайте свободно работать... Семью кормить..."

Историю его грехопадения мне придется рассказать заново не только для того, чтобы напомнить ее читателям. На диктофонной пленке Олег Савостьян трантуует ее иначе. И то, как он это делает, объясняет многое в нынешнем положении российского следователя.

...В тот летний вечер Олегу Савостьяну выпало денурить по прокуратуре. Ничего серьезного днем по Центральному району города Сочи зарегистрировано не было, и только ближе к полуночи явилась в милицию девушка с подругой. Принесла заявление. В нем – об изнасиловании. О том, как заманил ее на ночной пляж мунчики по имени Алексей, завел в помещение, где стоят спортивные тренажеры, усадил, а потом уложил на кушетку и надругался, применив силу.

Подробности изложены в общем-то убедительно. Правда, ни ссадин, ни порванного белья пострадавшая предъявить не смогла, но, монет, насильник применил болевой прием, сделавший жертву неспособной к сопротивлению? Словом, все было достаточно традиционно, кроме одной странной детали: расставаясь, насильник зачем-то назвал жертве (назовем ее здесь Валей Ванеевой) свой домашний адрес по улице Роз. И вот Ванеева

пришла в милицию с этим адресом и со своей дальней родственницей Ореховой, чтобы власти немедленно нанесли паршивца.

Власти в лице милицейских начальников на всякий случай послали на улицу Роз машину, будучи уверенными, что адрес ложный. Оказалось – подлинный. Алексей был дома, и когда его привели к следователю на допрос, сразу признался: случился грех. Да, в зале с тренажерами, на кушетке. Но – без насилия, как говорится, по обоюдному согласию. С условием, что еще встретятся. А иначе зачем бы он дал Ванеевой свой адрес?

Стало ясно: любовный этот сюжет судебной перспективы не имеет. Да и сама Ванеева, видимо, рассчитывала на другое, зная, что Алексей женат и не захочет шумной огласки своего приключения, а скорее всего возместит ей "моральный ущерб". Правда, эту мысль высказала не она сама, а ее энергичная родственница Орехова, работавшая тогда диспетчером в сочинском клубе знакомств "Ночная Луна" и неплохо знавшая психологию заходивших к ним "женатиков". И... следователь оставил неудачливую лавеласа ночевать в дежурной части милиции.

Потом он снахает, что хотел лишь помочь уладить конфликтную ситуацию мирным путем. Что ни о каких деньгах не помышлял. Что посылал "своих людей" вместе с Ореховой на переговоры о материальной компенсации отнюдь не из-за претензий на половину суммы, а для защиты Ореховой от возможных силовых эксцессов со стороны жены Алексея Лунина, который, кстати, содержался под стражей трие суток.

Помогал же следователь улаживать конфликт весьма своеобразно: предложил мнимой пострадавшей написать новое заявление, где она признавалась, что никакого насилия не было и потому отказывается от претензий к Лунину. Ванеева с зада-

чей справилась, но будто бы предварительно уточнила:

– Что я с этого буду иметь?

– Половину суммы.

– А вся сумма какая? – не унималась Ванеева, подбадриваемая неутомимой родственницей Ореховой.

– Десять миллионов...

Тогда, летом 94-го, это были деньги немалые. И "улаживание конфликта" началось. Бойкая Орехова позвонила жене Алексея Лунина.

– Хотите выручить своего мужа? Готовьте дененки.

Договорились о встрече. Место выбрали изящное: возле гостиницы "Приморская", в салоне женской парикмахерской, где в небольшом фойе, оборудованном под эlegantный бар, дамы и их спутники пьют за столиками черный кофе с французским коньяком. Орехова, работавшая до "Ночной Луны" официанткой, считала себя опытной физиономисткой. Поэтому, увидев настороженно-встревоженное лицо Луниной, решила, что из этой-то тухи дененки можно выбить легко... И сильно ошиблась.

Лунину волновал не столько сам ход переговоров, сколько качество записи разговора на диктофон, бесшумно работавший в ее сумочке, поставленной возле чашек с кофе. Она сразу согласилась на десять миллионов, но долго допытывалась: а какие гарантии? С простодушием человека, привыкшего делить левые деньги, Орехова ей сказала:

– Так ведь половина денег следователю пойдет.

Лунина пообещала собрать деньги к завтрашнему вечеру.

К этому вечеру Савостьян готовился. Он назначил Ореховой свидание на набережной речки Сочинки, в кафе "Палуба", примерно за полчаса до ее встречи с Луниной. Познакомил там со своим приятелем, приехавшим в Сочи отдохнуть и остановившимся у него, Савостьяна. Проинструментировал обоих: держаться

неподалеку друг от друга, делая вид будто незнакомы.

— Сочи — город неординарностей, — объяснил он приятелю, — а тебе нужно выполнить что-то вроде охранной функции...

Взяли такси. Пересекли центр города, подъехали к тому же салону. Савостьян вышел из такси чуть раньше, сказав: "Я тут подонку". Но дело срывалось. Пришедшая в салон Лукина сообщила, что деньги собрать не удалось, и предложила Ореховой взять пока в залог ее собственный товар, которым она торгует — спортивные костюмы в упановне на ту же сумму. Решили брать, что дадут. Поздним вечером Орехова и Лукина ездили на какой-то склад, грузили товар в баганнык, перевозили его в дом подруги Ореховой, живущей на Учительской улице, куда на следующий же день, как потом свидетельствовала хозяйка квартиры, будто бы приехал и следователь Савостьян — убедиться: Лукина не обманула, вот они, упановни с костюмами. В этот же день он, пригласив в прокуратуру всех троих — Лукину, Орехову и Ванееву, будто бы заставил минимую пострадавшую демонстративно написать еще одно заявление, прощающее Алексея Лукина, которого буквально через полчаса выпустили из изолятора временного содержания.

Операция, в общем, была завершена. Остался пустяк — обменять товар на деньги, что Лукина твердо обещала сделать через два дня. Эта последняя встреча была назначена на 16.00. К ней готовилось немало людей. В Сочинском отделении РУОПа (регионального управления по борьбе с организованной преступностью) по заявлению Лукиной о вымогательстве шла подготовительная работа: на принесенные ею 250 тысяч рублей и 625 долларов делали спецчернилами бесцветные пометки, которые при просвечивании проступали синей надписью: "РУОП. ВЗЯТ-

НА". Саму Лукину снабдили звукозаписывающим устройством, передающим запись ее разговора из помещения в автомобиль с группой захвата.

Готовился к встрече и следователь Савостьян. На этот раз у него функцию охраны должен был осуществить другой его приятель, который на своих "Жигулях" подвез Олега к перекрестку улиц Ордионикидзе и Соколова. Остановились неподалеку от салона. На часах было 15.50, когда появилась молодая женщина, стрельнувшая в их сторону понимающим взглядом.

— Это Орехова, — объяснил Савостьян сидевшему за рулем приятелю. — Ей сейчас передадут для меня долг, ты там побудь за соседним столиком.

И приятель, хлопнув дверцей, пошел в салон. Сел, как велено, за соседний столик, не глядя на Орехову. К ней тут же подседа другая женщина, четко проговорившая:

— Я принесла деньги, — она подвинула к ней упанованный в бумагу пачет. — Здесь часть в рублях, часть в долларах. Будете считать?

— Да ну, что вы! Я вам верю...

Женщина ушла, и Орехова, положив пачет в кошелек, тоже вышла. И — пересекла перекресток. Она успела открыть переднюю правую дверцу и протянуть кошелек через сиденье, по ее словам, прямо в руки Савостьяну, когда автомобиль вдруг оказался окруженным людьми в штатском.

Был ли Олег Савостьян в шоке, когда его взяли на первый допрос? Ругал себя за неосторожность? Трудно сказать. Он не отрицал своего участия в "возмещении морального ущерба". Объяснял это желанием поскорее прекратить уголовное дело и уйти в отпуск. Поэтому "обеспечивал" безопасность Ореховой, давал ей некоторые советы и даже ездил на улицу Учительскую, чтобы на глазок оценить, стоят ли 10 миллионов

упановни с костюмами. Но получение денег от Ореховой отрицал категорически. Утверждал, что не взял в руки протянутый ею кошелек, который оказался брошенным на переднее сиденье. Уточнял: действия Ореховой, как он их понимает, самая настоящая провокация.

Орехова, оказавшаяся потом рядом с ним на снэмье подружимых, по его словам, выполняла специальное задание спецслужб, которые провоцировали его, лучшего следователя прокуратуры Центрального района, на получение взятки... Потому что он, Савостьян, видимо, кому-то очень мешал...

Об этом же он после побега писал "из подполья" в своих жалобах, адресованных в Верховный Суд РФ, в Конституционный суд, в Администрацию Президента. Но ни одного имени из тех, кому он мог мешать, там не было названо. Кроме, пожалуй, одного: своего начальника – прокурора Центрального района Сочи Александра Назимирова. Но чем именно он, Савостьян, мог мешать своему начальнику, Олег так и не написал. Да и трудно здесь, хоть с натяжкой, привести какие-то факты, потому что было известно: именно Назимиров называл 28-летнего Савостьяна лучшим следователем их прокуратуры. Именно он выхлопотал Савостьяну квартиру в самом зеленом и тихом районе города. И потом, когда Савостьян дванды(!) пытался уйти из прокуратуры, убеждал его взять заявление обратно. А ведь если бы мешал, подмахнул бы и вы проводил.

Назимиров же как-то даже зазвал Савостьяна с женой к себе в гости, когда у того в супружеских отношениях наметилась трещина, пытаясь, может быть, с излишней прямотой и упорством уладить его конфликты с женой примером своего домашнего бытия: вот, смотри, у нас те же материальные трудности, я

без выходных с утра до ночи на работе, жене с двумя детьми нелегко, но мы друг друга стараемся понять... Постарайтесь и вы!..

Из длинной и довольно сумбурной жалобы (сказались, видимо, особенности грузничкой работы) мне удалось понять лишь одно: Савостьян рассчитывал если не на помощь Назимирова, то хотя бы на его самоустранение. Но пронурок с тем же упорством, с каким опекал и поддерживал Савостьяна раньше, теперь, поручив вести его дело следователю своей прокуратуры Снегеновой, добивался выявления полной картины происшедшего. Может быть, потому, что, будучи человеком прямым до резкости, хотел понять, как и почему он, Назимиров, обманулся в лучшем своем сотруднике. Савостьян же в жалобах "из подполья" настаивал в основном на том, чтобы его дело передали в другую прокуратуру, может быть, надеясь на снисходительность "сторонних" коллег. Но концепцию своей защиты – "провокация" – не менял. Не изменил он ее и за тем столом, на котором между мной и им лежал диктофон. Объяснял он настойчиво, но – не убедительно.

Из диктофонной записи:

"... Когда я понял, что Орехова – вымогательница, то решил: дам развиться ситуации до конца, а потом задокументирую факты и заведу на нее уголовное дело... Представьте: вот она действует от моего имени, давит, пугает, вот приносит мне часть денег, а у меня в кабинете – понятия!.. Тут же – протокол!.. И Орехова получает по заслугам... Конечно, была у меня и такая мысль, что это все подставка... Что за Ореховой кто-то стоит... Но я был уверен, что выявлю и тех, кто провокацию против меня организует...

– А зачем поехали к тому салону, где состоялась передача взятки?

– Я же должен был контролировать процесс!..

– И все-таки не понятно: даже если принять ваше объяснение, зачем так рисковать? Ждали бы Орехову в кабинете, с понятными...

– Я недооценил тех, кто был за спиной Ореховой. И потом: я отношу себя к тем, кто идет на риск ради дела.

– Но могли бы вы о задуманной вами операции доложить своему руководителю, тому же Александру Казимирову?

– Нет. Потому что в моих предположениях, кто именно может оказаться за спиной Ореховой, были разные фигуры... В том числе и он...

– Да он же считал вас лучшим следователем, не отпускал из прокуратуры. И вдруг – провокация. Не легче ли ему было подписать ваше заявление и отпустить? И потом: есть хоть какие-то факты, подтверждающие ваше предположение?

Фактов не было. Была почти детская обида: не устранился Назимиров. Не передал его дело в другую прокуратуру. Сменил в отношении с ним плюс на минус. Да, конечно, Назимирову самому пришлось туго – такой удар по авторитету его прокуратуры. Хотя по всей России теперь подобных эпизодов – пруд пруди. Вот примеры: в Ростове-на-Дону осужден на 8 лет следователь, который за взятку прекратил дело, и без того подлезающее прекращению. В Чернышевске Калининградской области старший следователь прокуратуры вынудил своего подследственного, сидящего в тюрьме, продать квартиру, пообещав за вознаграждение не лишать свободы. В Москве следователь Генеральной прокуратуры и районный прокурор столицы уличены в мошенничестве.

Но Назимиров – фанат своего дела. Сам работает, не считаясь со временем, и от других того же ждет. К тому же – аккуратист и педант. Терпеть не может малейших отступлений от правил и процессуальных норм, какими бы они ни назались ус-

таревшими. А тут – действительно лучший следователь прокуратуры, распутывавший споннейшие дела, молодой и настойчивый, Назимиров его всем в пример ставил – и вдруг таков?! Вот как сам Александр Григорьевич объясняет случившееся.

Из диктофонной записи:

– Для меня это было шоком. Да, я видел, что работать Олег стал без прежнего напора... Подумал уже, а не напрасно ли я ему не подписал рапорт на увольнение?.. Но предположить, что он станет участником вымогательства, не мог... Видимо, сломался человек... Значит, изначально стержень был не очень крепок... Есть такая порода людей – пылких, напористых, но недостаточно твердых в своих убеждениях. Это первое. Второе: соблазн больших денег для человека, соприкасающегося с преступным миром, постоянен. И не все, наверное, способны его выдерживать. И, наконец, третье, возможно, самое главное: сизифов труд работников правоохранительных органов... Мы задерживаем преступников, расследуем их деяния, доказываем их вину, в общем, тратим гигантские усилия. А суд, по разным причинам отменяя две трети наших доказательств, дает им символическое наказание. Преступники через каких-то полгода уже на воле – раскатывают на своих "мерседесах". И – посмеиваются над нами.

Последние полтора года работы, по словам Савостьяна, нагрузка у него была такая, что выходных он не знал... С женой из-за этого неладило... Полученная квартира довольно долго стояла почти совсем пустой – не на что было купить мебель. Наверное, это не имело бы особого значения, если бы не фон: в курортном городе Сочи оборотистые люди, не гнушавшиеся ничем, быстро наживали целые состояния, их сынки-подростки расхаживали по улицам на новеньких машинах. И опять-та-

ни не это главное. Но тогда – что именно?

Из диктофонной записи:

“... Почему хотел уйти?... Да двое наших сотрудников, уйдя, стали адвокатами, и их материальное положение сразу поправилось... Была и у меня такая же мысль... Но не в этом дело. Точнее – не только в этом. А в том, что я не могу бить слабых. Сильных – могу, а слабых – нет... А тут такая власть – это же наркотик! Влезешь в подробности уголовного дела, раскручиваешь его,ходишь в азарт. Но постепенно до меня дошло: я бью только слабых. Сильные обезопасили себя деньгами и связями, как их ни цепляй, все равно вывернутся. А слабые – это те, у кого ничего, кроме стакана в руках, нет, кто по пьянке угробил своего собутельника или родственника... Единственное, что у слабого есть – свобода, да и ту я у него отбираю... В соответствии с законом, конечно... Вот это меня утешало... Постепенно перестаешь себя уважать, понимаете?... А я ведь в детстве моряком хотел быть... Мы всегда жили небогато: отец – тракторист, мать – по хозяйству, они здесь, в пригороде Сочи, живут... И я здесь вырос... В Афгане был в 84-м... Учился потом в юридическом... Думал, смогу всегда и во всем добиться справедливости. А как погрузился в работу, как увидел, что крупных негодяев не накажешь, то стали руки опускаться... Написал Казимирову один рапорт на увольнение. Потом – второй. Но он так настойчиво убеждал не уходить... И все как-то сразу спелось: усталость, домашние проблемы, невозможность уйти из прокуратуры еще и потому, что квартиру недавно дали... Я ходил, уже ничего не соображая, внутренне разрываясь на части...”

Он говорил о том, что не может бить слабых, а мне вспоминалось все то, что в последние годы так или иначе связано с бессилием правоохранительных органов России: нерас-

крытые убийства банниров и журналистов, теранты в метро и в троллейбусах, мошеннические “пирамиды”, олицетворением которых стал ушедший от правосудия в депутаты господин Мавроди, попытка вынести из правительственного Белого Дома коробку из-под фансы, набитую пачками долларов, публикации расшифровки телефонных разговоров правительственных чиновников об этой коробке, отдающих распоряжение Генеральному прокурору России поприветствовать следствие, которое может повредить лично им.

Нет, это уже не фон – это процесс. В него втянуты все мы, без исключения. Это та самая радиация, пораняющая, конечно же, в первую очередь тех, кто обязан осуществлять власть закона... Какой же нужно обладать душевной крепостью, чтобы не дать пропитать себя наливом заразой беспредела, ползущего сейчас по всей России?

Из диктофонной записи:

“...В Петербурге в конце концов друзья помогли мне найти сносную работу – в службе безопасности одного банка. В мои обязанности входило – собирать информацию о тех, кто брал в банке большие кредиты, чтоб проколов не было. А если уж прокол случился и взявший деньги не возвращает их, разыскать его и в законном порядке привлечь к ответственности, взыскав с мошенника через суд долг вместе с процентами. Словом, дело мне близкое. Работал я с охотой, контактировал со всеми правоохранительными органами – с РУОПом, с прокуратурой, с милицией. Снял квартиру, перевез из Сочи жену с сыном. Правда, денег стало не хватать, так как за квартиру каждый месяц выкладывал 700 тысяч и за детсад для сына 300 тысяч. Опять стал ходить в порт – подрабатывать вечером и ночью грузчиком. Норма была – 110 тонн бананов за смену на одного человека. Бывало, под утро возвращался, успевал только пе-

реодеться и – в банк. Ходил, покачиваясь, в глазах – песок. Как-то брился, гляжу – виски стали седеть, а мне только-только тридцать исполнилось. И все то же ощущение, что за мной вот-вот придут... Ну в таком вот состоянии я и напоролся на одного дошлого. Приехал к нему в Тосно, это под Петербургом, разбираться, почему кредит не возвращает. Предупредил: он уже за той чертой, когда суд может квалифицировать его действия, как мошенничество. Пообещал через день приехать снова. А он за это время все обо мне разузнал и позвонил в угрозыск. В назначенный день приезжаю я в ОБЭП (отдел борьбы с экономическими преступлениями) Адмиралтейского района, чтобы вместе с его сотрудником ехать в Тосно, а мне говорят: "Тут с тобой наш начальник угрозыска хочет поговорить". И еще вижу – двое незнакомых сидят... Ну, я все понял... Начальник спрашивает: "Ты ведь из Сочи?" Я ему говорю: "Да". Он кивает на тех двух: "А вот они за тобой приехали..." И повезли меня поездом обратно..."

Он вспоминает, как везли. Боялись, что убежит – приковали наручниками руки и ноги, будто распяли. Шевельнуться трудно. Так – несколько суток. Шевелился, только когда в туалет выводили. Жена взяла билет на этот же поезд, приходила из другого вагона с едой. Нормила, как ребеночка. Конвойные, наблюдая, посмеивались: "А мы слышали, что вы вроде в разводе." Попливали водичку, пощучивали, разглядывая жену. Очень нехорошо пощучивали. Савостьян умолкает, желваки появляются на скулах.

– А сыне с ним оставили? С друзьями?

– Сына?! – вскидывается Олег, и тут же спазм перехватывает ему горло, и влажнеют глаза. Он молчит, не дыша, наконец, с трудом проглатывает комочек и выдыхает из себя воз-

дух, словно сбрасывая невероятную тяжесть. И вдруг кричит:

– Я не к ним, как к людям, к этим конвойным!.. Когда они обсудили, как ехать, я им предложил: мои друзья дадут машину до Сочи. В ней можно жену и сына увезти, все бы поместились, куда бы я уже от них не делся – я им это пообещал, потому что жить в такой неопределенности – мученье... Лучше уж скорее суд... Так эти двое мне в ответ только хмыкнули: мол, нам с тобой хлопот хватит... Выбрали поезд... Понимаете?..

Нажмет, я понимаю: единственное, на что он надеется, чем дорожит, во что еще верит, – это семья. А те двое, поливая водичку, надругались над его верой.

– Я ведь в Петербурге так работал не ради себя, а чтоб семью хоть немножко обеспечить, – продолжал он. – А тут на один переезд столько денег ушло. И сейчас: я здесь, в тюрьме, сплю да ем – трехразовое питание. Такого на воле у меня никогда не было, перехватывал раз в сутки, наспех, потому как некогда. А мои – жена, мать, отец – теперь там, на воле, нилы из себя тянут, чтоб мне продуктовые передачи в тюрьму собирать. Это ж обычай, его не отменишь. У меня тут чуть не курорт, в у них там – наторга!..

Опять – желваки на скулах, глаза влажнеют. Склоняет голову, занюсил губу, стучит кулаком по столу.

– Я тридцатилетний дурак, здоровья хоть отбавляй, работать могу сутками... А они меня кормят!..

И, подняв взгляд, повторяет мне то, что уже говорил вначале:

– Ну запутался я, наказите, только не тюрьмой. Ну хоть отрензьте уши, но дайте свободно работать... Семью кормить...

...Олегу Савостьяну суд определил меру наказания – два года лишения свободы. Дев длинных, почти бесконечных года!..

МОНОЛОГ НА ЗАКАТЕ

АЛЕКСАНДР КРАВЦОВ

Актерская старость – особая статья. Все дело в том, где она проходит. Актеры чутко реагируют на среду. Ностюм, прическа, обувь – все играет роль. Некая-нибудь царственно принолотая и шейному платочку бутяфорсная булавка – и дряхлая, чуть ли не в рубище, старушка смотрится потомственной герцогиней. Я видел-перевидел старых антеров и антрис в домах ветеранов сцены и кино Москвы и Питера. До последних дней их жизни легко определить, в каком эмплуа они себя видят: одни – драматические или лирические герои, эти – социальные, другие комические простани, резонеры, инженю и даже трагести. Можно определить и положение, которое они занимали в труппах, где состоялась, была недолгой или вообще прошла стороной их слава. А, в общем, это странный спектанль со многими загадочными персонажами, величественный и жалкий.

Совсем другое дело – старость тех немногих избранников судьбы, которым уготована смерть на сцене, на репетиции, в кулуарах родного театра или на съемочной площадке. Они живут, не утратив ауры, вызывающая трепет восхищения и желание оберечь, охранить. Как редкая книга в обветшавшем переплете, и которой принасаются с почтением и неизменным интересом, если не творческим, то хотя бы антикварным. Единственный раз я видел, как съемочная киногруппа и случайные зеваки устроили долгую овацию на появление знаменитого актера. Это был Николай Афанасьевич Нрючков, уже очень старый, рассчитывавший на какое-то движение и поэтому величественно артистичный при всей традиционной своей простоте и народности. Он благодарно, чуть увлажненными глазами глядел на толпу и коллег. Я боялся, что он скажет: «Остановись, мгновение!» На этот раз не сказал. Это произошло позже, через год-два. А в тот день он был тем, каким я знал его много лет: с удовольствием рассказывал всем о своем житье-бытье в кинематографе...

Старые актеры, как правило, страдают недержанием речи. Это не порок, потому что у самого скромного из них есть что и о ком вспомнить. Но право на монолог – это справедливо для всех возрастов – имеют только интересные личности.

У Цецилии Львовны Мансуровой вообще не было старости, хотя дожила она до 79-летнего возраста. Первая Турандот, слава Вахтанговского театра, она сохла, темнела кожей, но оставалась изящной, подвижной и не меняла своих эксцентрических привычек. Чудесный голос ее по-прежнему взмывал ввысь, рассыпаясь на звонкие нотки под лепниной высоченных потолков театра и добротной квартиры в знаменитом вахтанговском доме на улице Щукина, 8-а.

Антерсная жизнь ее удалась. Принцесса Турандот принесла быстрое признание и симпатии зрителей, но еще не славу и тем более не мастерство. Позже, на сцене театра имени ее великого учителя, была легкомысленная, вызывающе упрямая в своей поверхностности Нсения в спектакле «Разлом» по пьесе Б. Лавренева, отчаянная в мошеннических проделках, изворотливая в интригах Зойна из «Зойниной квартиры» М. Булгакова, затем – признанная самим М. Горьким и прославленная рядом с великим Борисом Щукиным – Бульчовой рыжая Шурна в спектакле «Егор Бульчов и другие». Уже мастером, способным отвечать за какое-то свое творение, играла она нежную и трагическую Иннен в «Перед заходом солнца» Г. Гауптмана, умницу с поэтическим воображением Роксану в «Сирано де Бернаеран» Э. Ростана. Дальше – победоносная эпопея с заглавной ролью в «Филумене Мартурано» Эде Филиппо и филигранно отделанный эпизод – мать Наренина в спектакле «Живой труп».

«У Цецилии была прекрасная актерская судьба, – писал о ней один из давних и частых сценических партнеров Иосиф Толчанов, – она не знала горечи поражений»...

Она никогда не подогревала интерес к своему имени, не хлопотала о знаках официального внимания и рекламной славе. Все знали, что Мансурова – профессор, но впустить в себя этот образ не удавалось никому: ни ей самой, ни окружающим. Между собой все возрасты, – актеры и театральные студенты – звали ее Цилушей.

Последние годы жизни Мансуровой не были заполнены ролями. Кажется, она играла только Наренину-мать в «Живом трупе». Ей уже не поручали художественного руководства студенческим курсом в училище, лишь иногда – педагогическую работу над отрывками. Для стройного ре-

бочего графина она была слишком непослужательна – психика подвела.

Но на всем другом это не отражалось. Назалось, закатная заря Мансуровой горит ярко, как осенний рымянец легочных больных.

Ее нарасхват приглашали на творческие встречи с московскими студентами, и она с честью выдерживала их напряженный ритм. Молодежь 70-х тянулась к ней по-своему, с другим чувством, но не меньше, чем молодые поколения двадцатых или шестидесятых.

– Взгляните! – заенела она, разворачивая рукописную афишу. – Студенты дали мне звание народной артистки СССР! Почему-то все уверены, что оно у меня есть. Наверное, правительство тоже так думает – оно же про жизнь театров знает только понаслышке... Ну вот и хорошо! Народ дал звание – чего еще надо?..

На «одиссее» с этими регалиями ломались люди с психикой куда более крепкой, чем у Цецилии Львовны. Но она весело парила над мышинной возней вокруг «раздачи слонов», и мы, ее друзья, были уверены, что с этой стороны Мансуровой уж точно не грозит никакая опасность.

Мы заблудались. На последние годы ее жизни и пришлось несколько нравственных ударов именно оттуда. Не со зла били, а так – от широты места.

Первый был нанесен в день очередного представления спектакля «Идиот». Неотразимая Юлия Борисова играла Настасью Филипповну, одну из своих лучших ролей на сцене и в кино, и театральное руководство выбрало этот вечер для особого торжества.

Перед вторым актом занавес открылся, неожиданно обнаружив на сцене всю труппу во главе с тогдашним главным режиссером Евгением Симоновым. На авансцене стояла, откровенно волнуясь, Борисова в ко-

стюме своей героини. И Симонов объявил Указ о присвоении ей высшего артистического звания. Зрители поднялись с мест, аплодируя. Евгений Рубенович, в очередной раз блистая ораторским мастерством, произнес:

– В труппе театра Юлия Борисова наследует великой вахтанговской антрисе Цецилии Мансуровой...

И вновь зал дрогнул от оваций. Юлия Константиновна, человек умный и тонкий, низко поклонилась своей учительнице. А та стояла в толпе коллег, улыбаясь куда-то в пространство, нервыми пальцами тербя ремешок сумочки и опреляя платье.

Многие услышали в тот вечер, как в гимн торжества вплелась песнь ранения...

Вскоре звание народной артистки СССР было присвоено и Елизавете Алехеевой, однонашнице Мансуровой по студии Вахтангова. Снаряд упал еще блинне: создавалось впечатление, что где-то «неверху» подчеркнуто обходят официальным признанием легендарную актрису. Как всякое небрежение человеческим достоинством, это не могло не причинить боли. Мы тут же пришли к Цецилии Львовне вместе с молодым актером Сергеем Конориным, ее любимцем, с которым она дернулась на равных, хотя он постоянно сознавал и умел сохранять уважительную дистанцию возраста и мастерства.

– Так я рада за Лизу! – с порога зазвенела Мансурова. – Ведь она не то, что я. Она в молодости играла Вириною – очень даже советскую героиню! И как играла! А мне за что давать? За булгановскую Зойну? Кто же у нас дает награды за роли проституток? Или за Шурку мою рыную в «Егоре Бульчове»? Может быть, за Беатриче или Ронсану? Те совсем уж иностранники-то. Филумена Мартурано – тоже дамочка с подмоченной репу-

тацией. Давайте петь романсы и пить шампанское за здоровье Лизы!..

Алексеева получила высокое звание, словно путевку на право самого престижного захоронения, — она умерла вскорее...

А Мансурова продолжала жадно жить, была легка на подъем, ездила, в частности, на моноспектакли Сергея Нонорина, — «Нюхлю» и абхазский народный эпос, — в антрактах беседовала со зрителями, приносила за кулисы их отзывы и радовалась успеху молодого артиста, как своему. При этом, кстати, не забывая делать замечания и давать наставления, как правило, фундаментально полезные.

— Совсем избегай национального акцента, — говорила она. — Ты же очень хорошо чувствуешь мелодию абхазской речи! Мелодика — это магически красиво, это музыка языка. Акцент — дразнилка, неуважение к людям, нечисто говорящим по-русски...

И рассказывала, как великий Мартирос Сарьян писал ее портрет, а жена художника периодически подглядывала на мольберт и с чудесной армянской напевностью произносила: «Мартирос, что ты делаешь с Мансуровой!»

Позже, получив приглашение сниматься в фильме «Дорогой мой человек» по роману Ю. Германа, популярному в шестидесятые годы, она построила на таной же мелодике речь своей героини, фронтового врача Ашхен Оганян.

— Посмотрев фильм, Рубен Николаевич Симонов встретил меня в театре, обнял со слезами на прекрасных армянских глазах и сказал: «Цифлош! Ты такая армянка!..»

Мансуровой было, что рассказывать. И она умела это делать. Последние ее годы стали постоянным монологом, который никогда не мог надоесть. Она не писала мемуаров — она торопилась их рассказать.

— Евгений Багратионович любил меня и потому был унасно строг. Он вообще разговаривал с нами, учениками, словно через речку, засылая звук по траектории, куда-то вдаль. Вообще все, что он делал, было личным примером, образцом блистательной актерской формы, духовного аристократизма, достоинства, которыми не хочешь — залюбуешься. Помню, мы играли сцену из Островского с Алешей Жильцовым. С нами работали старшие студийцы, в частности Борис Захава. Вахтангова пригласили посмотреть некий рабочий вариант. А я была толстая добрая девочка и в этой роли все время тряслась оборочками. Мне делали замечания, я внимательно их выслушивала, но все-таки оборочки продолжали трястись. «За Жильцова мы более или менее спойны, — дополнили Вахтангову. — А вот что с Мансуровой делать, ума не приложим!» Он посмотрел отрывок, набросал ворох интереснейших предложений, а в конце сказал: «Мансурову оставьте в покое. Она очень хорошо трясет своими оборочками. Только пусть трясет в другую сторону — вот и все!»

Но это было исключение. В своей режиссерской работе со мной он был придирчив. Нет-нет! Он все-таки любил меня...

Да вот пример. Иду по Тверскому бульвару в новой шубе. Время тягучее: все безумно дорого, всего не хватает, на репетиции в студию приносим по нескольку картофелин и варим в общем котле. А я соорудила себе шубу. Сама придумала: взяла старый лисий мех, пристроила на полы и на муфту. И таная иду по Тверскому бульвару. Вдруг — знакомый голос: «Мансурова!»...

У памятника Пушкину — Евгений Багратионович с друзьями из Первой студии МХАТ, Михилом Чеховым и Александром Ченаном. Подхожу поближе — Вахтангов улыбается: «Вот как же у меня в студии антрисы.

путаяя возмутителя спокойствия. Кругом старые уванчаемые люди со своими заботами, а тут – вечные сборища молодёни!

...Через некоторое время ее вызвали в Кремль, «на вручение». Строго проинструктировали по протоколу, велели явиться при всех ранее полученных регалиях.

– Сказали: иначе прогонят взащей, – комментировала Цилюша.

Я посомневался:

– Так уж и взащей?

– Нет-нет, без орденов туда являться все равно, что в нижнем белье! Но я придумала, как выйти из положения: сканусь больной. Мне поверят.

– Но какой смысл? Проще приехать.

– Я тоже сначала думала так. Но выяснилось, что мои ордена куда-то пропали. Искана – нет нигде!

– Бить того не может.

– Со мной чего только не бывает!

Мы с Сереней Нонориным принялись искать. Он отчаялся, ушел в гостиную заговаривать Мансурову. Я продолжал механически рыться в шкафу, уже ни на что не надеясь. Сердито выбрасывал из нижнего ящика какое-то небрежно скомканное белье. Среди деликатного хлама мелькнул орден, за ним еще...

Назавтра позвонил Мансуровой, онидая ее рассказа о вручении Почетной грамоты Верховного Совета СССР. Но она тихо, тревожно, непривычно низким голосом спросила:

– Вы заходили в студию?

– В смысле – в училище? А что там случилось?

– Меня очень тревожит состояние здоровья Евгения Багратионича. Как он? Последний раз попросил меня налить ему в бокал шампанское. Я налила, протянула, а он сердито оттолкнул мою руку. Шампанское расплескалось. Не хотел выглядеть слабым при мне!..

В ее голосе звучало неподдельное сиюминутное горе.

– Так вы, – попытался уточнить я, хотя уже сналось сердце от догадки, – вы, наверное, спрашиваете меня о Борисе Евгеньевиче Захаве? Но разве он болен?

– Боже мой! Боря молод, что с ним делается? Я спрашиваю о Евгении Багратиониче! О ком же еще сейчас думать?!

Телефонная трубка выпала у меня из рук и повисла на проводе.

...Прошло совсем немного времени. Гроб с телом Цицилии Львовны Мансуровой установили в фойе Театра имени Евгения Вахтангова. Все знали, что смерть пришла к ней как избавление от разлуки со сценой, с учениками, как спасение от безумия. Но все были подавлены. Со смертью Мансуровой прерывалась одна из последних нитей, ведущих всех нас к самому Вахтангову. Да и театр становился другим.

Умно и горько говорил златоуст Михаил Ульянов. Юрий Яновлев, один из любимых учеников Цицилии Львовны, вспоминал, как она приносила из дома еду и приглашала к трапезе вечно голодных студентов: «Идите сюда, совершенно не умею есть одна!»...

Наверху, на хорах, оркестр заиграл знаменитый марш, навеи связанный с ее именем. Играли с двойным замедлением, печально-патетически. И это оназалось невыносимо. Дрогнули все до единого. Все мы в эти часы были слабыми детьми перед этой вечной девочкой, которую не за что было бить».

С нею безвозвратно уходила целая эпоха театра.

Мы вышли на забитый людьми Арбат. И я услышал голос, летящий над медным плечем оркестра, по траектории, как через речку.

– Мансурова! – звал Вахтангов...

РУБЕHC

Сад любви, 1832-33 гг.

Творчество этого мастера — грозно-прекрасная ода радости. Каждый великий художник творит в иные светлые часы своего существования такую оду — ее создает Данте, венчая свою “Божественную комедию” золотыми кругами Рая; вводит Шекспир под видом волшебных феерий в свой судорожно-кровавый театр; влетает Бетховен в свою буйную трагическую Симфонию. И он, Рубенс, с исключительным восторгом и силой пропел ту же оду жизни своей. В этом — чудо.

До Рубенса во всей истории живописи не найти такого чуда. Высокие звуки в творчестве Рубенса не заглушены земным хором. Они звучат, стихают, рассеиваются. Рубенс, не проявляя утомления, заставляет их звучать безостановочно. Радость Рубенса нис-

¹ Эмиль Верхарн — бельгийский поэт (1855-1916). Автор эссе, посвященных знаменитым европейским художникам.

колько не однообразна. Она многолика и изумительна в своих проявлениях. Сетями своей песни облакает она все скорби, вместе с восторгом мешая она все слезы и все рыдания; она является человеческой душой в полном объеме, хотя и пребывает радостью.

Рубенс страстно любил свой народ: все лучшие дары получил он от него; любил он его добродушие, его чувствительность, его грубую горячую пылкость. Рубенс ощущал в себе свой народ со всеми его пороками и добродетелями. Личная цельность Рубенса была результатом цельности его народа. Обе они имели одинаковое происхождение.

Окровавленная, сожженная при Филиппе II Фландрия, наперекор всему и несмотря на наносимые удары, возвращалась к жизни. Восшествие на престол эрцгерцога Альбрехта и Изабеллы было ознаменовано пирами, шествиями, празднествами. Фламандский смех снова сливался с народными песнями и деревенскими хороводами. Народ, настолько же безудержный в своей веселости, насколько глубокий и упорный при встрече с превратностями судьбы, вновь обретал в себе широкое языческое сердце, не заглушенное веками христианства, — языческое сердце, поныне бьющееся в каждом ударе колокола, на всем протяжении Шельды в дни годовых кермесс¹. Если временами в стране еще происходили жестокие, кровавые расправы, то Рубенс их не видел. Он работал. К тому же с Голландией было заключено перемирие. Антверпен поверил, что вернулись былые дни процветания. Молодой художник получил много заказов. Город поднес ему серебряный кубок.

Тотчас по его возвращении из Италии, после окончания траура, в который его облекла смерть матери, Рубенс был вызван Отто Вениусом, официальным художником эрцгерцога, ко двору. Двор оказал самый изысканный и самый лестный прием Рубенсу. Его удерживают, чтобы выслушать его рассказы об Италии, Испании, Мантуе и Риме. Альбрехт заказывает Рубенсу свой портрет и портрет инфанты, своей жены. Кроме того, он получает заказ написать "Святое семейство". В брюссельском дворце в распоряжение Рубенса предоставлен обширный зал; там он пишет запрестольный образ для герцогской часовни. Доминиканцы поручают ему "Диспут о святом причастии", а собрание ученых — "Посвящение Марии". В тридцать лет Рубенс уже первый художник в своей стране. Он отвергает кошелек с золотом, присланный ему, по настоянию эрцгерцога братством св. Ильдефонса. "С меня довольно, — сказал он, — что моя работа оценена по достоинству".

Итак, Рубенс — придворный художник, освобожденный от всех налогов.

Он женится. Изабелле Брандт восемнадцать лет, она блещет светлой красотой, полнотой; у нее большие глаза и

¹ Кермесс — сельский праздник.

каштановые волосы. В любовных переживаниях художника она предшествует Елене Фоурмен, являясь как бы ее предвестницей. Но Изабелла уже в такой степени соответствует тому идеалу женщины, о котором мечтал Рубенс, что с ее появлением этот тип женщины стал эталоном в творчестве художника. Он окружает Изабеллу царской роскошью, как свою вдохновительницу. Она предстает то богиней, то нимфой, то Богоматерью. Он создает свой синтез красоты, изображая ее обнаженное тело, ее плечи, ее руки, ее груди, спину, ноги. Это тело, так же как и свет солнца, заливающий формы, внушает Рубенсу дивный человеческий облик, превосходящий все, сделанное им ранее.

Женский тип, созданный Рубенсом, представляет собой здоровую, пламенную, чувственную, благородную красоту, подобно тому как женский тип Тициана представляет собою красоту строгую, страстную, кроткую, позлащенную; как женщины Рафаэля — красоту нежную, гармоничную, завершенную, полную очарования; как женский тип Леонардо да Винчи — красоту утонченную, беспокойную, улыбающуюся, тайно манящую. Так же, как все названные великие мастера, Рубенс создал индивидуальный и в то же время всемирный женский образ; в контуры и линии этого образа облачается частица вечной красоты. Во всяком случае, в противоположность художникам Венеции и Рима глаза Рубенса поражены, и кисть его руководима не красотой возлюбленной, но красотой спутницы его жизни, нынче — Изабеллы Брандт, завтра — Елены Фоурмен. Фламандская интимность и семейственность заменяют, таким образом, итальянское сладострастие и любовь к показному.

Богатый более, чем он мог надеяться, занятый до такой степени, что принужден отказываться от заказов или передавать их своим ученикам, Рубенс строит себе в самом центре города не дом, а дворец. Архитектурные формы, виденные Рубенсом в Риме, Венеции и Мантуе, преследуют его воображение. Он чертит планы; весь его гений поглощен бесчисленными проектами. Позднее Рубенс уточнит стиль своих пышных и порой тяжеловесных украшений. Но по его жилищу уже можно проследить зачатки этого стиля. Настанет время, когда он назовется в обиходе стилем Рубенса, а в сущности, это будет тот же итальянский барокко, только видоизмененный постоянной и медленной обработкой его. Мифологические сюжеты, несколько более веселые и тяжеловесные, послужат украшением этому стилю. Линия изогнется менее оживленными изгибами; живописность придастся многочисленными выпуклостями; витые колонны, ломаные фронтоны, крылья ангелов, пальмовые ветви, факелы повсюду — все в целом создаст движение, чрезмерное, но выражающее радостный фламандский пантеизм.

Прямолинейная и отвлеченная архитектура никогда не была популярной во Фландрии. У фламандцев и камни должны быть живыми, как растения, деревья, пламя,

птицы, животные и люди, — как ни оскорблялся бы этим строгий вкус.

В новом жилище, построенном сообразно своей прихоти, замыкает Рубенс свою жизнь. Отныне он отказывается от всяких приключений. Уютно, спокойно обосновался он и методически наслаждается благополучием, как то умеют делать во Фландрии. Живопись Рубенса развивалась помимо его быта, в виде вечного противовеса.

Эпическая романтика, безумная фантазия и величественные видения пребывают в его сердце и в его мозгу. Но он, так сказать, отводит приливы этого мятежного и сверхчеловечески мощного океана, чтобы ничто не могло потрясти плотину его спокойствия.

Рубенс становится человеком вполне просвещенным, очень многосторонним, очень смелым, даже свободомыслящим, но поступки его размеренны, точны, порою — отважусь сказать — даже ничтожны. Каждое утро он отправляется к обеду. Можно ли его назвать верующим? Я не берусь утверждать это. Но он верен обычаю. По часам он принимается за работу, прерываемую только для полуденного отдыха; после отдыха, принимаясь за палитру, он приказывает читать себе Сенеку, Плутарха и Платона. К вечеру, если погода хороша, Рубенс верхом объезжает окрестности Антверпена. В зимнее время навещает друзей или принимает их у себя. Приятелями его были Ян Брейгель — «бархатный» и Павел Брель — их он знал в Италии, — бургомистр Ян Рококк, нумизмат Каспар Гевартс, типограф Вальтазар Плантен.

С наступлением лета Рубенс переносит свое жилище в Элевит, близ Малинз. В этой стране лугов и полей, с плоским и дивным кругозором, Рубенс построил себе замок, от которого поныне сохранились стены. В наши дни поблизости устроен кабачок под названием «Палитра Рубенса». Местность светлая, успокаивающая и благоприятная для уединения и работы.

Я только что перечитал ряд писем, подписанных Рубенсом. Кому они адресованы? Сустермансу, Юниусу, Квеснуа, Пейреску. Рубенс весь отражается в этих письмах. Шум его века гудит в них, как пчелы в улье. Всем интересуется Рубенс. Он увлекается древностью, которую изучает по статуям, камням и медалям. Он — искусный латинист, терпеливо разбирающий тексты и загадочные надписи. Его друзья — ученейшие гуманисты, коллекционеры и художники.

Рубенс в постоянных поисках новинок. Каждое новое открытие приводит его в восторг и заставляет биться его сердце. Он сам ищет знакомства с исследователями и изобретателями. Он пишет Пейреску в августе 1623 года: «Я очень рад, что вам удалось получить чертеж *perpetuum mobile*, столь тщательно сделанный и передающий истинную тайну изобретения. Когда вы приедете в Прованс, в случае неудачного опыта я обязуюсь устранить все ваши сомнения. Быть может (хотя утверждать этого я еще не смею), мне удастся упрощить моего «куманька» сделать

для меня всю машину полностью вместе с ящиком, как если бы мне хотелось иметь ее для своей маленькой потайной мастерской. Если я сумею получить эту вещь, то подарю ее вам с удовольствием”.

Эти строки явно проливают свет на интерес Рубенса к научным занятиям и к изобретениям, а маленькая тайная мастерская, о которой он упоминает, намекает на какие-то неизвестные нам опыты в области научных исследований, должно быть, лично производимые художником.

Ум Рубенса представляется нам своего рода перекрестком, где сходились все новые пути, открытые Возрождением. Рубенс — знаток литературы, археолог, ученый, философ.

Рубенс настолько пропитан атмосферой своего времени и так вник во все его течения, во все его водовороты, что настали дни, когда короли, пользуясь его опытом, посылают его в качестве посла к разным европейским дворам. Тогда Рубенс входит в круги знати и становится рыцарем Рубенсом. На своем новом посту он оказался вполне у места; здесь выявляется все та же его одаренность, какую он проявлял перед полотнами и моделями в своем антверпенском ателье. Рубенс очаровывает всех; он чутьем угадывает, что нужно говорить и что делать. Он из числа тех, перед кем раболепствуют и кто торжествует, но ничто — ни успех, ни лесть — не позволяет ему забыть, что прежде всего он — художник. Так, одному испанскому гранду, который однажды спросил его, правда ли, что он иногда забавляется живописью, Рубенс ответил, что он — художник, который иногда забавляется, воображая себя дипломатом.

Характер у Рубенса счастливый и добрый, как счастлива и легка его жизнь. Никаких ударов судьбы. Его прекрасная жена дарит ему здоровых и светлых детей. Когда умирает Изабелла Брандт, он женится на Елене Фоурмен. Обе жены Рубенса и его сыновья — обычные его модели — служат украшением его полотен. Рубенс посредством их, то есть посредством людей, которые находятся под его постоянным наблюдением и которыми он неустанно восхищается, дает толкование Библии, Евангелия и древнего мира. С помощью этих своих моделей он придает истории и легенде интимность и непосредственное влияние жизни и достигает того, что из его пастушеских и трагических композиций раз навсегда изгнаны холодность и мертвенность.

Рубенс не знает ненависти: соперничество подавляется непрерывным его успехом; зависть не в состоянии достичь его; всякое соперничество он сокрушает непрерывным триумфом.

Рубенс щедро подает помощь. Он ищет случая оказать услугу. Благосклонность — правило его поведения. Он с радостью восхищается своими соперниками...

В 1630 году Рубенс, вдовевший уже четыре года, женится на своей племяннице Елене Фоурмен. Она была дочерью одной из сестер Изабеллы Брандт. Тело Елены напоминает Рубенсу тело его первой жены, только помолодевшее и еще

более прекрасное. У Изабеллы Брандт были темные волосы, у Елены Фоурмен — светлые. В "Прогулке в саду" мы видим Елену с ее мужем, в сопровождении его сына. Она пленительна юностью, простотой и свежестью. Верится, что ее деревенская красота, напоминающая собой масло, плоды и молоко, отдала себя не тому, уже стареющему, человеку, идущему с ней рядом, но воплощаемой им в глазах людей славе. Елену Фоурмен представляешь себе приветливой, покорной, добродушной. Пышным и лучезарным здоровьем своим она гордится не более, чем гордятся своей яркостью растения, цветы и плоды. Она дала свое согласие, она отдалась и навсегда бесхитростно останется верной. С нею Рубенс возродится. Пятидесяти трех лет от роду он позаимствует у нее молодость и как бы забудет свои годы. Он возродится, полный радости. В последний раз его творчество преобразится и достигнет высшей ясности.

Считается признанным, что Рубенс был эпиком и лириком, но отнюдь не психологом, охотно испытующим человеческое лицо и победно запечатлевающим его на полотне. Несмотря на постоянные упражнения Рубенса в этом направлении, критика все же приписывает победу в этой области Ван-Дейку. Однако Рубенс, быть может, больше, чем Ван-Дейк, понимал человека. Рубенс умел управлять людьми, он их разгадывал, он очаровывал их. Доказательство этого — его удачные выступления на общественном поприще и его успехи как посла. Почему бы Рубенсу, с его знанием и пониманием людей, не передать на языке красок и не создать проецирующегося перед ним выразительного лица? Кисть Рубенса подчинялась не только малейшему движению его пальцев, но также тончайшим изгибам его мысли. Портреты, так обильно создаваемые во славу юной спутницы, — изумительны. Не бывало, чтобы губы, лоб, подбородок, уши, щеки, взгляд передавали столь совершенно душу пламенного, веселого, чувственного и счастливого создания.

Портрет Елены Фоурмен, известный под названием "Женщина в шубке", несомненно представляет собою великодушный кусок трепетного и сияющего тела. Мельчайшие подробности действительности, внимательнейшим образом отмеченные (можно даже видеть следы от подвязок около колен), делают, конечно, из этой картины истинный портрет тела, но сколько жизни, света, стыдливости, смешанной с бесстыдством, страха и радости, любви и преданности отражает юное торжествующее лицо!

Луврский эскиз представляет ту же Елену Фоурмен одетой, с ребенком на руках. Девушка стала матерью. Никогда, думается, Рубенс не писал с большим наслаждением человеческий образ. Рубенс словно гордится, что может всем показать плодовитость в своей семье и в искусстве. В этом создании действительно столько же силы, как и в его ранних картинах; оно легко, прекрасно, исполнено порыва. Каждый проворный и словно нетерпеливый штрих поражает изумительной уверенностью. Платье, шляпа, бе-

зумно легкое перо — все извивается мягкими и свободными линиями. Такой набросок прекраснее законченного создания. Вся мудрая виртуозность художника передана в этой вещи, и ни в одном из его произведений не оказалось такой быстроты и легкости перехода из плана жизни в план искусства.

Так же как и Рембрандт, Рубенс дал большое число своих изображений; он воспроизвел себя на целом ряде картин то в рыцарском одеянии, то в одежде простолюдина. В автопортрете, в Уффици, Рубенс написал себя на черном фоне: тонкое лицо, ясные правдивые глаза, гордая осанка знатного человека. Путь жизни еще впереди, и этот путь усыпан цветами. В венском автопортрете он не видит жизни перед собою: она уже позади. Мускулы ослабли, глаза как бы поблекли, веки отяжелели, волосы еще вьются, но лоб значительно более открыт. Однако фетровая шляпа украшает голову, и прекрасная мужественная рука художника еще опирается на шпагу. В постаревшем лице чувствуется не разочарование, но лишь сожаление о миновавшей жизни; осанка еще красива, но это умение держаться, а не намеренно найденная поза. Никогда Рубенс, как то часто делал Рембрандт, не изображал себя в одежде художника, в поношенном костюме и со спутанными волосами; в нем нет той эпической непринужденности, которая не боится ни грубости, ни безобразия. Рубенс почти на всех портретах рисует себя господином; Рембрандт стремится всегда остаться человеком...

Из мира природы Рубенс не пренебрег ничем, что только могли дать ему свет, почва, вода, зелень и ветер. Он писал идиллии, сцены охоты, сцены из жизни на ферме, полевые работы, поля, долины, деревенские сады, парки при замках.

Луврская "Кермесса" должна считаться самым знаменитым и самым характерным произведением Рубенса из всех его жанровых картин, ибо, как истинный художник Севера, каким он был, он не мог не увлекаться изображением местных обычаев, домашней обстановки, повседневной и интимной жизни. У Рубенса сила и порыв творчества были слишком пламенны для того, чтобы ему понять и изобразить такую же спокойную и неторопливую жизнь, как то делал Тенирс. В воображении Рубенса жизнь неизбежно становилась неистовой и чувственной так же, как когда-то рисовалась она ему чувственной и даже бесстыдной в "Шествии Силена". В "Кермессе" господствует принцип той же чудовищной радости. Кажется, будто современный хоровод деревенских увальней и неуклюжих девок, обнимающихся и явно проявляющих свое опьянение, топчет неровными шагами по земле и проходит через деревни так же, как античные менады и козлоногие пронесли по миру. В этих двух картинах грубость бесстыдства и цинизма не чувствуется благодаря какому-то эпическому порыву, какой-то молодости и какому-то добродушию, равное которому по силе можно

найти во всем мировом искусстве только в шекспировском образе Фальстафа. Все пороки: обжорство, пьянство, сладострастие — здесь прославлены, воспеты, но гимн Рубенса так громок, что забываешь про слова и слушаешь только чудовищную музыку. Тут нет ни замедления, ни остановки, ни понижения голоса. Эта музыка звучит дико, с ударами кимвала, с рычанием медных труб, со взрывами барабанного боя; но такое великое искусство управляет бурей звуков, что, слушая ее, невозможно думать только о грубой разноголосице ярмарочного оркестра. "Кермесса" остается великолепной страницей жизни, смешанной с безумием, с восхитительным воодушевлением.

Рассматривая невероятное количество шедевров на темы религиозные, легендарные, исторические, фантастические и реалистические, вызванные из небытия рукой Рубенса, можно сравнить художника с некоей верховной силой, вновь воссоздающей мир и заставляющей его пребывать и жить в переплетении линий и в пестроте красок, найденных впервые. Рисунок Рубенса не подчинен никакому канону, никакой формуле. Это не заключение движения в форму, это — разлитие движения в пространстве...

Конечно, Рубенс полными руками черпал из реальной жизни, расстилающейся перед ним, но он никогда не чувствовал себя ее рабом. Он не столько подыскивает определенную краску, соответствующую подлинной расцветке предмета, сколько бессознательно осуществляет некую гармонию, транспонирует цвета. В чудесной картине "Атланта и Мелеагр" перед нами симфония красного с зеленым. Громадные купы деревьев, согнутых, всклокоченных и развеваемых ветром, образуют плотную и великолепную декорацию для ярко-красной одежды амазонки. В смятении природы мощно звучат цвета одежды, колесниц и оружия. Но кроме красного тона, напоминающего о крови и убийстве, разлитого по действующим лицам картины, кисть художника фиолетовыми или красными тонами выводит корни деревьев, пучки листьев, лапу собаки, клочок земли, тропинку.

Таким образом, все произведения, распадаясь на два сильные дополнительные цвета, данные в бесконечных сочетаниях, но представленные на всей картине, усиливают яркость и жизненность всего создания. Этот прием, инстинктивно найденный Рубенсом, сближает его с сов-

Марнеза Бригида Спэнота-Дориа. 1806 г.

Суд Париса. 1635-38 гг.

Венера перед зеркалом.

Вознаания (фрагмент). 1636 г.

Женщина в шубе. 1635-38 гг.

Похищение дочерей Левантла. 1618 г.

Альберт и Николас Рубенсы. 1625 г.

Портрет Суавены Фаурмен. 1622-25 гг.

ременными художниками. У него, как у них, все принесено в жертву общей гармонии. Тень стала осязаемой. Она окрашена и одушевлена. Это уже не та мертвая и непроницаемая тень, которую любили болонцы и даже голландцы. Достаточно изучить тень по ряду рубенсовских картин в галерее Медичи, чтобы тотчас же почувствовать себя изумленным и очарованным ее легкостью, подвижностью и нежностью. Еще не успеешь заинтересоваться сюжетом, глаза уже пленены чудесным сверканием картины. Не только наиболее яркие краски взаимно уравновешены и слиты, но даже сила и резкость таких красок, как цвет червонного золота, сверкающий на роге изобилия, или цвет пламени, вырывающийся из факела, растворены в общем колорите. С точки зрения исключительной живописи это — необъяснимое чудо. Однако оно предстает перед нашими глазами в "Короновании Марии Медичи" или в "Принцессах на острове Фазанов". Никто до Рубенса — ни Тициан, ни Веронезе, ни Тинторетто — не подходил так близко к нашим современным исканиям и к задачам нашего современного искусства. Если существует среди старых мастеров истинно современный художник, то это несомненно Рубенс, — Рубенс и его подражатели: Фрагонар, Буше, Ватто и позднее Делакруа и Ренуар.

Итак, исследовав творчество Рубенса, коснувшись его жизни, размеренно-спокойной, но непрерывно деятельной, можно теперь в общих чертах наметить окончательное суждение о нем, сказав, что если он не был самым великим из художников, то по крайней мере был самым изумительным. Он вторгся в искусство, как Гераклес вошел в жизнь. Но труды греческого полубога сочтены, работы же Рубенса бесцельны. Всегда та или другая из них будет забыта — так обильна была его плодовитость. Самые известные, точные и терпеливые каталоги напрасно стремятся сжать и как бы огородить плотинами его творчество: его не удержать и не вместить полностью. Творчество Рубенса везде выходит из берегов. Размеры величайшего усилия всех составителей каталогов остаются ниже размеров творчества Рубенса. Между тем он работал только сорок лет. Но все оставленное им создано словно не одним человеком, а целой школой.

Рубенс в себе одном заключает целое поколение. Вместе с ним работали Ван-Дейк и Иорданс. Антверпен славился в то же время именами Крайера, Сегерса, Снайдерса, Фита, Корнелиуса де Фоса. Все это также большие мастера: их имена окружены дивным, бессмертным сиянием. Тем не менее можно задать себе вопрос: чего достигли бы они в искусстве, если бы Рубенс не показал им пути к вершинам? Все эти художники шли по его стопам. Все смотрели на жизнь с той же точки зрения, с какой смотрел он.

Все работали в том саду, ворота которого раскрыв Рубенс. Мало того: безграничное влияние Рубенса простира-

ется так далеко, что подчиняет себе скульптуру и достигает архитектуры. Дюкенуа и Ван-Оксталь перенесли в свое искусство те правила, какие Рубенс давал живописи. Они высекают такие же крупные, здоровые, могучие, полные крови тела, какие писал Рубенс, создавая свои христианские и мифологические драмы; они перенимают его широкую и тяжелую манеру; как он, они более увлечены колоритом, чем формой. Застывшие и неподвижные линии монументального стиля ожили под влиянием того нового движения, какое придал вещам Рубенс. Его дурной вкус, его пристрастие к излишеству и изобилию, его стремление выставить напоказ силу и жизнь сказываются повсюду. Фасады домов, церковные алтари, дворцовые плафоны хранят на себе яркий отпечаток Рубенса, и целый стиль — так называемый барокко — явился на свет, как бы выданный им.

И еще больше того. Рубенс пошлет в Англию как бы своего посла — прекрасного художника Антония Ван-Дейка, чтобы и на возникающее искусство островитян была наложена печать фламандского искусства. Потом Рубенс сам поедет во Францию, чтобы весь королевский дворец населить своими образами, чтобы подготовить искусство Ларжилиера и Риго, чтобы позднее соблазнить Ватто и создать, в смысле силы и гармоничности красок, всю романтическую живопись XIX века.

Подобно этому длительно было влияние Рубенса и на его родине. Оно господствовало в течение всего XVII века; оно чувствуется и в полном упадке XVIII века.

Таково всеобщее и местное влияние Рубенса. И все же он не полно выразил душу человечества: Рубенсу недоставало опыта тяжелых испытаний и скорби. Его жизнь была слишком легка, слишком торжествующа и слишком прекрасна. Ему не было дано услышать в своем сердце отзвуки великого набата несчастий. Он не изведал страданий, как их изведал великий Рембрандт. Рубенс не возвышался над другими, он только шел впереди.

Поэтому, как ни велик Рубенс, его величие можно легко измерить по эстетическим законам, выясненным Тэнном. Как известно, эти законы представляют нам художника как результат той среды, в которую он погружен, того народа, из которого он вышел, и того времени, в которое он жил. Рубенс подчиняется всем этим законам. Его характер и его душу целиком можно вывести из его ближайших предков — отца и матери, из эпохи Возрождения, из особенностей Фландрии. Им Рубенс обязан всем, чем он стал; он всецело их данник. Благодаря им можно свести к единству многообразные силы его духа и связать в целое его противоречивые свойства.

Рубенс любит живопись, как своего рода уместное развлечение; он с наслаждением применяет свое умение воспринимать, наблюдать и сочетать. Для Рубенса живопись — часть его счастья. Без усталости наслаждается он свои-

ми созданиями и пишет их во множестве до самых последних своих дней. На его картинах движения действующих лиц не предельны и не исключительны, как у Рембрандта. Движения эти подсказаны не непосредственным чувством. Лучшие создания Рубенса вызывают любовь к ним скорее удачной композицией, чем изображенной в них драмой. В них больше чувствуется движение, чем жизнь. В "Похищении дочерей Левкиппа" ни один жест не списан с действительности. Тут нет подлинного похищения со стороны мужчин и нет искреннего возмущения со стороны женщин. Тут только изображение лиц, великолепно выписанных. Точно так же в "Битве амазонок" общее смятение передано, конечно, прекрасно, но ужас битвы не доходит до нас. Глубокая и человечная истина, потрясающая до слез в созданиях Рембрандта, принесена в жертву композиции, хотя и столь же совершенной, как у самых великих итальянцев. Идея внешней красоты, отмеченная печатью Возрождения, царила в Антверпене, как и в Риме...

Жизнь послала Рубенсу испытание только в час смерти. На него обрушилась болезнь; телесные страдания заставили его кричать. Приступы подагры следуют один за другим. Старость грозила ему тысячью зол и бросала его из бедствия в бедствие. Но 29 мая 1640 года страдания достигли такой степени жгучей боли, что тело Рубенса стало как бы сплошной пылающей раной, а на другой день при новом приступе мучительной пытки он умер. Трудно себе представить прощальный взгляд такого человека!

27 мая Рубенс составил свое завещание. В случае, если один из сыновей станет художником, он получит все его рисунки. Елене Фоурмен завещана прекрасная, но совершенно интимная картина: "Женщина в шубке". Кроме того, Рубенс советует обратиться за содействием для продажи его картин к Францу Снейдерсу, Яну Вильдексу и Якобу Мармансу.

В записях церкви прихода св. Иакова читаем: "2 июня совершена заупокойная служба по мейстере Петрусе Паулу Рубенсе, похороненном в склепе мейстера Фоурмена и умершего за три дня перед тем. Обе семьи вместе участвовали в расходах по погребению, и сбор дал 9 гро и 10 су. Шествие сопровождалось шестьюдесятью факелами, украшенными крестами из красного атласа, и музыкой из собора Богоматери".

Ныне тот придел за клиросом, где покоится Рубенс, украшен одной из его лучших картин. На гробовой плите читается латинская надпись, составленная в семнадцатом веке Каспаром Гевартсом. Пышные слова, и только. К счастью, картина, что висится над могилой, выражает изгибами своих линий и озаряет яркостью красок славу удивительнейшего из художников, когда-либо живших во Фландрии.

Дневник наивного адвоката

100

Время я мог бы элементарно обозначить датой – и точка. Но очень хочется снабдить дату небольшим комментарием. Дело в том, что я впервые пошел на работу в юридическую консультацию по счастливому (или несчастному) совпадению в тот самый день и месяц, в которые все десять предыдущих лет ходил в школу, а потом еще четыре года в институт: первого сентября. Признаться, я совершенно забыл об этом совпадении, а наткнулся на него, лишь когда решил рассказать о своем далеком прошлом. Для этого я прежде всего влез на антресоли у себя дома, достал огромный бумажный мешок с семейным архивом, нашел в нем толстую тетрадь в картонном переплете с заголовком “Дневник стажера-адвоката” и на первой же странице запись и дату. И сам не поверил: надо же такое – первого сентября, да опять учеником!

Кстати, ведение дневника было предписано руководством, но отнюдь не испугало: мне с детства нравились дневники. В том же бумажном мешке одновременно со стажерским нашел дневничок, который вел в четырнадцатилетнем возрасте, не видел тысячу лет, а тут не без интереса полистал и вновь удивился: ну фантазер, ну и показушник! Вот два примера: “Мне говорят: брось пить, курить и ухаживать за женщинами, и ты проживешь на пять лет больше. Нет, думаю про себя, вы лучше скажите, что мне бросить, чтобы продлить не старость, а молодость?!” И еще, если позволите: “У меня заболел зуб, и я пошел его вырывать, а он вдруг говорит по дороге: не надо, не рви меня, вылечи, ведь после твоей смерти от тебя останусь

только Я!" Короче, я уже тогда был доморощенным выдумщиком, к тому же иногда публиковал заметки в журнале "Пионер", одним словом: "литератор". Итак, я должен был вести дневник стажера, точно зная, что его через полгода отправят в президиум Московской городской коллегии адвокатов, которой я и был направлен стажером на консультацию. А уж там, в президиуме, старшие коллеги трезво и трепетно (как я представлял себе) прочитают мои записи и прочие сопутствующие документы, в том числе характеристику моего шефа-адвоката Ефима Лазаревича Вакмана, и, оценив все это, решат: созрел ли я для перехода из младенческого стажерского состояния в самостоятельный адвокатский полет.

Так, собственно, и произошло, хотя другой на моем месте об этом случае в своей биографии, возможно бы, и умолчал. На заседании президиума выступил один из самых знаменитых адвокатов страны Матвей Александрович Оцеп, который почему-то не поленился прочитать мой дневник (подозреваю здесь происки моего незабвенного шефа Ефима Лазаревича, нежно ко мне относившегося), и сказал, а я слышал, поскольку был царственно допущен в зал заседания: "Ну-с, дорогие коллеги, позвольте поздравить вас с приходом в наш славный коллектив молодого и, возможно, самого талантливого писателя (пауза) среди адвокатов!" Прежде чем раздался хохот, поднялся другой корифей Николай Васильевич Коммонов: "Я понял так, Мотя, что мы можем с тобой спокойно помирать?" На сей раз вскочил я и позволил себе воскликнуть: "Живите, не умирайте, ради Бога, иначе мне придется немедленно отклонить ваше решение о переводе в адвокаты!", — после чего раздалось, наконец, смех и аплодисменты. Как я понимаю, аплодисменты звучали в адрес старых и мудрых адвокатов, чья ироническая доброжелательность всегда была выше всяческих похвал, а смех я самокритично принял на себя.

Замечу попутно, что после такого триумфального приема в "личный состав", я несколько раз побывал в процессах специально для того, чтобы увидеть корифеев в деле. Последний раз, помню, мне удалось попасть в судебное заседание и услышать Николая Васильевича Коммонова, который слыл не только высоким профессионалом, но и комическим путаником слов, и был вознагражден очередным его перлом, связанным со словом "унисон": "Уважаемые товарищи судьи, — сказал Коммонов в защитительной речи, — на предварительном следствии мои подзащитные говорили вразброд, зато в суде, как вы уже слышали, и я прошу вас это обстоятельство непременно учесть при вынесении приговора, оба дружно говорят в унисон!". В зале была мертвая тишина: судьи, конечно, поняли, что хотел сказать адвокат, но из почтения к нему сделали вид, что услышали то, что и хотел произнести Коммонов, да и подзащитные насладились блистательной речью и логикой корифея. Потом, много лет спустя, когда наших замечательных стариков не было на свете, я увидел в зале президиума Московской коллегии адвокатов портреты многих ушедших коллег, и среди них были Матвей Александрович с Николаем

Васильевичем, причем портреты их висели рядышком, но остались они вместе не только на портретах на стене, но и в моей благодарной памяти.

Вернусь, однако, в консультацию: прежде чем выступил на президиуме Оцеп, я полгода стажировался под присмотром Вакмана, одного из самых авторитетных специалистов по авторскому праву, причем мне невероятно повезло, поскольку я сразу взял крен не на уголовные дела, а на гражданские, мне любезные, и буквально искупался в авторском законодательстве. Ефим Лазаревич был человеком мягким, никогда не повышал глуховатого голоса, а если бы и захотел повысить, ничего бы не получилось: просто так были устроены его голосовые связки, будто сама природа сконструировала их еще при рождении ребенка, которому суждено было именоваться интеллигентом. Впрочем, мягкий характер и тихий голос не мешали Вакману быть адвокатом упорным и даже жестким, но никогда не теряющим вежливости и спокойствия даже в самых сложных или нервных перипетиях судебных заседаний.

С начала стажировки еще один из старых адвокатов консультации Адольф Ильич Капелевич, взявший надо мной добровольное шефство, однажды сказал: "Коллега, вам предстоит период первоначального накопления страха и смелости, без которых вы никогда не станете классным адвокатом". Что имел в виду Капелевич, я в ту пору не оценил, но на ус, конечно же, намотал, а потом вдруг понял: страх и смелость — это нечто иное, как опыт! Впрочем, мне уже тогда была известна печальная вольтеровская констатация: "Опережая опыт, приходит смерть". Но скажите, кто из молодых и "начитанных" избежал искушения добиться того, чтобы смерть все же пропустила опыт впереди себя, наивно полагая, что удастся обмануть природу? Я, к сожалению, и был таким молодым. Итак, завершая представление времени, к которому непременно должен быть привязан мой будущий рассказ, добавляю к уже известным дню и месяцу еще и год: 1951-й.

Стало быть, сорок шесть лет тому назад? С ума можно сойти: целая жизнь! До кончины Сталина надо было прожить долгих два года, а уже витало над головами злое "дело врачей", уже раскручивалась кампания против космополитов и формалистов, еще сидели в лагерях миллионы, еще шепотом говорили интеллигенты на кухнях даже собственных квартир — хорошенькое времечко досталось мне: вступай в жизнь, как хочешь, бессильный и бессловесный адвокат! Как в старом анекдоте, когда идущий на казнь приговоренный спрашивает у конвоира: "Какое сегодня число?" — "Тринадцатое". — "А какой день?" — "Понедельник". — "Ничего себе, неделя начинается!".

Теперь я готов представить место действия: мою родную юридическую консультацию Ленинского района Москвы, которая находилась на улице Полянка 3/9 (обычно номер дома мы произносили одним словом, как бы сплавившими цифры: "тридробьдевать"). Высоченный домище с тремя или четырь-

мя подъездами, причем наш был, кажется, вторым от угла и отличался от других тремя ступеньками, лежащими полукругом на тротуаре перед дверью в консультацию. Помню полукруг, как будто вижу сейчас, хотя не был там, наверное, лет тридцать.

Консультация была на первом этаже, и клиенты, поднявшись по ступенькам, открывали с улицы дверь прямо к нам: небольшой тамбур со стульями для клиентов, ожидающих своей очереди, а следом за тамбуром — большая комната метров восемь на четыре. В комнате два ряда письменных столов, и возле каждого по два стула (один для адвоката, другой для клиента). Когда все дежурные адвокаты собирались вместе и рассаживались за столами, то казались пассажирами автобуса, поскольку видели затылки друг друга. Аналогия с автобусом подтверждалась большим окном вместо стены, выходящим на улицу: мы видели все, что было за окном, и улица видела все, что было в "автобусе". Были еще три маленькие комнатки, в одной сидел заведующий консультацией, а две другие были предназначены для конфиденциальных бесед адвокатов с клиентами, если была в них нужда.

Еще не забыть сказать, что за особым столом при входе сидела секретарь консультации Зинаида Ильинична, которая, как кондуктор, объявляла остановки. "Сима Осиповна, гостью примете?", "Сергей Сергеевич, милый, к вам пришли, можно?", "Клиент к Станкевичу!", когда же публика шла, как у нас говорили, "с улицы", секретарь возглашала иначе: "Ирочки Ярославская или Филатова, кто примет клиента?" В комнате "висел" несмолкаемый "смог" непрерывных разговоров адвокатов с клиентами (актеры называют такой шум "гур-гуром"), но когда к вечеру возвращались в "альма-матер" адвокаты после судебных заседаний, тут уж "гур-гур" нельзя было перекричать даже воплем "караул!", это был "конец света".

Боюсь, мне придется остановить самого себя, но сделать это не просто. Так случилось, что, кроме каких-то случайных и небольших фрагментов, мне никогда не приходилось писать об адвокатуре, хотя мое сердце всегда и поныне принадлежит ей. И вот только сегодня я взялся сказать несколько добрых слов о своей неудачной любви. Впереди три историко-новеллы, которые обозначились в памяти. Но едва я прикоснулся всего лишь к прелюдии, как почувствовал: приник к источнику живительного напитка с ненасытной жаждой, утолить которую уже невозможно, и стал превращаться в жадного собственника, ревниво оберегающего тему. Нет улады и горечи больше той, что пережил каждый из нас, способный сказать, как о первой любви: это было когда-то в моей первой и единственной в жизни.

Придется воспользоваться нехитрой уловкой нынешних ораторов, которым трудно сойти добровольно с трибуны и оторваться от микрофона: "И последнее!" — это слово магически действует не только на аудиторию, но даже на тех, кто оберегает регламент. И последнее: буквально за месяц до 1

сентября 1951 года я отметил свое двадцатидвухлетие. С высоты нынешнего возраста отчетливо вижу, каким, в сущности, был тогда "зеленым", этого, увы, не замечая.

Первый клиент

Шел десятый день стажировки в консультации. Я, как обычно, сидел за столом и делал вид, что читаю книгу. Вокруг меня адвокаты занимались с клиентами, которых я смертельно боялся, предчувствуя момент, когда почтенная Зинаида Ильинична отправит ко мне первого "бесхозного". К счастью, она была ко мне милостива и не торопилась, прекрасно понимая мое состояние. Первое время моей задачей было приглядываться, прислушиваться, примериваться, даже принюхиваться (в помещении, кстати, всегда приятно пахло приготовленным кофе), а лучше сказать: дышать воздухом консультации, а применительно ко мне, не воздухом — атмосферой. Она мне безумно нравилась каждым своим проявлением: тихим "гур-гуром", внешним видом людей, меня окружающих (особенно женщин-адвокатесс, а они составляли не только лучшую, но и большую часть консультации), доброжелательностью и мягкостью в отношениях с клиентами (они не с радостью приходили к адвокатам, а с печалью) и даже изысканностью в обращении друг с другом: "позвольте, коллега, заметить", "окажите милость, голубушка", "побойтесь Бога, лапочка моя ненаглядная", "разрешите с вами не согласиться, солнышко мое", — ни одного грубого или невежливого слова, взгляда, даже жеста. Воистину, оазис интеллигентности! (К сожалению, как и все мы, я тоже не знаю, что такое "интеллигент". Нам уже давно привили мысль, что культура, образованность, воспитанность и пр. не всегда сопутствуют интеллигентности, и это справедливо. Смею предположить, что единственное поле, способное вырастить интеллигента, — нравственность, основу которой Сенека назвал "внутренний диалог, суд человека над самим собой, в котором он сам себе и обвинитель, и защитник, и судья": даже терминологически Сенека выдержал стиль юриспруденции...)

На сей раз я делал вид, что читаю "Восстание ангелов", а вокруг меня адвокаты, изредка поглядывая в мою сторону, намеренно усиливали громкость своих бесед с клиентами (как бы включая меня в суть разговоров) и вообще проводили образцово-показательный урок общения с людьми, демонстрируя различные "повороты" и нюансы бесед. Я, конечно, был искренно благодарен старшим коллегам, но, увы, и приучен к тому, что два глаза даны человеку, чтобы одним он видел все безусловно хорошее, а вторым и нечто сомнительное или забавное. Я знал, например, что если к вечеру заглянет в консультацию Яков Исидорович Гершуни, мы все ощутим себя в театре одного актера: дело в том, что Гершуни был крупнейшим специалистом по бракоразводным процессам, причем разводились с его помощью только известные в стране лица. Яков Исидорович, войдя в помещение, кивал головой всем присутствующим, обходясь

без рукопожатий, как делали другие, и без привычных в нашей среде поцелуев, сбрасывал с плеча дорогое пальто и оставался в неизменном белоснежном шелковом шарфике на холерной шее. Затем он сел на ближайший стул и сразу начинал негромко рассказывать, совершенно уверенный в том, что через десять секунд будет услышан всеми, кто находится в консультации, а через два часа — всей Москвой. Говорил Гершуни примерно так, приобщая и адвокатов, и клиентов к тайнам светской жизни звезд первой величины: "На этот раз, — начал он, как будто мы уже знали, что было в "тот раз", — я предложил имярек (директору театра) вариант развода, связанный с прелестным фактом его совместной жизни с женой (ведущей актрисой этого театра), которая однажды пришла пижаму супруга к своему пеньюару, чтобы он ночью не удрал на очередное свидание к некоей даме, короче говоря, конечно же: ревности! А мог бы предложить и другой мотив для развода, связанный..." и т.д.

Итак, я читал книгу, как вдруг адвокат Луковский (имя и отчество его напрочь выветрились из моей памяти), отпустив клиента, поднялся со своего места и подошел ко мне. Луковский, кстати, был нашим профоргом: было ему за полсотни лет, сухой, высокий, лысый, при галстукке, как и большинство адвокатов, но еще и в пенсне, что весьма редко и в наше время, и в те времена, причем пенсне было у Луковского на цепочке и он едва заметным движением мускулов лица освобождался от него так, что казалось, будто пенсне слетало с носа усилием воли своего хозяина. Поставив за моей спиной, Луковский сказал: "Позвольте полюбопытствовать, коллега, какими произведениями нынче увлечена молодежь?". Я кротко ответил: "Восстанием ангелов". "Позвольте узнать фамилию автора?" Слегка удивленный, я раскрыл обложку книги, и Луковский констатировал: "Так. Анатолий Франс. Понятно!" Затем сбросил пенсне на шею, и прежде, чем отойти, с явным неодобрением вкуса нынешней молодежи, громко сказал: "Про войну, небось?".

Именно в этот момент до меня донесся голос нашего секретаря Зинаиды Ильиничны: "Валерий Абрамович, примите, пожалуйста, клиента!" Я обомлел: свершилось! Ко мне направилась молодая женщина годами чуть старше меня. Пока она шла, я мгновенно представил себя ее глазами (у меня есть такая способность видеть себя не только со стороны, но и глазами тех, с кем я общаюсь, и даже как бы читать их мысли о себе): "Смазливый адвокатик с правильными чертами лица, с шевелюрой над высоким и чистым лбом, серо-зелеными глазами большого формата и ресницами, на которые можно спокойно уложить четыре спички и моргать с уверенностью, что они не упадут: но что я могу узнать от этого херувимчика, если я сама способна дать ему любой совет, кроме, возможно, того, за которым пришла в консультацию?".

Я предложил ей стул и успел заметить: вся консультация замерла. Женщина села. Помолчала. Я тоже молчал. Потом произнес: "Успокойтесь и говорите, я — весь внимание". Жен-

щина опустила глаза. Я почувствовал, как застучало на всю консультацию мое сердце. Женщина упорно молчала. Тогда я решил взять инициативу на себя: "Что случилось, не стесняйтесь, расскажите. Какая у вас беда?" Кажется, я попал в точку. "У меня... (она помялась), у меня не беда, у меня... задержка". "В каком смысле?" — сказал я. "Уже три недели". "Простите, чья задержка?" — спросил я, хотя и увидел, что адвокаты почему-то заулыбались. Женщина совсем смутилась моей недогадливостью. Тут я, наконец, сообразил: "Вы беременны?" — "Наверное". "Если вы не хотите ребенка, — стал развивать я тему, — то учтите, что закон запрещает в нашей стране аборт..." Женщина меня перебила: "Нет, я..." — "Дослушайте, — строго продолжил я, — право на аборт у вас возникнет в случае, если вы..." — "Я не хочу аборта, — воскликнула женщина, — я хочу ребенка!" — "Возможно, у вас есть проблемы... вы замужем?" — "Да, мой муж тоже хочет ребенка", — ответила женщина. "Ребенок от мужа?" — "Конечно! А как иначе?!"

106 Как "иначе", знали многие люди, кроме странной клиентки. Напичканный институтом знаниями от пяток до макушки, я прекрасно понимал, что физиологический факт беременности влечет за собой множество юридических последствий, а потому неумоимо продолжил: "В таком случае, у вас проблемы с жильем? Право вашего будущего ребенка на жилье возникает с момента, когда ваша беременность достигнет шести месяцев, а пока ребенок при разделе жилья или при получении нового не учитывается". — "Квартирный вопрос у нас с мужем вполне устроен", — сказала женщина и опустила глаза. Я подумал и предположил: "Стало быть, вы хотите выяснить, может ли будущий ребенок учитываться при появлении наследственной массы?" — "Нет, — упорно сказала женщина, — у нас никакой массы нет..." Я вытер платком вспотевший лоб и увидел, что адвокаты в комнате и даже клиенты почему-то давятся от еле сдерживаемых рыданий: все окружающие меня люди давно поняли, что происходит, и все в мире, в том числе и вы, мой читатель, а я идиотски оставался в неведении. Теряя терпение, я спросил наконец у бедной женщины: "Простите. Что вы хотите от меня?" Совсем смутившись, она ответила одними губами: "Я хочу, чтобы вы меня посмотрели!"

Я оглянулся вокруг. Консультация лежала на полу и билась в судорогах. Последний мой вопрос доконал всех: "Куда вы пришли?" — "В женскую консультацию..." Господи Боже мой! Ко всему прочему (под "прочим" понимаю главным образом отсутствие у меня жизненного опыта) я должен был проявить больше сообразительности и наблюдательности, хотя бы потому, что в нашем доме по улице Полянка "тридобрывеять", кроме юридической консультации, была натуральная женская консультация, о чем я совершенно забыл, потому что не запечатлел в сознании скромную вывеску на соседнем подъезде.

Полное фиаско!

Первое дело

Помогали мне все адвокаты. В этой среде общепринято: маститые патронируют молодых, подбрасывая им своих клиентов и судебные дела, особенно, как нынче принято говорить, "лицам женского пола", причем бескорыстно (как правило). Одним из главных опекунов в нашей консультации был колоритнейший Адольф Ильич Капелевич — типичный представитель "старого разлива" интеллигенции и, кажется, потомственный адвокат. Роста он был небольшого, но, как говорится, живой и подвижный, с неизменной (зимой и летом) модной шляпкой на огненно-рыжей голове, я уж не говорю о бабочке вместо галстука и манжетах, и еще я помню, как Капелевич носил с собой редкие по тем временам визитки и прямо в зале судебного заседания раздавал публике, если дело заканчивалось для него успешно. И самое главное: Адольф Ильич отличался поразительной способностью к самоиронии. Однажды зимой он сдал в починку обе челюсти и остался с двумя зубами во рту (даже показывал нам), с одним — справа наверху, другим — слева внизу, и вот как-то зашел в консультацию и, широко улыбувшись, радостно сообщил: "Друзья мои, на улице такой собачий холод, что у меня жуб на жуб не попадает!" Мы все, конечно, повалились: зубы у Капелевича даже в тропиках друг друга не нашли бы!

В другой раз, летом, он, как обычно, раскланялся с нами, сняв шляпку, и помахал витиеватым мушкетерским узором, но вместе со шляпой неожиданно для себя и для нас снял свои шикарные рыжие волосы, оказавшиеся париком, о чем даже наши дамы не догадались. Думаете, Капелевич огорчился или расстроился? Ничуть. Кто-то из адвокатесс расплакался, а он стал хохотать, мы долго не могли его остановить. Адольфу Ильичу было, если не ошибаюсь, далеко за семьдесят. Ко мне он относился сначала сдержанно, приглядываясь дольше всех, но первым же предложил уголовное дело, бывшее в его производстве: это было весьма ответственное решение, рискнуть на которое даже мой шеф Ефим Лазаревич Вакман не отважился.

Мой шеф таскал меня за собой всюду, куда вел его "жалкий жребий", а он вел Ефима Лазаревича и в Художественный фонд, и в Музфонд, и в Детгиз, и во МХАТ, и во множество других творческих организаций, которые имели дело с авторским правом. Через месяц-другой я уже был "натаскан" на несложные авторские дела, как собака на поиск наркотиков, но прежде чем получить у шефа какое-либо практическое задание, я должен был заслужить у него доверие как порядочный человек (это качество Вакман ставил выше всех остальных: ума, спокойствия, сообразительности и т.д.) и, кроме того, по выражению Ефима Лазаревича, проявить "относительную грамотность", чтобы ему не пришлось краснеть за меня перед уважаемыми людьми. Наконец, на пятый месяц моего стажерства, шеф, уходя в отпуск, передал мне юридическое обслуживание МХАТа. Помню, я каждый раз трепа-

тал, входя в кабинет директора театра, чтобы сказать, что готов завизировать договор с кем-то (не помню, с кем) при условии (при каком условии, тоже не помню). Важно то, что все это я говорил человеку, который внимательно меня выслушивал и, представьте себе, почтительно соглашался: директором театра была в ту пору Алла Константиновна Тарасова! Вам понятны мои тогдашние чувства?

Вернусь к уголовному делу, царственно подаренному мне Капелевичем. Я должен был защищать восемнадцатилетнюю девушку, которую обвинили в "покупке заведомо краденого" (статья 164-я, часть 2-я тогдашнего Уголовного кодекса РСФСР). Как ее защищать, я, конечно, не представлял, поскольку вина девушки мне была явной: во дворе собственного дома она купила у мальчишек за четверть цены вполне приличную зимнюю шубу. Вся консультация, разумеется, была в курсе "моего" дела, и недостатка в советах не было, особенно от наших женщин: и Наташа Канаева, и Нина Здравомыслова, и обе Ирочки (Ярославская и Филатова, хотя вторая была, строго говоря, не Ирой, а Ревмирой – от "революции мира", но весьма мирная, добрая, очень красивая, так что никакого "рев" в ней не было, а потому она и явилась миру просто Ирочкой) – все они наперебой давали мне чисто женские советы: бить на молодость подзащитной, на первую судимость, на большую бабушку, которую следует отыскать, даже на безответную любовь из-за бедности, в то время как избранник был из обеспеченной семьи, мезальянс. Один из Левенсонов (в Московской коллегии адвокатов было два Левенсона. Но отличались они не по именам-отчествам, а по такому признаку: один был "с трубкой", второй – "с машиной", так вот у нас в консультации был – "с машиной") сказал с философским выражением на лице: "Дорогой коллега, вам ничего не остается, как пять минут поплакать в жилетку судьям".

В обреченном состоянии, помню, я поехал в тюрьму говорить с подзащитной. Начал я с откровенного вопроса: "Вы знали, что шуба краденая?" – "Клянусь вам, – примерно так ответила девушка, – я бы скорее удавилась, чем купила ее, если бы знала!" От адвокатов, думал я, у подзащитных не должно быть секретов, но понять, что это не совсем так, мне суждено было позже.

Я тщательно готовился к слушанию дела: изучил материалы следствия, продумал версию защиты, выстроил систему доказательств, написал заранее речь. Я был готов к судебному заседанию, как молодой летчик к первому самостоятельному полету, врач – к первой операции, музыкант – к первому сольному концерту: был собран, взволнован, не очень уверен в себе, но абсолютно уверен в самолете, в правильности диагноза, в крепости скрипичных струн, в данном случае – в невинности моей подзащитной. Дальнейшее может показаться читателю оригинальным вымыслом, впрочем, придумать можно и интересней: увы, все случилось на глазах почти у всей консультации, моих друзей и даже родственников, которые пришли посмотреть мой "высший пилотаж".

Процесс сначала складывался удачно: я довольно цепко допрашивал свидетелей, со скептической улыбкой слушал обвинительную речь женщины-прокурора, а потом произнес свою. У меня не было нужды заглядывать в конспект, я говорил, можно сказать, экспромтом и, как мне казалось, горячо и убедительно. Закончил я так: "Однажды в Голландии судили хлебопека, убившего свою жену. Его признали виновным, приговорили к смерти, но после казни выяснилось, что жена, как и говорил хлебопек, жива и здорова и преспокойно находится в соседнем городе. С тех пор в судах Голландии учреждена специальная должность "напоминателя". Когда судьи поднимались, чтобы уйти в совещательную комнату, "напоминатель" громко произносил им вслед: "Помните о хлебопеке!". Я тоже говорю вам, товарищи судьи: помните о хлебопеке! Эта девушка невиновна, потому что она не знала, что шуба краденая!" И сел под гробовое молчание потрясенного, хотел я думать, зала.

И тут послышались рыдания. Рыдала моя подзащитная! К своему несчастью и моему великому позору, она оказалась единственным человеком, который по достоинству оценил мое красноречие и глубоко его прочувствовал. И потому, рыдая, она сквозь слезы воскликнула: "Я знала, знала, знала, что шуба краденая!". Бедняжке дали год лишения свободы. А я с тех пор боюсь быть убедительным в ущерб тем, кого я защищаю, и бездоказательным в пользу тех, кого подвергаю осуждению.

Первая "взяжка"

15 февраля 1952 года (на шестой месяц стажировки) я сделал в дневнике короткую запись: "Принял дело изобретателя Хрусталева о взыскании с министерства хлопководства страны гонорара в размере пятисот тысяч рублей".

Теперь расшифрую: к Ефиму Лазаревичу обратился некий господин, которого угораздило изобрести хлопкоуборочный комбайн, а денег ему, естественно, не заплатили, хотя изобретение эксплуатировали в хвост и в гриву. Адвокат, ознакомившись с документами, передал мне все материалы, не очень надеясь на успех, но тем не менее пообещав Хрусталеву и мне кураторство. Прежде всего от суммы иска у меня сразу перехватило дыхание: пятьсот тысяч — это пять Сталинских премий 1-й степени. (Кстати, "третьестепенную" получил в пятьдесят первом Юрий Трифонов за повесть "Студенты" и считался со своими двадцатью пятью тысячами баснословно богатым человеком.) А тут какой-то Хрусталев и — полмиллиона! — даже во сне такие деньги мало кому могли присниться.

Помню, Хрусталев впервые явился ко мне в валенках, ватных брюках, пальто, перешитом из солдатской шинели. Я попросил его хоть как-то переодеться, чтобы идти в суд в относительно приличном виде, и он, конечно, где-то одолжил разномастную одежду, не удовлетворившую ни меня, ни тем бо-

лее судей, перед которыми мы вскоре предстали. Говорю к тому, что у этой истории, как в сказке о Золушке, будет счастливый конец, и однажды "мой Хрусталеv" наденет на ногу "хрустальный башмачок" (простите за невольный каламбур: бывают же совпадения!).

В Москву искать правду Хрусталеv приехал из Янги-юля; откровенно сказать, я до сих пор не знаю, есть ли в Узбекистане город с таким названием, я же запомнил город по звуку, как иногда запоминают мотив песни, не зная нот, но обладая музыкальным слухом, вот я и запомнил: Янги-юль, теперь и вы можете это сделать, если получится.

В дело я вник довольно быстро, сориентировался и через месяц... проиграл процесс в народном суде. Потом начались бдения, о которых скажу кратко: удалось отменить решение народного суда, перенести дело в городской, проиграть там, потом перенести в Верховный, тоже проиграть, но вновь отменить решение и, наконец, через полтора года мы получили на руки благоприятное решение Верховного суда страны. Победа! Хрусталеv крепко пожал мне руку и исчез из поля зрения на несколько месяцев.

Приготовьтесь, читатель, это "ружье" еще выстрелит, не зря я веду разговор не просто о деле Хрусталева, а о "взятке". Кстати, мне еще следует объяснить, почему слово "взятка" я беру в кавычки: потому, что в этой истории деньги были, но взяткой их считать нельзя, так как адвокаты не могут получать взятку, это удовольствие принадлежит только должностным лицам, адвокаты же таковыми не являются: они не могут ничего дать или не дать, выписать или не выписать, разрешить или запретить. Бывали, правда, случаи, когда адвокаты несли уголовную ответственность как посредники при передаче взятки (например, судье), их судили (довольно редко, но судили). А в обычных вариантах подобные деньги были "благодарностью", как чаевые таксисту или официанту. Адвокаты называли "благодарности" между собой почему-то "микстами", а почему, я не знаю, зато знаю, что микстом зовут теннисистов, когда в паре играют мужчина и женщина, есть еще "миксер" (смешиватель, если не ошибаюсь), вероятно, по аналогии, и эти деньги приходят к адвокатам, как бы смешиваясь с официальными, внесенными клиентами в касу консультации, отсюда и "микст".

Прошел год. Я был признан адвокатами "своим", рисовал стенгазету, активно дежурил и принимал клиентов, количеством судебных дел, правда, похвастать не мог. Но вот как-то заехал к вечеру в консультацию специально для того, чтобы "в лицах" рассказать коллегам забавную историю, только что со мной происшедшую: о визите домой к одному клиенту. Лавры Гершуни казалась мне по плечу, тем более что в данном случае я был его прямым наследником; ведь и дело о разводе передал мне Яков Исидорович, и как бы предоставил свою благодарную аудиторию. Суть истории такова: перед бракоразводным заседанием суда мне следовало составить список вещей, которые мой клиент добровольно отдавал

бывшей супруге (которую он называл не иначе, как "щучкой"), и список вещей, оставленных у себя. Вообще-то адвокаты по домам клиентов обычно не разъезжали, но тут я сделал исключение из уважения к клиенту, не говоря уже о моем "писательском" интересе (и был за это вознагражден): моим клиентом был замечательный баритон, солист Большого театра, народный артист СССР. В средние дни я сидел у него за журнальным столиком и записывал то, что он диктовал, прохаживаясь по нескольким комнатам огромной квартиры в махровом халате и в шлепочках (вполне домашний вариант), одновременно распеваясь к вечернему спектаклю в Большом. Получалось примерно так: "Пишите, серва-а-а-а-ант, — с модуляцией голоса от "до" через "фа" к "си" и обратно, причем на мотив арии Мефистофеля "люди гибнут за металл", — я этой бля-я-я-а—о-у-ю-дини не дам ни за как-и-и-е коврижки-и-е—о-у-и-и, а вот телле-е-ви-зо-а-о-о-ор пусть бере-е-е-у-е-ет!", — с добавлением уже речитативом соленого русского слова. Все это я и "показывал" адвокатам и клиентам, которые вообще-то могли ходить в консультацию, как на спектакли.

В это мгновение меня прервала Зинаида Ильинична. Обратив внимание на какого-то человека, стоящего на пороге комнаты: "Валерий Абрамыч, к вам посетитель!" В посетителе я не сразу узнал Хрусталева. Он был одет во все новое, причем купленное в магазине "Москва" да еще за один присест: от штблетов до фетровой шляпы, и носовой платок, я думаю, был приобретен одновременно с прочими носильными вещами. Так, измученный бедностью человек, может однажды, получив очень большие деньги, явиться в некое торговое место и в один момент начать новую жизнь, ни на минуту не откладывая возможности сразу преобразиться, что называется, из грязи в князи.

Да, конечно, это был мой изобретатель, получивший, наконец, гонорар и право на лучшую жизнь. Я сел за стол, жестом пригласив Хрусталева к себе. Он как-то бочком приблизился и широко улыбнулся во все тридцать три зуба. Подошел, остановился, протянул мне какой-то конверт и громко сказал: "Я к вам, Абрамыч, с благодарностью! Вот! Здесь первая половина: пятьдесят тысяч, а вторую половину..."

Мне сразу стало неуютно, и я прервал Хрусталева: "Опомнитесь!" Консультация замерла. Хрусталева сначала не понял, о чем я говорю. "Возьмите, Хрусталева, свои деньги, — четко произнес я, бледнея и видя кончик собственного носа, как это всегда было со мной, когда я сильно сердился, — пожалуйста, не позорьте меня перед коллегами! И прощайте!". После таких слов я гордо ушел в одну из наших маленьких комнат, чтобы не видеть потрясенного Хрусталева и обалдевших адвокатов. Потом, когда я вернулся, коллеги сказали мне, что, во-первых, Хрусталева сначала растерялся, затем спрятал конверт в карман и, потоптавшись, молча ушел, а во-вторых, что я полный болван.

Возможно, и болван. Могу сказать твердо и определенно, что такой суммы "благодарности" не видели даже самые маститые адвокаты городской коллегии в те времена, и еще: мой отказ от денег был продиктован отнюдь не отсутствием в комнате коллег, а моим собственным неприятием денег, которыми можно вроде бы оценить мою личную независимость и даже покуситься на неприкосновенность. Глупо? Но я не жалею: потеряв голову, не стоит печалиться о прическе.

Однако, признаюсь вам, читатель, в очень странном феномене: тех пятидесяти тысяч рублей мне не хватает до сих пор! Причем не символически, а вполне реально. Каждый раз, к примеру, когда моей жене или детям нужно купить какую-нибудь дорогую по нынешним временам вещь, а нам сложно это сделать из-за того, что чуть раньше мы купили дорогую вещь, а перед этим еще какую-то вещь, я такой вот цепочкой добираюсь до "хрустальных" пятидесяти тысяч, с помощью которых я, возможно, с самого начала легко и просто заложил бы основу нашего семейного бюджета, и тогда легко приобрел бы новый пылесос вместо ревущего на весь подъезд "Урала", столетний юбилей которого мы уже можем праздновать.

112
Через пять лет я оставил адвокатуру и ушел на литературный фронт (литературным сотрудником журнала "Юный техник"). Коллеги по-разному отнеслись к моему уходу. Только Адольф Ильич Канелевич решительно одобрил, сказав так: "Лучше маленькая рыбка в руках, чем большой таракан в одном месте". Увидев мой недоуменный взгляд, он добавил: "Может, не очень эстетично, зато правильно и даже красиво!"

Коллегия отпустила меня спокойно. Правда, на первое время мне дали официальное разрешение одновременно быть и членом городской коллегии адвокатов, и литсотрудником. Потом кто-то из корифеев сказал, что я в своем роде уникум. Почему? — спросил я. Потому, что за всю историю Московской адвокатуры я второй человек, которому разрешили совместительство. Кто же был первым? В ответ было: солист Большого театра Леонид Витальевич Собинов.

Прекрасное соседство.

Врач видит человека во всей его слабости, юрист — во всей его подлости, теолог — во всей его глупости.

А. Шонгауэр

на не смогла ему простить: двадцать лет супружеской жизни, и вдруг такое – мало, что изменил (хоть и не сознательно), но ведь дурную болезнь в дом принес!

...Семнадцатилетняя Ирина, перерезавшая себе вены, оставила посмертную записку: «Мамочка, папочка, простите меня! Но мне лучше умереть, чем все узнают о том, что я заразилась грязной болезнью...»

...Олег и Даша были бы вполне счастливы в браке... Но так хотелось иметь ребенка, а за пять лет семейной жизни у Даши случилось три выкидыша... Супруги расстались, Олег ушел к другой женщине и вскоре у него родился сын.

Три ситуации – три жизненные драмы. И самое ужасное, жена обвиняла мужа в измене напрасно, никакой венерической болезнью он не страдал. Смерть Ирины – такая дикая случайность: не было у девушки «грязной болезни», Олег и Даша могли бы родить ребенка, сохранить семью... если бы только все эти люди знали, что на самом деле являлось причиной их страданий...

Собираясь утром на работу, вы вдруг с досадой обнаруживаете, что на губе пробивается «простуда». Через день эта дрянь расцветет махровым цветом, причиняя боль, неудобство и вызывая ощущение собственной неполноценности. Глубоко вздохнув – ничего не поделаешь, ну да Бог с ней, пройдет, – награджаете домашних дежурным поцелуем и отправляетесь на службу. Даже не подозревая, что вместе с поцелуем сделали кому-то из близких «подарок» на всю оставшуюся жизнь.

То, что мы в просторечии называем «простудой» или «клихорадой», тем самым равняя эту «маленькую болячку» с зловредным насморком, на самом деле является сложным

ТАТЬЯНА СМОЛЬЯНОВА

ИМЯ ЕГО - ДЕРЛЕС

инфекционным вирусным заболеванием, порой очень тяжелым и практически неизлечимым. Имя ему – герпес.

Вероятно, многим тут же вспомнился телевизионный рекламный ролик: треванное лицо девушки, почувствовавшей неладное. Но вот она изящным мизинчиком смазывает болезненное место «зовираксом» – и уже улыбается. Прошло?

Не спешите с выводами. Реклама есть реклама. Н «зовираксу» мы еще вернемся, а пока все же постараемся выяснить: что такое герпес? В этом нам поможет доктор медицинских наук, руководитель диагностического центра Института вирусологии им. Д.И. Иванова Российской Академии медицинских наук **Николай Дмитриевич Львов**.

Нравы «почтенного семейства»

Болячка на губе или на слизистой носа – далеко не единственное и не самое страшное проявление герпеса. Строго говоря, герпес – это не заболевание, а целая группа заболеваний. Семейство герпесов – одно из древнейших и многочисленных. Впервые описанное Гиппократом 23 столетия назад, сегодня оно насчитывает около 80 вирусов.

Возможно, вы очень удивитесь, узнав, что по статистике человеческой смертности от вирусных инфекций герпес занимает второе место после гриппа (СПИД вне конкурса, от него умирают все заразившиеся). Ежегодно около 2,5 миллиона человек в мире госпитализируются. Сотни тысяч обращаются к офтальмологам по поводу глазной патологии, и оказывается, что в шестидесяти случаях из ста виной тому – герпетические кератиты, увеиты, прероциниты. Кстати, если эти глазные заболевания не лечить, можно полностью потерять зрение.

Если сравнивать герпес, например, с венерическими болезнями, увидим, что в Европе герпес встречается лишь в два раза реже, чем трихомониаз. В Англии – в семь раз чаще первичного сифилиса. Статистика по России, увы, отсутствует. Это говорит о том, что серьезность проблемы недопонимает не только ее непродвинутое население, но и Минздрав.

Уже доказано, что вирусы герпеса провоцируют большое количество самых разных заболеваний. В последнее время ученые, в том числе в нашей стране, пытаются установить, какое отношение имеет герпес к канцерогенезу (перерождение нормальных клеток и тканей в опухоли. – **Ред.**). Они пока не делают категоричных заявлений о том, что герпес вызывает рак, но точно известно, что три процента ДНК генома (совокупности генов в наборе хромосом данного организма. – **Ред.**) вируса – онкоген.

Вот почему так важно знать, что такое герпес, и уметь отразить его агрессию.

Герпесу все возрасты покорны, все народы и государства. По оценкам Всемирной организации здравоохранения, практически все население земли является носителями того или иного типа его вируса или сразу нескольких типов. Герпес многолик и коварен. Он может годами таиться в организме, выжидая своего часа, а потом подло нанести внезапный удар. Он прекрасно маскируется под другие заболевания. Он научился подстраиваться под климат, нравы, традиции народов. Поэтому один и тот же вирус в разных странах может вести себя по-разному. Например, вирус Эпштейна-Барра необычайно свиреп в Южной Африке, особенно у детей от двух до шести лет. Если его жертвой становится такой ребенок, то летального исхода не избежать.

Болеют герпесом и животные: лошади, свиньи, овцы, крупный рогатый скот. Для человека это, как правило, не опасно. Но, путешествуя по странам Азии и Африки, предупреждает доктор Львов, будьте осторожны с обезьянами. Если эти животные поражены вирусом герпеса Б, то общение с ними может оказаться смертельным для человека.

Но это экзотика, которой легко можно избежать. Реальную опасность для большинства жителей планеты, и в том числе для россиян, представляют лишь несколько вирусов герпеса.

Зостер, поражая взрослых, вызывает опоясывающий лишай и межреберную невралгию, а это — острая боль, от которой страдают порой годами. Но если вы в детстве переболели ветрянкой, возбудителем которой тоже является зостер, то возможен пониженный иммунитет к этому вирусу.

Вирус Эпштейна-Барра вызывает мононуклеоз — инфекционную болезнь, которая передается контактным или воздушно-капельным путем. Носителями вируса являются многие, а болеют в основном дети дошкольного и школьного возраста. 2-3 недели держится высокая температура, которую практически невозможно сбить. Развивается жесточайшая ангина, увеличиваются лимфатические узлы, печень, селезенка. Если диагноз поставлен неверно и, соответственно, выбрано неправильное лечение, могут возникнуть осложнения: пневмония, стоматит, отит, серозный менингит, желтуха.

Вирусы герпеса шестого и седьмого типов открыты совсем недавно и потому еще недостаточно изучены. Но уже известно, например, что антитела к шестому вирусу обнаруживаются у каждого третьего. У детей трехдесяти лет заболевание протекает довольно легко, в других случа-

ях это — сыпь, лихорадка, озноб в течение нескольких дней.

Печальное открытие российских вирусологов

Особого разговора требует **цитомегаловирус**, вызывающий куда более тяжелые состояния, чем его переносимые «родственники». У пораженных им взрослых людей увеличивается печень, появляется желтуха, острая печеночная недостаточность. Очень опасен цитомегаловирус для новорожденных — у них болезнь часто заканчивается трагически.

Этот вирус обладает поистине неограниченными возможностями заражать окружающих. Прекрасно чувствуя себя в слюнных железах и некоторых других органах, он может передаваться воздушно-капельным, контактным, бытовым, половым путем. Он способен проникать даже через плаценту и инфицировать плод в утробе матери. Беременность, «сопровождаемая» цитомегаловирусом, нередко заканчивается выкидышем или рождением мертвого ребенка.

Исследования, проведенные Институтом вирусологии и Российским научным центром акушерства, гинекологии и перинатологии, показали: если у женщины проявление цитомегаловируса случается на 8-12-й неделе ее беременности, это пагубно влияет на формирование органов и тканей плода. Отсюда — детские уродства, недоразвитие. Во втором триместре беременности болезнь менее опасна, а вот после 32-й недели вновь повышается риск патологии развития еще не родившегося ребенка. Поэтому, если у беременной врачи обнаружили цитомегаловирус, рекомендуется делать кесарево сечение (и лучше до разрыва плодного яйца или не позднее четырех часов после его разрыва).

Недавно в Институте вирусологии сделано еще одно важное и, увы, печальное открытие: цитомегаловирус, а также вирусы простого герпеса обнаружены в материнском молоке. Это значит, что если ребенок чудом избежал заражения через плаценту или родовые пути, инфекция его догонит у материнской груди.

О чем не говорят вслух

А мы расскажем. Потому что это очень многим людям мешает жить, и, значит, стыдливость здесь неуместна.

Речь идет о заболеваниях, вызванных **вирусом простого герпеса первого и второго типов**. То, с чего мы начали, — болячки на лице — это в основном работа вируса первого типа. Второй тип поражает органы ниже пояса. Сгруппированные пузырьки с серозным содержимым у женщин появляются на вульве, больших и малых половых губах, на ягодицах. У мужчин — на головке полового члена, крайней плоти. У тех и других — на лобке.

Впрочем, сегодня все смешалось: и первый, и второй тип... В результате сенсуальной революции «суверенные владения» этих двух типов вируса слились в единую «империю». Орально-генитальный секс, получивший широкое распространение, подарил возлюбленным новые острые ощущения не только в постели.

Николай Львов рассказал мне о молодой паре, которую ему пришлось лечить. Ненужный супруг не придавал значения «лихорадке» на своих губах, а потом — отчаяние! — у любимой герпес половых органов.

Сегодня в России этим заболеванием в хронической форме страдают 20 миллионов человек! Страдают в

буквальном смысле. Обычно перед конными высыпаниями повышается температура, появляется озноб, боль в пояснице. Затем начинается болячка сама «гроздь». Возможны зуд, жжение, резь при мочеиспускании. Бывают состояния столь тяжелые, что человек не может контролировать себя даже в отпавлении физиологических надобностей.

Длительность рецидивов, как правило, 2-3 недели. Частота у каждого индивидуальна, в зависимости от состояния иммунной системы человека. У одних — два-три раза в год. У других — каждый месяц. По сути это уже инвалиды. И физиологически, и психически.

Вирус простого герпеса, как и цитомегаловирус, имеет колоссальные возможности для продолжения собственного рода. Он прекрасно себя чувствует в слюне, сперме, слезах, в крови, моче, спинномозговой жидкости. Практически все — от полового контакта до общей посуды — может стать каналом заражения. А при благоприятных (для вируса, конечно!) обстоятельствах — переохлаждение, стресс, беременность, алкогольная интоксикация и т.д. — затившаяся, словно злодей, в организме человека болезнь набрасывается на него со свирепостью преступника, поднараулившего свою жертву.

Однако не всегда знаешь тот, кто носит в себе вирус, заразен? Доктор Львов не спешит упрекать:

— Когда есть клинические проявления герпеса, больной безусловно опасен. В первую очередь для полового партнера. Я бы посоветовал для перестраховки не вступать в сексуальные контакты еще 2-3 дня после окончания рецидива. Но вот рецидив закончился — никаких язвочек, трещин, никаких выделений, и ты как бы считаешься неинфекционным. А здесь-то и начинается самое «интересное». Установлено, что около

10 процентов больных в менструальный период продолжает выделять вирус простого герпеса слюнными железами.

Где норма, где патология? Что мы, в конце концов, вообще о себе и о своем здоровье знаем? Если у 85 процентов наших женщин болезнь протекает без видимых симптомов. А 70 процентов инфицированных детей рождаются от **бессимптомных** вирусносителей. Мама и не подозревает, что у нее герпес, а ребеночек прошел по инфицированным родовым путям и, не успев пронить неделю, заболел. Семьдесят из ста младенцев, зараженных вирусом второго типа, умирают от герпесного энцефалита.

Сколько семей в России переживают печальную драму: так хочется иметь ребенка, но... Все никак не получается! А сколько из этих супругов, не желающих смириться со своей бездетностью, знают о том, что у каждой четвертой зараженной женщины вирус провоцирует выкидыш на ранней стадии беременности и у каждой второй – на поздней? О том, что именно герпес нередко становится причиной бесплодия... Да ведь никто этим людям про то никогда и не говорил!

Невежество – его подруга

Можно со снисхождением и даже, скорее, с сочувствием относиться к невежеству непросвещенных пациентов. Трудно простить невежество врачей. Мне вспоминается рассказ знакомой, которая мучилась от «чирьев» на ягодице (так она их называла) оноло десяти лет. За это время обращалась к самым разным специалистам – каждый ставил свой диагноз и предлагал лечение, которое совершенно не помогало. Лишь недавно очередной

врач, к которому она попала почти случайно, определил причину ее страданий: герпес.

Терапевты на «нонные высыпания» и прочую «герунду» и смотреть не хотят. Педиатры не отличают мононуклеоз от ангины, гинекологи и дерматологи путают генитальный герпес с венерическими заболеваниями. Единственный врач, который в состоянии поставить грамотный диагноз и грамотно лечить, – это вирусолог. Но вирусолог – специальность редкая, и попробуй догадаться, что тебе нужен именно он! Поэтому любой практикующий врач должен уметь хотя бы **заподозрить** герпес, чтобы отправить пациента по единственно необходимому ему адресу.

Важность диагностики очевидна. Особенно для охраны здоровья матери и ребенка. Трудность диагностики тоже очевидна. Особенно при бессимптомной болезни. Для выявления вируса требуется специальная лабораторная база – анализы порой нужны сложнейшие, дорогостоящие. Подчеркнем: **порой**. Не всегда.

Поскольку у бюджетных учреждений с финансами, как правило, туго и они не могут позволить себе содержать такую лабораторию, «свято место» активно занимают коммерческие структуры. И вот уже появляется реклама: делаем любые, какие хотите, анализы. Спенулируя на доверии людей и страстном желании выздороветь, коммерсанты от медицины раскручивают их на новые и новые исследования. Стоят они – о-го! А принципиально-го значения для лечения часто не имеют.

Появилось и немало спасителей – особенно в столице, – которые называют себя «специалистами по герпесу» и обещают избавить от страданий.

В Институте вирусологии я познакомилась с молодой женщиной,

лицо которой было обезображено многочисленными язвами. И судя по напряженной, неуклюжей позе, в которой она сидела, болело не только лицо. Женщина рассказывала, что побывала уже везде, где только можно, испробовала все. В одном платном «специализированном центре» ей сделали «прививку от герпеса» – в результате вирус просто озверел. И вот она приехала в институт к здешним докторам, как к последней своей надежде.

Так можно ли вылечиться от герпеса?

Здесь следует точно процитировать доктора Львова:

– Все вирусы являются внутриклеточными паразитами. Но герпес – уникальная инфекция. По сути это генетический паразит. Геном вируса простого герпеса встраивается в молекулу ДНК клетки-«хозяина». Извлечь его оттуда невозможно. Значит, нельзя и говорить об излечении в полном смысле слова. Но мы можем санировать зараженный вирусом организм: образно говоря, загнать льва в клетку и не позволять ему оттуда выходить. Поэтому когда я, например, сообщаю, что мы вылечили более 700 беременных женщин, это значит, что их вирус «блокирован», а родившиеся у них малыши совершенно здоровы.

Николай Дмитриевич не стал раскрывать секретов. Сказал лишь, что дело здесь не только в препаратах, но и в методике лечения, которая направлена на стимуляцию собственных иммунологических сил организма, на создание невосприимчивости организма к вирусу.

В последние годы появилось много препаратов, чаще в виде мазей, которые воздействуют непосредственно на «материализовав-

шийся» в болячки вирус. Самый знаменитый из них – «зовиранкс». У него действительно немало достоинств, за что его создатель, Гертруда Элион, получила Нобелевскую премию. Недостаток лишь один – «зовиранкс» смягчает видимые проявления болезни, не оказывая значительного влияния на частоту и продолжительность рецидивов. Да и стоит он очень дорого.

Большинство других препаратов – это вариации на тему «зовиранкса», только, как правило, менее удачные. Поэтому, когда вы встречаете сплошные восклицательные знаки («Быстро! Эффективно! Надежно!»), относитесь к рекламе, нан... к рекламе.

В Институте вирусологии РАН танке после долгих лет работы создано лекарство от герпеса. Называется оно «фоскарнет». У него совершенно другая основа, нежели у «нобелевского лауреата», и в лечении генитального герпеса «фоскарнет» оказался более эффективным. Однако в широкую медицинскую практику он еще не вошел – слишком тяжеловесен и неповоротлив российский механизм внедрения.

Зато чуткие предприниматели, как всегда, не плошакот. Косметическая фабрика «Рассвет», каким-то образом узнав о «фоскарнете», стала производить губную помаду «Антигерпес». «Помилуйте! – восклицает Николай Львов. – Это же абсурдная идея. Вместо того, чтобы инфекцию локализовать, ее предлагают размазать по губам. А если помадой, на которой осталось огромное количество вируса, воспользуется другой человек? Кстати, косметика часто оказывается переносчиком инфекции».

Особая тема – противогерпесные прививки. Она настолько не проста, что ей стоит посвятить отдельную статью. Пока лишь заметим, что в свое время все ведущие в сфере народного здравоохране-

ния страны создали вакцины против герпеса. Но в конце концов все от них так же и отназались. Кроме России.

Не целуйся на ветру

При всей, казалось бы, безнадёжности ситуации, встречи с герпесом все-таки можно избежать. А если вы уже болеете, поберегите своих близких. Для этого достаточно соблюдать элементарные правила гигиены и меры предосторожности. Доктор Львов терпеливо повторяет всем своим пациентам и готов еще повторять:

- В период вспышки простого герпеса воздержитесь от половых контактов и от поцелуев, даже целомудреных.

- Если в семье появился инфицированный, обследуйте всех родственников.

- У больного должна быть личная посуда, мыло, полотенце, постель, все предметы личной гигиены, по крайней мере, во время рецидива.

- В период вспышки герпеса забудьте дорогу в бассейн, сауну, ба-

ню. Умывайтесь аннуратно, стараясь не травмировать высыпания, чтобы не разнести инфекцию.

- А вот на пляж ходить полезно, но только утром и вечером. Воздействие ультрафиолета в небольших дозах показано при этом заболевании.

- Если вы страдаете герпесом полости рта, губ, лица, пожалуйста, воздержитесь от визита к стоматологу во время обострения. Вы можете заразить доктора.

- У разных людей может быть разной причина, вызывающая обострение (например, переохлаждение). Необходимо ее вычислить и обязательно учитывать.

- Тест на вирус простого герпеса и цитомегаловирус необходимо пройти каждой женщине, решившей завестись малыша.

- И никогда не занимайтесь самолечением! Обращайтесь только к специалисту.

Просто? Конечно. И наверняка было бы гораздо эффективнее вместо или вместе с рекламой различных «чудодейственных» препаратов в аптеках, поликлиниках, больницах рекламировать эти простые советы.

✓
Есть зеркало для лица, нет зеркала для души. Этот провал следует восполнить серьезным размышлением над самим собой.

АРТИСТ, КОТОРЫЙ УМЕЕТ ЖДАТЬ

Первый отечественный телесериал «Петербургские тайны» открыл новое актерское имя – Сергей Чонишвили, исполнивший роль молодого князя Владимира Шадурского. Три месяца телезрители с увлечением созерцали забавы князя Владимира, от которых стрелялись люди, разбивались сердца, разорялись дома. Режиссер картины Леонид Пчелнин справедливо рассудил, что совершать нехорошие поступки и одновременно вызывать симпа-

тию под силу только талантливому артисту. И пригласил на эту роль артиста театра «Ленком» Сергея Чонишвили. Сегодня это имя значится на афишах самых скандальных московских спектаклей. С артистом хотят работать профессионалы старшего поколения и представители молодой театральной и кинематографической элиты. Зрители специально приходят в «Ленком» на спектакли с его участием – «Несторские игры», «Мудрец», «Норвежские иг-

ры». Уже много лет при полных аншлагах идет «Игра в ямуриши», пьеса, поставленная в антрепризе «Независимый театральный проект», и невозможно достать билет на спектакль «Психи» в театре-студии О. Табакова, где Сергей играет помимо «Ленкома». А по одному из опросов, проведенных среди выпускников московских школ, выяснилось, что подрастающее поколение считает его самым модным актером Москвы. Так обольстителю князь Шадур-

сний стал нумиром современной модели.

— Сергей, ваша жизнь как-то изменилась после сериала «Петербургские тайны»?

— Появилась надежда, что откроются новые перспективы в театре и кино. А в принципе моя жизнь особенно не изменилась. Я остался таким же, каким и был. Просто после князя Шадурского появилось значительно больше людей, которые узнали о существовании артиста Чонишвили.

— Патриарх отечественного телевидения Леонид Пчелкин славится тем, что всегда точно выбирает артистов в свои фильмы. Где и как вы с ним встретились?

— Это целая история, достаточно нурьезная. В первых десяти сериях под ногами у князей Шадурских крутился маленький Вольдемар с белоснежными кудрями. Зрители, конечно же, догадывались, что ребенок должен вырасти, но вряд ли они могли предположить, что это белонурое создание превратится в брэнета. А все было очень просто. Пчелкин долго искал артиста, и когда я пришел на пробы, он сразу воскликнул: «Вот этот грузин мне очень нравится, нужно его только побрить». Мне сбрили бороду, и выяснилось, что я очень похож на Наталью Гундареву и Дмитрия Бруснинина — своих родителей по сериалу.

— Настоящий успех пришел к вам после «Петербургских тайн», а что раньше не приглашали сниматься?

— Почему же, я успел сняться практически на всех студиях, кроме «Ленфильма». Но фильмы с моим участием не выходят на широкий экран. Где сейчас можно увидеть «Дезертира», «Высшую истину бомбиста Аленсея», «Натану и Шиз», «Психа и мелочевну», «Моего бедного Пьера»?

— Актеры всегда помнят свой дебют в кино...

— Мой дебют в кино... не состоялся. Когда я учился в Щунинском училище, меня позвал Нарен Шахназаров на главную роль в «Нурьере». Были очень хорошие пробы, но потом он сказал, что у меня старье циничные глаза, и нашел более молодого героя. Хотя я считаю, что у меня не циничный, а оценивающий взгляд.

— Вам завидуют?

— Не знаю. У каждого человека есть враги и недоброжелатели. Это нормально. Моя творческая судьба вначале складывалась легко и счастливо: в 16 лет я уже был студентом Щунинского училища, получал главные роли в дипломных спектаклях, первые места на четырех конкурсах. Затем — красный диплом и приглашение в «Ленном», где я работаю уже 10 лет. Первая большая роль — Нинита в «Несторных играх», которую раньше играл Александр Абдулов. В общем, этаким баповень судьбы. А потом началась другая жизнь, по сути дела забравшая все, что было, и ничего не предложившая взамен. В течение пяти лет я упорно цеплялся только за то, чтобы не перестать быть артистом, боялся перестать верить самому себе. Когда же возник реванш и Андрей Житинкин выпустил спектакль «Игра в нумирини», признанный самой скандальной постановкой 1993 года, я понял, что не только не потерял себя за эти годы, но сумел многое накопить и как артист, и как человек.

— После такого признания возникает вполне закономерный вопрос — как Марк Захаров отнесся к тому, что в его труппе появилась еще одна «звезда»?

— О звездности или незвездности пока бессмысленно говорить. Лет в 45 я смогу сказать, получилась из меня «звезда» или нет. Могу только предположить, что, наверное, Марк Анатольевич задумается, как меня можно дальше использовать в театре. Он ведь очень внимательно сле-

дит за ростом артистов «Леннома» на стороне, за их имиджем в кино и, когда понимает, что его артист оказался интересен другим режиссерам и достиг определенных успехов, старается сделать на него ставку и в своих постановках.

— Пока еще неизвестны планы Марки Захарова?

— Почему же, в «Ленноме» открылся юбилейный, 70-й сезон, и я релетирую Ноздрева. Новый спектакль вряд ли будет иметь отношение к первоисточнику — «Мертвым душам». Талантливый драматург Нине Садур сделала собственную версию произведения Гоголя, которая называется «Брат Чичиков». А поскольку мне всегда было неинтересно играть голую форму, маску, я стараюсь войти в конфликт с собственным героем, сделать нечто человеческое и экстравагантное одновременно. Но пока об этом рано говорить.

— Сергей, в какой стране, в каком городе вы чувствуете себя как дома?

— Пожалуй, только в Москве. Хотя как танового дома у меня нет. Есть девять метров в общедомовом и большое количество друзей. Но в своем доме, который у меня рано или поздно все равно появится, обязательно будут: пианино, телефон с автоответчиком, камин, пусть даже лонный, и лестница на второй этаж, даже если не будет второго этажа.

— Актёры часто держат свою личную жизнь в тайне...

— Я не делаю секретов из своей жизни. Поскольку работаю 24 часа в сутки, времени на личную жизнь практически не остается. И это несмотря на то, что по натуре я домашний человек. Спасибо маме, которая, будучи замечательной антрисой, умудрялась содержать дом, которая развила во мне любовь к хорошей кухне. Я и сам достаточно вкусно готовлю. Правда, делаю это крайне редко, так как могу удовлетво-

ваться одноразовым питанием типа кофе с бутербродом.

— Вы хотите уклониться от рассказа о своей личной жизни?

— Нет. Холост. Пока.

— Появятся ли поклонницы появились?

— Я не принадлежу к категории людей, которые обоняют крутить романы с поклонницами. Раздразнивать себя общественности таким способом мне неинтересно.

— А какие женщины вам нравятся?

— Все зависит от времени года и количества сыгранных спектаклей за неделю. Вас устраивает такой ответ?

— Да, но вы не похожи на равнодушного человека.

— Хорошо! Есть три вещи, к которым я действительно не равнодушен: пиво, хороший табак и женщины. Но и это не все. Я ценю в своей личной жизни ту гармонию скрытности и откровенности, которая позволяет ответить словами Иосифа Бродского: «Объект любви не хочет быть объектом любопытства».

— Сергей, родители влияли на вас при выборе профессии?

— Мои родители антеры, и с трех лет я попал под влияние очень хорошего театра — Омского драматического. Правда, сначала собирался повторить жизненный путь Жака Ива Кусто и стать океанологом. Но где же в пятом классе родители узнали, что мальчик решил стать артистом, они попытались сделать все, чтобы я не совершил эту «жужасную ошибку». Но театр — штука заразная, и сейчас они считают, что мой отъезд в 16 лет из Омска и поступление в театральное училище были правильным решением.

— Вы скажите, что работаете круглые сутки, а как же отдых?

— Я с детства не любил жару, пляжи, бессмысленное лежание на солнце. Если в семье появлялись деньги, родители говорили:

«Мальчине нужно солнце» и увозили меня в Мисхор или Ялту – в зависимости от стоимости путевки. А я на третий день начинал ненавидеть юг, пальмы, пляжи. Единственное, что меня радовало – долговременные заплывы в море. До пенсионерия.

– *Почему?*

– Густав Майринк в «Белом доминанца» сказал: «Единственная беседа, которая может чему-нибудь научить, – это беседа с самим собой». Я вообще был очень серьезным ребенком, все время задавал маме глобальные вопросы типа: когда мы умрем, кто будет жить в нашей квартире?

– *Можете ли вспомнить самый счастливый день детства?*

– День рождения, когда мне исполнилось три года. Тогда я понял, что нужно как-то пытаться запомнить и анализировать то, что происходит в моей жизни. В три года я ощутил себя абсолютно самостоятельным в этом мире, вполне взрослым человеком.

– *Вы объездили много стран. Происходили ли какие-нибудь курьезные случаи за границей?*

– Уезжая на съемки в Японию, взял с собой много пачек табачка на самокрутки, чтобы не тратиться. В картине с японской стороны снимались известные и маститые артисты. И вот эти «национальные достояния» периодически подсылали ко мне своих личных администраторов и просили сфутить сигаретку. В обмен на одну самокрутку мне преподносили целые пачки сигарет. В чем дело? Оказалось, прошел слух, что раз я могу позволить себе такую роскошь, как табак, значит, я супербогатый артист и снимаюсь в фильме ради удовольствия. А пачки сигарет – просто знак внимания и уважения. Я долго смеялся, особенно при мысли о своем материальном благополучии.

– *Снятся ли вам профессиональные кошмары?*

– Не снаю, что часто, но снятся. Например, я опаздываю на спектакль и стою на какой-то заснеженной дороге. Мимо проносятся машины, а те, которые пытаются затормозить, переворачиваются и взрываются. А я все стою и думаю, что мне надо хотя бы без пяти семь попасть в театр, потому что ровно через десять минут после начала у меня выход. Или рядовой кошмар – меня выкидывают вместо другого артиста на сцену, а я не знаю ни роли, ни мизансцен, ни спектакля, ни пьесы.

– *Скажите мне, кто твой друг...*

– Есть понятие «френд» – таких друзей у меня много. Из близких, тех, с кем можно делить не только горести, но и радости, могу назвать режиссера театра Моссовета Андрея Житинкина, который, испробовав неоднократно Чонишвили в работе, не разочаровался в нем ни как в артисте, ни как в человеке.

– *Есть ли у вас любимая фраза или девиз?*

– «Количество разума на Земле – величина постоянная, а население растет».

– *Сергей, сколько вам лет?*

– Тридцать один.

– *Я знаю, что вы пишете стихи и прозу. Что могли бы написать о своей жизни?*

– Я чувствую себя счастливым человеком. У меня сегодня вроде бы получается то, что я давно ожидал. И быть может, если бы это случилось раньше, я упустил бы за суетой какие-то важные вещи или перенял бы их более легко. Поэтому я бы написал так: «Жизнь начинает приобретать приятные формы». Но до меня постарались французы, придумав замечательную фразу: «Все приходит вовремя для того, кто умеет ждать».

Мне спокойно в вашем доме.
Нежны топкие диваны.
Важны речи, влажны руки.
Выразительны слова.

Погрузиться в них приятно,
Как дремать, принявши ванну, –
Словам, мне не в тягость – слушать,
Говорить не в тягость – вам.

О душе, что жжет и рвется.
Об искусстве, о свободе.
Все знакомо, все привычно, –
Дрема переходит в сон.

Под кухонные признанья:
Ближе к Богу, ближе к краю...
А хозяйка на гитаре
Все играет и играет...

Средь весеннего цветенья
Кто-то бродит – прям и худ.
Кто-то странный наверху:
Не отбрасывает тени.

Не отваживаясь видеть,
Прохожу живущим садам.
Не в накладе, не в обиде.
Не рискнувши. И не надо.

Бродить по улицам, мечтать,
Шататься без руля и смысла
Бог знает где... Уж лучше так,
Чем дома на диване киснуть,

Уж лучше ветер и зима, –
Попеременно – снег и слякоть,
Когда подует, будто март,
Когда метет и крутит всяко.

И вспоминаешь, что живешь,
Что есть дела важней и проще,
Когда торжественно идешь
Распахнутою снежной рошей.

Выходишь на трамвайный круг, –
На звон, на перестук, на память
И, просветленный, имя вдруг
Роняешь легкими губами.

БАЛБАС

АЛЕКСАНДР
ПЬЯННОВ

БАЛБАС

Сатира

Нас дурят, а мы рады

Расснажу, как я однажды попал в лапы жуликов...

Ждал эллектричку, долго сплялся по платформе и наконец остановился оноло толпы зеван, наблюдающей за игрой в наперстки. От скуки решил посмотреть, как мошенники обманывают доверчивых «лохов». Да и самому было интересно проверить остроту своих глаз против ловкости их рук. Поназалось, что трюки не столь замысловаты, как принято думать, но включаться в игру понечалу все же не стал – знал, что выйдет себе доронке...

В наной-то момент на кону оназалось 100 тысяч (три года назад деньги немальные), а выбирать нужно было всего из двух наперстков. У меня засосало под лонечной. И тут «рупья» предлонил мне угадать, где шарик. Пона он, глядя мне в глаза, это говорил, мужичон из толпы ловко приподнял один из наперстков. Я увидел, что поролонового шарика там нет. Значит – он под вторым!

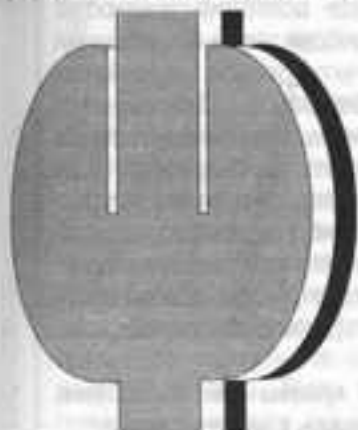
Черт меня дернул рискнуть, и я поднял наперсток... Моя зарплата переночевала в нарман мошенника.

...Этот досадный случай, который я постарался поскорее забыть, вспомнился мне на семинарах врача-психиатра **Игоря Олеговича ВАГИНА**, кандидата медицинских наук, президента Академии иррациональной психологии.

Каков человек – такова психология

– Игорь Олегович, что это такое – иррациональная психология?

– Простой пример: вы можете любить человека и вместе с тем понимать, что любить-то его не за что. И в то же время рационально думать про другого: «Вот кто достоин

любви!» – но любви к нему не испытывать. То же самое, когда мы курим и пьем водку, осознавая, что это вредно. Или покоряем горы, понимая, что это опасно.

Человек по своей природе иррационален. Вроде бы есть заповеди, установления, логический механизм, а он все равно живет за счет своих желаний, страхов, потребностей. Поэтому именно на этих базовых комплексах мы и акцентируем внимание, работая не столько с логикой, сколько с иррациональным восприятием мира – на уровне подсознания.

– *На чем основана ваша методика?*

– Мы взяли самые эффективные моменты из разных школ – то, что действительно работает сейчас, в нашей конкретной жизни. При этом не придерживаемся идеологии – можем использовать тибетские техники и техники шаманов, трансперсонального психосинтеза и классического гипноза, приемы, которые использовали в древности китайские бойцы, и те, что применяются при подготовке спецподразделений США.

– *То есть вы стопроцентная практика?*

– Зайдите в любую библиотеку – там сотни теоретических книг по психологии, но никакой конкретной пользы они читателям не приносят.

– *Чтобы так говорить, нужно иметь свой собственный большой опыт реальной помощи людям. Расскажите немного о себе.*

– Окончил 2-й медицинский институт, аспирантуру в Институте судебной психиатрии имени Сербского, ординатуру в 4-й московской городской психиатрической больнице. Практику учился у лучших психиатров 70-х. Занимался у китайских мастеров цигуна, 10 лет под руководством японца изучал карате, работал с тибетским ламой. Учился за рубежом – в Германии, Голландии...

На жадину не нужен нож...

– *Вы много лет изучаете работу мошенников – кидал, шулеров, цыган. Почему и как люди попадают в их сети?*

– Большинство мошенников прекрасно владеют приемами психологического манипулирования. Прежде чем начать «работать» с жертвой, они постараются загнать ее в транс. В таком состоянии у человека исчезает критическое отношение к ситуации, он не может оказывать сопротивление, принимает все, что ему говорят, за чистую монету. Для этого используются определенные голосовые режимы – монотонный, вкрадчивый, убаюкивающий голос сменяется командой, установкой. Сначала инстинктивно интуитивно, потом, продолжая беседовать, замедляют движение рук. Например, быстро достают пачку сигарет, а потом медленно-медленно ведут рукой в сторону, и там она замирает...

Мошенники работают на вокзалах, рынках, в аэропортах не случайно. В людном месте внимание ваше расслабляется. Если, допустим, вы долго находитесь в аэропорту в ожидании рейса, начинаете бродить, рассматривать киоски, становитесь заторможенным, вялым – вас можно брать, что называется, голыми руками.

– *На каких чувствах играют мошенники?*

– Прежде всего на жадности. Если бы у людей не было желания легко получить деньги, жулики остались бы без работы. Это касается и обычных наперсточников, и строителей финансовых пирамид. Еще мошенники давят на «нюпочку любопытства» (людям всегда очень хочется знать, что там такое интересное происходит, надо обязательно попробовать), жалости, страха, риска...

– *Какие приемы они используют, чтобы выманить у человека деньги?*

— Профессиональные аферисты нередко владеют техниками скрытого гипноза. Здесь используются приемы вызывания симпатии, отвлечения внимания, скрытые команды... Например, хочет человек продать машину за четыре тысячи долларов. Стоит на рынке, но больше трех никто за нее не предлагает. Тут появляются «ломщики» и принижаются простачками: «Твоя тачка нам нравится, но больше четырех с половиной мы не дадим». Хозяин радуется, что нашлись «клохи». А мошенники в темле начинают загружать его вопросами, отвлекать внимание. Одновременно идет торг. В момент передачи денег достаточно продавцу хоть на мгновение оторвать взгляд от пачки купюр, как она в руках жуликов становится в полтора-два раза тоньше.

— *То есть мошенники не только имеют хорошо натренированные руки, но и неплохо владеют психологией?*

— Как правило, да. Они умеют и манипулировать другими людьми, и знают, как тренировать собственную психику. Один аферист мне рассказывал, что перед тем, как «идти на дело», он настраивает себя на то, что будет самым крутым нидалой в городе. Входит в образ мастера высочайшего класса и детально, во всех мелочах, представляет себе, как он работает, каким тоном говорит, как улыбается...

— *Откуда такое необычное лакомство?*

— Однажды у коллеги-психолога из нашей академии, которого я называю Мастером, попутчиками в поезде оказались два шулера, которые предложили сыграть в нарты. Он их быстро раскусил и начал «обрабатывать». Те стали проигрывать. Дошло до того, что шулерам пришлось ставить на кон золотые перстни и часы. Тогда Мастер великодушно вернул им часть выиг-

рыша (бесплатные уроки ничему не учат), рассказал о себе. Так и познакомились...

— *По-вашему, людьми часто манипулируют?*

— Каждый день. Начальство, от которого зависит наша работа, бандиты, от которых иногда может зависеть наше здоровье, а то и жизнь, правительство, да и наши близкие.

Знаю одну молодую пару, где жена постоянно «пилит» мужа. Однажды, когда она закатила ему очередной скандал, он взял и разбил бокал. По полу разлетелись мелкие осколки, а супруга замерла на полуслове. Оназывается, она с детства боится разбитого стекла. Муж это знал и таким необычным образом заставил ее замолчать.

— *Мне кажется, можно вспомнить еще работников торговли...*

— Среди них много «талантов». Спрашиваешь, например, в аптеке: «У вас есть аспирин?» Отвечают вопросом на вопрос: «Вам две упаковки или три?», минуя при этом информацию о том, что это за аспирин, сколько он стоит, и хотите ли вы его вообще покупать.

Интересно наблюдать и за продавцами с юга. Нан-то мы с друзьями — супружеской парой — остановились у пирамиды арбузов. Начали выбирать. Муж в арбузах понимает плохо, а жена — разбирается. Он выбрал, она ему говорит: «Не бери этот, он зеленый!». И тут встречается продавец: «Ти што, нз мушчына, слушай. Ты командовать должен!» Пришлось приятелю купить этот арбуз, который и в самом деле оказался неспелым.

— *А чем берут цыгане?*

— Они работают в людных местах, чтобы было много клиентов. Дело в том, что только 12-15 процентов людей легко поддаются внушению. Поэтому цыгане знают — девять человек их пошлют подальше, а десятый обязательно клянет.

Чтобы начать его раскручивать, используют так называемый прием тройного согласия. Если жертва три раза скажет «да» на какие-то мелкие просьбы, то и потом, по инерции, согласится.

Например, начинают просить: «Дай сто рублей ребенку на хлеб». Вы даете. «Дай еще двести – это же все равно для тебя не деньги». Даете во второй раз. «А вот у тебя тысяча рваная, зачем она тебе?» – отдадите и тысячу. Тут вам предлагают погадать и непременно обнаружат «порчу», которую тут же берутся снять за кругленькую сумму. Если вы все же откажетесь, эту порчу пообещают наслать.

– *Обычно от цыганок отвертеться трудно – они своим взглядом буквально приковывают к месту.*

– Действительно, цыганка при разговоре использует сильный, уверенный, цепкий взгляд. Но не только. Она загружает сразу все каналы человеческого восприятия – зрение, слух, обоняние и осязание.

Встает очень близко, заслоняя собой все. Говорит шороговатной, забалтывает, давит потоком информации, которую человек не в состоянии усвоить. Нан бы случайно дотрагивается до жертвы, а то и просто ощупывает. Все это делается одновременно, а для усиления эффекта цыганки, нан правило, работают в паре.

Цыгане за века научились разбираться в психологии. По лицу они могут понять настроение и поэтому почти всегда попадают в точку. Если человек грустит – они ему предсказывают несчастье, если он весел – успех. Тут срабатывает примитивный механизм – когда кто-то «угадывает» ваши мысли, подтверждает ваши подозрения или, наоборот, укрепляет вашу уверенность в себе, вы начинаете ему доверять.

– *На что еще «давят» цыгане?*

– В основном, на страх. Мужикам они говорят, что наведена порча на их деньги (учитывая нынешнюю криминальную ситуацию, «грязных» денег тьма тьмушая), женщинам сообщают, что их из-за порчи могут разлюбить или, того ужаснее, может умереть ребенок. Тут и самая уверенная в себе мадам засомневается.

– *Ну а как можно защититься от такого «магизма»?*

– Самое лучшее – вообще не вступать в контакт. Если же разговора избежать не удалось – нужно четко осознавать, что вас сейчас начнут обрабатывать. Цыгане умеют оказывать мощный психологический прессинг, но если вы им противопоставите свой напор, они уйдут.

Нан ни странно, цыгане сами очень суеверны. Если они у вас выдирают волосок, не бойтесь выдрать у них, скажите, что тоже наведете на них порчу. Они тут же исчезнут. А если при этом будут вас проклинять – не обращайте внимания. Тем более, что настоящих цыган, владеющих какими-то особыми знаниями, сейчас встретишь нечасто...

Хотите – верьте...

– Когда я работал дежурным психиатром, одним из пациентов был брачный аферист. Он знакомился на улице с женщиной, приглашал ее несколько раз в кафе. А однажды говорил: «Мы же интеллигентные люди, давайте сходим в Третьяковку». Женщина, естественно, хотела произвести впечатление, надевала дорогую шубу или пальто. В музее он занимал очередь в гардероб, предлагал даме сходить почистить обувь, брал ее вещи и был таков.

Он ходил в форме летчика гражданской авиации. Вся грудь была

в знаках об окончании институтов и академий (когда успел в свои 25?). Одного значна мастера спорта ему было мало – носил сразу два. Вы можете себе представить летчина, который ходит в очках, да еще с роговой оправой? Он их носил. Для солидности. Но самое главное – у него была наплечная кобура. По его словам, когда он расстегивал свой нитель (гранжданской, повторяю, авиации), кобура срывала женщин наповал. Такой вот маснарад.

К тому же, у него был прекрасный подвешен язык – после пяти минут разговора поневоле начинали верить его словам. Когда мы приехали за ним в отделение, поразились – милиционеры бегали ему за хлебом в булочную и за нефиром в молочный. За это он веселил их историями своих похондений.

– На своих занятиях вы тоже учитте слушателей блефовать. Неужели это может пригодиться в жизни?

– Конечно. Наш выпускник Алексей хотел заключить договор с одной итальянской фирмой. Итальянцы приехали и сразу стали изображать из себя ну очень крутых парней. Алексей вынул из стола пустую папку и спонойно заявил: «У меня уже есть десяток предложений от серьезных фирм. Но вы мне симпатичны. Напишите ваши соображения на бумаге, а я в ближайшее время обдумаю». Написали. Как водится, поехали в ресторан. По дороге Алексей показывал на шинарные офисы с солидными вывесками – это наше совместное предприятие с австрийцами, это – с японцами... Итальянцы были поражены, а Алексей продолжал: «Умные люди давно начали с нами работать, так что вы немного опоздали. Ну ничего – с вами тоже будет интересно поработать. Контрант подпишем сейчас или после обеда?» После обеда договор был подписан.

Наглядный пример, когда блеф помог человеку в его работе. Главное, чтобы заставить людей вам поверить, – сохранять бесстрастность, уметь дергать взгляд.

– Как еще можно манипулировать людьми себе во благо, но и им не во вред?

– Однажды я опаздывал на встречу и тормознул машину. – В центр подвинешь? – Нет. – А вообще-то короткую дорогу знаешь? – Знаю. – А сдача с сотни будет? – Будет, но все равно не поеду – времени нет.

И тут я дожимаю: – Да с таким водилой, как ты, мы за пару минут доедем. – Согласился.

Или подхону к тансисту, назначаю цену – 50 тысяч. Он – 80. А я ему радостно: «Я бы тебе и сто заплатил, но у меня только 50!» Чаще всего срывается.

– С водителями договориться несложно, а что делать с инспекторами ГАИ?

– Меня недавно один остановил. Я вышел, познал ему руну, посмотрел в глаза и сказал: «Друг, спасибо, ты меня от смерти спас, я ведь засыпал». Гвишник простил мое нарушение. Он почувствовал свою значимость, а значимые люди на штрафы не размениваются.

– Посоветуйте, как самому не попасться на обман?

– Как правило, аферисты великолепно умеют вызывать чувство симпатии. Они начинают вам рассказывать о своих огромных возможностях, связях, хотя вы их об этом не спрашивали. И помните – при разговоре с вами мошенник обязательно будет преследовать свою корыстную цель. Раскусите его и не поддавайтесь на провокации... А для этого задайте себе три простых вопроса. Почему он мне симпатичен? Для чего он мне все это говорит? С какой целью общается со мной?

Зал в нетерпении, он гудит, взрывается криком-рефреном: "Тина! Тина!" Что же чувствует та, которую ждут, которая через несколько минут покорит и завоеует этот зал? "Когда я выйду на сцену, я как бы заряжаюсь неумемной энергией зала. Это, наверное, то же самое, что происходит с лошадьми во время старта. Я чувствую, что готова идти и делать это. Я очень люблю мою работу и всегда готова ее выполнять. Бывает, что я чувствую себя не очень хорошо, но все равно то, что исходит из зала, дает мне нужный толчок. Это моя жизнь".

Это говорит Тина Тернер – певица, женщина 56 лет, насыщенных, жестких, полных горестей и радостей, обид и наивысших похвал, неудач и сверхъестественных успехов.

Тина Тернер, урожденная Энна Мей Баллок, появилась на свет в крохотном городишке Нэт Буш, что в штате Теннесси. У нее было совершенно обычное детство, самым ярким воспоминанием которого остались посещения баптистской церкви и звуки церковного органа, заставлявшие трепетать деревенскую девочку. "Это было безумно, безумно прекрасно. Наверное, никогда в жизни я не была так счастлива". Семья была далеко не бедная, вот только папа – заниточный фермер –пил горькую, а в состоянии, унижающем человеческое достоинство, любил, как говорится, побуянить. Бил смертным боем жену, которая, отчаявшись, сбегала из дома в Сент-Луис. Энна осталась со старшей сестрой Эллин и папой-тираном, быстро свихшимся с потерей супруги. Но вскоре он вновь женился и отчалил в Детройт, сделав дочуркам ручкой. Какое-то время сестры жили у кузена, но, как сейчас вспоминает Тина, по-настоящему о ней заботилась только старшая сестра. Немного погодя они перебрались к матери в Сент-Луис. Да, это

был не Нэт Буш, здесь было где раз-вернуться! Днем Энна посещала колледж, а вечерами тайном от ма-тушки отправлялась с сестрой в ка-кой-нибудь ночной клуб. Послушать настоящую, горячую "черную музы-ку". Особым почетом у молодежи пользовался клуб "Манхэттен". Эл-лин долго не хотела брать туда с со-бой Энну – репутация у клуба была так себе, но в один из вечеров все же решилась. Именно тогда на сце-не работала одна из лучших черных групп города – "Kings Of Rythm". Главенствовал в ней развязный и само-уверенный Айн Тернер.

Свою музыкально-трудовую дея-тельность Айн начал в четырнадцать лет, собрав небольшой коллектив под названием "The Tophatters", бы-стро, впрочем, распавшийся из-за гадного харантере лидера. Следую-щим проентом стали "Kings Of Rythm", на которых обратил внима-ние сам Би Би Кинг – тогда еще не король блюза, но личность уважае-мая. Притом, что группа была очень даже неплоха, с популярностью у них не клеилось. Чернокожее насе-ление жандало совершенно отвяз-ных, безумных ритмов, от чего бел-ым становилось не по себе. По-пасть в хит-парад с таного рода творениями было слонно.

Энна слушала музыку "Королей ритма" с восторгом. Как же ей хоте-лось вместе с ними стоять на сцене! Тем более что со многими из музы-кантов она была знакома. Как-то, обмирая от страха, она даже пред-ложила услуги вокалистки самому Айну. Но время шло, а приглашения спеть не поступало. Случай подвер-нулся, когда кто-то из музыкантов группы предложил спеть Эллин(стар-шей сестре). Та страшно засмуца-лась и убенкала, спрятав лицо в ла-дошки, и тогда на сцену подтялась Энна. После концерта восхищенный Айн предложил ей выступать в со-ставе группы, наобещав златых гор. "Дело в том, что я могла петь его

песни тан, как он их слышал в своей голове".

Существовала еще одна проблема – мать Энны, Зельма, прослышав про подобные перспективы, лишила дочь контактов с внешним миром, за исключением колледжа. Ситуацию спас Айн. Он приехал в гости на розовом "надиллане", пообещал холить и лелеять молодой талант и при этом подарить миру новую суперзвезду. Холить и лелеять ему не очень-то удалось, ибо к восемнадцати годам Энна забеременела от одного из музыкантов группы. Но вот вторая часть обещания (насчет звезды) начала быстро исполняться – песня "A Fool In Love" стала общамериканским хитом и попала во всевозможные парады. Планы у Айна были грандиозные. Недолго думая, он оставляет "Kings Of Rhythm" и перебирается вместе с Энной в Калифорнию. После этого начинается период, о котором сейчас Тина не любит вспоминать. Папа-тиран оказался добрым Минни Маусом по сравнению с монстром Айном. Фанат дешевых нинжен о приключениях в джунглях с главной героиней Шинной, он придумал своей солистке новое сценическое имя – Тина Тернер. Но новое имя не прибавило ей счастья. Вечно всем недовольный, Айн нещадно избивал молодое дарование, глумился и эксплуатировал, как ломовую лошадь. Уйти же от Айна она не решалась, поскольку ни денег, ни контактов в шоу-бизнесе у нее не было. "Я тогда ничего не знала, а мне очень хотелось петь".

Их новая программа "Ревю Айна и Тины" пользовалась безумным успехом. Иногда Тине приходилось выходить на сцену по два раза за ночь, спешно пригладив синяки от побоев и разбитые губы. Скоро у Тины появился второй сын и, кроме своих детей, двое от прошлого брака Айна. Когда сметливый Айн понял, что успеха добьется только с Тиной, он женился на ней.

Вскоре на горизонте этого "дружного семейного коллектива" появился Фил Спентор – машина по производству хитов, профессионал экстра-класса. Вот только Айн был ему абсолютно не интересен. Договорились, что запись "Ревю Айна и Тины Тернер" выйдет без участия Айна. В мае 1966-го песня "River Deep Mountain High" появилась в хит-парадах и... с треском провалилась, не поднявшись выше 88-й позиции. А в далекой Англии песня заняла третье место, вызвав восторг музыкантов. Джордж Харрисон назвал ее "совершенным произведением от первой до последней ноты", а "Rolling Stones" пригласили певицу участвовать в своем турне, что принесло ей армию новых фанатов.

Тина освоила модные стили, идеи били через край. Но кошмары семейной жизни не пренращались. Айн понимал, что теряет Тину, к тому же как композитор он выдохся, начал баловаться наркотинами. Избиения стали еще ужаснее, и частенько общение с супругом заканчивалось визитом в больницу. Невольно Айн подставил себя, познакомив Тину с идеями буддизма. Восприняв и проанализировав свой внутренний мир, осознав собственное "я", после очередного избиения (Айну дана пришлось приврать, что они попали в авткатастрофу) Тина, дождавшись, пока муженек уснет, загримовывая синяки, ушла из дома с 36 центами в кармане. Ей приходилось прятаться от Айна, а он неустанно выслеживал ее, чтобы вернуть в группу. Тина подала на развод. Поняв, что вернуть ее уже не удастся, Айн решил получить все сполна. В суде он затребовал вернуть вещи и побрякушки, которые покупал ей в течение двадцати лет совместной жизни, да еще заплатить 500 тысяч долларов за сорванные концерты. Он выцарапал у нее все, но самое главное все же забрать был не в силах – ее имя, имя Тины Тернер.

Свободная от богатства, она взяла годичный перерыв, а потом набрала группу, с которой поначалу работала по клубам. Первый "свободный" альбом назывался "Rough". Вышел он в 1978 году и был встречен достаточно прохладно, но год спустя на выступлении в программе "Голливудские вечера" произошла ее историческая встреча с продюсером Роднером Дэвисом, влюбленным в голос Тины с детства. С его подачи изменилось все: музыканты, танцовщицы и даже стиль. "Ты должна петь рн-н-ролл", и певица пошла на это. На ее выступление в отеле "Риц" пришли: Энди Уорхол, Дайана Росс, Род Стюарт и Дэвид Боуи. Стюарт и Боуи наперебой приглашали посотрудничать, и Тина согласилась, спев с Родом песню "Hot Legs" и песни Боуи "1984". Еще одним хитом стала песня "Let's Stay Together", она и превратила Тину в настоящую звезду. Эту вещь крутили все американские радиостанции, а фирма "Capitol records" выделила 150 тысяч на запись диска. Уже через две недели "Private Dancer" – один из самых выдающихся альбомов современной музыки – был готов. В альбом вошли грандиозные хиты "I Can Stand The Rain" Энн Либлз, "What's Love Got To Do With It" Терри Бриттена и Грехема Лайла, битловская "Help" и собственно "Private Dancer" знаменитого лидера "Dire Straits" Марка Нонфлера. Результатом стали полмиллиона проданных альбомов. Это был успех, триумф, победа! После 25 лет тяжелой работы Тина оказалась там, где ей и следовало быть, – наверху.

Последовали заманчивые предложения и интереснейшие проекты. Фантастический успех принесла песня "We Don't Need Another Hero" (чуть раньше абсолютно незаметно эта вещь прошла в исполнении Бони Тайлер), прозвучавшая в фильме "Безумный Макс", в котором сама Тина снялась вместе с Мэлом Гибсоном. Она пела дуэты с Брайаном

Адамсом ("It's Only Love"), Мином Динеттером, Робертом Палмером. В 1985 году многомиллионным тиражом вышел альбом "Break Every Rule", и в его поддержку Тина отправилась в четырнадцатимесячное турне. Концерты прошли на огромных стадионах в Рио-де-Жанейро и в Англии. В 1990 году на ее выступлениях побывали три миллиона зрителей. Годом позже она сообщает о своем решении на некоторое время оставить сцену. Трехгодичный перерыв окончился выходом двух синглов ("Golden Eye", "Whatever You Want").

1 апреля 1996 года миру явился новый, первый студийный за последние шесть лет альбом королевы рока – "Wildest Dreams". Рассказывать об этой работе не стоит, поскольку любой уванакующий себя фанат современной музыки просто обязан его послушать. Снажу только, что в его создании Тине помогали Боно и Эдж из "U-2", Шерил Кроу, "Pet Shop Boys", Стинг и многие другие, а композиция "Golden Eye" звучала лейтмотивом в одноименном фильме о Джеймсе Бонде. Можно еще много рассказывать об этой удивительной женщине, чей путь к всемирной славе был долгим и извилистым, но, пожалуй, ограничимся советом королевы рока: "Я думаю, что тяжелый труд и решительность, вне зависимости от обстоятельств, дают возможность осуществить мечту. Если вы достаточно работаете и не пытаетесь бросить начатое, то все должно получиться. Это бывает очень тяжело и горько, но в нашей жизни нет места для горечи, особенно если ты все-таки хочешь добиться успеха или пытаешься добиться какой-то цели. Единственный способ ее достичь – видеть перед собой цель и работать на ее достижение. Вот мой способ и мой рецепт успеха".

Прислушаемся к совету Королевы – кто-то, а она знает, что говорит.

АЛЕКСАНДР ЛЕБЕДЕВ

ЗАТЪАВА

Рисунки ГЕННАДИЯ НОВОНИКОВА

не приходилось быть зрителем кулачных боев на Москве-реке, когда многотысячная толпа разного рода фабричных, мастеровых, торговцев, особенно из Охотного ряда, мясников и даже гостинодворцев сходились "стенка на стенку". (Свидетельство автора относится к концу сороковых-началу пятидесятых годов XIX века. — Ред.) Это совсем не была драка, ссора, вражда или что-либо подобное, а нечто вроде игрища. Между тем удары наносились серьезно, причиняли ушибы и даже смерть.

Кулачные бои существуют во многих странах, но всюду они носят характер или состязательный, как, например, бокс в Англии, или поединков, что было и у нас в допетровской Руси. В том же виде, какой они имеют в России — в виде состязания огромных толп, этого нигде и никогда не было. Удаль, избыток сил просились наружу и находили выход в таком своеобразном игрище.

Зимой, преимущественно на святках, одна деревня выходила на соседнюю, и бой начинался. Увидеть такой поединок можно было и в городе. "Для кулачного боя, — свидетельствовал его очевидец в Арзамасе Нижегородской губернии, — под вечер в праздники по составленным заранее условиям собирались около широкого моста, отделявшего город от села Выездного, стоявшего на противоположном берегу реки Тешы (оно было не меньше города, заключая более трех тысяч душ преимущественно ремесленников — столяров, плотников, каменщиков), с одной стороны арзамасцы, с другой — выездновцы.

Общий уговор — не бить по голове, особенно в лицо, и лежачего, руки — в рукавицах и ни под каким видом не класть в них тяжелой вещи. Сначала пускали вперед как бы застрельщиков, мальчишек. За ними мало-помалу группировались более взрослые, но главная партия противников, особенно известные своей силой и искусством бойцы, оставалась в резерве.

Местные власти, кажется, смотрели на этот дикий обычай сквозь пальцы, не имея, вероятно, предписания начальства. Многие значительные в городе лица, поборники старины, считали эти забавы весьма полезными".

Бои происходили исключительно зимою и преимущественно на Масляной, в Великий пост и по воскресеньям. В Москве собирались на реке под Симоновом и Девичьим монастырями, у Воробьевых гор и в окрестностях фабрик. В Петербурге — на Неве, Фонтанке, где бились охтяне с фабричными и где злобные чухонцы обращали забаву чисто русскую и незлобивую в бойню — они пускали в ход ножи. Бились у Стеклянного, Фарфорового заводов, на Адмиралтейской стороне и даже у Зимнего Дворца.

А на Москве-реке дело происходило так. Обыкновенно в праздник на льду постепенно, как бы нечаянно, собиралась толпа простого "серого" люда, расходившегося на стороны одна против другой вдоль реки; разделял их промежуток сажен в десять. Толпа росла и гудела. Впереди, на свободном пространстве, скапливалось большое число подростков — они-то и начинали наступление, открывали бой.

По берегам реки пестрели огромные толпы зрителей, особенно из купечества, и даже именитого. Приезжали в экипажах, многие, чтобы лучше видеть, становились на них или на скамьи, выносимые

из ближайших домов. Среди народа ходили сбитенщики, торговцы пряниками, предлагая свой товар.

Поединок сопровождался грандиозным народным гуляньем. У публики были свои излюбленные бойцы и силачи, за которых держали пари. Богатые гостинодворцы-любители привозили с собой кулачных бойцов, пользовавшихся славой, по таким случаям их даже выписывали из провинции. В кулачных боях принимали участие и татары, которые в большом числе проживали в белокаменной.

А толпы на реке росли и превращались уже в две армии, готовые к наступлению. Конечно, у некоторых были спрятаны "закладки" – куски свинца, железа, даже камни, увеличивающие силу кулачного удара. Но за эти закладки участники боя жестоко преследовались, и горе тому, у кого их обнаруживали. Толпа в таких случаях была беспощадна; тут не только противная сторона, но и свои набрасывались на виновника и били жестоко, иногда забивая до смерти.

В боях существовали свои правила и условия, установившиеся, очевидно, с глубокой древности и традиционно исполнявшиеся: не бить лежачего, не бить по виску или под микитки.

Итак, дело начиналось застрельщиками-мальчишками. Галдя и дразня противную сторону, они выскакивали поодиночке, наносили один другому удары, сшибали с ног и опять убегали к "своим". Отдельные столкновения учащались, уже группами, с гиком и ором нападали одни на других. "Стенки" сходились, и вот... со страшным гулом, свистом, криками, как прорвавший плотину поток, стенка стремительно бросалась на стенку – начинался настоящий бой.

Видно было, как два потока сшибались друг с другом, как они, точно волны, колыхались и то отступали, то набегали друг на друга. На общем фоне особенно видны были "бойцы и силачи", славившиеся не только в своей округе. Так, во второй половине восемнадцатого века славилась в стенках казанские суконщики, а из отдельных бойцов – туйские: Алеша Родимый, Никита Долговязый. Грозно поднимались их руки, грузно опускались на противников, и те валялись, как пешки в кеглях под ударом шаров. Многие просто отбегали, и вокруг бойца образовывалось свободное пространство.

– Ну, выходи, выходи, – вызывали бойцы противников более или менее себе равных, и если находился такой – бой шел уже в одиночку. Победа одного из единоборцев иногда решала все. Побитая сторона обращалась в бегство, а иной раз бой и продолжался. Общая свалка принимала гомерические размеры; страсти разгорались, и наконец одна из стенок стремительным натиском сламывала противную сторону. Ряды беглецов тогда расстраивались, они уже не защищались, и вся масса неслась теперь в одном направлении – вдоль реки. Преследуемые и преследующие смешивались, и только в отдельных случаях видно было, как поднимались кулаки и наносились удары. В спину бить воспрещалось, драться можно было только лицом к лицу. Однако с бегством одной стороны дело не всегда кончалось; "опрокинутые" поворачивали и, в свою очередь, превращались в нападающих, а иногда и в победителей.

После каждого, а в особенности многолюдного боя непременно были тяжело побитые, увечные и даже убитые. На утоптанном снегу оставались лежавшие без движения тела, товарищи убирали их и уносили с собой, или вмешивалась полиция. Случайные жертвы

вряд ли могли бы указать виновных – удары в толпе наносились неумышленно.

Один из таких случаев произошел в 1823 году, во время путешествия императора Александра I на юг. Кременчугский мещанин Иван Герасимов убил в Пирятине местного мещанина Трофима Сыроватникова. Командир тамошнего егерского полка Морозов донес об этом случае его величеству. Очевидно, государь был расстроен происшествием – приказал расследовать его и указом от 20 октября высочайше повелел кулачные бои воспретить. Вот только указ этот, впрочем, как и многие другие, очень часто не выполнялся.

Как было замечено, кулачные бои существуют у нас с незапамятных времен. И с незапамятных времен власть и церковь пытались с ними покончить. В 1274 году митрополит Кирилл собрал во Владимире собор, который постановил "отлучать от церкви участвующих в кулачных боях и боях "кольями", а убитых не отпевать". Правила эти служили руководством для духовенства.

Николай Костомаров в "Очерке домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI и XVII веке" с негодованием пишет об этом развлечении, хотя и находит, что оно способствовало развитию силы и ловкости и воспитывало воинские доблести. "Зимой в праздничные дни, – рассказывает он, – чаще всего на льду, народ собирался на кулачные и палочные бои. Охотники собирались партиями по данному знаку свистком обе бросались одна на другую с криками... тут же били в накры (литавры – **Ред.**) и бубны... бились неистово, жестоко, и очень часто многие выходили оттуда калеками, а других выносили мертвыми. Палочные бои имели подобие турниров и сопровождалась убийствами еще чаще кулачных боев..."

Составляя любимую и обычную забаву, кулачные бои вовсе не были так мрачны, дики и жестоки, как представлялись они Костомарову и другим, находящим в них нечто грубое, зверское... Противники, недавно бившиеся и беспощадно старавшиеся "сломить стенку", по окончании битвы мирно и добродушно шли вместе в шинки, кабаки и харчевни, где и велись жаркие споры по поводу оценки боя и ловкости того или другого бойца. Что касается печальных и несчастных случаев, то при том уровне развития морального и общественного, на котором стоял тогда, да стоит и до сих пор простой народ (не один он), все эти случаи вызывали только соболезнование, но не осуждение.

Это подтверждается и тем, что кулачные бои привлекали не одних простолюдинов, а все классы общества интересовались ими, и не только косвенно – организуя, так сказать, бои, поощряя бойцов, выписывая и вывозя их иногда издалека, но даже лично принимали участие, особенно в единоборстве.

Между иными страстными любителями кулачного боя выделяется знаменитый чесменский герой граф Алексей Григорьевич Орлов-Чесменский*. В молодости он отличался необыкновенной силой (ударом сабли отсекал голову быку, одной рукой останавливал шестерку лошадей) и страстно любил кулачные бои.

* Адмирал А.Г. Орлов в ночь с 25 на 26 июня 1770 г. уничтожил турецкий флот в Чесменской бухте, за что и получил свой титул. [Прим. ред.]

Популярность графа среди московской знати, среднего сословия и даже простолюдинов была безгранична. На его рысаков, на его скачки и бега, на кулачные бои, которые он устраивал для народа, стекались массы к Нескучному под Донской монастырь.

Вот что рассказывает очевидец Жихарев в своих записках. "Гулянье 1 мая в Сокольниках было бы не гуляньем для москвичей, если бы не появился на нем поезд графа Алексея Орлова. Обыкновенно на статном любимом коне своем "Свирепом" ехал сам Орлов в парадном мундире, обвешанный орденами. Немного поодаль, на прекраснейших серых лошадях ехали дочь его и несколько дам. За ними следовали берейторы и конохи графа, не менее сорока человек, некоторые из них имели в поводу по заводской лошади в нарядных пополах и богатой сбруе. Наконец потянулись графские экипажи, запряжки цугом и четверкой одномастных лошадей".

Зимой на бегах сам граф в малиновой бархатистой шубе ездил на любимых рысаках Любезном и Катке. Перед беседкой при доме Орлова пели и плясали цыгане, потом завязывался кулачный бой. Все эти сцены были словно подсмотрены Державиным:

*Я под качелями гуляю,
В шинки пить меду заезжаю,
Или, как то наскучит мне,
По склонности моей к премею,
Имея шапку набекрень,
Лечу на резвом скакуне...
Или музыкой и певцами,
Органом и вольнойкой вдруг,
Или кулачными бойцами
И пляской веселю мой дух.*

Перед боем привозились целыми возами купленные на деньги графа кожаные рукавицы для раздачи желающим поучаствовать в играх, собирались партиями фабричные с разных фабрик, целовальники и мясники, случались охотники из купцов и даже из господ. Окруженный знакомыми и любимцами-силачами, граф следил за ходом боя и иногда выходил драться сам, но только один на один. Особенными фаворитами его были небольшого роста худощавый и невзрачный с виду приказной чиновник Ботин и такой же невзрачный фабричный по прозвищу Соколик. Оба они обладали выдающейся силой, ловкостью и изворотливостью. Но особенно Семен Трещала – громадного роста и силы невероятной, тоже фабричный, один опрокидывавший целые стенки и кулаком выбивавший кирпичи из печки. Слава Трещалы была так велика, что известный поэт и баснописец Александр Измайлов сделал его предметом своей сказки "Кулачные бойцы".

Брат Алексея Орлова граф Григорий Орлов также был знатоком и любителем кулачного боя. Конечно, и он не участвовал в общих свалках, но живо интересовался ходом сражений, а особенно силачами, одно появление которых наводило панику в рядах противника. Он даже вступал с ними в единоборство, "пробовал силу". Такие турниры кончались непременно пирушками и попойкой с бойцами и борцами, в том числе и из простонародья. "Неистовые

вакханалии с кулачными бойцами, — сообщает княгиня Дашкова в своих записках, — были любимыми развлечениями Орловых”.

С середины XVIII до середины XIX века кулачные бои процветали и в Москве, и в Петербурге (хотя и провинция не отставала), причем влияние гуманных Орловых отразилось и на этой, как говорил секретарь саксонского посольства в Санкт-Петербурге Гельбиг, “исключительно русской забаве”. Орловы, а с ними вместе и по их примеру многие из интеллигентного общества принимали в боях личное участие, как, например, граф Раstopчин, не говоря уж “о купцах в лисьих шубах”. Потому и сами бои приняли более безобидный характер.

И если в XVI-XVII веках, по описанию Костомарова, бились беспощадно, то в XVIII веке кулачные бои приняли другой вид. Вот как смотрит на них современник:

“Особой опасности для народного здоровья и нравственности с деревенской точки зрения в боях не видится: до смертных случаев, при честном соблюдении правил, никогда не доходит. Кому не под силу, тот под ноги умышленно падает, а “лежачего не бьют”, и кончается бой тем, что молодцы на добром морозце друг другу бока погреют да носы подрумянят”. Да и Костомаров, хотя и иронически, но замечает: “на них русские приучались к ударам, побоям, которые вообще были неразлучны со всем течением русской жизни и делали русских неустраслимыми и храбрыми на войне”.

Кулачный бой имел разновидности. Самой несложной была “сцеплянка-свалка”, в которой бились все врассыпную, кто с кем попало и кто кого одолеет в толпе, без разбору. Эти свалки были всегда небольшие и безобидные. Более организованная форма, что-то вроде турнира или битвы двух противных сторон — “стенка на стенку”. Она в отличие от “сцеплянки” представляла собой уже нечто более стройное, где различались стороны — своя и чужая, где слава о победе распространялась широко и ею гордились. И наконец — “один на один”. Такой бой иногда предшествовал общему, а при победе одного из бойцов сопровождался уже нападением стороны победившего на сторону побежденного. Конечно, победа одного из единоборцев еще не обуславливала победы всей стенки. Битва только принимала более страстный характер.

По окончании боя, продолжавшегося иногда и час, и два, победителей с триумфом вели на угощение. Большая толпа как из победителей, так и из побежденных, с гиканьем и криками, а в старину еще и с битьем в накры и бубны, шла в трактир.

Последний вид кулачного боя — “сам на сам” — применялся у нас с незапамятных времен и как судебное доказательство для окончательного подтверждения правоты ответчика в судебном деле. Такое единоборство называлось поле, и обвиняемый призывал обвинителя к “полю”.

Карамзин о судебных поединках говорит следующее: “Обвиняемый требовал присяги и суда Божия. Каждый мог вместо себя выставить бойца. Избирали любое оружие, кроме огнестрельного и лука. Сражались обыкновенно в латах и шлемах копыями, секирами, мечами, на конях или пешие, иногда употреблялись и кинжалы”. Но и кулачное состязание было в ходу. Известно, что в Москве для поединков в самом центре города, на Троицкой площади, у ворот Ильинских, было отведено особое место, которое и называлось “поле”.

Судебный поединок должен был совершаться при окольных и двяке, которые, прибыв на поле, спрашивали, кто тут стряпчие и поручники, и эти лица должны были присутствовать при поединке, но не иметь при себе оружия. Посторонние не допускались. Поединок мог происходить и между истцом и ответчиком, и между их свидетелями. Малолетним, старикам, женщинам, попам, чернецам и черницам лично биться воспрещалось, но беспрепятственно дозволялось нанимать за себя бойцов. Таким образом, бились иногда не только один на один и притом посторонние – наемные бойцы, но и целые группы свидетелей противных сторон.

Духовенство, однако, настойчиво восставало против поединков и не признавало за ними силы дознавательной, а напротив – считало деянием богомерзким и карало участников по церковным законам, жестоко и беспощадно, идя вразрез с установлениями гражданскими... И надо полагать, что это церковное осуждение немало содействовало уменьшению и совершенному прекращению поединков при Федоре Иоанновиче, потому что во все время его царствования (1584–1598) известий о них не встречается.

Настоящее ограничение боев началось в XVII веке. В одном из государевых указов 1686 года читаем: "Которые люди изыманы на кулачных боях, и тем людям за те их вины чинить за первый привод бить батогами и иметь приводные деньги по указу, за другой привод бить кнутом да иметь приводные деньги вдвое, а в третьем тем чинить потому жестокое наказание, бить кнутом и ссылатъ в ссылку в Украйные города на вечное житье".

Наказание очень суровое, но по тому времени с его жестокостями "битье кнутом и батоги" представляло одну из легких степеней наказания. Однако и после этих указов кулачные бои все-таки не были искоренены. Указы писались, издавались, но мало применялись и исполнялись, что и неудивительно при такой бесконечно обширной территории, отсутствии дорог. Особенно в настоящем случае, где обычай укоренился повсюду и где виновных было не отыскать или виновными оказывались сотни и тысячи людей.

Повсеместное воспрещение кулачных боев вошло в свод законов императора Николая I только в 1832 году: "Кулачные бои, как забавы вредные, вовсе запрещаются". Наказание, которому должны подвергаться виновные в неисполнении сего правила, сводится к категории ответственности за нарушение общественной тишины и порядка.

Кулачные бои пережили все законы и сохранились. Для интеллигенции они приняли вид атлетической борьбы, на сценах происходят как платное зрелище, а в самом народе продолжают, не минуя и столиц, где они, по-видимому, должны бы стать анахронизмом. В подтверждение сказанного приводим выписку из санкт-петербургской газеты от 10 сентября 1908 года.

"Между рабочими Нарвской заставы существует обычай в праздничные дни в виде развлечения устраивать кулачные бои. Все рабочие этой местности делятся на две партии: "Балтийскую" и "Петербургскую". Местом для этой забавы служит Бородин перулок, примыкающий к Петербургскому шоссе. В июне со стороны балтийской партии в этот раз выступил бойцом рабочий Яковлев, а петербургская партия выставила рабочего Фуфаева..."

Лицо во времени

Его снимки – «Репорт Гагарина», «Напица в кресле», «Генерал де Голль», «Воробей...» – знает без преувеличения весь мир. На 120 международных выставках его работы были заметны и для жюри, и для зрителей. Самые престижные призы и дипломы (отечественные и зарубежные) за творчество и профессионализм в антипе у этого фотографа. А еще – тысячи километров журналистских дорог, десятки километров фотопленки, сотни тысяч фотографий...

Но само имя фотографа Валерия Генде-Роте, что называется, широко известно лишь в узких кругах – среди коллег, специалистов, любителей фотографии. Это нан раз тот случай, когда работы художника идут впереди него; случай, случаем прямо, из классики...

Он никогда не ощущал себя «звездой», «мэтром». Мастером – другое дело. Послушаем Валерия Альбертовича:

– Мне 71 год. Более шестидесяти – фотографирую. Начинать аппаратом «Пионер», был такой деревянный ящичек. Памятный дебют – 42 года назад снимок в «Комсомолке» – «Московские мос-

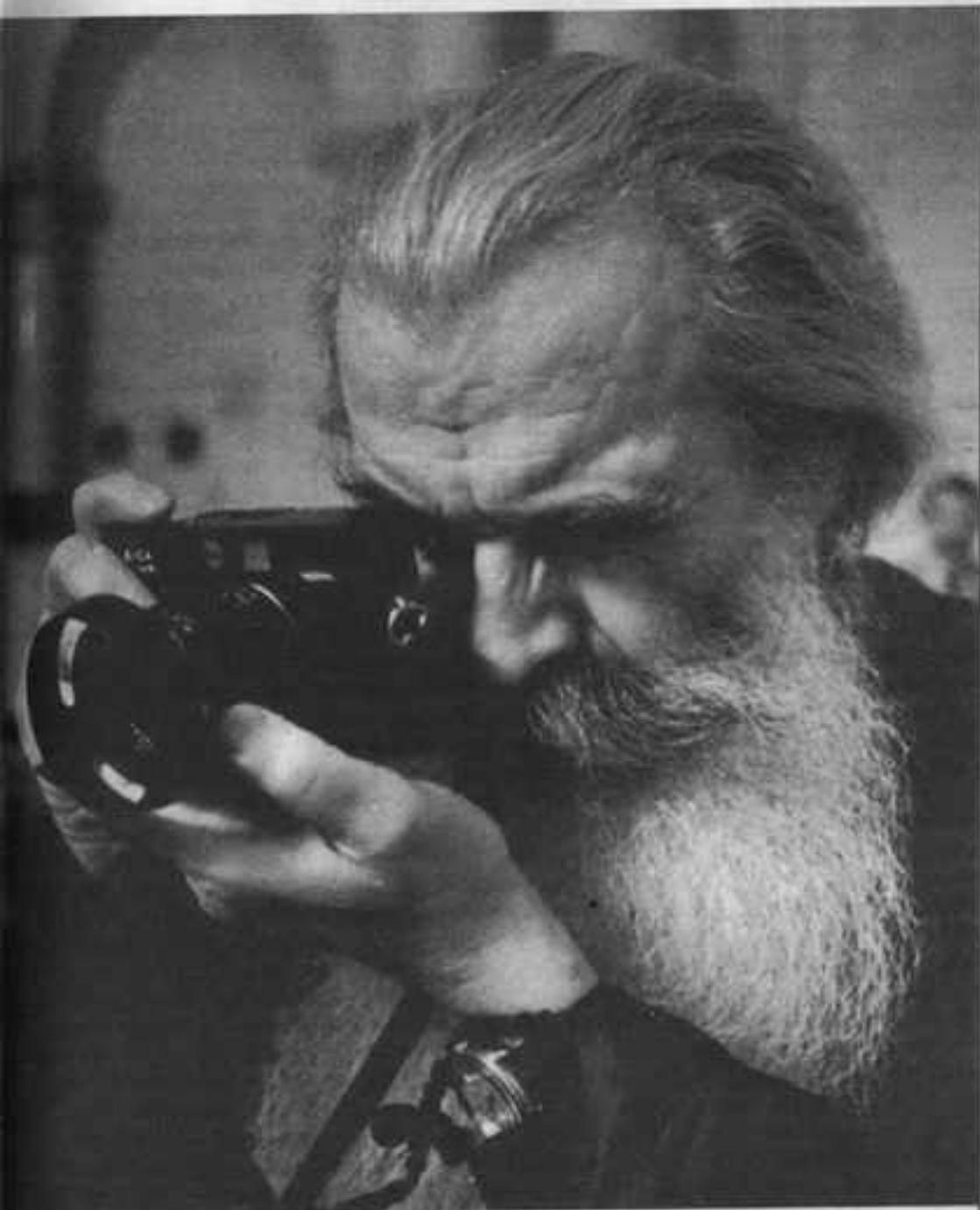
ты». Потом – фестиваль 57-го года... Сколько событий, ситуаций, сколько прекрасных лиц!

Лицо, движение души, мысли – вот что в работах Генде-Роте всегда «особинна». Нанется, что этих людей он знает близко давным-давно; фотография как бы продолжает их совместное бытие во времени.

– Надо любить тех, кого снимаешь. Чувствовать, понимать их. Я не «портретист». Статина не по мне. Человек среди людей, природы, зданий, человек в движении, дане если застыл на мгновение... Так я снимал Софи Лорен, Гагарина, Титова, Шульженно, генерала де Голля, академика Напицу.

Фотограф не должен робеть перед великими людьми. Он обязан ощущать себя с ними на равных, уважать свою профессию. Поэтому, думаю, и президент Франции, и Хрущев, и другие «сильные мира сего» на моих работах – прежде всего лица во времени и пространстве... Интересные, значительные, но просто люди. А не монументы...

Достоинство и взаимное уважение – может, в этом и есть «особинна» фотографа Генде-Роте? Вам, читатель, судить...

Митрополит Пётр Симферопольский. 1988 г.

Художник-модельер Вячеслав Зайцев. Начало 70-х годов.

Арманд Райнн с женой, 1970 г.

Хороший гарант. (Г. Титов и Н. Хрущев). 1961 г.

Пианист Святослав Рихтер. 1978 г.

Академик Петр Нагич. 1974 г.

Михаил Шустерман. Начало 80-х годов.

1

Гул усилился, тупая боль в ушах стала почти невыносимой. Мне казалось, что чьи-то мягкие, но могучие руки обхватили голову, как теннисный мячик, и начали медленно сдавливать ее. Двадцать-тридцать секунд я мог еще выдержать и, взмахнув одновременно обеими лапами, направил свое тело ниже, в плотную тень, какую давал обросший рыжими водорослями и черными мидиями каменный исполин.

Моя жертва, не чувствуя опасности, грелась в скудных солнечных лучах, которые с трудом пробивались сквозь толщу воды. Желтые блики плясали по его черной спине, покрытой белыми наростами, похожими на шляпки гвоздей. Я больше не делал никаких движений и просто падал на него медленно и беззвучно; мой паукообразный дружок ничего не подозревал, вращал своими глазками-телекамерами да лениво подносил ко рту то одну, то другую клешню.

За такие прекрасные образцы повар платил по высшему тарифу, и я настолько увлекся охотой на краба, что забыл о коварной глубине. Вода резко похолодела — я вошел в донный слой и вместе с колючим ознобом и совершенно безумной болью в ушах ощутил страх, который вдруг окатил меня волной. Дыхание уже металось в груди, легкие судорожно сжимались и разжимались, имитируя вдох и выдох, а я все еще скользил вниз. Краб стремительно увеличивался в размерах, напоминая уже темно-зеленый камень, обросший от старости ракушками. Оптический обман сбил меня с толку, и я плохо рассчитал свои силы. Глубина ока-

ОСТРОВ

Рисунки АЛЕНСЕЯ ОСТРОМЕННОГО

залась слишком большой, но в такой близости от цели я уже не мог остановиться и подняться на поверхность. Азарт оказался сильнее страха и здравого смысла. Когда обе мои руки нависли над широким, в две ладони, панцирем, краб неожиданно подогнул задние лапки, присел и выставил вверх свои огромные клешни. Ах ты, таракан морской! — мысленно выругался я. — Ты еще предлагаешь мне подраться?

Я держался уже только на одном усилии воли. Дыхательная трубка давно наполнилась водой, вода просачивалась сквозь крепко сжатые зубы, будто кто-то пытался насосом закачать ее в мой рот, и я чувствовал языком холод и соль. Маска под давлением прижалась к моему лицу с такой силой, будто боялась, что я сниму и выброшу ее здесь, на глубине.

Я сделал то, что делал уже не одну сотню раз: стараясь не попасться в капкан широко раскрытых клешней, средним и указательным пальцами левой руки придавил краба ко дну, а затем перехватил правой, накрыв ладонью панцирь.

Внезапно меня словно током ударило: краем глаза я заметил движущийся левее и глубже продолговатый предмет. Слишком большой для черноморской рыбы, но от дельфина, которых вокруг было великое множество, он отличался узкой формой и странной манерой движения... Пока я щурил глаза, тень, оставляя за собой пузыри, растворилась среди обросших водорослями камней, а краб, воспользовавшись моим замешательством, вцепился мне в большой палец. Я дернул рукой от боли, с опозданием понимая, что совершил непростительную ошибку, а краб тут же разжал клешню, мягко опустился на дно и бочком рванул в узкую щель под камнем.

Я не стал провожать его взглядом, изо всех сил оттолкнулся ногами о дно и взмыл вверх. Два сильных взмаха руками, затем частый перебор ногами, снова руками... Я как пробка вылетел на поверхность воды, срывая с лица маску с трубкой, сразу же лег на спину и, не открывая ослепленных солнцем глаз, с хрипом и стоном втянул в себя воздух. Голова гудела, перед глазамиплыли красные круги. Легкие горели, словно я дышал раскаленным в сауне воздухом. Что же это было? — думал я, вспоминая движущуюся над самым дном тень. Может быть, померещилось от кислородного голодания?

Я перевернулся, лег на грудь и увидел, что течением меня отнесло от Дикого острова довольно далеко, и вечный шум волн, разбивающихся о его отвесные скалы, уже едва доносится до меня.

Я поплыл к острову, где осталась моя лодка, делая неторопливые, но сильные гребки, нацеливаясь на каменную арку, похожую на букву Л. Это творение природы служило мне маяком. Если плыть к острову, ориентируясь на арку, то течение обязательно сдвинет влево, к северному краю Дикого острова, к тому единственному месту, где можно выбраться на берег, не рискуя переломать себе руки и ноги.

Мешок с крабами немного мешал плыть, тормозил, как плавучий якорь, и я довольно долго боролся с волнами и прибоем, пока, наконец, не выбрался на горячие камни.

Остров, собственно, сказано громко. По сути — это всего лишь скала, изрезанная трещинами и промоинами, расщепленная на две части, покрытая белой коркой засохшего птичьего помета, содрогающаяся от грохота накатывающих волн и истошного крика и хохота чаек, которые обосновались здесь всерьез и надолго. Дикий остров стоит в шести километрах от берега, в пасмурную погоду его трудно увидеть, а в солнечную он напоминает гигантский акулий плавник. Его очень редко посещают люди. Лично я за весь сезон всего лишь дважды встречал здесь туристов, добравшихся сюда на резиновых лодках. Воды на острове, естественно, нет, жечь костры ночью нельзя — пограничники сразу накроют. Потому и не пользуется остров слишком большой популярностью у любителей экзотики. Мне же приходится плавать сюда едва ли не каждый день — обязывает договор с рестораном.

Пошатываясь, я стащил с себя ласты, кинул их сушиться на солнышке и поднялся по камням выше, к тропе, над которой нависали карликовые крымские сосенки с кручеными червеобразными стволами.

Я не любил это место. Туристы, кем бы они ни были и какой бы любовью к природе ни пылали, все же относились к острову варварски. Консервные банки, бутылки, битое стекло, старую одежду и прочий мусор, который они оставляли здесь, увозить приходилось мне, а вот идиотские надписи о любви к рок-группам на плоском камне мне не удалось отмыть даже скипидаром. Не хочу сказать, что я отношусь к числу рьяных фанатов-экологов или состою в партии «зеленых», но в Дикому острову, раз уж он волею природы обособлен, отодвинут от человека, у меня отношение особое.

Я отошел от туристской стоянки метров на двадцать в сторону, сел в тени скалы и принялся отвязывать веревку от поясного ремня. Мокрый ремень, пока я нырял и под водой гонялся за крабами, сильно натер мне поясницу, и теперь каждое движение заставляло кривиться от боли. Крабы, почуяв воздух свободы, зашевелились и, когда я за-

глянул внутрь мешка, уставились на меня своими черными глазками, надувая ртами пузыри.

Время летело стремительно. При такой волне я смогу добраться до берега не раньше, чем через два часа, а солнце уже перевалило зенит и скатывалось к горизонту. В «Парусе» я должен быть в шесть ноль-ноль, ни минутой позже. Опоздание сразу скажется на моем заработке. В шесть заканчивается перерыв, столики начинают занимать посетители, и поступают первые заказы на фирменное блюдо – крабы, фаршированные шампиньонами, под винным соусом. Это лакомство идет нарасхват, несмотря на то, что маленькая порция стоит три бакса, большая – пять. Я же за весь сегодняшний улов вряд ли получу больше десяти долларов.

Этой ерундой – ловлей крабов – мне пришлось заняться после того, как окончательно лопнуло мое частное сыскное агентство. Косвенно виноват в этом был Валера Нефедов, мой бывший сослуживец по Афгану, который работает в Москве, в ФСБ. Я здорово укрепил его карьеру, когда раскрутил дело о наркотиках, поставляемых из миротворческих частей Таджикистана в цинковых гробах. В благодарность Валера предложил мне неплохую должность в его отделе, но я отказался. Я не умею беспрекословно подчиняться и тем более делать то, что противоречит моим правилам и привычкам. В свою очередь я попросил у Нефедова содействия в создании частного сыскного агентства.

Он нашел деньги, выписал аппаратуру, пробил разрешение на ношение оружия, помог с людьми. Осенью и зимой я здорово раскрутился. Апогеем моей деятельности стала история с бывшими проститутками, которых шантажировал некий малоприятный тип. Лет десять назад он активно пользовал девочек у себя дома, скрытой камерой снимая все подробности «досуга», затем долго следил за жрицами любви, составляя на каждую подробное досье, и, наконец, дождался, когда они поставили крест на своей работе, обзавелись безупречными репутациями, квартирами и респектабельными женихами. Приблизительно за неделю до свадьбы этот подлец подкидывал каждой невесте копию видеофильма с короткой запиской, что, мол, премьера фильма состоится на вашей свадьбе; избежать же маленькой неприятности можно будет в том случае, если вы переправите десять тысяч долларов по указанному адресу; угрозы, «быки» и даже наемные убийцы лишь усугубят ваше положение, потому как несколько видеоконий разосланы надежным людям из центрального телевидения.

Этот тип, конечно, блефовал, и я взял его на довольно дешевую приманку. Полученный гонорар позволил мне еще долгое время безбедно жить, но его не хватало на содержание агентства. Заказов было много, но далеко не все клиенты могли оплатить наши расходы. Мои компаньоны, профессиональные сыскари, терпеливо ждали зарплаты три месяца, а потом вежливо откланялись – их перекупили наши конкуренты.

...Я свесился с камня, опустил мешок в воду, подержал немного, чтобы мои несчастные пленники освежились и не утратили товарного вида. Леша Малыгин, в отличие от меня, предпочитает доанть крабов у мыса Меганом. Ныряет он классно – на десять метров опускается без всяких проблем и на три минуты задерживает дыхание. Но все равно ему не угнаться за мной – больше десяти крабов за день он не вытаскивает. Я приглашал его на Дикий остров, но Леша ленится грести вес-

УЛОСЕРДОВА
РА ЛЕОНИДОВНА
65 - 1996

Добро пожаловать
в Москву

СЛЫШ
СА
КАКИ

ТЫ

Прел

Самсон, кто gets
Самсон, кто gets

лами. Ждать ли мне Лешу? — думал я, рассчитывая в уме время. Мы привыкли встречаться у входа в ресторан за десять минут до его открытия, делиться впечатлениями от охоты и, получив деньги, выпивать стаканчик-другой массаандровского портвейна.

Я спрыгнул с камня и зашуршал ногами по черному кварцевому песку. Потом остановился, словно налетел на невидимое препятствие, посмотрел по сторонам, потом зачем-то наверх, затем снова вокруг себя.

Лодки не было.

2

Я обошел место, где лежала лодка, рассматривая собственные следы, отпечатавшиеся на песке. Здесь было сухо, несмотря на то, что прибой разыгрался, и отдельные капли долетали до меня. Значит, волной унести лодку не могло. Оставалось единственное объяснение — чья-то дурацкая шутка, в ответ на которую обязательно следует бить по роже.

Я опустил мешок в воду и, чтобы его не унесло, привязал веревку к увесистому бульжнику. Со свободными руками легче было взобраться на «акулий плавник». Кроссовки отлично «липли» к наждачной поверхности скалы, и я взбежал наверх на четвереньках, как муха по стене. Когда выпрямился, сразу увидел свою лодку, уносимую течением в открытое море, до нее было не меньше полутора километров. Прикрывая глаза ладонью от нестерпимо яркого света, отраженного поверхностью моря, я несколько минут всматривался в темную черточку на зеркальной поверхности, покрытой рябью волн. Мне показалось, что оба весла аккуратно сложены на дне лодки. Я же, перед тем как уйти под воду, оставил их на песке.

Трудно передать мое состояние. Хрустнув костяшками пальцев, я еще раз посмотрел на медленно удаляющуюся лодку, как Робинзон на уходящий корабль. Не знаю, шутка ли это, злой умысел или попросту чья-то неосторожность, но беспорядочные ругательства срывались с моих губ неудержимым потоком.

Я повернулся в другую сторону — скорее неосознанно, испытывая потребность в любом движении и желание куда-то идти, бежать, крушить, ломать все на своем пути, как вдруг замер, не сводя глаз с маленькой бухты, огражденной горами каменного мусора, среди которых, словно гейзеры, время от времени валетали вверх фонтаны брызг. В центре бухты покачивалась на волнах небольшая моторная яхта с белоснежной надстройкой капитанской рубки, увенчанной никелированным шпилем с выцветшим флажком, с кормовой палубой, обведенной веревочной плетенкой, с квадратными окошками кают-компани и сверкающими кругами трюмных иллюминаторов. На носу голубой краской было выведено: «АССОЛЬ».

Два часа назад, когда я начал ловлю крабов, ее здесь еще не было. Яхта, видимо, подошла к острову со стороны мыса Ай-Фока, потому я не заметил ее и не услышал гула мотора.

Необъяснимый побег лодки можно было увязать только с появлением на острове яхты. Я не видел людей ни на яхте, ни на берегу, не знал, кто они и понравится ли им моя брань, которую я уже приготовил, но не мог ни остановиться, ни приглушить в себе эмоции. Шутники хреновы! — мысленно ругался я, съезжая на заднице по испещренной от ветра и соленых брызг поверхности камня. Сейчас поплывем за

лодкой. Заведем мотор и пойдем в открытое море. Вольше некому было столкнуть ее в воду. Не раздумывая, я прыгнул в воду, возмился в волны, и меня неприятно обожгло холодом. Перекупался, снова подумал я, выплыл на поверхность и, стараясь побыстрее выйти из воды, начал изо всех сил бороться с волнами. Серая стена медленно проплывала мимо. Встревоженная стая чаек взметнулась в воздух, и белые птицы принялись кружить надо мной, горла на дурными голосами.

Конечно, я напрасно прыгнул в воду в одежде. Даже на теплом ветру в мокрой одежде можно замерзнуть до посинения. Когда я вышел на берег, меня колотила крупная дрожь, а подбородок трясся так сильно, что клацали зубы. Кроссовки издавали какой-то отвратительный чавкающий звук и при каждом шаге во все стороны плевались водой.

Проклиная хозяев яхты с удвоенной силой, потому как и в этом вынужденном купании они тоже были косвенно виноваты, я трусцой бежал по узкой тропе, скользящей между валунов, с каждым мгновением приближаясь к яхте. Я уже видел ее мерно раскачивающуюся никелированную стенку, уже слышал, как скрипит якорный трос, отшлифовывая округлые края клюза, как вдруг нога потеряла опору, соскользнула с камня, и я, потеряв равновесие, полетел на гальку. Я непременно разбил бы себе голову, если бы вовремя не выставил обе руки вперед.

Удар был чувствительным – падать на остроугольные камни самое неблагоприятное занятие. Чертыхнувшись, я подтянул колени и сел, с удивлением глядя на свои руки. Они были не просто оцарапаны. Они были выпачканы липкой темно-вишневой кровью до локтей.

Первая мысль, что я сотворил со своими руками нечто ужасное, мгновенно сменилась другой: боли нет, ран не видно, значит, это не моя кровь, а чужая.

Я с ужасом отскочил в сторону и поскользнулся на камне, залитом кровью. Затем быстро подошел к воде и стал отмывать руки и кроссовки. Если бы я не был голоден, меня бы обязательно стошнило. Что за гадость! Кого здесь освежали? Дельфина? Чайку? Вообще-то, чтобы выпустить столько кровицы, надо как минимум двадцать чаек распотрошить.

Кирилл, сказал я сам себе, не надо валять дурака! Неужели тебе мало Афгана и Таджикистана, чтобы понять: это не дельфин и не птица. Это часть человека. Его кровь и мозги.

Я задрал вверх голову. Можно предположить, что кто-то сорвался с «акульего плавника». Судя по жуткому следу, оставленному несчастным, он вряд ли смог встать на ноги и уйти отсюда самостоятельно. Значит, он был не один. Пострадавшего – живого или мертвого – отсюда кто-то унес.

По спине прошелся холодок, словно морской ветер насквозь продул мокрую майку. Я снова посмотрел вокруг и уже медленно побрел к яхте, внимательно глядя себе под ноги. Если истекающего кровью человека несли на яхту, то на гальке должен был остаться кровавый след. Должен был, но не остался.

А при чем здесь лодка? Ею хотели воспользоваться, чтобы перевезти несчастного на берег? Но почему на лодке, а не на яхте, что было бы намного быстрее? Может, у них внезапно закончился бензин? Может быть, разбился именно тот, кто, в отличие от других, умел управлять яхтой? Вопросы сыпались один за другим.

Я вышел на маленький пляж, казавшийся серым и холодным оттого, что «акулий плавник» кидал на него огромную тень, и она на глазах увеличивалась, захватывая пока освещенные солнцем камни. Яхта покачивалась напротив меня и по-прежнему казалась безлюдной. Натянутый, как струна, якорный трос удерживал ее носом к берегу.

— Есть кто живой?! — крикнул я, но шум прибоя заглушил мои слова.

Я стоял, сунув руки в мокрые карманы, и смотрел на яхту. Крик обезумевшей чайки, которая с остервенением пикировала на меня, едва не задевая крыльями лица, бил по нервам, и я почувствовал, как на меня накатывает волна холодного страха.

— Пошла вон! — крикнул я, нагибаясь за галькой размером с кулак, чтобы запустить ею в птицу, и увидел коричневый предмет. Поднял его, поднес к глазам, не сразу догадавшись о его предназначении.

Это была «фенечка» — крохотная, чуть больше пачки сигарет, сумочка из замшевой кожи на пеньковом шнурке, украшенная полированным деревянным шариком и кожаной бахромой. Я спрятал находку в карман и снова посмотрел на яхту.

— Ну тебя к черту, не нравится мне все это, — тихо произнес я, сожалея о том, что рядом сейчас нет Лешки или, на крайний случай, Анны.

Потом склонился, снял кроссовки, машинально стал подворачивать брюки, до колен и вошел в воду, не спуская с яхты глаз. Вода дошла мне до груди, пока я тянулся рукой до якорного троса. Огромный форштевень раскачивался прямо перед моим носом, норовя обрушиться мне на голову всем своим весом. Когда яхта приподнялась на очередной волне, я подтянулся на тросе, а когда пошла вниз — ухватился за край клюза, оперся о него ногой и, выпрямившись, перевалился на бак.

— Есть кто-нибудь на яхте? — снова повторил я и удивился тому, как неестественно прозвучал мой голос.

В больших прямоугольных иллюминаторах отражалось солнце, и я не мог разглядеть, есть ли кто в рубке. Придерживаясь рукой за снасть, я спустился с бака к двери и потянул на себя ручку.

Дверь открылась беззвучно и необычайно легко, словно кто-то очень постарался ее смазать, чтобы на моем пути не возникло препятствий, но зайти в рубку сразу я не решился. Пригнув голову, ослепленный солнцем, минуту всматривался в приборный щиток, небольшой штурвал из красного дерева, с рукоятками, украшенными медными кольцами, на переборку и ступени, ведущие в кают-компанию.

— Эй, — уже совсем негромко позвал я. — Кто-нибудь нуждается в помощи?

Я вадрогнул от крика чайки, которая, сев на короткий бушприт и глядя на меня одним глазом, неистово захохотала, показывая червеобразный, загнутый кверху язычок.

— Тыфу, дура! — прикрикнул я на нее. — Пошла вон, и без тебя нервы на пределе.

Чайка замолчала, но слетать с бушприта не стала, продолжая наблюдать за мной. Чтобы войти в рубку, мне пришлось немного пригнуться, и я увидел свое отражение в зеркале, висящем напротив. Ну и рожа, подумал я, не удержавшись от сарказма в собственный адрес.

Рубка ничем особенным меня не привлекла, и я медленно спустился в кают-компанию. Два дивана у боковых переборок, ковровая дорожка с огромным мокрым пятном посередине. На журнальном столике, привинченном к полу, торчали деревянные футляры для

бутылок — чтобы во время сильной качки не опрокинулись. Из футляров выглядывали бутылочные горлышки новосветского коллекционного шампанского; пепельница, стоящая на столе, была пустой, без окурков, но не вымытая. Бокалов не видно.

Из кают-компания я попал на камбуз. Стараясь ни к чему не прикасаться, посмотрел на газовую плиту, чайник, подвешенный на крюке, старательно обошел смазанные лужи на линолеуме. Тут либо кто-то намеревался вымыть полы, да почему-то не довел дело до конца, либо яхта недавно попала в сильный шторм, и морская вода залила кубрик и кают-компанию.

Через заднюю дверь я вышел на кормовую палубу. Здесь также не было никого, и ничего любопытного я не заметил, кроме мокрой снасти, лежащей кольцом на палубе. Один ее конец был привязан к кнехту, а второй связан большой петлей.

Я вернулся на бак и, придерживаясь за рычаг якорной лебедки, минуту рассматривал остров в надежде увидеть живую душу, потом глянул на часы. Мои непромокаемые японские «casio», снабженные прибором для измерения подводной глубины, почему-то запотели, и стекло покрылось изнутри мелкими капельками. Такое с ними случилось впервые.

Тряхнув головой, словно отталкивая невидимую помеху в сторону, сдерживающую мою решительность, я уже поднял над головой обе руки, чтобы прыгнуть в воду, сразу и навсегда распрощавшись с мрачным молчанием Дикого острова, как застыл с поднятыми руками. Это словно была мистическая подсказка: я вдруг вспомнил штурвал, приборную панель и небольшой предмет, лежащий на ней. Зайдя в рубку, я почти не обратил на него внимания, но предмет запомнился. И сейчас интуиция сигналила: это! Это главное!

Я медленно вернулся в рубку, все еще прислушиваясь к своим ощущениям. Открыл дверь, скользнул взглядом по приборной панели. Вот эта штука — дюралевая трубка, изогнутая буквой «Г». Взял ее, изменяя своим правилам, повертел в руке, рассматривая со всех сторон. Обыкновенный накидной ключ, каким пользуются проводники в поездах, только диаметром несколько побольше. Лежит явно не на своем месте, словно нарочно, чтобы попасться мне на глаза.

Я машинально пробежал взглядом по рубке, прикидывая, куда этот ключ можно воткнуть и какую дверь открыть. Потом вспомнил. Когда-то у меня была яхта «Арго» — двумя классами ниже этой, но многие детали и снасти на ней были идентичны. Подобным ключом треугольной конфигурации я открывал трюмные лючки.

Я снова спустился в кают-компанию, понимая, что намереваюсь совершить непростительную ошибку. Откинул ногой ковровую дорожку, встал на колени перед квадратной крышкой люка, вставил ключ в гнездо. Замок открылся легко, с тихим щелчком. Вынул утопленное в пазах кольцо и потянул за него. Крышка приподнялась.

Я еще не видел трюма и того, что в нем было, — мешала крышка, я опустил ее на пол, переступил через черный квадрат и склонился над проемом. В нос сразу ударил тошнотворный запах свежей крови, и я немного отпрянул от люка, будто боялся опять выпачкаться. Луч света через боковой иллюминатор упал на дно трюма. Я увидел женщину, лежащую ничком, раскинув в стороны руки, словно она пыталась противостать качке и удержаться на рифленном полу. Почти каждый па-

лец ее был украшен перстнем. На ногах тускло блестели лаковые туфли. Черная юбка была слегка задрана, и из-под нее обнажилось смуглое бедро. Черный пиджак расстегнут, и его борта с золочеными пуговицами распластаны в стороны, словно крылья.

Головы у женщины не было. То, что от нее осталось, трудно назвать головой — лишь изуродованная часть затылочной кости с мокрыми, спутавшимися волосами.

Я ногой подкинул крышку, и та с глухим хлопком закрыла люк. Несколько мгновений, оцепенев, я смотрел на свои босые мокрые ноги, на следы, которые оставил, на скомканный край ковровой дорожки. Что-то похожее уже когда-то было, не бывает ничего нового, все в этой жизни повторяется.

3

Надо быть идиотом, чтобы не понять — в том, что произошло в последние два-три часа на Диком острове, нет ничего случайного. Это был мой первый вывод, который не вызывал сомнений. Кому-то очень надо было, чтобы я или кто-либо другой, зашел на яхту и оставил свои следы. Считаем, что этот «кто-то» своего добился. Я вляпался в кровавую кашу, как, извините, в дерьмо, и все еще ношу ее под своими ногтями; оставил отпечатки пальцев на ручке двери, на ключе, на рычаге лебедки, на кольце крышки люка; безнадежно «засветился» на острове, так как теперь мою лодчонку обязательно выловят морские пограничники, определят скорость течения, курс, снимут отпечатки пальцев с весел и легко докажут, что сегодня, ориентировочно с двенадцати до четырех часов пополудни, я был на острове. Словом, я полностью готов к употреблению, меня можно брать.

Я дал задний ход, стараясь не упустить ни одной детали. Во-первых, отпечатки пальцев. Все, к чему прикасался, тщательно протер полотенцем, висевшим над плитой на камбузе, вышел через рубку на бак, закрыв за собой дверь. Последней надраил ручку двери, после чего выкинул полотенце за борт. Теперь, если только меня не засняли с острова на видеопленку, непросто будет доказать, что я поднимался на яхту. Прыгнул с бака в воду, вышел на камни, оглянулся. Яхта, этот новоявленный летучий голландец, свалившийся на мою голову, все так же мерно покачивалась на волнах. Я не мог избавиться от чувства, что за мной следят, что все мои попытки уйти отсюда незамеченным и не оставить следов лишь вызывают ироническую усмешку у моих недоброжелателей, наблюдающих за мной в бинокль, подозрную трубу или просто сквозь черные очки.

Место расправы над женщиной я мог обойти стороной, но нарочно пошел мимо него, чтобы еще раз глянуть на ужасное пятно. Странно все, думал я, стоя в метре от залитого кровью камня. Ее убили здесь, видимо, размозжили череп вот этим булыжником. Брызги крови разлетелись во все стороны с большой силой — отдельные капли долетели даже до скальной стены, а это не меньше трех метров. В то же время костюм, в котором была женщина, совершенно чист. Это я запомнил отчетливо. На пиджаке ни единого пятнышка. И еще: одежда ее абсолютно сухая. Не представляю, как можно затащить труп на яхту и при этом не намочить хотя бы рукава костюма или туфли. И вообще, женщина одета явно не для морской прогулки — туфли на высоком каблуке, деловой костюм. Может быть, ее убили не здесь, а на берегу, после чего занесли на яхту?

Я покачал головой, ставя под сомнение эту версию, и пошел дальше по тропе, к тому месту, где оставил ласты и мешок с крабами. Вместо крабов в мешок положил кроссовки, опустил его в воду и, чтобы не всплывал, придавил камнем.

Шесть километров в ластах – не то, чтобы пара пустяков, но задача не из самых трудных. Я спиной вошел в воду, надвинул на лицо маску, сунул в рот резиновый загубник трубки и лег на воду. Джинсы и майка немного стесняли движения, но выкинуть одежду я не мог – надо же было в чем-то появиться в городе.

Когда я открыл калитку дачи и ввалился во двор, Анна сидела на ступеньке деревянной лестницы и курила. Увидев меня, она медленно спустилась.

– Привет! Чего это ты такой мокрый? И босиком... Теперь так на свидания ходят?

Ее грудь часто поднималась и опускалась, взгляд блуждал по моему лицу. Казалось, Анна усилием воли сдерживает себя.

– У тебя есть водка? – спросил я, не задумываясь о причине ее столь странного поведения.

– Водка? – эхом отозвалась она. – А зачем тебе водка? Леша дважды заходил. Он уже целый час ждет тебя на лодочной станции.

– Анна, скажи, кто еще, кроме Леша и тебя, знает, что я был на Диком острове? – спросил я, садясь на край большой металлической раковины, предназначенной для стирки.

– На Диком острове? – медленно повторила Анна. – Разве недостаточно того, что я все знаю? – Она не думала над ответом. Она смотрела на меня. Под ее взглядом я поскользнулся на обмылке и грохнулся на кафель, сильно ударившись о край раковины затылком.

Чертыхаясь и потирая ушибленный затылок, поднялся на ноги, ожидая от Анны слов сочувствия, но Анны уже не было, и на том месте, где только что было ее лицо, быстро скользил по невидимой паутинке жирный паук. Я прошел на кухню и открыл дверь комнаты, где жила Анна.

Девушка лежала на койке лицом вниз и не шевелилась. Короткая теннисная юбка немного задралась, оголяя красивое смуглое бедро. Я присел на край койки.

– А что все-таки случилось? Я тебя не узнаю.

– Пошел вон, – спокойно ответила Анна. – Можешь возвращаться туда, где был. – Она опустила руку под койку, вытащила оттуда полиэтиленовый пакет, набитый чем-то мягким, и, не глядя, швырнула его в меня. Я не успел увернуться, и пакет шлепнул по лицу.

Ну, теперь ясно. Банальная ревность. Теперь всякое объяснение будет выглядеть как жалкое оправдание. А этого не вынесет мое достоинство.

Я поддал пакет ногой, так, что он вылетел на кухню, вышел из комнаты и с треском захлопнул за собой дверь. Водки в холодильнике не оказалось, зато под самой морозильной камерой лежала тугая пластиковая бутылка с красным портвейном и торт в квадратной коробке. Ах, да! Анна собиралась отметить со мной свои именины. Дала бы выпить, накормила, согрела, а потом бы спрашивала, что со мной случилось, мысленно оправдываясь я за свою резкость. В маленькую алюминиевую кастрюльку я вылил стакана три портвейна, добавил туда сухой

гвоздики, лимонного сока, корицы и мускатного ореха, поставил варить на огонь и стал помешивать ложкой. Первым мириться не буду, решил я. Не мальчишка, чтобы терпеть ее капризы...

Грог стал закипать, я снял его с огня, налил в стакан и стал отхлебывать маленькими глотками. В желудке сразу потеплело. Я налил снова. Меня повело, и на лбу выступили крупные капли пота.

Вместе с теплом накатила сонливость. Из моего тела словно вытащили позвоночник, и теперь я полулежал на стуле, испытывая блаженство, и не очень успешно боролся со сном. Женщины всегда следует держать на дистанции, думал я, из-под отяжелевших век глядя на полиэтиленовый пакет, лежащий на полу. С большим усилием оторвавшись от стула, я потянулся за пакетом, приподнял его за нижний край и вытряхнул содержимое. На пол выпала белая женская накидка из тонкой, как бумага, кожи, с большой золоченой пуговицей на воротнике. Такого претенциозного наряда у Анны не было. Чья эта одежда, интересно?

Я сложил накидку в пакет и забросил его в стеной шкаф, где хранились крупы.

Тяжесть, сдавившая мне сердце, постепенно отпускала. Все, что случилось со мной на Диком острове, уже не казалось таким драматичным. Да, пришли какую-то даму. Я случайно оказался на борту яхты и увидел труп. Ситуация неприятная, но не более того. Никто меня ни на яхте, ни на острове не видел, следов за собой я не оставил. Мафиозные разборки на побережье едва ли не каждый день громяхают. Если по каждому покойнику нервы мотать — здоровья не напасешься.

Мне на плечо легла чья-то рука. Я вздрогнул, хотя портвейн притупил реакцию.

— Это ты?

— Я, — ответил Леша.

— Садись, наливай из кастрюли грог.

Леша беззвучно прошел вперед и сел напротив меня.

— Где ты был? — спросил он после минутного молчания.

Рыжая кудрявая копна волос в тусклом свете лампы горит, как факел. Аккуратная бородка волной сглаживает острые скулы. Тонкий нос, слегка подрумяненный солнцем. Спокойные голубые глаза. Сильно выделяющиеся надбровные дуги, с очень светлыми, едва заметными бровями. Высокий лоб. С Леша можно рисовать иконы. Таких красивых мужиков я редко встречал в своей жизни.

— На острове, Леша, — ответил я и вздохнул. — Сколько крабов ты вытащил сегодня?

— Собственно, — произнес он, не сводя с меня глаз, — и так и сказал Анне — с тобой вряд ли могло случиться что-нибудь серьезное. Или я не прав?

— Ты не прав, потому что... потому что не пьешь, а грог остывает. Сделай милость, возьми из шкафа стакан и налей сам. Я еле руками двигаю.

— Ты выпал с лодки? — спросил Леша.

— Почему ты так решил?

— Если находят лодку без гребца...

— А кто нашел лодку? — перебил я его.

— Насколько мне известно, пограничники. По номеру определили, к какому причалу она приписана, и пригнали ее к берегу.

— Не знаешь, они обо мне что-нибудь спрашивали?

– Мне рассказали, что Моргун якобы ловко соврал, будто лодку сорвало с пирса и отнесло ветром в море.

– Значит, Моргун знает, что я плавал на острове?

– Не уверен. Он спрашивал меня, куда ты плавал на лодке сегодня, но я ответил неопределенно: за крабами.

Ответы Леша меня успокаивали. Похоже, кроме него и Анны, никто не знал, что я был на острове.

– Так что с тобой стряслось? – спросил Леша.

Железное терпение у человека, подумал я. Если откажусь отвечать, он не обидится и легко перейдет на другую тему. Леша тем и удобен, что мало интересуется моей личной жизнью. Я доверял ему в той же степени, что и приятному попутчику в поезде, с которым случайно встретился и через недолгое время расстанусь навсегда. То есть Леше можно было доверить едва ли не самое сокровенное.

4

Леша отказывался от грога до тех пор, пока я не рассказал ему о том, что увидел на Диком острове. Он молча выслушал меня, после чего не торопясь осушил кастрюлю с напитком, вытер усы тыльной стороной ладони и снова сел на стул.

– К чему ты прикасался, когда был на яхте? – тихо спросил он, не поворачивая головы.

– К ручке двери, к ручке трюмного люка.

– Название яхты не запомнил?

– «Ассоль».

– Отпечатки хорошо стер?

– Старался.

– А ты уверен, что видел труп, а не куклу?

Я от возмущения так дернулся, что пролил на пол немного грога.

– Не принимай меня за идиота.

– Скверная история, – резюмировал Леша и, подумав, спросил: – Ты считаешь, что кто-то хотел кинуть на тебя тень?

– А ты разве считаешь, что нет?

– То, что твою лодку унесло в море, еще не значит, что это сделано человеком и со злым умыслом.

Разговор с Лешей начал меня нервировать.

– По-твоему, – энергично жестикулируя, крикнул я, – лодка сама подползала к воде, сама плюхнулась в море и отчалила от острова?! И сделала она это вовсе не для того, чтобы заставить меня подняться на яхту, а из своих узколобочных интересов?

– Не кипятись, – попытался убавить мою энергию Леша. – Все проще. Лодку могло «слизнуть» волной.

– Не могло, – в тон ему ответил я. – Я оттащил ее метров на пять от воды.

– Кто же тогда это сделал? – вслух подумал Леша, теребя пальцами бородку. – И кто эта женщина? Послушай! А ты уверен, что ее убили? Это мог быть несчастный случай. Сорвалась со скалы или выбросило волной на камни.

– И после этого несчастную скидывают в трюм, вместо того чтобы положить на диван или, на крайний случай, на палубу? Нет логики.

– Нет, – согласился Леша. – Похоже, ее действительно убили. И убийце, между прочим, как и тебе, не на чем было добраться до берега.

— Он мог остаться на острове, — мрачным голосом ответил я. — Мне все время казалось, что за мной следят.

— Не переживай, — сказал Леша, поднимаясь со стула. — Сегодня ночью яхту обязательно обнаружат пограничники, обыщут, найдут труп и передадут дело в прокуратуру. А там ребята разберутся, что к чему. Будем надеяться, что на острове никто тебя не видел, своих следов ты там не оставил. Мне кажется, дело пустяковое, не стоящее твоих нервов.

— Странно, — ответил я, глядя на донышко опустошенного стакана. — А мне как раз показалось, что дело серьезное и запутанное. Опыт у меня небольшой, а потому я могу положиться только на интуицию. А она меня еще ни разу не подводила.

— Интуиция тоже не может появиться с воздуха. Если ты чувствуешь, что дело запутанное, значит, заметил то, что тебя насторожило.

— Ты прав, — согласился я и принялся снова готовить грог. Портвейн, корица, гвоздика... — Меня насторожило, например, что женщина была одета в совершенно сухой и чистый деловой костюм... Спички подай, пожалуйста!

— Сухой и чистый, — повторил Леша. — Ну и что? А каким он должен быть? Что-то я не могу уловить твою мысль.

— Женщину валят на гальку, прижимают ее голову к камням и разбивают череп бульжником. Остается кровавое месиво диаметром почти в метр. Ты можешь отчетливо представить себе эту картинку? И как смотрится на фоне всего этого идеально чистый костюм?

— Что ты этим хочешь сказать?

— А то, что женщину убивали либо в другой одежде, либо вообще голой, а костюм надели уже на труп. Причем сделали это на яхте, потому как невозможно было перенести ее, не замочив одежду.

— Любопытный вывод. Очень любопытный. Только мне не ясно одно: а для чего нужны были все эти манипуляции с одеждой?

— Мне тоже не ясно. Можно предположить, что убийца снял выпачканную в крови одежду, чтобы случайно не оставить следов на дверях, полу или стенах каюты. Но тут же напрашивается второй вопрос: зачем тогда ему понадобилось одевать ее снова? Сбросить в трюм можно было и голый труп.

Леша шумно выдохнул и покачал головой.

— Двенадцатый час ночи, а мы с тобой говорим о таких жутких вещах.

— Тебе страшно?

Леша как-то странно взглянул на меня.

— Не старайся уличить меня в трусости. Не могу сказать, чтобы вся эта история доставляла мне удовольствие, но падать в обморок и закатывать истерики я не собираюсь... Кстати, твое пойло кипит и выливается через край.

Склонившись каждый над своим стаканом, мы пили маленькими глотками грог и некоторое время молчали.

— Вот что я предлагаю, — сказал Леша, отставляя стакан в сторону. — На несколько дней, пока здесь не утихнет шумиха, тебе лучше уехать с побережья.

Он вопросительно посмотрел на меня, но я продолжал заниматься стаканом и никак не отреагировал.

— Могу поселить тебя в своей квартире в Симферополе, — уточнил Леша.

– А еще лучше, – злоречиво добавил я, – забраться в глухой лес и пожить там годик-другой, пока дело окончательно не закроют, а в поселке вообще забудут, что здесь когда-то жил Кирилл Вапура.

Леша недоуменно посмотрел на меня и пожал плечами.

– Я разве предложил тебе что-то плохое?

– А почему я должен прятаться, если никого не убивал?

– Видишь ли, – медленно, словно каждое слово давалось ему с трудом, произнес Леша, – сейчас такие времена, такие люди. У преступников огромные возможности. Если тебя решили подставить, продумали весь сценарий, вложили в это дело деньги и воспользовались связями, то так просто ты уже не выпутаешься. Ты попытаешься защититься, но только навесишь на себя новые улики.

– Если я сбегу, то это будет первой серьезной уликой, – ответил я.

– Возможно. Но ты сохранишь себе свободу и не вляпаешься в новую историю.

– Ты говоришь так, будто меня должны арестовать в самое ближайшее время. Но на основании чего? Отпечатков моих на яхте нет. Никто не видел меня на острове...

– Откуда ты знаешь, какие еще улики против тебя сфабрикованы? – вкрадчиво спросил Леша.

– Что значит – еще?

– Ладно! Отложим разговор до завтра. Умираю, хочу спать.

– Нет-нет! – Я взял его за локоть. – Договаривай до конца. Какие улики ты имел в виду?

– Кирилл, наш разговор теряет всякий смысл.

– И все-таки! – Я еще крепче сжал его локоть. – Раз сказал «А», то скажи и «Б». С чего ты взял, что лодка – это улика? Ведь Моргун, если я тебя правильно понял, объяснил пограничникам, что лодку сорвало с пирса.

– Объяснить он, конечно, объяснил, но не надо считать пограничников дураками. Когда далеко от берега находит лодку или, скажем, катер без людей – дело серьезное. Они, не афишируя, могли снять отпечатки пальцев с рукояток весел, найти под скамейками какие-нибудь вещественные доказательства. Ты не оставлял в лодке никаких вещей?

Я отрицательно покачал головой.

– Но мог случайно обронить пуговицу или расческу?

– Не мог, Леша! Не мог! – Я снова начал заводиться. – Все при мне.

И пуговицы все на месте.

– Ты плыл в одежде?

– Да.

– И в обуви?

– Кроссовки я спрятал на острове.

Леша в сердцах ударил ладонью по краю стола.

– Ты же опытный человек! Директор сыскного агентства! А допускаешь такие грубые ошибки. Это же серьезная улика!

– По-твоему, я должен был плыть в кроссовках, а не в ластах? – орызнулся я, хотя понимал, что Леша прав.

– Балда! – добавил Леша. – Где ты их спрятал?

– Утопил в холщовом мешке и придавил камнем. Даже собаки не найдут.

– Ерунда! – скривился Леша. – Чуть разыграется шторм, и твой мешок вместе с камнем выкинет на остров, как окурок.

— Черт возьми! — взревел я, вскакивая со стула, и, путаясь в полах халата, стал ходить по кухне, как несколько минут назад это делал Леша. Нечаянно задел пустой стакан, стоящий на столе. От звона Леша скрикнул, как от боли. — Нет против меня удик и быть не может, потому что нет главного — мотива. Именно с мотива я начинал раскручивать каждое преступление, за которое брался, и очень быстро выходил на след преступника. Мотив определяет смысл каждого преступления, исключая только поступки душевнобольного человека! Чем сильнее мотив, чем он ярче выражен, тем с большей жестокостью уничтожает преступник свою жертву. Это аксиома криминалистики, азбучная истина! А та несчастная баба — кто она мне? Откуда я мог ее знать? Какой смысл выслеживать ее, гнаться за яхтой на весельной лодке и в конце концов убивать?

— Ты все правильно говоришь, — ответил Леша, выслушав меня. — Дай Бог, чтобы так же думали и наши менты.

— Кстати, о ментах! — вспомнил я. — В нашем отделении работает мой приятель — Володя Кыш. Когда моя фирма процветала, он работал у меня, а как накрылась — снова ушел в отделение. Наверняка он будет в составе бригады, которой поручат это дело. Надо будет завтра рассказать ему, что со мной приключилось.

— Не торопись.

— Почему?

— Воспользуешься своими связями, когда тебе будет совсем плохо. А пока к ментам не ходи.

— Ладно, я подумаю об этом на свежую голову.

Мы вышли во двор. Дождь прекратился, на черном небе пятнами высыпали звезды.

— А где Анна? — спросил Леша.

— Спит, наверное.

— Случайно, не поссорились?

Вместо ответа я неопределенно пожал плечами.

— И по какому поводу, если не секрет?

— Из-за этого проклятого острова все не слава Богу... Кажется, она меня приревновала. Я так устал, что меня качало, как пьяного. А она подумала, что я где-то наклюкался с бабой. — Я усмехнулся и снова пожал плечами. — Никогда не поймешь, что у них на уме... Ладно, не бери в голову, это наши проблемы, разберемся.

— Только из-за того, что тебя шатало? А при чем тут баба? — удивился Леша.

— Да я откуда знаю, отчего ей эта чушь в голову взбрела? Швырнула мне в морду какой-то плащ, зарылась в подушки и — молчок!

— Что? — не понял Леша. — Чем она в тебя швырнула?

— Женским плащом или накидкой — хрен его разберет! Я не стал выяснять, что это все значит. У меня тоже нервы на пределе.

Я заметил, что Леша не очень внимательно меня слушает. Он смотрел сквозь ограду в темные заросли палисадника.

— Что там? — спросил я, невольно взглянув в ту же сторону.

— Мне показалось... — неуверенным голосом произнес Леша. — Коты, что ли?

Он повернулся и протянул мне руку.

— Держи! До завтра!

— Собственно, ты можешь переночевать у меня, — предложил я, но Леша уже открыл калитку и помахал мне рукой.

Я остался один. Хмель быстро таял в голове, и я снова стал мерзнуть. Зевнул, поежился и еще раз посмотрел в палисадник. Что там увидел Леша? Что его так напугало?

Я подошел к забору, оттянул в сторону ветку вишни. На меня посыпались дождевые капли. Несколько минут, стараясь дышать тихо, я всматривался в темноту.

— Эй! — негромко позвал я, потом сплюнул, вернулся в домик и запер дверь на замок, чего не делал уже, по-моему, несколько лет.

Ощущение смутной тревоги не покидало меня. Я снова прицелился на ополовиненную бутылку, но неожиданно посчитал алкоголь слабым утешением, заткнул ее пробкой и поставил в стеновой шкаф. Взгляд мой упал на пухлый полиэтиленовый пакет. Я вытащил из пакета накидку, развернул ее во всю ширину, осмотрел, зачем-то стрихнул, будто она была пропыленной, и сразу уловил тонкий запах дорогих духов. Я не любитель шарить по чужим карманам, но надо было найти хозяйку накидки или, на худший случай, выяснить, как эта вещь попала на мою дачу. В левом кармане не было ничего, кроме маленького засохшего полевого цветка, а в правом я нашел сложенный в несколько раз лист бумаги.

Я развернул его, посмотрел на текст, написанный крупными неровными буквами, и с изумлением узнал свой почерк.

«Эльвира!

Что касается нашей с тобой договоренности, то можешь полностью положиться на меня, и пусть гарантом моего слова станут мои чувства, которые я испытываю к тебе. Твое решение о прекращении выплат по вкладам, конечно, несколько ошеломило, но, смею надеяться, это ни в какой мере не будет касаться меня. Требовать не в силах — ты для меня не тот человек, от которого я могу что-либо требовать, но лишь надеюсь на то, что мои чувства обретут взаимность, и ты будешь благосклонна ко мне. Но не денег ради я стараюсь. Все мысли — только о тебе. Ты заслуживаешь большего, и это большее мне по силам дать тебе. Считай так: ты не возвращаешь мне деньги, а лишь оказываешь мне, твоему доверенному лицу и самому надежному другу, помощь в приобретении нашего с тобой общего счастья.

Слышал, что девятнадцатого ты отправляешься на морскую прогулку по своему излюбленному маршруту. Я найду тебя там, где ты меньше всего ожидаешь меня увидеть, но, надеюсь, встреча со мной будет тебе приятна.

Твой покорный слуга — Кирилл».

Под письмом красным косметическим карандашом хорошо знакомым мне почерком Анны приписано: «ПОДОНОК!!!»

5

Достаточно было услышать первую фразу, сказанную Кнышем по телефону, как я понял: труп женщины нашли, вся милиция района поднята на ноги.

— Старичок, сейчас не до тебя, — прогундосил Кныш в трубку. — У нас тут переполох. Позвони вечером. Или лучше дня через три.

— Всего одно слово, Володя! Я знаю, о чем ты говоришь, и могу быть вам полезен.

– Ты хочешь взяться за это дело, даже не зная, что случилось?

– Мне уже многое известно. Есть вещдоки.

– Хорошо. Мы сейчас выезжаем к центральному причалу. Подходи туда, там поговорим.

Анна демонстративно не разговаривала со мной и на мое выдвинутое сквозь зубы «добрутро» никак не отреагировала. Выглядела она неважно: глаза подпухли, на щеках – невралгические пятнышки. Я, конечно, должен был подойти к ней, обнять, успокоить, дать возможность Анне выплакать последние слезы на моей груди, но мне мешала дурацкая гордость и сознание собственной правоты. Разрыв произошел, самое болезненное позади, и все теперь станет на свои места. Она уедет и со временем забудет меня. Пусть будет так, думал я, спокойно глядя на то, как Анна собирает свои вещи и складывает их в большую спортивную сумку.

– Ты мне ничего не хочешь сказать на прощание? – спросила она, закинув сумку на плечо.

– На прощание? – переспросил я и, как дурак, наморщил лоб. – А ты разве уходишь?

– Ухожу.

– Собственно, я тебя не прогоняю.

– Не хватало, чтобы ты посмел выгнать меня.

– Куда же ты в таком случае намылилась?

Анна смотрела на меня, покусывая губы.

– Кирилл, – сказала она, но осеклась, круто повернувшись, вышла через калитку и с грохотом захлопнула за собой металлическую дверь.

Через несколько минут мне позвонил Леша, и я, разговаривая с ним, быстро забыл о всех обидах, которые вольно или невольно нанес Анне.

– Зря ты все-таки это сделал, – сказал Леша, когда я передал ему разговор с Книшем. – Возьмут они тебя на крючок, не сорвешься.

Мы условились встретиться с ним там же, у причала. Я бежал по шоссе вдоль крепостной стены, испытывая удивительное чувство легкости и силы, какое бывает, когда избавляешься от проблем, созданных самим собой.

Вопреки моему ожиданию, на «пяточке» толпилось уже достаточно народу. Там были и малочисленные отдыхающие, и местные зеваки. Посреди причала стояли машины «скорой» и милиции. Несколько мужчин в форме усталыми голосами, усиленными мегафонами, просили людей разойтись. Женщина средних лет с выкрашенными фиолетовыми чернилами волосами ходила восьмерками среди толпы, отчаянно размахивала руками и о чем-то безостановочно вещала пронзительным голосом. Я разобрал лишь одну фразу, которую она повторяла, как лозунг на митинге: «Не дадим себя ограбить! Не дадим!» Небольшая группа старушек обступила синюю будку, в которой когда-то сидела билетерша экскурсионного бюро, тыкала пальцами в какие-то списки, наклеенные на стенке и, перебивая друг друга, неистово спорила.

Толпа росла с каждой минутой. Я встречал знакомые лица: диспетчер автовокзала, продавщица центрального гастронома, несколько женщин из поликлиники. Дима Моргун, держа под руку начальника райотдела УВД, прохаживался по причалу и что-то говорил ему. Смешавшись с толпой, я искал Лешу и прислушивался к разговорам.

Несколько раз я услышал фамилию «Милосердова». Женщина с фиолетовыми волосами, не обращаясь конкретно ни к кому, громко говорила:

– Ну и что?! Мы тоже скорбим! Но дружба – дружбой, а табачок – врозь! Не надо усугублять нашу скорбь! Надо все по-честному решать. Неужели никто, кроме Милосердовой, не знает, где деньги? Это обман, товарищи! Надувательство чистой воды! Мы скорбим, но требуем вернуть свои деньги!

Я протиснулся к группе милиционеров и увидел Кныша. Тот был хмур, неприветлив и все время держал у щеки радиостанцию, словно компресс на флюсе. Рация шипела, трещала, что-то спрашивала сухим надтреснутым голосом, и Кныш односложно отвечал. Он увидел меня, сдвинул фуражку на затылок и пожал плечами, словно я что-то спросил у него.

– Ты видишь, что делается? – кивнул он на толпу. – Попалась одна провокаторша, и народ уже не успокоишь.

– Кто такая Милосердова, Володя?

– Ну вот, – разочарованно ответил Кныш. – Хочешь взяться за дело, а не знаешь самого главного. Это генеральный директор акционерного общества «Милосердие»... Секунду!.. Слушаю, «седьмой!» – переключился он на радиостанцию. – Да, они уже плывут сюда. Народу больно много, мы сами не справимся. Возможны беспорядки. Еще хотя бы человек пять...

Акционерное общество «Милосердие», мысленно повторил я и вспомнил огромные рекламные щиты с крупной фотографией симпатичной бабушки в цветастом платочке, пьющей чай на веранде с видом на море. Самое популярное на побережье АО, обещавшее около трехсот процентов годовых по частным вкладам. Наши местные пенсионеры из-за своей нищеты, кажется, совсем с ума посходили – все повально стали акционерами «Милосердия». Я помню, как поселок регулярно обрастал легендами про каких-то счастливых, которые всего за год баснословно разбогатели на акциях.

К причалу быстро приближалась злополучная яхта, окруженная эскортом милицейских быстроходных катеров. Метров за сто она снизила ход и дала пронзительный сигнал. Народ затих, все повернулось в сторону моря. На причал пробивалась еще одна машина «скорой помощи», часто и нервно сигнализала, заставляя людей расступиться.

– Извини, потом! – бросил мне Кныш и быстро пошел по причалу.

Яхта медленно приблизилась, коснулась амортизационных шин, и причал дрогнул, скрипнул ржавыми опорами. Швартовые принял какой-то штатский в голубой рубашке и галстуке. Стало тихо. Из обеих машин «скорой помощи» вышли люди в белом, двое из них, схватив носилки, побежали к яхте. На судно их не пустил милиционер, он принял носилки и передал кому-то в рубку.

Сначала с кормы на причал прыгнул штатский в темных очках и с короткой, под «ежик», прической. За ним – два милиционера. Они шли к машинам неторопливой расслабленной походкой, не оглядываясь, не проявляя интереса к процессу выноса тела, как будто им все уже было ясно, и преступник практически уже в их руках.

Через минуту на кормовой палубе показались два милиционера с носилками. Люди замерли. Какая-то бабка слева от меня стала неудержимо креститься и нашептывать молитву.

Меня кто-то тронул за руку. Я обернулся и увидел Лешу. Он часто дышал, наверное, ему пришлось пробежаться. «Кто?» — одними губами спросил он.

— Милосердова, — ответил я.

Носилки поднесли к машине «скорой помощи» и загнали их внутрь. Милицейский «уазик» завелся и дал задний ход, раскидывая вспышки света из установленной на крыше «мигалки». Люди снова расступились — на этот раз без команды и окриков милиционеров, пропуская машины. Старая женщина, которая крестилась рядом со мной, вдруг прижала руки к груди и дурным голосом завыла:

— Кормилица ты наша-а-а! Матушка-голубушка-а-а! Как же мы теперь без тебя-а-а!

Не успели все три машины скрыться за поворотом, как из притихшей толпы снова раздался вопль фиолетовой провокаторши:

— Кто теперь вернет наши денежки? Загубили женщину, которой мы так верили! С кого теперь спрашивать? Где кассиры и бухгалтеры? Сюда их! На народный суд!

Мы с Лешей поспешили отойти в сторону.

— Ну что, частный детектив, берешься за это дело? — спросил Леша, жадно затягиваясь сигаретой.

— Сам Бог велел, — ответил я. — Меня пытались здорово подставить, но, к счастью, у моих недоброжелателей произошла осечка.

— О чем ты? — не понял Леша.

Я рассказал ему о письме, найденном в кармане вакидки. Леша никак не отреагировал на это сообщение. Мне показалось, что он был больше озабочен собственными мыслями. У меня вдруг мелькнуло подозрение, что Леша испугался нашей с ним дружбы. Быть рядом с человеком, на котором лежит тень подозрения в убийстве, — малоприятно. Могут затаскать на допросы в качестве свидетеля.

— Вот что, — сказал я таким тоном, словно все уже было давно решено. — Тебе больше не стоит так часто общаться со мной. Мне не хочется, чтобы тебя в чем-либо заподозрили: в содействии, в соучастии — не дай Бог!

— Что-что? — произнес Леша, и по его губам скользнула снисходительная усмешка. — Не стоит с тобой общаться? Да-а, низкого же ты обо мне мнения.

Минуту мы молчали. К нам шел Кныш, все еще прижимая рацию к щеке. Я знал, что Володя не станет разговаривать в присутствии Леша, и пошел ему навстречу.

— До самого основания размозжен череп, — сказал Кныш, отводя меня в сторону открытого кафе. — Ориентировочно, вчера в полдень, на Диком острове.

— А кто опознал тело?

— Ее брат. Он уже вчера вечером заявил, что сестра отправилась на остров и не вернулась. Крутился здесь только что, в черном костюме. На острове, говорят, в обморок упал, когда увидел, что от сестры осталось.

— Кто он такой?

— Москвич, кандидат наук, в недавнее время преподавал в МГУ философию, а сейчас занимается политикой, возглавляет партию радикальных мер.

— Вот как? У Милосердовой, оказывается, влиятельный родственник. Кныш усмехнулся.

— Без влиятельных родственников она бы не открыла акционерного общества.

— Следы какие-нибудь нашли? — как бы между прочим спросил я.

— Да, на яхте следов много.

— Какие же, интересно? — Я почувствовал, как внутри меня все похолодело.

— Отпечатки пальцев. И все они идентичны отпечаткам пальцев трупа.

— И больше никаких?

Кныш отрицательно покачал головой.

— Штурвал, рычаг скоростей чисты, словно к ним вообще никто не прикасался. Наверняка убийца работал в перчатках... Что интересно — убивали ее на острове, а потом труп спрятали в трюме.

Мы дошли до столика под зонтом.

— Выпьешь чего-нибудь? — спросил я.

— Не могу. Я же на государственной службе, а не в твоей фирме.

— Не жалеешь, что ушел?

Кныш усмехнулся.

— Так ты же не платил три месяца подряд! А детишки, между прочим, кушать хотят каждый день... Ну, ответь честно, ты в самом деле хочешь взяться за это дело? И есть заказчик?

— Заказчика нет. Причина в другом. Но об этом позже. Скажи, Володя, кто управлял яхтой? Не одна же Милосердова поплыла на остров.

Кныш крикнул от досады и почесал затылок.

— С капитаном вообще запутанное дело. Моргун утверждает, что Караев снялся вчера с якоря около одиннадцати часов утра и взял курс на Ай-Фока. А спустя часа три Дима видел капитана на берегу, в пивбаре. Когда спросил у него, где «Ассоль», тот ответил — то ли в шутку, то ли всерьез: «Сдал в прокат».

— Допросили Караева?

— В том-то и дело, что Караев исчез. Дома его нет, соседи говорят, что сегодня не ночевал.

— Ты его подозреваешь?

— Пока для этого нет веских оснований. Версия, что убийство совершено с целью ограбления, отпадает. На пальцах убитой остались нетронутыми кольца из золота и серебра.

— А с братом Милосердовой говорили?

— Братишка покойницы — очень немногословный тип. Сказал лишь, что никого не подозревает, что явных врагов у сестры не было, а потом добавил, что, дескать, бизнес — это всегда риск, и не стоит предавать это дело громкой огласке.

Я посмотрел Кнышу в глаза и спросил:

— Ты мне доверяешь, Володя?

— Короче, Кирилл! Если есть, что сказать, — выкладывай!

— На меня «наехали».

Кныш вытаращил глаза.

— «Наезжать» на директора сыскного агентства — себе в убыток. Кто? Когда? «Гастролеры»?

— Нет, не «гастролеры». На меня пытались повесить убийство этой Милосердовой.

Кныш приоткрыл рот от удивления. Минуту он не сводил глаз с моего лица, словно пытался понять, не шучу ли я.

— Ну-ка, ну-ка. Давай-ка все подряд и подробненько.

Я рассказал ему все, что случилось со мной вчера, начиная с ловли крабов у берегов острова и заканчивая белой накидкой и письмом, выполненным моим почерком.

— М-да-а, — протянул Кныш, тарабани пальцами по столу. Он уже не смотрел на меня. Он физически не был способен поднять глаза. Была у него такая дурная привычка, которая выдавала его недоверие с головой. — Где письмо?

— Вот! — Я вынул письмо, развернул его и положил перед Кнышем. — Обрати внимание на вот эти буквы, — торопливо сказал я, тыча пальцем в текст. — Затем на то, что касается моего вклада в «Милосердие»...

— Ладно, — перебил он меня, аккуратно складывая письмо и пряча его в сумку. — Сами разберемся.

6

Дима Моргун встретил меня, как всегда, широкой улыбкой, от которой черные аккуратные усики начинали топорщиться, и в физиономии Димы появлялось что-то кошачье. Редкой способностью отличался Моргун — общаешься с ним, и на душе теплеет, хотя никаких видимых причин на то не было.

— Прокатиться не желаешь? — промурлыкал Дима, поскрипывая своей резиновой кожей. В гидрокостюме, наверное, было очень неприятно ходить по пляжу, но что поделаешь — это униформа, обязательный атрибут хозяина проката, отличающий его от рядового отдыхающего.

— Спасибо, — ответил я. — Я как-то с тобой уже катался. До сих пор морской водой сморкаюсь.

Улыбка Димы стала еще шире, глазки сузились. Хитрый кот, никогда не поймешь, что у него на уме.

— Ты ко мне по делу или просто так? — спросил он небрежным тоном, хотя прекрасно знал, для чего я к нему пришел.

— Пообщаться надо, — ответил я.

— Понял, — кивнул Дима и свистнул своему помощнику — худому, как скелет, и черному от permanently наслаивающегося загара парню: — Эй, Сережа! Покатай народ, я занят.

Мы поднялись на верхнюю палубу пирса, по которой тянулись две ржавые рельсы, используемые для передвижения погрузочной тележки. Здесь нас никто не мог подслушать. Это было излюбленное место переговоров Димы, когда к нему приходили «авторитеты» или менты.

— Что интересует доблестного защитника прав обездоленных и сильных мира сего? — спросил он мягким голосом.

— Мне нужен Караев, — ответил я.

Не меняя выражения на лице, Дима пожал плечами.

— Он сейчас многим нужен.

— Ты был последним, кто его видел вчера.

— Не думаю.

— Ты ведь сказал неправду, что видел его около двух часов в пивбаре?

— Естественно. Деду нужно алиби.

— Он ничего не говорил тебе о пассажирах, за которыми пошел на Ай-Фока?

— Кирюша, — с той же улыбкой ответил Дима. — Я же не спрашиваю тебя, откуда в твоей лодке оказались вещи убитой Милосердовой. Вот это удар! Дима даже не изменился в лице, словно сказал мне комплимент. Жуткая манера. У меня сразу пропала охота продолжать разговор.

— Еще вопросы? — любезно поинтересовался Дима.

— Ну что ты сляешь? Прочертил границу — и счастлив? Меня топят, понимаешь?

— А ты хочешь притопить с собой еще кого-нибудь?

— Да ничего я не хочу, — огрызнулся я. — Мне бы только отмазаться от Милосердовой.

— Так делай это аккуратно, чтобы не замазать других, — посоветовал Дима. — Может, по коньячку?

— Какой, к черту, коньячок! Ткни пальцем на пляже — с любым коньячком выпить смогу. Мне помощь от тебя нужна.

— Обижаешь, — ответил Дима. — Я тебе помог — сказал пограницам, что лодку сорвало с причала, накидочку эту беленькую с письмом от лишних глаз спрятал и с надежным человеком передал тебе. Было?

— Было.

— Чего ж ты тогда наезжаешь?

— Милиция Караева найти не может. И мне он позарез нужен.

— Естественно, что не может. Зачем деду на старости лет в сизо садиться? Он же понимает, что в убийстве первым делом заподозрят его.

— Тогда, может быть, ты скажешь, кто хозяин «Ассоли»?

— Нет, не скажу, — покачал головой Дима. — Не уполномочен.

— Я и сам могу узнать, только времени жалко.

— Вольному воля.

— Скажи хоть, где он живет?

— Где еще могут жить хозяева таких роскошных яхт? — усмехнулся Дима. — В Москве, естественно.

— В таком случае, это вообще задачка для первоклассника.

— Ну-ну, — многозначительно произнес Дима. — Давай, первоклассник, копай. Только не задень высоковольтный кабель.

— Постараюсь.

Задачка для первоклассника отняла у меня остаток дня, вечер и полночи. Связываться по телефону с офицером службы безопасности — все равно, что с какой-нибудь затерявшейся в Гималаях первобытной деревушкой, то есть теоретически это просто, а на практике убеждаешься в обратном. Рабочий телефон Валеры Нефедова не отвечал несколько часов подряд, и тогда я позвонил ему домой, хотя Валера предупреждал, что делать это следует лишь в крайних случаях, которые не терпят отлагательства. Я решил, что такой случай уже наступил, и пару минут мило беседовал с его женой, представившись Валеркиным сослуживцем по Афгану.

— Валера, к сожалению, в Чечне, — сказала его жена. — Но вы можете позвонить после двенадцати, он должен прилететь.

Пришлось мне маяться в ожидании до глубокой ночи. Зато разговор с Валерой был коротким и плодотворным.

— Давай, выкладывай, без подробностей и самую суть, — сказал он мне тихим усталым голосом.

Я настроился на обстоятельный разговор, и такое категоричное желание Нефедова несколько обескуражило меня.

– Видишь ли, к феодосийскому порту приписана частная моторная яхта «Ассоль». Хозяин ее живет в Москве...

– Я понял, – прервал меня Валера. – Тебя интересует его личность.

– В общем, да.

– Позвони завтра в обед мне на работу. То есть уже сегодня.

Нефедов меня обнадежил. Я уснул с уверенностью, что рано или поздно раскручу это дело.

Разбудил меня громкий стук в дверь. На пороге стоял Леша, одетый в шорты, майку, за плечами – маленький рюкзак. Все ясно, собрался за крабами. Я вздохнул. Счастливый! Еще позавчера утром я был таким же счастливым, и все мои мысли были заняты тем, как глубже нырнуть, дольше пробыть без воздуха и поймать краба покрупнее. Сейчас недавнее прошлое воспринималось как нечто навеки утраченное.

– Почему еще не одет? – спросил Леша, вскидывая свои белесые брови. – На выход с вещами, живо!

Такое впечатление, что Леша начисто забыл, что со мной случилось.

– Ты о крабах или о тюрьме, Леша? – поинтересовался я, затаскивая его в прихожую.

– Пока тебя не посадили, можно еще наловить сотню крабов, – пошутил он.

– Я лучше займусь ловлей убийцы.

Леша поморщился. В его глазах мелькнула ирония.

– Дорогой друг, – сказал он, – предоставь этот неблагоприятный труд милиции. Поверь мне, так будет лучше. Милиция должна разыскивать и наказывать преступников, а мы с тобой – крабов и прочих морских гадов.

Я понимал, что омрачаю Леше отпуск. Он успел привязаться ко мне, всерьез увлекся промыслом, и вдруг на пике нашей дружбы я вынужден был оставить его...

Наверное, в кабинете у Нефедова стоял телефон с определителем номера, потому как он, подняв трубку, сразу перешел к делу:

– Значит, так, слушай меня. Хозяин «Ассоли» – Артур Пиков, директор фирмы по продаже автомобилей иностранных марок; тысяча девятьсот сорок седьмого года рождения. В восемьдесят третьем сидел за валютные махинации, вышел досрочно, работал маклером, затем перегонял автомобили из Тольятти в Москву, в девяносто первом организовал фирму. Женат трижды, детей нет, постоянно проживает в Москве. Записывай адрес и телефон, но имей в виду – он вряд ли станет с тобой разговаривать.

Нефедов оказался прав. Пиков разговаривал со мной просто хамски.

– Кто вы такой? Какой еще Вацура? Не знаю никаких Вацур! Откуда у вас мой телефон? Не знаю ни о каком убийстве! Меня это не интересует!

– На вашей яхте обнаружен труп директора акционерного общества Милосердовой, – спокойно повторил я. – Капитан же по неясным причинам исчез. Вы знаете, где сейчас находится Караев?

– Если буду думать о каждом пьянице, у меня не останется времени для решения своих вопросов.

– Я мог бы расследовать это дело без излишней огласки, – сказал я, уже понимая, что Пиков ничего полезного мне не сообщит.

— Если сочту нужным, я сам воспользуюсь услугами частного агентства. Пока же я не нуждаюсь в вашей помощи. Желаю здравствовать. Постарайтесь не звонить мне больше.

И короткие гудки. Я опустил трубку. Отрицательный результат — тоже результат, подумал я, чтобы как-то утешить себя. А впрочем, кое-какие выводы можно сделать. Во-первых, Пиков переиграл. На сообщение об убийстве даже самый замшелый бюрократ отреагировал бы иначе. Пиков же слишком усердно подчеркивал свое безразличие — так может делать человек, которому известно больше, чем мне. Во-вторых, его фраза о том, что у него нет времени думать о каждом пьянице, вообще абсурдна. Речь шла не о постороннем человеке, а о капитане собственной яхты, которому доверено содержание дорогостоящей техники. Пиков лукавил. Он не только не нуждался в услугах частного детектива. Он боялся, что к розыску убийцы подключится дополнительная следственная структура.

Я ходил по квартире, раздумывая над тем, куда теперь воткнуть свои выводы в отношении Пикова. Мне было известно, что около полудня девятнадцатого числа капитан «Ассоли» Караев на мысе Ай-Фока сошел на берег, предоставив яхту в распоряжение неизвестных пассажиров, одной из которых была Милосердова. «Ассоль» взяла курс на Дикий остров, где около четырнадцати часов директор АО была зверски убита, возможно, в голом виде, после чего ее труп был одет в костюм и сброшен в трюм яхты. Убийца (или убийцы) покинул остров, предварительно подбросив накидку Милосердовой в мою лодку и столкнув ее в воду. Письмо-подделка, оставленное в кармане накидки, говорило мне пока лишь о том, что убийство было тщательно спланировано. Вероятно, за мной следили, выясняя, в какие часы и дни я бываю на Диком острове. Это, на мой взгляд, сделать гораздо проще, чем добыть образцы моего почерка. Писем я никому не пишу, созданием мемуаров не увлекаюсь. Единственное, что мне в последнее время приходилось писать от руки, — так это всевозможную документацию своего сыскного агентства. Но большая часть бумаг хранится у меня дома, где не бывает посторонних, оставшаяся часть — в архивах отделения милиции. Как бумаги попали в руки убийцы — оставалось загадкой.

Что мне еще было известно? Главбух и коммерческий директор «Милосердия» утверждают, что не знают, в каких банках и на каких счетах находятся деньги вкладчиков, и таким образом снимают с себя всякую ответственность перед многочисленными держателями акций. Диме Моргуну наверняка кое-что известно о Караеве и его последнем рейсе, но он держит язык за зубами. Владелец яхты Пиков тоже хранит какую-то тайну. Словом, эти четыре человека знают по делу убийства больше, чем говорят.

Очень условно можно предположить, что в наибольшей степени были заинтересованы в смерти Милосердовой главбух и коммерческий директор АО. Один из них сейчас сидел в следственном изоляторе, а второй пропал где-то в Запорожье.

7

Я знал, что Леша соперничает со мной и всегда готов помочь, но о том, что он выведет меня на Караева, я даже не мог и мечтать. Он пришел ко мне вечером с мешком крабов, которых, вместо того, чтобы сдать в

ресторан, предложил сожрать самим, вывалил несчастных членистоногих в самую большую кастрюлю, какая была у меня, залил подсоленной водой и поставил на огонь. Пока крабы варились, перекрашиваясь в ярко-красный цвет, я сходил за пивом.

Наслаждаясь деликатесом, я подробно рассказал Леше о разговоре с хозяином яхты. Леша, разгрызая горячие клешни, из которых сочился ароматный бульон, хмыкал и качал головой.

— Этого следовало ожидать, — сказал он. — В самом деле, кто ты такой для Пикова? Почему он должен тебе доверять?

— Дело вовсе не в том, доверяет мне Пиков или нет. Для честного человека быстрое и профессиональное расследование — все равно что защита адвоката. Пиков отказался от такого рода защиты. Отсюда напрашивается вывод.

— Пиков «чист», у него надежное алиби, и кто бы ни копал против него, ничего не накопает, — сказал Леша, с треском, словно орех, раскусывая панцирь.

— Верно. Но можно предположить и совершенно противоположное: у Пикова рыльце в пушку, потому-то он и не заинтересован в быстром и качественном расследовании.

— Тоже может быть, — согласился Леша, вытирая руки платком. — Пиков его фамилия, говоришь, — произнес он, вытаскивая из кармана брюк потрепанную записную книжку. — Когда-то у нас в больнице с камнями в почках лежал некий господин, который курирует частное капитальное строительство на побережье. — Леша листал книжку, проводя пальцем по страницам. — Он оставил мне свои координаты на всякий случай. Один раз я ему уже звонил, интересовался дачами «под ключ»...

— А зачем нам капитальное строительство? — не понял я.

— А ты думаешь, что твой Пиков, купив яхту, не приобрел где-нибудь неподалеку от порта приписки дом с видом на море? Ага, вот он. Илья Роменович Городецкий. Телефон в Симферополе: два шесть, два шесть, ноль девять. Отлично! Прямо сейчас и позвоним.

Я не очень верил в удачу и продолжал заниматься крабами, глядя на Лешу, который, мурлыкая под нос песенку, крутил диск телефона.

— Алло! Илья Роменович! — крикнул Леша в трубку. — Что-то совсем плохо слышно... Ага, вот уже лучше. Это Малыгин. Вспомнили такого?

Несколько минут Леша расспрашивал у Городецкого о его здоровье, передавал приветы жене и сыну, после чего сказал:

— Нужна ваша помощь, Илья Роменович! Есть фамилия, но нет адреса дома... Как вы сказали? Уверен ли я, что дом построен на побережье? Конечно, уверен! — красиво соврал Леша и подмигнул мне. — Пиков его фамилия. Артур Пиков. Постоянно проживает в Москве... Мой телефон? Секундочку!

Леша прикрыл трубку рукой и спросил у меня:

— Давай твой номер! Он перезвонит сюда сам.

Не успел Леша разобрать очередного краба и отпить из стакана пива, как телефон зазвенел.

— Слушаю вас! — крикнул Леша. — Ага, записываю... Поселок Морское, улица Зигельса... Неужели еще такие улицы бывают? Дом триста. Круглая цифра... Все ясно, Илья Роменович! Спасибо большое!

Он положил трубку и с победным выражением на лице посмотрел на меня.

- Ну как, Шерлок Холмс? Здорово сработано?

Я, не скрывая своего восхищения, пожал Леше руку.

- У нас есть слабая надежда, что Караев переживает шумиху в этом особняке, - сказал Леша, глядя на адрес, который записал на полях газеты.

- Я в этом почти уверен, - более оптимистично добавил я. - Караева видели в Морском после того, как яхта отчалила от мыса Ай-Фока. Только не совсем понятно, какой смысл Пикову прятать Караева на своей даче.

Леша махнул рукой.

- Что здесь непонятного? Зачем опытного, надежного капитана отдавать на растерзание милиции? Пиков прекрасно понимает, что в первую очередь заподозрят старика и наверняка укутут его на тридцать суток в следственный изолятор. А старый человек со страху может наговорить лишнего - кого возил на яхте, о чем говорили пассажиры. Мало ли в какие тайны был посвящен Караев!

Я в легком возбуждении вскочил из-за стола, допивая пиво из стакана.

- Ты куда? - удивился Леша.

- В Морское.

Леша пожал плечами и не совсем решительно взялся за свой мешок, намереваясь пойти со мной. Я мысленно извинился перед ним за то, что в очередной раз испортил человеку отдых, и выскочил из квартиры.

До Нового Света я доехал на автобусе и, распугивая отдыхающих, легкой трусцой побегал по тропе Голицына мимо живописных бухт и гротов. За час я добрался до мыса, откуда, уже не торопясь и прихрамывая, приплелся в поселок.

Дом номер триста находился достаточно далеко от моря, на горке, утыканной кипарисами, как шипами. Это был очень симпатичный двухэтажный особняк стального цвета, с пористыми стенами, напоминающими срез свежего ржаного хлеба. Бесшумно приблизившись к входной двери, обитой черным дерматином, я нажал кнопку звонка.

Никакого результата.

Интуиция редко когда подводила меня, и я чувствовал, что кто-то стоит за дверями, смотрит на меня через глазок и прислушивается к моим шагам. Я двинул по двери кулаком и крикнул:

- Караев, открывай! Слышишь, дед? У меня важное дело к тебе! Открывай, я знаю, что ты дома.

Это сработало, как волшебное заклинание «сим-сим». Лязгнув замок, дверь приоткрылась, и показалось испуганное лицо Караева.

- Чего гремишь? - сирым голосом спросил он. - Чего хулиганишь здесь? Что надо? Какое еще у тебя ко мне дело?

- Я звонил твоему шефу, - сходу придумывал я, потеснив старика и зайдя в дом. - И он сказал мне, где ты прячешься.

- С чего это я прячусь? От кого мне прятаться? - возразил Караев, придерживаясь руками за стены. - Я тут за домом приглядываю, пока хозяина нет. А какое дело у тебя? Что надо?

- Твои пассажиры в нехорошую историю вляпались, - сказал я. - Дело, конечно, пустячное, но все равно требует расследования.

- Какие еще пассажиры?

— Которых ты позавчера на Ай-Фока взял. Кто ж яхту незнакомым людям доверяет?

— Ты что-то недоговариваешь, парень, — насторожился дед. — Угробили «Ассоль», что ли? Или наехали на кого?

Я кивнул, словно подтверждая слова деда, но сказал уклончиво:

— Об этом позже. Ты мне сначала ответь, кого на борт в тот день взял?

Дед вдруг проявил характер. Он сел на табурет, взял со стола пустой стакан, покрутил его и поставил на место.

— Мне хозяин не велел об этом распространяться. Ты ж не милиционер, чтобы я перед тобой отчитывался.

— Ты хочешь, чтобы я привел милиционера? Это очень просто, но милиция будет с тобой по-другому разговаривать.

— А ты меня не пугай. Я не в том возрасте, чтобы пугаться.

С Караевым надо было разговаривать как-то иначе. Я обнял его одной рукой, посмотрел в глаза.

— Дед, я тебе помогал? Жену твою в институт онкологии устроил?

— Устроил, — кивнул Караев.

— Теперь ты мне помоги. Я много от тебя не хочу. Расскажи, кому ты отдал «Ассоль», почему не поплыл вместе с ними, почему не идешь домой?

Дед расслабился, почесал затылок и снова взял пустой стакан.

— Тогда, может быть, сбегал за «Славинским»? Чего всухую беседовать?

— Договорились! — обрадовался я. — Рассказывай мне все подробно, и я бегу в магазин.

— К тому времени он закроется. Пятнадцать минут осталось.

— Давай так, — предложил я компромисс. — Сейчас за пять минут рассказываешь вкратце, а потом, когда я вернусь из магазина, — подробно. Идет?

Караев с тоской взглянул на стакан и произнес:

— Ну, что рассказывать?

— Кого ты посадил на мысе Ай-Фока?

— Бабу молодую.

— И все?

— Больше я никого не видел.

— Но не баба же управляла яхтой!

Караев усмехнулся и принялся набивать трубку табаком.

— Естественно, не баба. Но мужика я не видел. Баба встречала меня на мысе одна, я помог ей на корму запрыгнуть, иначе она бы точно в воду свалилась. И все время поторапливала: идите, мы сами без вас разберемся. Или что-то в этом роде. Я точно не помню. Она вообще была странная.

— Что значит странная?

— Ну, вроде как пьяная, но запаха не было. Глазищи огромные, взгляд плывет, и улыбка на лице какая-то клоунская.

— И ты вот так просто доверил яхту посторонним?

— Ну что ты! Разве без ведома хозяина посмел бы я отдать «Ассоль»?

— Пиков разрешил тебе сдавать яхту в прокат незнакомым людям?

— Не совсем так, — ответил Караев, подкуривая трубку и наполняя прихожую едким дымом. — Пиков дал мне телеграмму. — Он поднял

лицо к потолку, прищурился, вспоминая ее текст. — «Живи на даче до моего приезда. Яхту сдай в прокат. Клиент найдет тебя сам».

— И как клиент нашел тебя?

— Да очень просто! Позвонил мне накануне домой и сказал, чтобы завтра я подогнал яхту к Ай-Фока, где меня встретит его мадам. Вот и все.

— Ты по голосу не узнал клиента?

Караев отрицательно покачал головой.

— Как его узнаешь? Голос как голос. У всех такой.

— Он заплатил тебе за прокат?

— Нет. Сказал, что с Пиковым рассчитается сам... Слушай, пять минут осталось!

— Все, бегу! Последний вопрос: та баба была в черном костюме и туфлях?

— Чего? — удивился Караев. — В каких еще туфлях? В резиновых шлепанцах и шортах, таких, знаешь, высоко обрезанных, что задница голая сверкает, вот она в чем была.

— В шортах? — не поверил я и положил ладони себе на грудь. — А здесь?

— Здесь майчонка какая-то. В общем, не одежда, а так, одно название. Вся молодежь так по пляжу ходит... Ну, ей Богу опоздаешь! Давай бегом! Две бутылочки прихвати, добро? И баночку консервов на закуску. Потом продолжим.

Перед дверью в гастронорм я неожиданно вспомнил про «фенечку» — маленькую самодельную сумочку, какие носят на шее хиппи. Эту штуковину я нашел на острове, недалеко от того места, где качалась на волнах яхта. Если во всей этой истории замешана еще одна женщина — «баба в коротких шортах и майчонке», — то шейная сумочка могла принадлежать только ей.

Две женщины и один мужчина, думал я, заходя в торговый зал и отыскивая взглядом винную полку. Классический любовный треугольник. Две женщины и один мужчина — самая взрывоопасная смесь, какую когда-либо знало человечество. И еще известно, что женщины убивают более жестоко, чем мужчины...

Внезапная догадка обожгла мое сознание с такой силой, что продавщица трижды крикнула мне, прежде чем я пришел в себя.

— Закрываем, мужчина! Вы что, оглохли или деньги потеряли?

— Эй, морской волк! — крикнул я, подходя к двери. — Есть предложение накрыть полянку во дворе. А то дома слишком душно. Ты чего в темноте сидишь? Экономить электроэнергию?

Дед не отозвался. Я поставил бутылки и консервы на бетонную ступеньку и зашел внутрь.

— Дедуля! — позвал я тихо. — Ты что, задумал со мной в прятки играть?

Я стоял посреди темной прихожей, всматриваясь в призрачные силуэты раскладушки, кухонного стола и лестницы, ведущей на второй этаж. Возбужденное настроение быстро сменилось недоумением и настороженностью.

— Дед! — еще раз позвал я, но уже совсем тихо.

Я стал шарить по стене в поисках выключателя. Мне показалось, что где-то в глубине дома скрипнула дверь. Ладонь легла на кнопку выключателя. Щелчок — и под потолком вспыхнула лампочка.

Щурясь от света, казавшегося нестерпимо ярким, я смотрел на ноги Караева в галифе с голубым кантом и в поношенных черных ботинках, выглядывающие из-под синего одеяла, которым он был с головой накрыт. Затем, уже предчувствуя беду, наклонился и потянул на себя край одеяла.

Из-под одеяла выпученными глазами на меня глянул мертвец с ужасным выражением на отечном лице. Его рот был приоткрыт, зубы оскалены, и между ними синел огромный, словно кляп, язык. Руки старика, напоминающие высохшие корявые ветки, лежали на шее, прикрывая проволоку, которую я не сразу заметил. Тонкая стальная нить глубоко врезалась старику в горло. На затылочной части шеи проволока была перекручена при помощи небольшой палки. Чтобы придушить несчастного, убийца повернул ее вокруг оси раз пять-семь.

Что-то снова скрипнуло за дверью, которая вела в одну из комнат. Я машинально глянул по сторонам в надежде отыскать какой-нибудь тяжелый предмет. Как назло, не было ничего подходящего, и мне пришлось взять со стола пустую бутылку и шарахнуть ею о край стола. Сжимая «розочку» в руке, я приоткрыл дверь в комнату. Там было темно, но я успел заметить, как темная фигура метнулась в оконный проем. Человек, выскочивший из окна, сделал несколько широких шагов к изгороди, по-кошачьи прыгнул на нее, уцепившись за сетку руками и ногами и, согнувшись пополам, ловко перемахнул на другую сторону, описав ногами петлю. Он был одет в спортивный костюм, а на голове — что-то вроде спортивной шапочки с прорезами для глаз, надвинутой на лицо.

Я не был уверен, что смогу догнать его, если полезу следом через забор, и побежал к воротам. Обернувшись на мгновение, убийца сделал короткий взмах рукой, словно поддразнивал меня, и исчез за поворотом.

Счет два-ноль, подумал я. Меня подставили во второй раз. Должен признать при всем своем неприятии противника, что это был сильный ход. Во-первых, он убрал свидетеля, во-вторых, сделал это так, что подозрение в первую очередь ляжет на меня.

8

Я позвонил Кнышу домой рано утром. Кажется, он еще лежал в постели, потому как голос его был сонным и безрадостным.

- Я вышел на Караева.
- Это хорошо, — отозвался Кныш.
- Его убили вчера вечером, Володя.
- Это плохо.

В трубке невнятно забурчало. Наверное, Кныш прикрыл микрофон ладонью и что-то сказал жене. А может быть, выругался матом. Наверное, мне не надо было вдаваться сейчас в подробности, но я не удержался.

- Я разговаривал с дедом, потом отлучился на минут пятнадцать, а когда вернулся — тот уже был удушен. Я видел убийцу, Володя, но ему удалось уйти.

Кныш молча сопел в трубку. Скотская у него жизнь, мимоходом подумал я. Только глаза утром продрал, как на голову сразу сваливаются паршивые новости.

— Ну что ты за человек! — простонал Кныш и, кажется, сплюнул. Если человек в собственной спальне плюется, то я его действительно достал. — Хочешь сказать, что тебя снова подставили? Надо же, какая популярная личность в криминальном мире!

Я стремительно падал в глазах Кныша.

— Ты что, не веришь мне? — зачем-то спросил я, хотя на его месте тоже не поверил бы такому сочетанию случайностей.

— Плохи твои дела, — сказал Кныш.

— Еще ни в чем не разобрался, а уже хоронишь меня, — ответил я с надеждой, что Кныш как-то поддержит меня или на крайний случай скажет что-то оптимистичное. — Там вчера меня видели, по крайней мере, человек пять. Продавщица винного отдела легко вспомнит, в котором часу я покупал у нее «Славянское»...

— Да я не о том. Меня сейчас убийство Милосердовой больше занимает. Здесь у нас бригада с документами работала... В общем, Кирилл, выяснилось, что ты сказал мне неправду.

Я, конечно, не святой и после такого заявления не мог тотчас ответить однозначно: «Упаси Господь, Володя! Я тебя не обманывал». Упрек Кныша заставил меня призадуматься. Он молчал.

— Самое интересное заключается в том, — сказал я, — что не могу вспомнить, когда обманул тебя.

— Страдаешь провалами памяти? — усмехнулся Кныш. — Тогда напомним. Что ты говорил вчера насчет своего вклада в «Милосердие»?

— Что вкладывать, к сожалению, нечего. А разве это не так, Володя?

— Кирилл, — каким-то усталым голосом ответил Кныш. — В «Милосердии» у тебя есть валютный счет. И на том счету «висит» двадцать пять тысяч баксов. Плюс проценты.

— Что?! — не поверил я своим ушам и даже стал заикаться от волнения. — Какие еще двадцать пять тысяч баксов? Что ты пургу несешь? Откуда у меня такие деньги? Никогда у меня не было ни валютного, ни купонного...

— Слушай сюда! — не дал мне договорить Кныш. — Все это будешь объяснять следователю. Сам понимаешь, прикрывать я тебя больше не могу. Несколько человек, у которых на счету «Милосердия» «висят» крупные суммы, взяты под особый контроль. В ближайшее время тебя вызовут на допрос. И там ты расскажешь следователю, где был в час убийства девятнадцатого числа, как в твою лодку подкинули плащ убитой с письмом. А потом еще добавишь про Караева, как пытался поймать убийцу.

Кажется, Кныш зло иронизировал.

— Володя, но ты же сам понимаешь, что с такими фактами личной жизни у меня прямая дорога в следственный изолятор. Что мне делать?

— Не знаю. Единственное, что советую, это не пытаться сбежать.

— Но если я приду к следователю и дам показания, меня сразу же посадят.

— Возможно, — после паузы ответил Кныш. — И все-таки, так будет лучше. Я найду тебе хорошего адвоката, и если ты говоришь правду, то беспокоиться нечего.

— Ты меня успокоил, — огрызнулся я и швырнул трубку.

— Физкультпривет! — крикнула Анна, прикладывая ладонь к виску, словно отдавала честь.

Я занимался делом, которое прекрасно успокаивает нервы, — сидя на верхней перекладине стремянки, собирал персики. Молча глянул на Анну, аккуратно опустил в ведро мохнатый фрукт и потянулся за очередным.

— А я выхожу замуж! — объявила Анна, отодвигая в сторону ветку и заглядывая мне в лицо.

— Поздравляю.

— Знаешь, за кого? — Ее глаза сверкнули безумным блеском.

— Догадываюсь.

— Не может быть! И что ты по этому поводу думаешь?

— Ничего не думаю, — пожал я плечами. — Мне что, не о чем больше думать, как о всякой чепухе?

Анна сорвала персик, надкусила его, извлекла косточку и, причмокнув, кинула ею в меня.

— И ты даже не ревнуешь?

— Размечталась! Надеюсь, этот человек окажется намного достойнее меня, — сказал я.

— Конечно достойнее! Можешь даже не сомневаться в этом! — воскликнула Анна. — Это замечательный человек. Он, в отличие от некоторых, никогда не предаст.

Все ясно. Анна решила возобновить дискуссию. Если человек по своей воле возвращается к давно закрытой теме, значит, его мучают сомнения.

— Когда свадьба? — поинтересовался я.

— Очень скоро.

Я вздохнул:

— Жалко парня.

Наша словесная дуэль могла продолжаться еще достаточно долго, если бы вдруг рядом с дачей не раздался пронзительный визг тормозов машины. Густая крона дерева не позволяла увидеть, кого еще там принесло, но интуиция подсказала, что ничего хорошего сейчас не произойдет. Я оттянул ветку в сторону. Внизу, у самого забора, матово отсвечивала желтая крыша милицейского «уазика».

Анна лишь на секунду обернулась, равнодушно посмотрела на машину, надкусила очередной персик и принялась было опять сочинять убийственные фразы и выражения, но я уже отложил свою работу на неопределенный срок, спустился на землю и поставил ведро около ее ног:

— Кушай. Тебе перед свадьбой нужны витамины.

Два милиционера в рубашках, пропотевших до белых разводов, уже заходили во двор.

— Привет, ребята! А я вас с самого утра жду! — попытался сострить я, хотя не был уверен, что удалось сделать радостную физиономию.

— Вот и молодец, — ответил один из ментов. — Тогда попрошу сразу в машину!

Я оглянулся. Рассерженной фурии уже не было. Вместо нее стояла девушка, растерянно жующая персик. Ее взгляд блуждал по моему лицу, а губы свело в странной улыбке, словно она хотела сказать: ну ладно, хватит меня разыгрывать, это уже не смешно.

Я подошел к ней, встал почти вплотную и тихо произнес:

— Анна, меня обвиняют в убийстве Милосердовой. Той самой Эльвиры, накидку которой принесли с причала. Передай Леше, что меня взяли. Пусть что-нибудь придумает, если сможет.

“А чем Леша мне поможет?” – подумал я, когда дверца за мной хлопнулась, машина понеслась вперед, и маленький домик, утонувший в зелени, вместе с застывшей фигуркой девушки стремительно удалился в прошлое.

9

Кто-то мне рассказывал, что нет ничего хуже женщины-следователя. Потому, когда я вошел в маленькую комнату, у меня невольно вырвалось какое-то нечленораздельное словцо, означающее крайнюю степень досады. За испарянным письменным столом сидела немолодая мадам в каком-то странном одеянии, напоминающем индийское сари или халабуду кришнаитов. Пальцы ее были украшены стальными перстнями, похожими на маленькие ручки от дверей шкафа, на запястьях подрагивали горошинами многочисленные браслеты, с шеи на грудь свисали гирлянды полированных лепестков и конусов из черного дерева. Следователь подняла на меня свои томные глаза, окруженные коричневыми тенями, слегка тряхнула головой, отчего ее длинные волосы, низвергающиеся до локтей с прямого пробора, колыхнулись волной.

– Садись! – не совсем вежливо сказала она, оттопырив указательный палец, указывающий на стул рядом со столом, прошлась долгим взглядом по моему лицу, майке с изображением символа ливерпульского яхт-клуба, осмотрела джинсы и глубоко вздохнула. Эта будет копать, как могильный червь, подумал я и стал вспоминать, что в подобной ситуации делают умные люди. Кажется, отказываются давать какие-либо показания и подписывать бумаги без адвоката.

Следователь словно прочла мои мысли. Прикуривая длинную тонкую сигарету, кивнула на стопку листов опроса, лежащую на краю стола:

– Бери лист и пиши все, что видел на Диком острове девятнадцатого и вчера в Морском. Коротко и по существу.

Я потянулся за бумагой.

– Видите ли, сначала я хотел бы кое-что объяснить.

– Никаких объяснений! – оборвала следователь. – Что делал, что видел. Больше мне ничего не надо. Комментарии и личные выводы оставь при себе.

– Вы на меня давите. Мне нужен адвокат.

Следователь даже курить перестала и посмотрела на меня так, как учитель на первоклассника, утверждающего, что дважды два – пять.

– Чего? – протянула она. – Адвокат?.. О, Господи! Начитались всякой ерунды, умными стали. Не нужен тебе адвокат. Никто на тебя не давит. Пиши, что говорят, и не задавай вопросов.

Она снова тряхнула головой, пуская по волосам волну. Я взял ручку со стола и придвинул лист к себе. Надо изложить факты так, думал я, глядя на белое поле, чтобы обвинение в мой адрес по этой бумажке никак не складывалось.

Через некоторое время протянул исписанный лист женщине. Она взяла его и, отстранив подальше от глаз, стала читать. Лист мелкого почерка с двух сторон читала минут пять, что-то пометая карандашом в тексте, и неожиданно вернула его мне.

– Так не пойдет. Ты съешь нос не в свои дела. Про деловой костюм, на котором, якобы, не было ни капли крови, не надо – это дело экспертизы

уточнить, была кровь или нет. Затем — накидка. К чему это? Ты уверен, что накидка принадлежала Милосердовой? Кто сказал, что ее нашли в твоей лодке? Да, начальнику лодочной станции показалось, что в твоей. Но в тот день лодками, в том числе и твоей, пользовались полсотни отдыхающих. Любой из них мог нечаянно забыть накидку в лодке.

Я слушал следователя и не мог понять, куда она клонит. Выходило так, что она сама подсказывала мне алиби.

— Дальше, — продолжала она, глядя на мое сочинение, как редактор на текст заметки начинающего журналиста. — Ты пишешь про какое-то письмо. С чего ты взял, что кто-то намеревался тебя подставить? Почерк, похожий на твой? Ну и что? Да мало ли на свете почерков? Миллионы людей на земле пишут приблизительно так же, как и ты... Подписано именем Кирилл? А что, кроме тебя, такого красивого и неповторимого, больше нет Кириллов?

Сюда бы Анну, чтобы послушала эту речь! Блеск! Вот, что значит профессионализм! А я, дурак, испугался того, что следователь — женщина.

— Про Караева ты вообще наворотил черт знает чего! — покачала головой следователь, стряхивая пепел на мой труд. — Ушел за вином, пришел с вином... Ты что, алкоголик? Зачем на полстраницы расписывать про твое вино и каких-то глупых продавщиц винного отдела? А убийца в маске? Это вообще шедевр детективного жанра! Милый мой, на курорте десятки людей с удовольствием занимаются оздоровительным бегом, и если каждого бегущего принимать за преступника, то какой же тогда беспредел начнется!

Что-то она начала гнуть не в ту сторону.

— Извините, — прервал я ее. — Но я же сам видел, как он перемахнул через забор. И на лице была маска!

— Куда он перемахнул? — усталым голосом спросила женщина. — К соседу? Так, может быть, это и был сосед, который воровал у Караева помидоры, а ты его застукал. Маска на лице? На нервной почве, хороший мой, обычную налобную повязку можно принять за маску.

— Хорошо, — сказал я, налегая грудью на стол. — Но ведь вы не станете отрицать, что Караева задушили проволокой?

— Задушили, или он сам задушился? — уточнила следователь. — А это, как говорят одесситы, две очень большие разницы. Ты не эксперт. Ты ограничился лишь беглым осмотром трупа и тут же сделал выводы. Так нельзя, сладкий мой! Каждое твое предположение, каждое слово нуждается в доказательстве! Караев повесился на лодочном стальном фале, привязанном к деревянному карнизу. Когда ты вернулся из магазина, карниз уже оборвался под тяжестью трупа, и тело вместе с карнизом рухнуло на пол. А ты нафантазировал, что его убили, закрутили стальную проволоку на горле! Слышал, как из комнаты доносились какие-то звуки? А то, что это кошка могла прыгнуть на подоконник или на шкаф с посудой, ты не предполагаешь?

Она взяла опросный лист двумя руками и, с улыбкой глядя на меня, медленно порвала его на мелкие кусочки.

Со мной творилось что-то странное. Я испытывал огромное облегчение, словно тяжкая ноша свалилась с моих плеч. Но вместе с тем в душу закрадывалось подозрение, что меня, попросту говоря, надувают, нарочно подводят к выводу, что никакого убийства не было, что все это лишь родилось в моем воспаленном воображении.

– Значит так, – сказала следователь волевым тоном. – Возьми чистый лист и пиши заново. И без всяких фантазий. Только то, в чем ты уверен, как говорится, на все сто, и коротко. Был на острове, видел под скалой на гальке пятно крови. Потом обнаружил труп Милосердовой в трюме яхты. Лодка пропала. Добрался до берега вплавь. Точка. Со следующего абзаца: посетил особняк, где скрывался капитан яхты «Ассоль» Караев...

– Скрывался? – удивился я.

– Ну, если не нравится это слово, подыщи другое! – скривила губы следователь. – Напиши «временно проживал». Обязательно про стол, заставленный бутылками, и про реакцию капитана, когда ты предложил ему поговорить о гибели Милосердовой. А потом – про труп Караева, лежащий на полу со стальным фалом на шее... Все ясно, красавчик? Вперед!

– Подождите, – сказал я, массируя пальцами лоб, словно у меня началась мигрень. – Мне не ясно одно: к чему вы меня подводите? К какому выводу?

– Делать выводы, лапочка, это наша работа. От тебя же как от свидетеля требуются только четкие и вразумительные факты.

– Так я, значит, свидетель?

– Точно так, дорогой.

– Разве свидетелей привозят в милицию силой?

– За этот сервис благодари своего приятеля – фамилии не помню, рыженький такой лейтенант. Это он попросил доставить тебя со всеми удобствами, чтобы ты по жаре в автобусе не трясся.

– Понятно, – задумчиво произнес я. – Кое-что понятно... Значит, в убийстве Милосердовой вы подозреваете Караева?

– Ну что ты, родненький! Милосердову, скорее всего, никто не убивал. Следствие приходит к выводу, что это несчастный случай. Дамочка поднялась в тувельках на скалу, чтобы полюбоваться морем, не удержалась и свалилась вниз. Караев, который был с ней в тот день, перетащил ее на яхту, а потом почему-то решил, что его наверняка обвинят в убийстве, сел в лодку, отплыл от острова подальше, затем, чтобы запутать следствие, прыгнул в воду и добрался до берега уже вплавь. Может быть, он до сегодняшнего дня тихо лакал бы портвейн на даче своего хозяина, но ты смертельно напугал его своим приходом и расспросами о Милосердовой. Когда ты пошел в магазин, он наверняка решил, что ты вернешься с нарядом милиции, и не придумал ничего лучшего, как повеситься... Вот так-то выглядит сермяжная правда жизни, котик. Поверь мне, опытной во всех делах женщине: частный сыск не для тебя. В самом деле, занимайся ловлей крабов. Или любовью. Это намного приятнее, чем придумывать убийц и самому же их разыскивать.

– Так, наверное, я и сделаю, – ответил я.

– Вот и умница, – кивнула женщина, опуская выпачканный в помаде окурок в глубокую пепельницу. – Можешь за мои добрые советы угостить меня шампанским. Но только вечером! На службе я не употребляю.

Она внимательно прочитала второй вариант моих показаний, кивнула, спрятала лист в папку.

– Теперь все правильно. И у тебя душа будет спокойна, что не написал глупостей, за которые потом можно долго расплачиваться, и следствие не уведешь в другую сторону... Давай повестку, я распишусь.

— У меня нет никакой повестки.

— Ах, да! — вспомнила женщина. — Тебя же доставили сюда с почестями. Тогда можешь быть свободен. И насчет шампанского не забудь!

Не успел я пройти и двадцати метров, как меня едва не сбил с ног Леша.

— Кирилл! — закричал он и так крепко стиснул в объятиях, что у меня свело дыхание. — Тебя выпустили? Дал подписку о невыезде? Я же предупреждал, чтобы ты ничего не рассказывал своему менту!

— Да, да, — кивал я. — Все в порядке. Меня отпустили. Теперь домой. Да здравствует свобода! Откуда ты узнал, что меня взяли?

Я совсем забыл, что сам просил Анну сказать об этом Леше. Мне надо было сообщить ему еще очень много, так много, что я не знал, с чего начать. В голову не пришло более оригинальной идеи, чем свернуть в ближайший магазин, взять бутылку массаандровского «Хереса» и спуститься в открытое кафе при ресторане «Парус», куда мы с Лешей поставляли крабов.

— Мне кажется, что это было несколько лет назад, — сказал Леша, откинувшись на спинку стула и глядя на море.

— Что — это? — спросил я, разливая вино по стаканам.

— Подводная охота, наши с тобой вечерние встречи в этом месте и традиционные двести грамм. — Он вздохнул. — Надо же, как жизнь круто повернулась.

10

Какие дурные и дикие глаза у мужика, который только что проснулся с тяжелого похмелья! Леша смотрел на раскачивающуюся перед его носом маленькую замшевую сумочку с таким видом, словно на его лицо опускался на крохотном парашюте зеленый чертенок.

— Что это?! — хрипло выкрикнул он, приподнимаясь и отталкивая мою руку с сумочкой от себя.

— Это «фенечка», Леша.

— Убери ее на фиг!! — Он навалился всем своим весом на передний край раскладушки, отчего та перевернулась и сложилась посередине. Леша свалился на пол. — Где ты ее взял?

— Нашел на Диком острове девятнадцатого числа. Она лежала на камнях как раз напротив яхты.

Леша протянул руку, взял у меня «фенечку» и стал рассматривать ее.

— Пустая.

— Как ты думаешь, — спросил я, — могла эта вещица принадлежать Милосердовой?

Леша развел руками.

— А почему бы и нет?

— Ты серьезно считаешь, что банкирша носила ее на шее поверх делового костюма?

— У богатых свои причуды.

— Нет, — покачал я головой. — Я допускаю причуды, но не в отношении одежды и имиджа. Никакая уважающая себя женщина не позволит себе смешивать стили.

— Значит, эту штуковину забыли туристы.

— Минимум три недели на острове не было туристов, — отпарировал я.

— А может быть, ее забыли месяц назад?

– За месяц от соленых брызг и палящего солнца она превратилась бы в труху.

– Кто же, по-твоему, оставил ее на острове?

– А оставила ее некая молодая особа, одетая в шорты и маечку на бретельках.

– погоди! Я не успеваю за ходом твоих мыслей. Откуда ты взял девушку в шортах?

– Ее видел Караев. Она зашла на яхту на мысе Ай-Фока.

– Вот как? Значит, Милосердова была не единственной дамой на яхте? Но не одни же они поплыли на остров?

– Я тоже думаю, что яхтой управлял мужчина.

– Выходит, либо он, либо девушка в шортах убила Милосердову. А мотивы?

– С мотивами сложнее.

– Но что, по-твоему, могло связывать их троих? Случайное знакомство? Общий бизнес? Или, быть может, любовь?

– И это нельзя исключать. Когда мы узнаем о том, что связывало этих людей, то выясним и мотивы убийства... Ты ни разу не встречал в нашем продуктовом магазине парочку хиппи? Они почти каждое утро приходят за продуктами.

– Что-то не припомню, – ответил Леша.

– Длинноволосый парень со шнурком на лбу и подружка его – худая и бледная, как моль, в какой-то мексиканской тряпке вместо майки. Не видел? Ну, не важно. Они стоят лагерем где-то недалеко от вас.

– Ты хочешь разыскать хозяйку этой «фенечки»? Бесплезная трата времени. Я уверен, что ее давно нет на побережье.

– Хоть бы за что-то ухватиться, Леша. Знакомые, друзья, адреса, телефоны – хоть что-нибудь!

Лицо Леша поскуцнело. Ему не хотелось шататься в жару по пляжам. Он еще не отошел от вчерашнего и мечтал о холодном пиве.

Мы вместе дошли до магазина. Леша купил пять бутылок пива и пошел к себе «лечиться», а я сел на скамейке недалеко от входа и стал ждать парочку хиппи.

Когда от жары у меня стали плавиться мозги, к магазину, шаркая шлепанцами, подошел длиноволосый парень с девушкой. Я подождал, пока они накупят продуктов и снова выйдут на улицу, и встал на их пути, показывая «фенечку». Парень, должно быть, решил, что я предлагаю им купить сумочку, и отрицательно покачал головой:

– Спасибо, у нас такие есть.

– Вы меня не поняли. Я хотел спросить, не знаете ли вы, кто потерял эту штуковину?

Девушка проявила любопытство, близоруко щурясь, взяла «фенечку» с моей ладони и недолго рассматривала ее.

– Нет, – сказала она, пожимая плечами. – Это не моя. А где вы ее нашли?

Я махнул рукой куда-то в сторону.

– Может, кто-то из наших, – согласилась она. – Надо поспрашивать. А денег в ней не было?

– Ни купончика, – сказал я. – Честное слово.

– Ну, это очень даже может быть, – улыбнулась девушка. – Кто с деньгами, тот не с нами. Давайте ее нам, я покажу девчонкам.

– А можно, я сам покажу? Как проникнуть в вашу общину?

— А чего в нее проникать? — пожала плечами девушка. — Идите по берегу в сторону Нового Света. Под обсерваторией — знаете, где это? — нас и найдете. Кстати, меня зовут Кира.

— Татьяны это сумочка, — вдруг подал голос длинноволосый.

— Какой Татьяны? — Кира обернулась к нему.

— Из Кемерова.

— Я не знаю такой, — пожала Кира плечами.

— У них тент на камнях стоял, под ним они вповалку спали. Это правее нас, на самом краю пляжа, — сказал длинноволосый.

— Где нарकोши тусовались? — упавшим голосом спросила Кира.

— Именно там.

— Постой! — Я сразу забыл о Кире и подошел к ее приятелю. — А с чего ты взял, что это сумочка Татьяны?

— Запомнил, — усмехнулся парень. — Такие сумочки мы сами шьем. Штучная работа. Двух одинаковых не бывает. Видишь, узелок у основания каждой нити? Вот я ее по этой примете и запомнил.

— Ты говоришь, тент правее вас? Как же его найти?

Длинноволосый был заинтересован в том, чтобы я быстрее отклеился от Киры, и охотно объяснил:

— До обсерватории дойдешь, и от нее еще метров сто к Новому Свету. Там такой синий драный тент должен стоять. В том месте и ищи свою Таню.

— А почему Кира говорит, что там нарकोши тусуются?

— Сходи и узнай. Чего ты меня пытаешь?

Я скомкал в кулаке «фенечку». Удача почти невероятная! В день убийства Милосердовой с мыса Ай-Фока на яхту поднялась, а затем вышла на берег Дикого острова некая наркоманка Татьяна из Кемерова.

— Ну что ж, — произнес я, глядя на прыщавое лицо длинноволосого с подбородком, обросшим белым пухом. — Вы мне очень помогли... Шампанского хотите?

— Мы не пьем, — поторопился отказаться парень, хотя Кира, услышав про шампанское, снова забегала глазками. Баба с возу, кобыле легче, подумал я, кланяясь юным нигилистам на прощание. И поспешил на лодочную станцию.

11

Дима Моргун сидел под пляжным желтым зонтом, украшенным рекламой сигарет, глубоко увязнув в шезлонге. Белые шорты оттеняли его застарелый загар, а золотой крестик на тонкой цепочке, застрявший в ложбинке между вздутыми грудными мышцами, подчеркивал его крепкий торс. Его внешний вид прекрасно соответствовал должности начальника лодочной станции в разгар сезона. На носу Димы сидели черные непроницаемые очки, и я не мог сразу понять, дремлет он или же внимательно следит за «бананом», оседланным визжащими человечками, которые заплатили деньги, чтобы слегка прикоснуться к риску. Кому бы мне заплатить, чтобы дали отдохнуть от риска хотя бы неделю?

— А, это ты? — сонным голосом сказал Моргун, когда я нырнул в тень зонта, и протянул металлическую баночку пепси-колы. — Какие проблемы?

— Раньше ты мне предлагал прокатиться на «ямахе», — ответил я, с щелчком вскрывая банку и выпуская на свободу темную пену.

— Нет проблем! Сейчас Сережа «банан» пригонит — бери «ямаху» и катайся.

— А что, свободных уже нет?

— Разобрали, — односложно ответил Дима, щелкая золоченой зажигалкой и прикуривая сигарету. — Ты как? В какую сторону погонишь?

Я махнул в сторону Нового Света. Моргун кивнул. Сегодня он был на редкость немногословен. Наверняка ему было интересно узнать, как я справился с «задачкой для первоклассника»: нашел ли хозяина «Ассоли». Но могло быть, что он уже знал о моем звонке в Москву и разговоре с Артуром Пиковым.

— Где сейчас «Ассоль»? — спросил я, уверенный в том, что Дима в ответ лишь сузит свои кошачьи глаза. Но он почему-то ответил:

— В порту приписки. Где же ей еще быть?

«Ямаха» выла на высокой ноте, таская «банан» по волнам. Как раз напротив нас она развернулась и понеслась к берегу. Тонкая струя воды, бьющая из двигателя фонтаном вверх, напоминала антенну для радиосвязи. Встречный поток воздуха сгибал ее и дробил на брызги. Пассажиры, мокрые с ног до головы, почувствовали близость спасительного берега и осмелели. Некоторые из них принялись подсакивать на резиновой спине «банана», да так резво, что снаряд перевернулся, сбросив с себя, словно дикий мустанг, всех пассажиров; ударившись о волну, он подлетел в воздух и упал на воду брюхом кверху. Сережа продолжал гнать, но услышав визг и крик за своей спиной, резко заглушил двигатель, и «ямаха», сделав эффектный вираж у самого берега, толкнула на песок волну и замерла. Парень, поглаживая себя по наличшим на тело черным трусам, доставшим едва ли не до колен, прыгнул в воду, вышел на песок, после чего обернулся, чертыхнулся и сплюнул.

— Это не катание, — сказал он Диме, старательно показывая, как устал от бравовства отдыхающих, хотя в его глазах совсем нетрудно было распознать юношеский восторг, счастье и легкую зависть к тем, кто сейчас барахтался в воде. — Четыре раза переворачивались!

— Дай ему ключи. — Дима кивнул на меня. — Пусть покатается.

— Так... — произнес Сережа, не совсем решительно протягивая мне ключи от «ямахи», снабженные веревкой. — Может, подождем, пока...

— Нет! — оборвал его Дима. — Дай ключи, пусть катается!

Сережа пожал плечами, протянул мне розовый шнурок и стал снимать с себя пробковый спасжилет. Он, как и я, чего-то не понял. Я взял ключи, свернул шнурок петлей и затянул на запястье. Если на какой-нибудь своенравной волне меня выкинет из седла, то «ямаха» тотчас остановится — из гнезда выскочит ключ, привязанный к моей руке, и двигатель заглохнет.

Я не стал раздеваться и надел жилет на майку. Сережа отвязал веревочный фал от «ямахи» и затащил «банан» на берег. Несколько любителей острых ощущений, сидящих на песке в ожидании своей очереди, стали вполголоса возмущаться. Дима Моргун, как ни в чем не бывало, опустил руку под шезлонг и достал оттуда очередную банку пепси-колы. Из-за меня он терпел убытки, но удивительно спокойно переносил это испытание. Я не знал, чем можно было объяснить его жертвенность.

— Готов? — спросил он, отпивая из банки. — Вудь внимателен, на скорости близко к берегу не подходи.

— Бензина достаточно?

— Тебе хватит. Валий!

Я оседлал мотоцикл, сунул ключ в гнездо, сдвинул до щелчка тумблер запуска и резко повернул рукоятку газа. «Ямаха» рванула с места, скорость нарастала стремительно. От упругого ветра, ударившего мне в лицо, незамедлительно выступили слезы. Несущиеся мне навстречу волны потеряли четкое очертание, словно я смотрел на них сквозь запотевшее стекло маски для подводного плавания. Но я не сбросил скорость.

Скала «Черепаша», дикий пляж, обсерватория... Я приближался к лагерю хиппи, из-за мыса уже виднелись разноцветные палатки, разкиданные среди камней, словно рассыпавшиеся бусинки. Я сделал глубокий вираж в открытое море, чтобы затем по большой дуге подойти перпендикулярно к берегу и не задеть днищем подводных камней, и краем глаза заметил быстро движущийся мне наперерез предмет. Серебристый водный мотоцикл, каким-то чудом оказавшийся здесь, пересекал мою траекторию в той же точке, к которой я летел со скоростью сто километров в час.

Я рванул рукоятку газа на себя до боли в запястье, одновременно с этим делая вираж на левый борт. Элементарное правило для всякого водного судна — при угрозе столкновения отворачивать в противоположную сторону — водитель серебристой «ямахи» не выполнил. Он продолжал гнать прежним курсом, сокращая расстояние между нашими машинами с каждой секундой. Я до боли в пальцах сжал руль и не мог ослабить хватку до тех пор, пока не пролетел над волнами метров сто, и только тогда сбавил скорость и оглянулся, чтобы рассмотреть идиота на серебристой «ямахе».

К моему удивлению, идиот на «ямахе», сделав вираж, начал преследовать меня. Я на малом ходу развернулся лицом к берегу. Идиот летел на меня, широко расставив локти в стороны. На его голове развевались концы черного платка, закрывающего лоб, под платком поблескивали большие зеркальные очки, нижняя часть лица тоже была закрыта платком. Какой-то нинзя в плавках, придурок, камикадзе, решивший таранить меня водным мотоциклом.

Я не стал дожидаться, когда машины столкнутся, словно два куриных яйца, снова пустил свою «ямаху» вскачь по волнам и, когда расстояние между нами сократилось до нескольких десятков метров, резко ушел в сторону. Идиот сразу же лег в вираж, отсекая мне путь к берегу. Я мог бы опередить его, но на берегу было множество подводных камней, и я, не в состоянии лавировать между ними, непременно бы разбился.

Я не стал дожидаться, когда идиот замкнет кольцо, и снова лег на левый борт, пуская «ямаху» в открытое море. Все это происходило в течение считанных секунд. У меня не было времени раздумывать, кто этот человек, с лицом, замотанным платком. Я лишь осознавал, как неоспоримую истину: все это — продолжение той самой черной полосы, которая началась на Диком острове несколько дней назад. Я не знал, какую цель преследовал человек на серебристой «ямахе», хотел он меня убить или напугать, это в данный момент было не столь важно. На меня наезжали — и в прямом и переносном смысле, и мне приходилось ретироваться.

Некоторое время мы гнали параллельно друг другу в открытое море. Держась за руль одной рукой, я выразительно постучал себя по го-

лове кулаком. Идиот не отреагировал на этот понятный во всем мире знак и продолжал медленно приближаться ко мне. Я попытался выиснить намерения преследователя и свернул в его сторону. Преследователь принял вызов и бросил свою машину мне навстречу. Я чудом избежал столкновения. Моя рука инстинктивно сбросила газ, и, встав на «хвост», мотоцикл описал широкий полукруг, разворачиваясь в сторону Судака.

Как раз в тот момент, когда с пляжа донесся усиленный динамиком женский голос, требующий, чтобы «водные мотоциклы удалились из зоны купания», я поднял машину на «дыбы», молниеносно развернулся в обратном направлении и, обдав своего противника водой, с победным воем полетел вдоль линии буйков.

Я не оборачивался до тех пор, пока не поравнялся с диким пляжем. Там позволил себе несколько снизить скорость и повернул голову. Мой «фантомас» отстал безнадежно. Пока я виртуозно объезжал подводные камни, обросшие зелеными «волосами», приближаясь к каменному берегу, он остановился метрах в трехстах от меня, недолго следил за мной, после чего взвыл мотор, снаряд помчался в обратную сторону и минуту спустя скрылся за скалой.

Я завел мотоцикл в окруженную со всех сторон камнями тихую бухточку, где не было волны, вышел на берег, взобрался по пористой, как срез засохшего хлеба, поверхности валуна на его макушку и оттуда осмотрел берег.

Среди каменного хаоса, напоминающего развалины жилого квартала после землетрясения, закрепленный на кривульках-плавунах, на слабом ветру трепыхался выцветший, некогда синий, навес.

Я сел на камень под навесом, который давал весьма скудную тень, так как зиял дырами и больше напоминал маскировочную сеть. Под ногами пружинили сухие желтые иголки. Это было ложе, застеленное серыми тряпками из грубой мешковины. В каменной стене темнела неглубокая ниша, в которой стоял закопченный чайник с проволокой вместо ручки, гнутые алюминиевые тарелки, пакетики с порошковым супом и крупами. Чуть в стороне валялся треугольный дорожный знак из листовой стали, тоже закопченный, предназначенный, судя по всему, для жарки мидий. Под ним я нашел небольшую пластиковую коробочку из-под плавленого сыра. В ней перекатывались какие-то мелкие предметы. Я приподнял крышку. Одноразовые шприцы без упаковки, иглы, куски ваты, маленькие пузырьки темного стекла, коричневые палочки, похожие на грифели...

— Эй! — услышал я за своей спиной и обернулся.

Незнакомый мужик далеко не юного возраста в драных кроссовках, из которых выглядывали пальцы с желтыми кривыми ногтями, в тренировочных брюках с вытяннутыми коленками и вылинявшей майке неопределенного цвета смотрел на меня из-под рваных краев соломенной шляпы. У него был очень воинственный вид, но едва я выпрямился, как он отскочил подальше и схватил понававшуюся под руку палку.

— Не подходи, огрею!

Я не предпринимал ничего, что могло бы напугать обитателя синего навеса, и с любопытством рассматривал его немощную фигуру и нищенский прикид.

Бродяга, почесывая давно не бритые щеки грязными ногтями, помахивал палкой перед моим лицом. Его небесно-голубые глаза глубоко ввалились, под ними, словно воск со свечи, свисали сизые складки.

— Огрею, — повторил он уже совсем слабым голосом, когда я выдернул палку из его руки и откинул ее в сторону.

— Денег хочешь? — спросил я как можно ласковее.

Он криво усмехнулся, демонстрируя желтизну редких зубов, и как-то странно пожал плечами:

— Ну тебя на фиг! Уй, не подходи! У меня первый разряд по боксу...

— А сейчас ты на тренерской работе? — спросил я, хватая наркошу за моластое плечо.

Он сделал попытку увернуться и чуть не свалился с камня.

— Да что ты такой запуганный? — удивился я.

— Ну тебя на фиг, — повторил он, с опаской следя за моей рукой. Похоже, этого человека много били в жизни. — Я не на тренерской. Я тут начальник лагеря.

Я вынул из кармана совершенно размокшие купоны и протянул слипшуюся стопочку.

— На, возьми. купишь потом себе колбасы. Или «косячок» — что больше нравится. А сейчас помоги мне разыскать Танюшу.

— Какую еще Танюшу? — просипел он.

— Не дури. Знаешь, какую.

Человек осторожно расклеивал купоны и не смотрел на меня. Когда он пересчитал сумму и снова поднял свои лазурные глаза, перед его лицом покачивались «фенечка» и найденная мной коробочка.

— Узнаешь?

— Кхы! Кхы! — откашлялся наркоман. — А ты кто? Мент?

— Допустим.

— Ментов не люблю, — ответил он и, наглей, покосился на мои карманы.

— У меня больше нет денег, — признался я.

— А ты мне все равно ничего не сделаешь, — неожиданно сказал наркоша, словно я начал его в чем-то обвинять. — Докажи, что коробочка моя. Можешь обыскать! Карманов нема. Личных вещей тоже. Прописка тоже отсутствует...

— Послушай, — прервал я его. — Я ни в чем не собираюсь тебя обвинять. Мне всего лишь нужна Татьяна, которая приехала сюда из Кемерово. Ты знаешь, о ком я говорю. Если будешь валять дурака — посажу на месяц в сизо. А там уже не покуришь.

— А ты меня не пугай. С меня взятки гладки. Я, можно сказать, вообще некурящий. А на что тебе Танька?

У меня отлегло от сердца. Ошибки не произошло. Во всяком случае, этому «начальнику лагеря» Татьяна знакома.

— Сумочку вернуть надо.

— Стал бы ты из-за сумочки ее шукать, — не поверил он. — Нету у меня морального права выдавать тебе Таньку.

Время шло, а этот бомж водил меня за нос, наглей с каждой минутой. Пришлось применить жесткие меры. Быстрым движением я схватил «начальника» за ухо, пригнул его голову книзу, заставляя опуститься на колени, и прижал щекой к камню.

— Ну как, появилось моральное право? — спросил я.

— А-а! — негромко заскулил бомж. — Лицо поцарапавешь! Вот такая, значит, демократия у нас? Лицом об землю? Не дави ж так, рубаху поврешь!

— Где Танька? — повторил я.

— Где-где — в фанде! — выругался он. — С любовником своим откололась.

— С каким любовником?

— У-ю-юй! Ухо оторвешь, уже не слышу тебя, совсем не слышу.

Я разжал пальцы. «Начальник» сел, потирая покрасневшее ухо, глядя на меня исподлобья, как дворовый пес, которому влетело от хозяина.

— С каким-каким! — плачущим голосом ответил он. — С простым. Ты что, не знаешь, какие любовники бывают? — И стал умолять меня: — Ты Таньку не трожь. Она хорошая. Она нам всем как сестра. Лечит, жалеет, песни красивые поет...

— Да хватит тебе причитать! — оборвал я его, с удивлением замечая на щеках бомжа слезы. — Ничего плохого я ей не сделаю. Скажешь, где она, и я уйду.

— Откуда мне знать, где она гуляет? Я в личную жизнь не суюсь. У нас здесь друг за другом не следят. Нагуляется — сама вернется.

— Давно она ушла?

— Давно. Дня четыре назад. Точно не помню.

— Как выглядел любовник?

— Чего?

— Ну, на кого похож?

— На кого? А хрен его знает, на кого. На тебя! И рост вроде такой же, и лицо, и все такое...

Я начинал терять терпение.

— Кажется, тебя надо снова за ухо подергать.

— Да что ты привязался! — заскулил бомж. — Не знаю я того любовника. На кой хрен он мне сдался? Мои глаза что — фотокарточки печатают, чтоб я запоминал всякого? Я бачил его всего-то раз.

— Ну ладно, кайфолоб, — жестко сказал я. — Наш разговор только начинается. Я из тебя всю душу вытрясу. Ты у меня о «косяке» до конца своей поганой жизни мечтать будешь.

— Ну чего ты распалился?! Чего?! — почуввав угрозу в моем голосе, заволновался бомж и на всякий случай привстал. — Чего ты сразу про «косяк» гонишь? Чего к стенке припираешь?

— Слушай же, вобла сушенная, — произнес я, глядя в голубую бездну глаз бомжа. — Твоя Танька подозревается в убийстве банкирши. Если станешь что-то скрывать и валять дурака, то пройдешь по делу как соучастник.

— Ага, соучастник-фуясник, — закивал он головой. — Я за Таньку не в ответе. Я ей не папа. Приехала-уехала, мне до нее дела нет.

— Тогда чего же ты, как червь навозный извиваешься?

— Да я как на духу все отвечаю, а ты цепляешься. Неделю, как ушла. С мужиком. Ну не помню я его, не помню, не дал Бог светлой памяти!

— Не только памяти. И мозгов он тебе не дал, — вздохнул я. — Этот мужик много раз бывал здесь?

— Два... Или пять. Придет, свистнет, а Танька все дни напролет в воде сидит. Он свистнет, а она голой из воды выскочит, шорты на зад-

нищу натянет и — к нему. День или два ее нет. Ну, это ясно, чем занята — свой кошачий хвост как можно выше задирает, то есть тащится, как молодежь нынче говорит. Придет — отсыпается под навесом. Я ее чайком отпаиваю. У нее глаза бешеные, сама как дурная, хохочет все время, и еще пару раз рвало ее сильно. Я думал, что помрет.

— Она баловалась «косячком»?

— «Косячком»? — переспросил бомж и наморщил лоб. — Упаси Господь!

— Не ври, дядя! Не ври! — крикнул я.

Он попятился от меня, бормоча под нос:

— Да что ж ты нервный такой? Зачем мне врать? Я как на духу...

Она это... кололась.

— Что она себе вводила?

— Не знаю, — покачал головой бомж. — Мамой клянусь. Не знаю. Я эту штуковину, — он кивнул на пластиковую коробочку, — не признаю. Я покурить люблю, водочки выпить, а что б колоться — нет, никогда. Не приучен, не умею, да и страшно в свое живое тело иглу втыкать... На, гляди!

Он развернул свои руки ладонями вверх и протянул их мне. Следов уколов в самом деле не было.

— Ну ты ведь должен был видеть, как она набирает в шприц жидкость?

— Видел, да, — закивал бомж. — Из коробочки брала шприц и набирала в него жидкость.

— Откуда? Из этого пузырька?

Бомж покачал головой.

— Нет. Это спирт, я его на язык пробовал. Она им ватку смачивала и руку протирала. Гигиена. Танька вообще чистая девчонка. Все любила намыливать каждое утро. Войдет в море — и давай шампунем себя поливать. Из-под пены даже не разглядишь, что голая. Все равно, что кружка пивная. Бутербродов наделает, но перед тем, как меня угостить, заставляла руки с мылом помыть...

— Да хватит про гигиену! Чем она наполняла шприц? — Я снова взял в руки пластиковую коробочку и вывалил ее содержимое на землю. — Где она хранила ампулы?

— Откуда я знаю, где... Да нигде! Чего их хранить? Это ж не ценные бумаги. Принесла, укололась — и пошла купаться.

— Ампулы ей давал любовник?

— Не знаю. Утверждать не стану. Может быть, и любовник.

Я стал ходить вокруг тента, внимательно глядя себе под ноги. «Начальник лагеря» следил за мной. Я поднялся выше, на небольшой каменный уступ, похожий на ступеньку. Под ногой хрустнуло стекло. Я склонился и поднял округлый кусочек ампулы.

— Это? — спросил я бомжа.

— Это, — кивнул он.

На стекле можно было разобрать всего четыре буквы: «ОПОЛ».

— Скорее всего, омнопол, — предположил я. — Это наркотик, болеутоляющее.

Бомж пожал плечами.

— А мне что омнопол, что фуеопол — без разницы.

Я завернул осколок в газетный обрывок и спрятал в карман, мысленно рассчитывая время. До лодочной станции долечу минут за пять.

Сдать «ямаху» – дело одной минуты. От станции по новосветскому шоссе до обсерватории – двадцать-двадцать пять минут бега. С Димой пока ни о чем говорить не буду. Дима от меня никуда не денется. А вот Танька может упорхнуть, если вдруг появится на диком пляже раньше, и «начальник лагеря» расскажет ей обо мне. Этого нельзя допустить.

13

Это была бы совершенно невыполнимая задача – разыскать коммерческого директора «Милосердия» господина Гурули, если бы не помощь Володи Кныша. Следствие по делу убийства Милосердовой было приостановлено, все меры пресечения сняты, но тем не менее мудрая и многоопытная милиция ненавязчиво держала в поле зрения коммерческого директора скандально известного АО.

– Он теперь на вершине славы, – шепнул мне в коридоре Кныш, передавая листок бумаги с адресом и телефоном Гурули. – Страдалец, отсидевший несколько суток в сизо, борец с коррумпированной милицией. Куда нам с ним тягаться!

Он проводил меня до дверей, ведущих во дворик отделения. Протягивая руку, сказал напоследок:

– Иди через «черный» вход, не то вкладчики морду набьют. Зря ты все-таки занимаешься этим делом.

Он сделал ударение на слове «этим».

– А чем оно хуже тех, которыми мы когда-то с тобой занимались?

– Не понимаешь?

– Нет.

– Тогда ты безнадежен, – резюмировал он и скрылся за дверью.

Мне пришлось сделать большой круг, чтобы вновь очутиться на центральной улице. Митинг у входа в отделение милиции распался со скоростью пожара на картонной фабрике. Толпа людей, взявшись за руки, скандировала:

– Мен-гов в тюрь-му! День-ги лю-дям!

В глазах рябили плакаты и транспаранты: «Заккрытие дела Милосердовой санкционировали воры народных денег», «Довести следствие до конца!», «Требуем отставки прокурора республики!», «Гурули, где ты закопал денежки?»

Я обошел митингующих на почтительном расстоянии, вынул из кармана лист бумаги, который дал мне Кныш, и прочитал: «Ялта. Чехова-137. 2-19-89. Виктор Резоевич».

Ялта, конечно, не Бог весть как далеко, но этикет требует сначала позвонить. Не готовя заранее речи, полагаясь только на экспромт, я набрал номер господина Гурули.

Достаточно долго из трубки тянулись длинные, всевозможных звуковых оттенков, гудки. Затем раздался сухой щелчок, и я услышал низкий и как-будто сонный голос.

– Слушаю.

– Мне нужен Виктор Резоевич.

– Кто его спрашивает?

– Моя фамилия Вацура.

Недолгая пауза.

– Я вас не знаю. Кто вы?

– Вкладчик «Милосердия».

– Что вам надо?

– Я вам уже говорил.

– Виктор Резоевич вопросами вкладов в данный момент не занимается.

Опасаясь, что мой абонент сейчас положит трубку, я поторопился сказать главное:

– Видите ли, я хотел посоветоваться с господином Гурули о деле, которое затрагивает его личную безопасность.

Возникла пауза. Должно быть, я сказал достаточно витиевато, и мой абонент не сразу понял, что я имею в виду.

– Подождите, – нехотя сказал он.

В микрофоне снова что-то щелкнуло и запиликала электронная музыка.

– Да! – отозвался низкий баритон.

– Господин Гурули? – уточнил я.

– Да, слушаю вас. О чем вы хотите со мной посоветоваться?

– Мне кажется, это дело затрагивает ваши личные интересы.

– Короче, пожалуйста.

– Два дня назад ко мне обратился представитель одной малоизвестной фирмы, которая... как бы мягче это сказать... в общем, которая способствует возврату долгов своим клиентам.

– Так... И что вы хотите?

– Вашего совета. За свои услуги фирма просит треть от той суммы, которая лежит на счете «Милосердия»...

– Вы меня шантажируете? – усмехнулся Гурули. – А не бойтесь, что я запишу ваш голос на диктофон и через полчаса передам кассету в милицию?

– Нет, не боюсь, – признался я. – Я только что был в милиции, где мне и дали ваши телефон и домашний адрес. Я прошу у вас свои деньги.

– Надо же, какой храбрый! А вы уверены, что деньги в самом деле ваши?

Вот теперь начался интересный разговор!

– Видите ли, я уверен в другом: что в Крыму больше нет Вацуры Кирилла Андреевича, проживающего в Судаче на улице Истрашкина. А коль так, значит, счет открыт на мое имя.

– Железная логика... Секундочку, я посмотрю свои бумаги... Так, Вацура... Ого! Да у вас приличная сумма.

– О чем и речь.

Гурули сдержанно рассмеялся.

– Значит, вы хотите получить свои деньги назад?

– Совершенно верно.

– К сожалению, вы не одиноки в своем желании. Десятки тысяч вкладчиков хотят того же.

– Выходит, вы мне отказываете?

– Ну погодите, не горячитесь. Надо подумать, где взять такую сумму для самого храброго нашего вкладчика. Вы же, должно быть, знаете, что Милосердова утащила все наличные деньги с собой на тот свет? Там, понимаете ли, тоже жить надо.

– Как раз именно в этом я сильно сомневаюсь.

– В чем – в этом?

Мне показалось, что я ответил достаточно ясно и не было необходимости что-либо уточнять.

– В том, что она утащила деньги с собой.

— Ну да, конечно, — снова усмехнулся Гурули. — Вы, должно быть, материалист. Отрицание загробной жизни и тому подобное.

— Вам не кажется, что наш разговор становится бессмысленным?

— Мне так не кажется. А вы, простите, торопитесь? Ах, да! Вы ведь по междугородному звоните. Денежки бегут быстрее, чем слова... Еще минутку, даю слово, что не стану слишком разорять вас. Дайте мне два дня, чтобы определиться с вашим вкладом. — Он произнес слово «вашим» откровенно насмешливым тоном. — А потом мы с вами встретимся и, полагаю, решим все вопросы.

— Где встретимся?

— Скажем, в восемь часов вечера на взлете за поселком Морское. Там, знаете, когда-то памятник большевистскому десанту стоял, но после усердия вандалов остались лишь ноги матросов. Вот прямо рядом с этими ногами я и буду вас ждать. Как вы будете одеты?

— В серый костюм.

— Хорошо. А я, возможно, подъеду на авто. Вот только еще не решил, на какой именно марке... И последнее, что я вам скажу: если вы на самом деле хотите получить, так сказать, свои деньги, то приходите один, без свидетелей. Мне очень бы не хотелось, чтобы еще кто-либо из наших клиентов, подражая вам, стал брать меня за горло.

И он первым оборвал связь.

Я заскочил в милицию, чтобы рассказать Кнышу о разговоре с Гурули, но Володя был занят — сидел в классе для инструктажа. Махнул мне рукой:

— Будь дома, я тебе позвоню!

Я вышел на улицу. Митинг закончился, эмоции обманутых вкладчиков поутихли, и они разошлись по своим домам. На асфальте лежал надорванный лист бумаги: «Гурули! Где ты закопал денежки?»

Я вернулся в Уютное пешком. Если Кныш предупредил, чтобы я был дома, значит, он хотел сообщить мне нечто интересное, что не терпело отлагательств. Его звонка пришлось ждать довольно долго. Если в отделении совещаются по два-три часа, то я глубоко сочувствую нашей доблестной милиции.

Кныш, как только я поднял трубку, сразу перешел к делу:

— Записывай: Симферополь, Ялтинское шоссе, дом сто двадцать восемь. Блинов Евгений. Отчества и телефона не знаю.

— Кто это? Зачем он мне нужен? — спросил я, едва успев записать адрес огрызком карандаша на подоконнике.

— Это патологоанатом, — негромко ответил Кныш и замолчал, полагая, что мне теперь все стало ясно. Но я все же не мог сообразить, как мне использовать этого патологоанатома. — Ну что тебе не ясно? Он занимался убитой и может рассказать кое-что любопытное. Только на меня не ссылайся, понятно? И поезжай к нему сегодня же, сейчас же, а то он свалит в командировку в Киев.

Интересно, думал я, выходя на улицу, залитую липким зноем, а как я представлюсь этому патологоанатому, если не буду ссылаться на Володю Кныша?

Как раз в это время напротив меня остановился рейсовый новосветский автобус. На нем можно было доехать до обсерватории, оттуда пешком спуститься к морю, к палаточному городку хиппи. Я еще не знал, как организую «очную ставку», как буду уговаривать моего бом-

жа отправиться послезавтра в Морское, к разбитому памятнику, где в восемь часов вечера наверняка прозвучат выстрелы.

...Прихрамывая, я спустился на пляж, обошел каменный цирк по окружности, спел себе под нос песенку о том, что «наша крыша – небо голубое, а наше счастье – жить такой судьбою», затем, прикрывая ладонью глаза от чрезмерно усердного солнца, стал осматривать прибрежную полосу. Бомжа нигде не было видно. Но не это насторожило меня. В «тайнике», где бродяга хранил коробочку с иглами Татьяны и куда я положил опустошенные вчера водочные бутылки и стаканы, теперь ничего не было, кроме высохшей крабьей клешни да пучка водорослей. Все остальное – закопченный чайник с проволокой вместо ручки, гнутые алюминиевые тарелки, пакетики с порошковым супом и крупами, дорожный знак – лежало на своих местах. Но не было главного, во всяком случае для меня, – тех предметов, к которым я прикасался.

Брунда, успокаивал я себя, стараясь не принимать во внимание дурной знак. Это просто совпадение. Бутылок нет потому, что бомж попросту понес их сдавать, а стаканы он спрятал в более надежное место. Стакан для алкоголика – все равно, что смычок для скрипача, он его должен беречь и лелеять. А что касается иголок – то на кой черт ему эти иголки, раз Татьяна уехала.

Раздумывая таким образом, я бродил по берегу, наступая на вальяе волны, которые ложились мне под ноги, словно ковровая дорожка, и чуть было не прошелся по девушке, наполовину лежащей в воде. Брызги упали ей на живот, она ойкнула, сняла темные очки, и я узнал Киру, которую вместе с угрюмым хиппи встретил у магазина.

– Привет, – сказал я, заходя по колено в воду, чтобы обойти девушку. – Я подумал, что это лежит большая рыбина, выброшенная на берег штормом, и хотел стащить ее в море.

– Ну стащил бы, – ответила Кира.

– А твой вечно недовольный пацифист не станет возражать?

– Он в поселке. Как с милицией уехал, так до сих пор не вернулся.

– Разве его забрали в милицию?

Кира скривила лицо, словно наступила на медузу, и снова опустила на глаза очки.

– Нет, его не забрали. Он деда помогал затаскивать.

– Какого деда? – не понял я.

– А ты разве не в курсе, что здесь произошло? – По моему лицу Кира поняла, что я «не в курсе», и пояснила: – На тех дальних камнях пьяница один обитал, так сегодня в обед сыграл в ящик.

– На чем он сыграл? – переспросил я и кашлянул, будто поперхнувшись чем-то. – Он что, умер?!

Кира кивнула.

– Я туда не ходила, мне не нравится на покойников смотреть. А ребята «скорую» и милицию вызвали и вытащили его на шоссе.

– Что с ним случилось? Почему он умер? Он сегодня утром был жив и здоров! – воскликнул я, медленно опускаясь в воду.

– Ну от чего еще алкаш умереть может? Отравился денатуратом или тормозной жидкостью – словом, суррогатом каким-то. Рядом с ним бутылку и стакан нашли.

– Он что – один пил? – спросил я, с ужасом ожидая, что ответит Кира.

— Один. Я видела его утром — он песком чайник драил, а потом к нему сверху какой-то мужик спустился.

— Какой еще мужик?

— Не знаю. Мало ли кто здесь ходит? Собутыльник или бродяга. Я так думаю, что этот мужик нашему алкашу бутылку с денатуратом и продал.

— С чего ты взяла, что это он продал?

— А он минут через пять ушел наверх, а наш алкаш тут же квасить начал. Мы еще смеялись, вот, мол, бизнес и на диком пляже процветает, опохмелятор прямо на берег доставляют. Он стакана два выпил, а потом его как поведет из стороны в сторону, он как шваркнется мордой о камни — и все, никаких признаков жизни. Ребята сбегали к нему, перевернули — а тот уже хрипит, и пульс на нуле. «Скорая» только через сорок минут приехала.

— А этот, собутыльник... Ну, этот, который бутылку принес... Ты его запомнила? Опознать смогла бы?

Кира отрицательно покачала головой, мокрые каштановые пряди хлестнули ее по лицу, и она тотчас принялась отжимать их.

— Нет, вряд ли. Это далеко. Да и не приглядывалась я.

— А как он был одет, ты ведь могла запомнить?

— В спортивный костюм, кажется... А чего это ты так всполошилась? Родственник, что ли, номер? Одинокий бомж случайно напился яду...

Я смотрел на наивное существо, лежащее в тихом прибое.

— Случайно, девочка, ничего не происходит. Особенно на этом берегу.

Труподелы, ублюдки, мысленно думал я, специалисты по убийству тихих пьяниц. Они разошлись, почувствовав свою безнаказанность. А я невольно стал предвестником смерти. И все происходит по одному сценарию: сначала распиваем бутылку, затем моего собеседника развозит до откровенности, а в скором времени я узнаю о его смерти.

Слабо помню, как я очутился на пляже железнодорожников и, переступая через тела, стал искать Лешу, словно потерянную вещь. Я опознал его по рыжей шевелюре, волнами опускающейся на затылок и шею, подобрал его и, несмотря на то, что Леша оказывал вялое сопротивление, потащил к раздевалке.

— Мы срочно едем в Симферополь! — объявил я ему.

— Я не хочу в Симферополь, — ответил Леша, показываясь над пергородкой. — Это шумный и пыльный город. Он мне надоел.

— Ты кое-что понимаешь в медицине.

— Единственное, что я умею, — так это сделать людям так, чтобы не было очень больно.

— Это то, что надо! — Я взял его под руку и потащил по дорожке на крутой подъем, где на асфальте крупными буквами было написано: «СТОЙ! ОДЕНЬСЯ!» — Я раздобыл адрес патологоанатома, который производил вскрытие Милосердовой и делал по этому поводу заключение. Он может рассказать нам много любопытных вещей.

Леша помрачнел. Срываться с пляжа, где плещется теплое море и вокруг визжат оголенные девушки, ехать в душном автобусе в Симферополь, а потом слушать любопытные вещи из уст патологоанатома — все равно, что эпизод кошмарного сна после сильной попойки. Должно быть, сейчас Леша мысленно проклинал тот день и час, когда поз-

накопился со мной, и трижды – тот роковой момент, когда дал согласие помогать мне в моей работе. Но я тем не менее был настроен решительно, и через полчаса мы стоя («сидячих» мест уже не было) тряслись в междугородном автобусе.

Когда наконец мы доползли до дома сто двадцать восемь на Ялтинском шоссе, солнце почти скрылось за горизонтом. Я не думал о том, как в такой поздний час мы будем добираться до Судака – все автобусные рейсы давно закончились, – меня куда больше занимала предстоящая встреча с патологоанатомом. Если, конечно, он еще был дома.

Я поискал на двери калитки кнопку звонка, но ее не было, и мне пришлось постучать по синему почтовому ящику, который издал вполне громкий консервный звук. Ожидая увидеть на пороге дома этого мрачного эскулапа, привыкшего иметь дело с покойниками, я был несколько удивлен, когда с крыльца к нам спустился плотный, невысокий мужчина в майке, с заметной лысиной, красными щечками, маленькими глазками и удивительно приятной улыбкой.

– Во! Сразу двое! – приветствовал он нас, расставив руки в стороны, словно мы были знакомы уже много лет. – И без бутылки! Вы ко мне, мужички, или просто так по ящику барабаните?

– Нам нужен Евгений Блинов, – сказал я.

– А это я и есть, – кивнул мужичок и стал открывать щеколду. – По какому вопросу, интересно, вы ко мне пожаловали?

– Видите ли, ваш адрес дал мне Володя Кныш. Но он очень просил на него не ссылаться, что, собственно, я и делаю.

– А-а! – почему-то обрадовался Блинов, положил свои руки на наши с Лешей плечи и повел в дом. – Это тот блондинистый лейтенант с васильковыми глазками? Как он поживает? Как и прежде распугивает своим большим пистолетом курортников на пляже? Вы самогонку пьете?

Из распахнутой настежь двери нам под ноги кинулась какая-то обезумевшая курица, и я просто чудом не наступил на нее. Блинов как-то смешно выругался, что-то вроде: «Чтоб ши из тебя прокисли!», и первым зашел в дом. Мне достаточно было беглого взгляда по прихожей и комнате, чтобы определить жилище закорючелого холостяка, но все же я уточнил:

– Вы один здесь живете?

– Почему один? – немного обиженно ответил Блинов, смахивая с круглого допотопного стола несвежую скатерть и кидая ее куда-то в угол. – У меня кошка есть, псина немолодая, но умная, куры и прочая тварь... Присаживайтесь, мужички! Кто где может. – Он подошел к холодильнику, заваленному сверху стопками книг и толстых тетрадей, открыл его и несколько мгновений смотрел в пустую утробу, почесывая затылок. – Вот черт, – пробормотал он. – А мне казалось, что здесь еще кусок мяса завалился. Наверное, котара слямзила. Ладно! Сейчас произведем вскрытие курицы, а потом я угощу вас чахохбили. Вы когда-нибудь ели настоящий чахохбили – с кинзой и обжаренными на открытом огне потрошками?

Мы с Лешей переглянулись и, кажется, заметили на физиономиях друг друга тень отвращения. Лично я видел в Блинове только патологоанатома, но никак не повара.

Блинов, кажется, догадался о наших чувствах. Он замер, подозрительно глядя то на меня, то на Лешу.

– Так-с... И вы тоже. Вот вам и ответ на вопрос, почему я живу один... – Он вышел из комнаты. – Цып-цып-цып! Иди сюда, идиотка! Видите ли, мужички, – крикнул он нам из прихожей. – Я не допускаю к плите женщины. Это мое хобби и, если хотите, принцип, унаследованный от моих предков-мусульман. Мясо должен готовить только мужчина. Большинству женщин, которых я приводил в этот дом, это очень нравилось. Но потом, когда я рассказывал им о своей работе, они брезгливо кривили свои мордашки, как только что вы, и наутро уходили, больше не возвращаясь... Удивительная впечатлительность! Эй, кто будет держать курицу за ноги?

Я толкнул Лешу локтем и показал глазами на дверь. Он снова скривился.

– Ты же анестезиолог! – пристыдил я его, призывая к мужеству.

Это подействовало, Леша вышел, и через минуту я услышал удар топора и булькающие хрипы обезглавленной «идиотки».

– Заливай кипяток! – командовал Блинов. – Так, отлично. Теперь общипаем. Это я сам сделаю... Значит, вы, насколько я понял, из милиции? Или притворяетесь милиционерами? И пришли поговорить со мной, разумеется, не о живописи? Когда, в таком случае, вы намерены поговорить? Я имею в виду до еды или, так сказать, в процессе?

– До еды! – в один голос ответили мы с Лешей.

– Как будет угодно.

Блинов вошел в комнату, вытирая руки тряпкой.

– Ну-с, что вас интересует? Простите, не знаю, как величать.

Мы по очереди представились. Блинов вынул из буфета трехлитровую банку, на дне которой плескалось мутное пойло. Когда он разливал жидкость по стаканам, я нехотая вспомнил какую-то дикую байку про то, как студенты мединститута украли с кафедры патологии и каких-то там аномалий заспиртованный человеческий эмбрион, уникальный экземпляр выкинули, а спирт преспокойно выпили.

– За знакомство! – предложил Блинов и одним махом вылил жидкость в рот.

Я медленно цедил самогонку, изо всех сил проталкивая ее в отчаянно сопротивляющийся желудок. Не знаю, как справился со своей порцией Леша, но Блинов смотрел на нас обоих с ухмылкой.

– Итак, – повторил он. – Вы задаете вопросы, а я по возможности на них отвечаю. Только быстро! И мы нальем еще по одной.

– Нас интересует Милосердова, – сказал я.

Блинов молча склонил голову набок и поднял указательный палец вверх, словно хотел сказать, что это зона особая, затем встал с табуретки и стал ходить по комнате.

– Милосердова, Милосердова, – пробормотал он. – Случай редкий... А что конкретно вас интересует?

– Ну, скажем, ваши выводы относительно орудия убийства.

– Орудия убийства? – переспросил Блинов и с недоумением посмотрел на меня. – А вы считаете, что Милосердова была убита?

– Я всего лишь предполагаю, – уточнил я.

– Значит так, вы меня к выводам не подталкивайте. Делать выводы – прерогатива следователей. Я могу лишь установить характер повреждений на трупе. А убили ее или она упала со скалы, – Блинов

красноречиво развел руками и покачал головой, — мне ровным счетом наплевать. Так вот, объясню доступно и кратко: черепная коробка практически полностью отсутствовала, за исключением затылочной части. Наряду с костными крошками на внутренней и внешней части черепа найдены крошки известняка и мелких камней. Каких-либо других повреждений на теле нет — ни переломов, ни ушибов, ни царапин. Смерть, по всей видимости, наступила мгновенно в результате полного разрушения черепа и головного мозга. Это все.

— Вы говорите, что на теле не было никаких повреждений. — Я пошел в наступление и стал припирать Блинова к стене. — Но разве может так быть, если человек упал со скалы?

— Повторяю, — достаточно жестко произнес Блинов. — Делать выводы — не моя забота.

— Мне не надо выводов. Меня интересует всего лишь ваше мнение — мнение опытного человека, профессионала.

— Если вас интересует мое мнение, как частного лица, то я могу в некотором роде согласиться с вами. Если человек упал со скалы на голову и при этом полностью разможил себе череп, то как минимум переломы позвоночника, ключицы и ребер ему гарантированы.

— Значит, она не упала со скалы?

Блинов вздохнул.

— Ну сколько раз можно вам повторять! Предполагайте, что хотите, но не трогайте меня! И позвольте дать вам один совет. Не лезьте в это дело. Сказано вам — несчастный случай. Значит, так оно и есть, так оно лучше.

— Для кого лучше?

— Для живых, конечно. Милосердовой ведь уже не поможешь. Завтра закопают ее в землю, родственники поплачут над могилкой, и все. Точка. А вам-то зачем за покойницей увязываться?

— Вы говорите, завтра похороны?

— Да, завтра в десять утра.

— А на каком кладбище?

— Где парковая зона на въезде в Джанкой — знаете? Вот там ее и похоронят. А вкладчики будут рыдать над ее гробом. Знают ли они, над кем будут рыдать? Блинов посмотрел на нас с кривой ухмылкой и добавил шепотом: — Над варкоманкой!

— Что?! — крикнул я.

— А вот то! У бабы этой все руки были исколоты, я живого места найти не мог. Печень — на грани развала, сердце, почки — как у семидесятилетней старухи.

— Этого не может быть! — прошептал я. — Вы отдаете отчет... вы уверены, что руки покойницы были исколоты медицинской иглой, а не можжевельником?

— Я ничего не говорил!..

Мы простились с гостеприимным хозяином и сошли с крыльца, когда над головой зажглись первые звезды. Нас с Лешей шатало с такой силой, что нам стоило большого труда пройти через калитку и при этом не снести вертикальные стойки.

Я сидел в изголовье дивана и думал, что бы еще предпринять, чтобы разбудить Лешу. Я бил его по щекам, зажимал пальцами нос, тряс

за челюсть – все было тщетно, Леша лишь отсылал меня куда-то очень далеко, невнятно бормотал, что ужасно хочет спать, и натягивал плед на голову. Можно было еще вылить на него ведро воды, но тогда непременно намокнет диван, который был вовсе ни при чем. Я тарабанил пальцами по высокому челу своего непохмелившегося друга и думал. В конце концов могу обойтись и без него. Похороны в десять. Больше часа там делать нечего. Значит, в двенадцатом часу мы могли бы встретиться, скажем, на автостанции.

Я сочинил короткую записку, которую повесил на двери туалета, выпил чашку кофе и вышел на улицу. Свернув за угол дома, я сразу же попал под водяную струю. Поливочные машины, тужась, выжимали из себя фонтаны и медленно наступали на пропыленные знойные кварталы города. Следом за ними крались легковушки и грузовики, вспенивая колесами лужи на асфальте. Мне без труда удалось остановить первую попавшуюся легковушку.

– На Джанкой, – объяснил я водителю. – В парковую зону.

– А-а! – кивнул он, сразу догадавшись, куда мне надо. – На похороны?

Я кивнул, удивляясь осведомленности пожилого водителя, и сел рядом с ним. Мы тронулись и поехали вперед со скоростью похоронной процессии.

Мимо нас, по встречной полосе, с воем пронеслись черные «Волги» – штуки три или четыре. Мой водитель быстро сообразил и, вырвав на встречную полосу, помчался вслед за ними.

– Неужели они все едут на похороны Милосердовой? – не поверил я.

– А куда ж еще? Ты посмотришь, что на кладбище будет твориться. Туда с вечера три грузовика с милицией поехали. Беспорядки могут быть.

– Отчего же?

– Как отчего? Народ недоволен. Была Милосердова жива – каждый имел дополнительно к пенсии или заработку. А что, разве плохо? Я тоже с каждой пенсии десяток акций брал. Правда, долго не хранил, обычно через месяц сдавал. Выходило, знаешь, не слишком много, но кое-что мог себе позволить. А другие по сто, а то и по двести акций на руках держали. Кто на что копил. Кто на собственные похороны, кто на машину, кто на отдых. И все в одно мгновение – пшик! Наверное, целые миллиарды пропали. Кто ж поверит, что это несчастный случай?

– Не знаю, – признался я.

– Вот видишь! А дело тем не менее прикрыли, Гурули, этого жулика, выпустили. Не иначе, здесь идет большая игра.

– А почему вы думаете, что Гурули жулик?

– Да потому что он теперь с милицией и властями заодно. Чуть припутнул их – так они лапки кверху и дверку тюрьмы нараспашку. У них, чтоб ты знал, тайный договор: ты нас не трогаешь, а мы – тебя.

– Значит, вы думаете, что деньги присвоил Гурули?

– Я думаю, что он щедро поделился с нашими, так сказать, народными избранниками. И людям, конечно, это не понравилось. Вот потому сегодня на похороны полгорода придет... Вы, кстати, тоже вкладчик?

– К сожалению, – соврал я.

– И много у вас акций, если, конечно, не секрет?

– На двадцать пять тысяч долларов.

У следующего поста ГАИ тот же фокус не прошел. Пропустив «Волги», милиционеры отчаянно замахали нам жезлами, словно намерева-

лись выбить стекла в нашей машине. Водитель притормозил, свернул на свою полосу и воткнул машину в узкое пространство между другими автомобилями.

Мы опять встали и, по всей видимости, надолго.

— Далеко еще? — спросил я.

— С километр.

Я рассчитался с водителем и вышел из машины. По обочине дороги к кладбищу шел поток людей, словно паломники к святому месту. Кладбище, напоминающее зеленый остров среди поля, уже и без того было заполнено людьми. Чем ближе я подходил к месту, тем чаще меня толкали со всех сторон, тем медленнее я шел и в конце концов уперся в толпу, стоящую перед главными воротами непреодолимой стеной. Увидеть что-либо, как и протиснуться вперед, было невозможно. Кажется, траурный митинг у могилы приближался к концу, потому что по толпе прошла волна, похожая на единовременный вздох; люди заволновались, стали привставать на цыпочки; в некоторых местах над головами залетели транспаранты и плакаты с черными лентами. Я не видел, что на них было написано. Должно быть, то же, что я уже читал на митингах.

Сзади, подвывая мотором, сквозь толпу протискивался «Москвич» с фургоном. Он не сигналил, а буквально напирал на толпу, и люди на несколько секунд расступались перед машиной. Рядом с водителем сидел милиционер. Высунув голову из окна, он негромко повторял, как заведенный:

— Дорогу! Дорогу! Дорогу!

Я оказался совсем близко от «Москвича», и его борта проскользнули по моей груди. Однако машина не стала въезжать на территорию кладбища, а остановилась перед входом. Водитель долго не мог открыть дверцу — ее прижали десятки тел. С трудом вытолкнув себя из кабины, он принялся изо всех сил расталкивать всех подряд локтями.

— Товарищи, ну нельзя же так! Товарищи, черт вас подери, дайте дорогу! — причитал он, но никто из «товарищей» особенно не реагировал на его слова. Наконец водитель сильным толчком в грудь оттеснил меня и, наступая на ноги, принялся раскрывать дверку фургона. Сюда же проталкивались двое молодых парней в черных костюмах. Водитель наполовину влез в фургон и вытащил оттуда венок, перевязанный черной лентой. Я успел разобрать надпись: «Эльвире Леонидовне от служащих банка «Коктебель-инк». Венок подхватил один из парней в черном и, подняв его над головой, стал протискиваться к входу. Водитель вытащил второй и, исколов мне лицо хвойными ветками, передал его другому парню.

— Только побыстрее! — крикнул он им, хотя я не представлял, как в такой толпе можно было двигаться «побыстрее».

Тут я понял, что надо сделать. Аккуратно отодвинул в сторону гражданина в голубой рубашке, стоящего впереди меня, и, оказавшись рядом с водителем, сказал:

— Давай мне, я отнесу.

Водитель недолго колебался, мельком посмотрел на мое лицо, черную футболку, джинсы и полез за очередным венком. Он был поскромнее предыдущих, а на траурной ленте значилось: «От студентов факультета маркетинга и менеджмента». Как и мои предшественники, я поднял венок над головой и танком пошел вперед. Омоновцы, стеной

стоящие на входе, пропустили меня без всякой задержки, и я облегченно вдохнул, оказавшись на территории кладбища, заполненной намного меньше, чем его подступы.

Я шел по присыпанной гравием дорожке с хвойным венком над головой, словно замаскированный разведчик в тыл врага. Приятный терпкий запах свежих веток напоминал мне далекое детство и наполнял душу ожиданием какого-то праздника, а не траурной церемонии.

Центр кладбища, где, подобно клюквенному полю, среди зелени кустов торчали сотни обнаженных голов, покрасневших от жары и переживаний, был окружен еще одним милицейским заслоном. Милиция здесь была настроена жестко.

— Куда вы претесь?! — шепотом проговорил майор милиции, отталкивая меня от себя. — Не видите, митинг идет.

Я опустил венок ниже, чтобы майор мог догадаться о его предназначении. Кажется, я кольнул его в лицо иголками.

— Обойдите, черт вас возьми! — выругался он. — По кругу! Чтоб духу вашего здесь не было!

Я поднялся по дорожке выше, протиснулся между черными «Волгами», которые не вместились на дорожке и наехали колесами на старые могилы с покосившимися деревянными крестами. Возле машины крутились аккуратно постриженные парни в малиновых пиджаках и с радиотелефонами.

От ноши у меня стали неметь руки, и я взял венок на манер щита. Меня пропустили, хотя придирчиво осмотрели и даже обыскали. Я пошел вниз, стараясь не задеть венком мужчин и дам. Загорелый мужчина зрелого возраста, одетый в строгий костюм, держал в руке микрофон и, опустив голову, молча скорбил. Не меньше минуты он подыскивал слова соболезнований, после чего голосом, от которого у меня побежали мурашки по коже, произнес:

— Дамы и господа! Друзья! Великое несчастье постигло нас всех. Верно говорят: смерть выбирает лучших. От нас ушла Эльвира Леонидовна Милосердова — человек, которому по душевной доброте и милосердию не было и не будет равных...

Он здорово шпарил. Дамы с черной вуалью на лицах начали подносить к глазам носовые платки. На лица мужчин легли скорбные тени. Я едва шел, боясь своим перемещением в пространстве осквернить светлую память Эльвиры Леонидовны.

— Мы живем в такое время, когда каждый думает только о себе. Мы перестали сострадать друг другу, все реже протягиваем руку своему ближнему и уже почти не замечаем вокруг себя обездоленных, страждущих и нищих...

Я уже был не далее, чем в двадцати метрах от гроба. Пожилая особа в черной блузке, стоящая впереди меня, низко склонила голову, пряча лицо в платочке. Плечи ее подрагивали, и в ее фигуре было столько неподдельного горя, что я не посмел ее потревожить и стоял за ней все то время, пока выступал оратор.

— И вполне справедливо было бы сказать, что человек окончательно отрекся от Господа своего, предал забвению царство небесное, погнался за богатством и плотскими удовольствиями, с головой окунувшись в омут лжи и бесчестия. Но для того и появилась в море людском Эльвира Милосердова, для того и посвятила себя благотворительной

деятельности, чтобы возразить: нет, не зачерствело сердце человека. Пусть же земля тебе будет пухом!..

– Простите, – шепнул я женщине. – Мне надо поднести венок...

Женщина обернулась, и я очень близко увидел красные, полные слез глаза.

– Да-да, – произнесла она в нос, словно страдала от простуды, и по-сторонилась.

Я встал в первом ряду. Впереди меня уже никого не было – только гроб и большая фотография под стеклом, обтянутая на углу черной лентой. Мне показалось, что снимок для такого помпезного случая был не очень удачный – мутный, слабоконтрастный, переснятый явно с плохого и старого оригинала. Из-за стекла на меня смотрело совсем юное лицо красивой девушки с вьющимися пепельными волосами, одетой в школьную форму с белым фартуком. Под снимком стояла подпись: «МИЛОСЕРДОВА Эльвира Леонидовна», даты рождения и смерти. Я подсчитал. На сегодняшний день ей исполнилось двадцать девять лет. Организаторы похорон не смогли найти более подходящего снимка и воспользовались школьным альбомом?

Мужчина в костюме повесил микрофон на стойку и отошел в сторону. Возникла недолгая пауза. Откуда-то из-за кустов заструилось тихое пение виолончели, и я вздрогнул от неожиданности. К ней присоединились флейта, скрипки. Рядом с гробом камерный оркестр играл «вживую» Вивальди. Музыка вызвала новую волну эмоций, и многие женщины стали плакать навзрыд. Мужики в синих халатах принялись за работу. Они протянули под гробом широкие брезентовые ленты, подняли его и, встав по краям ямы, стали опускать гроб в яму. Мужчина с тонкими усиками первым наклонился, поднял горсть земли и кинул ее вниз. За ним – красноречивый оратор, затем – молодежь в строгих костюмах, а следом за ними все остальные. Похоронная команда энергично работала лопатами, засыпая могилу. Скрипки и виолончель надрывались все сильнее, поднимаясь до самых пронзительных нот. Загорелый мужчина, который выступал первым, в сопровождении «качков» быстро подошел к одной из машин и сел в кабину. «Волга» беззвучно покатила по дорожке к выходу. Милиция принялась теснить толпу.

Мужики ваяли лопатами могильный холм, утюжили его сверху, подравнивали края. У них получалось очень хорошо.

– Давай! – с хрипотцой сказал один из них, взял у меня венок и вогнал его опорные ветви в мягкий грунт. Я стал ему помогать, расправляя ленточки, чтобы было видно надпись. Кто-то чуть не придавил меня венком «От благодарных вкладчиков-симферопольцев». У главного входа что-то произошло. «Волга» беспрерывно сигналила и медленно откатывалась назад. Милиционеры, стоящие в заслоне, взялись за руки. Над головами толпы замельтешили руки со сжатыми кулаками.

Я увернулся от очередного венка и вышел на дорожку...

Леша, что меня приятно удивило, ровно в одиннадцать тридцать стоял под башенными часами железнодорожного вокзала – в том месте и в то время, которые я указал в записке.

– Ты исправляешься, – сказал я ему, пожимая руку.

– Ну, рассказывай! – нетерпеливо проговорил Леша. – Народ только и обсуждает похороны. Говорят, там даже было небольшое побоище? Ты, наверное, к самой могиле не смог протиснуться?

– Смог, – ответил я.

– И фотографию Милосердовой видел? – удивился Леша.

– Да я рядом с гробом стоял!

– И как, интересно, эта наркоманка выглядела при жизни?

– Нормально. Вполне симпатичная девочка... Только не Милосердова меня сейчас волнует.

– А кто же?

– Кто волнует? – переспросил я. – Та, кого на самом деле сегодня похоронили. Помнишь, мы перечисляли людей, которым была бы выгодна смерть Милосердовой? Мы назвали несколько имен, но самого главного человека забыли. Смерть Милосердовой выгоднее всего была самой Милосердовой, потому что смерть – блестящее, ни с чем не сравнимое по убедительности алиби. Мертвому деньги не нужны, он в могилу с собой их не увесет. И Эльвира Леонидовна приговорила саму себя к высшей мере. Сегодня с почестями, музыкой Вивальди, под плач тысяч осиротевших вкладчиков она похоронила свое имя, свой образ, имидж преуспевающей бизнесменши, которая намеревалась сделать человечество богатым и счастливым.

– Ты уверен, что гроб был пустым?

– Неужели ты не догадываешься, кого в нем похоронили?

Леша смотрел на меня, губы его силились произнести имя, но он боялся ошибиться.

– Да-да, – пришел я ему на помощь. – Смелее, не надо шептать по буквам. Похоронили ту самую девушку-наркоманку, Татьяну Васильеву, которую убили и обезобразили на Диком острове. А Милосердова, дружище, живет, здравствует и пересчитывает свой капитал.

– И кто, по-твоему, это сделал?

– Организатор и идейный вдохновитель преступления – Эльвира Леонидовна. Она, полагаю, щедро заплатила убийце, который растерзал ее светлый образ. В тот день, девятнадцатого августа, она, несомненно, на яхту не поднималась и, скорее всего, вообще была далеко от моря. Пассажирами «Ассоли» были только два человека – Татьяна и ее любовник, поставлявший ей наркотики. Они отправились на Дикый остров – место достаточно безлюдное, но рядом с которым в тот день ловил крабов один болван по имени Кирилл. Возможно, любовник предварительно накачал Татьяну омнополом, подавив ее волю, после чего на живописном берегу расколол ей булыжником череп. Слушай дальше. Убийца раздевает труп Татьяны, нечаянно обронив на камни «фенечку», ее выпачканные в крови шорты и майку топит в море, а тело переносит на борт яхты. Он идет по грудь в воде, отмывается сам и отмывает свою несчастную жертву. На борту он надевает на тело заранее приготовленный костюм Милосердовой, в карманах которого могли быть документы, в том числе и паспорт. Белую накидку Эльвиры он подкидывает мне в лодку и сталкивает ее в воду.

– Чудовищно, – произнес Леша. – Все это выглядит очень правдоподобно. Я хорошо представляю, как все это было, и не вижу несоответствий. – Он сделал паузу. – Ты кого-нибудь подозреваешь?

– Я не только подозреваю. Я почти с уверенностью могу назвать имя убийцы.

– Блеск! – Леша восхищенно покачал головой. – Ты превзошел самого себя. Я в восторге... Можешь назвать мне этого человека?

Я колебался. Фамилия Моргуна ничего Леше не скажет — он не был знаком с ним и мог видеть начальника лодочной станции лишь эпизодически, случайно. Зато теперь, назови я его, Леша при любом удобном случае станет пялиться на Диму, как на экзотическое животное. А это может насторожить и даже спугнуть Моргуна.

— Пока нет. Боюсь ошибиться. Я суеверный.

16

— Вашей рукой, Аркадий Федорович, только отдыхающих по вечерам пугать, — сказал я, пожимая белую, в гипсе, ладонь ваятеля, словно поздоровался с ожившей статуей.

Скульптор и художник Аркадий Демчук зимой жил в Питере, а с апреля по ноябрь проводил в Судаче. Здесь у него был свой дом, доставшийся в наследство от отца. Дворик, обнесенный сеткой-рабицей, напоминал то ли музей под открытым небом, то ли площадку для съемки какого-то авангардного фильма.

— Ты ко мне по делу или так, потрепаться?

— По делу, Аркадий Федорович.

— Кирилл Вацуро всегда приходил по делу, — хмыкнул скульптор, высоко над мангалом поднимая джезву с бурлящей коричневой пеной. — Никогда не зайдешь ко мне просто так. Из-за этого я немного чувствую себя бездельником.

— Вы смогли бы вылепить мою физиономию? — спросил я.

Аркадий Федорович рассмеялся. Он не ожидал такого вопроса.

— Хочешь установить себе при жизни памятник?

— Можно сказать, что так.

— Бюст или скульптуру в полный рост?

Я призадумался. Надо было как-то сформулировать свою просьбу, не рассказывая того, о чем нельзя было говорить. Это неожиданно оказалось для меня непростым делом.

— Видите ли, мне надо... В общем, мне нужен мой двойник. Такой, чтобы в вечерних сумерках за двадцать шагов нельзя было заметить, что морда у него не живая, а гипсовая.

— Я так понимаю, — сказал Демчук после недолгой паузы, — что ты хочешь кого-то надуть?

— Вы угадали.

— Но видишь ли, в чем проблема. Гипсовую морду невозможно принять за живое лицо. Разве что в сильном подпитии. Она ведь будет белой, как облако.

— А если ее раскрасить масляными красками?

— Раскрасить? — Демчук задумался. — Если раскрасить, то, пожалуй, можно. Но это будет что-то среднее между скульптурой и живописью... Ну, хорошо. Допустим, вылеплю я твою голову, раскрашу. И что ты будешь с ней дальше делать?

— Мне нужен какой-нибудь каркас, на который я эту голову и прикреплю. А сверху надену костюм.

— А как придашь форму рукам и ногам? Наполнение какое у тебя будет? Без наполнения сразу видно, что это костюм на вешалке, а не человек.

— Наполнение? — Я пожал плечами. — Может быть, песком?

Демчук покачал головой.

— Нет, так не делается. Ничего у тебя не выйдет. Розыгрыш не получится... Если, конечно, ты в самом деле решил разыграть, а не...

– Я не столько хочу разыграть кого-то, сколько спасти свою жизнь, – перебил его я. – По мне будут стрелять... Пусть лучше уж по гипсовому, чем по живому.

Демчук поднял глаза.

– Ты по-прежнему играешь в опасные игры, Кирилла?

– Увы, Аркадий Федорович.

– Не лучше ли вообще обойти опасное место, чем совать туда куклу?

– Конечно, лучше было бы обойти. Но тогда меня пристрелят в другом месте.

Демчук стал ходить среди своих безмолвных шедевров.

– И как срочно тебе нужна такая фигура?

– Завтра к восьми вечера... Я вам заплачу, сколько потребуете.

– Нет, с тебя я денег не возьму. Ты мне потом отработаешь своей головой. Она у тебя светлая... Ну-ка, подойди!

Он протянул руку и коснулся пальцами моего подбородка, повернул голову в одну сторону, потом в другую.

– Хороший череп.

– Вы находите?

– Только стрижка коротковата. У меня таких париков нет. Да ладно, что-нибудь придумаем. Пойдем-ка в дом.

Мы вошли в комнату, которая мало чем отличалась от двора. Аркадий Федорович усадил меня в глубокое кресло, запрокинул голову назад, зачесал волосы наверх. Затем я слышал, как он наливает в таз воду.

– Не дергайся, – предупредил он. – Не у стоматолога.

Мне на лицо легла теплая и влажная марля...

17

Вытаскивая чучело на шоссе, я уже сильно сомневался, что из этой затеи выйдет что-нибудь путное. Солнце уже скрылось за горами, и вся надежда была на сумерки, которые должны были скрыть многочисленные недостатки моего двойника.

Я приставил фигуру к постаменту, согнул ее руку в локте и прижал гипсовую щеку к рукаву – так не заметно, что рукав пустой, без кисти. Ноги я расставил пошире, но мне показалось, что такая поза смотрится неестественно, и согнул их крестом. Конец второго рукава я сунул в карман пиджака. Последним штрихом была сигарета, которую я воткнул в специальное отверстие между губ моего поганого двойника. Затем отошел на шоссе и посмотрел, как чучело смотрится со стороны. Облегченно вздохнул. Неплохо. Даже здорово!

Я взглянул на часы – четверть восьмого. Еще раз проверил, достаточно ли устойчива фигура, опалил кончик сигареты, перекрестил чучело, подхватив рюкзак, перешел на противоположную сторону шоссе и стал подниматься по сыпучему склону вверх. Там нашел промоину, на дне которой, словно клубок змей, сплелись между собой коричневые корни крымской сосны, и стал готовить позицию.

Трофейный, отлично смазанный пистолет ТТ с глушителем, который достался мне в Таджикистане, я завел, поставил на предохранитель и спрятал в нагрудный карман куртки. Наручники, одолженные у Кыша, повесил на поясной ремень. Разгребая обеими руками землю перед собой, сделал небольшой бруствер, а в нем – узкую бойницу. Эти меры предосторожности наверняка окажутся лишними, но у меня

не было терпения сидеть без дела. Без четверти восемь, когда в сгущающихся сумерках начали блекнуть краски и физиономия чучела в солнцезащитных очках стала выглядеть нелепо, я замер на дне своего окопа, глядя в сторону Морского.

На подъем вылетела светлая иномарка — кажется, старая «тойота», — притормозила у памятника, и я отчетливо увидел незнакомого человека за рулем, который сидел у правой дверцы, высунув локоть через открытое окошко. Затем водитель ударил по газам, и машина, увеличив скорость, быстро умчалась прочь. И снова стало тихо.

Я выругался в полный голос, вышел из своего укрытия и спрыгнул с обрыва на шоссе. «Тойота», подмигивая красными огоньками, катилась по спуску. Что его насторожило? — думал я, глядя то на удаляющуюся машину, то на чучело.

Тут я, издав какой-то сдавленный звук, быстро присел и на полусогнутых побежал к постаменту. «Тойота» разворачивалась, она возвращалась! Все правильно! Водитель первый раз проехал мимо, чтобы убедиться, что я один и жду его.

Я подскочил к своему двойнику. Надо было для большей убедительности сменить позу. Повернул куклу на пол-оборота, прислонил ее грудь к постаменту. Уставший от долгого ожидания человек встал бы именно в такую позу. Водитель — если он, конечно, вообще будет стрелять — наверняка станет метить в висок. Я опять перекрестил чучело и кинулся вперед, на противоположную сторону постамента. Отсюда и смогу увидеть водителя через лобовое стекло. Отсюда не промахнусь.

Машина заехала на перевал на большой скорости, но за два десятка метров до постамента снова пригасила скорость. Я видел, как водитель повернул голову вправо, глядя на чучело. Свободная рука ушла вниз, затем — резко — вверх. Он выпрямил ее, высунув в окошко. Матово блеснул ствол пистолета. Один за другим прозвучали три выстрела. Я успел увидеть, как гипсовая голова разорвалась на куски, словно внутри нее сработала граната. Крошки зацелкали по бетонной поверхности постамента, и рядом со мной упал отвратительный розоватый нос. «Тойота» взвыла мотором. Я сделал какой-то несуразный прыжок и упал на шоссе перед машиной, мчащейся на меня. Уже не оставалось времени, чтобы так же эффектно, как киллер, вытащить пистолет и, выткнув руку, направить его на цель. Рукоятка зацепилась за край кармана, а палец уже давил на спусковой крючок. Две пули ушли выше кабины в небо. Третья выбила лобовое стекло, и оно осыпалось мокрым сахаром. Завизжали тормоза. Киллер машинально рванул руль в сторону, пытаясь меня объехать. Он все еще держал в правой руке пистолет, сжимая его рукоятку вместе с рулевым колесом. Четвертый раз я смог выстрелить, хорошо прицелившись. Машина съехала на обочину и сразу же сбила оградительный столбик. Деформированное правое крыло острым клином вонзилось в колесо. Раздался скрежет, дверка раскрылась с такой силой, словно по ней изнутри ударили ногой. «Тойота» с намертво заклинившим правым колесом пробороздила метр юзом и, развернувшись боком, замерла в нескольких шагах от меня.

Я вскочил на ноги и кинулся к машине. У самой двери на земле лежал револьвер с коротким тяжелым стволом. Я откинул его ногой и заглянул в кабину. Согнувшись вдвое, на сиденьи стонал и корчился молодой человек в джинсах и бордовой майке. Обе руки, выпачканные

в крови, он прижимал к верхней части груди, словно что-то прятал и боялся, что я отниму это у него.

Я придавил его коленом и рывком отвел окровавленную руку от груди. Киллер повернул лицо в мою сторону, и я увидел перекошенный от боли рот, маленькие темные глазки, спрятанные под тяжелыми надбровными дугами со сросшимися на переносице бровями. Темное пятно было почти незаметно на бордовом фоне.

– Вылезай! – приказал я, приставляя ствол своего ТТ к голове убийцы.

Парень застонал, когда я выволок его наружу, положил на землю и стал сдирать с него майку.

К счастью, все оказалось намного проще, чем я предполагал. Рана, на мой неискушенный взгляд, была пустяковой, точнее, не смертельной. Над плечевым суставом чернела дырочка, и из нее тонкой струйкой сочилась кровь. Возможно, моя пуля раздробила киллеру сустав, но сострадать убийце по этому поводу я не стал. Знал, мокрушник, на какое дело шел, пусть теперь выгребает по полной программе.

Я перевернул его животом вниз, встал ему на спину и завел обе руки назад. Парень заорал и, пока я не очень умело надевал ему наручники, скрипел зубами, пуская слюни на горячую пыль.

– Наелся? – спросил я, приподнимая его и оттаскивая к постаменту. – Да, парень, вляпался ты по-крупному... Ну-ка, отодвинься немного от стеночки.

Я перевязал его куском ветоши, которую предусмотрительно прихватил с собой. Закончив с этим делом, принялся за машину. Острый край крыла крепко вонзился в покрывку, чудом не пробив камеру. Пришлось выпрямлять его тяжелым булыжником. Несколько сильных ударов – и колесо освободилось от мертвой хватки.

– Садись, стрелец, – сказал я, шире открывая вторую дверку и приглашая киллера в машину. Он не заставил меня повторять, с трудом поднялся на ноги и сел на сиденье слева от места водителя.

– Куда везешь? – глухим голосом спросил киллер.

– В милицию, конечно, – ответил я, счищая с приборной панели стеклянные крошки.

– Не надо к ментам. Давай договоримся.

Я на это и рассчитывал.

– Давай, – охотно согласился и притормозил. – Разговор наш, надеюсь, будет короткий. Я задаю вопрос, ты отвечаешь. А потом посмотрим, что с тобой делать. Первое: кто тебе приказал меня убить?

– Я ее не видел. Мы только раз говорили по телефону.

– Ты говоришь – ее. Это была женщина?

– Да.

– Ее зовут Эльвира?

– Не знаю, она не представлялась.

– Твоя фамилия?

– М-м-м... Лепетиха. Артем Лепетиха.

– Как она тебя нашла, Лепетиха?

Парень несколько помедлил с ответом.

– Раньше я работал в ялтинском клубе моряков, потом меня уволили, но остались связи... Три года я провел в зоне под Николаевом...

– За что сидел?

– Кража. Квартирная кража... В общем, когда вернулся, места для меня не нашлось, но я сказал своим ребятам, что ищу хорошую рабо-

ту, оставил домашний телефон. Обещали помочь. Пару раз брали на разборки – выбивать долги. Но это так, мелочь... Потом позвонила эта женщина и предложила дело. Я сразу по ее намекам понял, что от меня требуется. Твою фотографию и деньги передали на Алуштинском автовокзале.

– Кто передал?

– Не знаю. В почтовый ящик мне подкинули жетон камеры хранения. Там выдали небольшую сумку.

– И ты сразу поехал в Морское?

– Не сразу. У меня еще оставалось полдня. Я «засветился» в нескольких кафе, чтобы обеспечить себе алиби.

– Ты не подумал о том, что тебя могли подставить? Звонит какая-то неизвестная баба, заказывает убийство, а ты сразу соглашаешься. Мало ли на кого она работает?

Лепетиха усмехнулся.

– Нет, здесь я ошибиться не мог, она к ментам не имеет никакого отношения. У меня телефон с определителем, и эту бабу я сразу просчитал. Таких номеров, которые начинаются с девятки, на нашей АТС всего пару десятков. Они обеспечивают дачи на Барсучьей поляне – бывшие обкомовские гнезда. Сейчас там живут авторитеты, иностранцы и предприниматели.

– Ты номер запомнил?

– А на кой черт он мне сдался? Меньше знаешь – крепче спишь.

– Где находится Барсучья поляна?

– В горах. Точно не знаю, я там никогда не бывал и не хочу быть.

– Ты будешь докладывать о выполнении задания?

– М-м-м... Да.

– Как? Когда?

– Сегодня в полночь мне снова позвонит эта женщина.

– Тебе домой?

– Да, в алуштинскую квартиру.

– Что ты должен ей сказать?

Парень криво усмехнулся.

– Теперь уже ничего.

– А если бы ты все же продырявил мне голову?

– Тогда бы я сказал, что все в порядке.

– Вот так и скажешь. Ясно, стрелец? А теперь погнали к тебе в гости. Там я тебя и подлечу малость.

– Не довезешь, – сквозь зубы произнес Лепетиха.

– Довезу, – заверил я его, разворачиваясь в обратную сторону.

Лепетиха жил в девятиэтажке. Когда мы въехали во двор, он вышел из машины и заковылял к дому. Прижимаясь к кустам, я беззвучно пошел следом за ним. Он поднялся по ступеням подъезда, со скрипом открыл дверь и вошел внутрь. Я выждал минуту-другую, сделал приличный круг по соседним дворам, подошел к дому с противоположной стороны. Вторично скрипнула дверь, и я проскочил в образовавшийся проем. Успокоив дыхание, стал подниматься по пахнущей кошками лестнице на площадку. В тусклом свете загаженной мухами лампочки я с трудом различил ряд исковерканных почтовых ящиков, широкую трубу мусоропровода, размашистые надписи на стенах. На площадке, где находилась дверь лифта, света не было, и я, предупре-

ждая возможный удар по голове, медленно обошел угол на расстоянии, прижимаясь к почтовым ящикам.

– Лепетиха! – негромко позвал я. – Где ты там прячешься?

Никто не ответил. Я встал ближе к мусоропроводу, чтобы оказаться напротив двери лифта и в то же время подальше от нее, и почти без удивления, словно так оно и должно быть, увидел лежащего на полу человека. У меня не было с собой никакого иного источника света, кроме зажигалки. Я высек пламя. Оно отразилось в темной луже крови.

Лепетиха лежал лицом вниз, широко раскинув руки и ноги, будто летел в затяжном прыжке. Две пули вошли ему в спину, чуть ниже левой лопатки, третья пуля – в затылок. Этим выстрелом его, скорее всего, добились – так называемый контрольный выстрел, отличительный признак работы профессионального киллера, которой Лепетиха, к моему счастью, не владел.

Я осторожно обошел труп, стараясь не наступить на лужу.

Кто-то быстро привыкает к смерти. Я не могу. За прошедшую неделю рядом со мной погиб четвертый человек. Меня преследовало чувство, что я выпачкан в чужой крови с ног до головы, что за мной все время следят киллеры.

16

Вернулся я в Судак, когда только начало светать. Улицы еще были пустынные, и от автовокзала я шел пешком, не беспокоясь, что меня случайно увидит Дима Моргун. Он наверняка был уверен, что меня уже нет в живых, и мне не хотелось разубеждать его в этом. Я хорошо понимал Эльвиру Милосердову: когда окружающие полагают, что ты отдал Богу душу, то жить при этом становится намного проще, словно стал невидимым. В самом деле, смерть – безупречное алиби. Пусть Моргун, Гурули и Милосердова считают, что Лепетиха выполнил задание и отправил меня на тот свет. В этом случае мой последующий шаг будет для них неожиданным, а внезапность, непредсказуемость – большое преимущество.

Я должен был найти оригинальный, непредсказуемый ход, который поставил бы Милосердову в безвыходное положение, вынудил бы ее поднять лапки кверху и раскрыть себя. Когда выяснится, что Эльвира жива-здоровая, то сразу встанет вопрос: а кого, в таком случае, хоронили с такой помпой? Следственная группа обязательно проведет эксгумацию и начнет выяснять личность убитой. Причастность Эльвиры к этому убийству будет установлена без особых затруднений. А следом за ней потянутся и Гурули, и Моргун, и все остальные «шестерки», которые выслеживали, подставляли, убивали... Но Милосердова-Васильева хорошо спряталась. С наскока не достанешь.

И тут меня осенило. В самом деле – Васильева! Наверняка Милосердова взяла паспорт Татьяны и живет под ее фамилией. Возраста они, примерно, одного, а внешность для молодой женщины – понятие относительное. При помощи макияжа, стрижки и укладки можно без особого труда добиться сходства с фотографией на паспорте. Она выбрала в качестве своей жертвы девушку, которую, как могло показаться, никто особенно размышлять не станет. Бродяжка, наркоманка – кому она нужна? Но надо симитировать ее розыск. Скажем, Татьяну Васильеву начал искать бывший любовник, друг или родственник. Надо припугнуть Милосердову, вынудить ее срочно отмазаться от фамилии

Васильевой, как от кровавого пятна на своей одежде. А если на эту фамилию уже заказан авиабилет за границу, оформляются документы на вывоз валюты, если она уже крепко влипла с чужой фамилией?

Я даже прихлопнул от возбуждения и предчувствия удачной охоты. Милосердова никогда не видела меня в лицо, как, собственно, и я ее. А что если мне самому сыграть роль родственника Татьяны Васильевой? И, встретившись с Милосердовой, сделать вид, что я признал в ней, скажем, двоюродную сестру? А чтобы это выглядело убедительно, придумать правдоподобную легенду: мол, никогда тебя, голубушка, не видел, всю жизнь мечтал встретиться, да вот выпал удобный случай — с другом приехал отдохнуть в Алушту, случайно узнал, что живешь недалеко, на Барсучьей поляне, и решил зайти. Убивать меня, тем более если я буду с Лешей, люди Милосердовой не станут — нет смысла вешать на себя лишний криминал из-за какого-то восторженного родственника. Выставить сразу же за дверь тоже не смогут — с родственником так не поступают. Им придется принять игру, которую я им буду навязывать. Рано или поздно Милосердова с головой зароется во лжи и выдаст сама себя.

19

— Алло! — до хрипоты в голосе кричал я. — Танюха, это ты?! Это Костик тебя беспокоит! Что значит какой Костик? Васильев Костик, брательник твой!

Леша стоял рядом, привалившись плечом к стене, и от волнения грыз семечки, плюясь во все стороны.

Женщина, с которой я разговаривал, отвечала тихим, с придыханием, голосом. Собственно, отвечала она весьма односложно — «да» и «нет», отчего мне нелегко было судить, въехала ли она в ситуацию, поняла ли, что ей на голову свалился родственник убитой Васильевой. Меня же, как писали классики, понесло, я вошел в раж и уже не мог остановиться:

— А мы здесь с дружкой моим, с Лешиком, отдыхаем. Я о тебе совсем случайно узнал. С девчонкой одной из Кемерово познакомился, так она мне про тебя и рассказала. Говорит, Танька в Крым переехала, год уже там тащится. Ну, а как я твой телефон раздобыл — это вообще долгая история. Так сколько мы с тобой уже не виделись? Лет пятнадцать будет? Последний раз, это когда я после десятого класса к тетке Людке в Кемерово заезжал. Ты меня хоть немножко поминишь? Смутно? Я тебя тоже не очень. Ну ты как? Замуж вышла? Детишек нарожала? Еще нет?

Милосердова повемногу раскачалась. Умная женщина и умеет собой владеть — этого у нее не отнимешь. Она стала смеяться, тонко сыграла, что, наконец-таки, вспомнила меня, а ее мама, то есть тетя Люда, много рассказывала ей обо мне, и так далее. Я с восхищением воспринимал этот бред, удивляясь артистическому мастерству Милосердовой. А чему, в общем-то, я удивлялся? Женщина, сумевшая навесить лапшу на уши населению южной Украины, обязательно должна быть талантливой актрисой.

Леша на протяжении всего нашего милого разговора хватался за голову и делал страшные глаза.

— Так ты где живешь, сестричка? — спросил я, с трудом найдя паузу в бурном потоке ответной речи моей «сестрички». — Квартира или отдельный дом?

Я был уверен, что сейчас Милосердова начнет под любым предлогом отказывать мне во встрече, уклончиво отвечать на вопрос о месте своего жительства, но она неожиданно повела игру рискованно.

— Я живу на даче с друзьями, — ответила она. — Это, к сожалению, довольно далеко от моря, на Барсучьей поляне. Не слышал о такой? Но это все ерунда. Какие у тебя планы, дорогой Костик?

— Может, встретимся на берегу, посидим в кафе, вспомним молодость, — начал было я, но «сестричка» меня перебила.

— Ясно. Ты, как и все мужчины, не оригинален. «Кафе», «посидим», «вспомним молодость», — передразнила она. — Где вы со своим Лешей остановились?

— В гостинице «Алушта», — мгновенно соврал я.

— Значит так, сдавайте номер, собирайте вещи и спускайтесь вниз. Через два часа за вами заедет мой шофер. Серебристого цвета «БМВ», номер — три тройки, два ноля. Все очень просто. Запомнил?

— Три тройки, два ноля, — весело повторил я, задним умом прикидывая, что они со мной и Лешей сделают: скинут в пропасть по дороге на Барсучью поляну или расстреляют прямо у входа в гостиницу?

Я повесил трубку и, все еще победно улыбаясь, вопросительно посмотрел на Лешу, мол, оцени мою находчивость. Но Леша не разделил моего показушного оптимизма.

— Ты сумасшедший, — сказал он с равнодушным обреченного и озвучил мои потаенные мысли: — В ближайшие три часа нас пристрелят и сбросят в пропасть.

— Точно! — кивнул я. — Именно пристрелят, а лишь потом сбросят. А я все голову ломал, что они сначала сделают.

— Пока не поздно, надо уносить ноги.

— А ты, оказывается, страшно нелюбопытен. Сейчас начнется самое интересное.

— Ну-ну, братишка, — покачал головой Леша. — Кажется, тебе надоела жизнь.

— Неужели ты меня оставишь одного?

Леша вздохнул.

— Дать бы тебе по физиономии за подобные вопросы!

Я тронул его за плечо.

— Не сердись. Меньше всего мне хотелось бы рисковать тобой. Но кто знал, черт возьми, что она начнет играть по-крупному и пригласит нас к себе! Зато какие у тебя останутся впечатления от отпуска! Твои искулапы от зависти позеленеют, когда ты им расскажешь, как раскусил саму Милосердову.

— Прежде чем они позеленеют, мой труп посинеет, — мрачным голосом ответил Леша. — Ладно, сколько той жизни! — махнул он рукой. — Давай, руководи, великий комбинатор.

По пути к гостинице «Алушта» мы с Лешей договорились, как будем себя вести. Чтобы сильно не усложнять легенду, Леша представится врачом-анестезиологом, работающим в одной из московских районных больниц, а я — водителем троллейбуса. Ладони у меня мозолистые, при желании могу перейти на крутой шоферский жаргон, словом, эту роль я сыграю без особого труда.

В первом же отделении связи, которое попало нам по пути, я отправил на домашний адрес Володи Кышша телеграмму: «28 августа 12.30, г. Алушта. Я и Леша едем в дачный поселок на Барсучьей поли-

не, где под именем Татьяны Васильевой скрывается Э.М. Ее телефон – 90-00-04. Если вечером не выйду на связь – считай меня коммунистом».

Мы млели на ступеньках гостиницы, и я предложил Леше перейти на лавочку в сквер, но Леша меня не слышал, раскрыв рот, он смотрел на серебристый «БМВ», который на малом ходу приближался к стоянке. Три тройки два поля!

Леша хотел векочить на ноги, но я схватил его за локоть.

– Сиди, не дергайся. Сам подойдет.

Автомобиль остановился в тени большого бука. Водитель – худощавый мужчина средних лет с рыжими усами – некоторое время еще сидел за рулем, поглядывая по сторонам, затем вышел, сунул руки в карманы, поплевал, постучал ногой по колесу. Леша заерзал.

– Он сейчас уедет, – проивил он неожиданное беспокойство.

– Вот мы и проверим, насколько серьезно Милосердова нас восприняла.

– Надо подойти, – зашептал Леша.

– Сидим! – приказал я.

Водитель не спеша пошел к нам.

– У вас что, от жары задницы к ступеням приварились? – спросил он.

Многообещающее начало. Мы с Лешей переглянулись.

– А почему так грубо? – поинтересовался я.

– Не надо делать вид, что меня только что заметили. Поехали!

– Никак не пойму, почему моя сестричка взяла себе такого сердитого крокодила, – сказал я Леше, поднимаясь со ступенек. – Послушай, приятель, а долго ехать?

Водитель не ответил, вразвалочку пошел к машине, вращая на указательном пальце связку ключей. Мы с Лешей сели на заднее сиденье и буквально утонули в нем. Машина с приглушенным гулом рванула с места. Леша на секунду потерял равновесие, хотел ухватиться за дверную ручку-подлокотник, но промахнулся и с щелчком открыл вмонтированную в дверь пепельницу.

– Попрошу не курить, – подал голос водитель.

Минут пятнадцать мы кружили по алуштинским улочкам, и я не преминул съязвить:

– Похоже, дружище, ты забыл дорогу.

Водитель наверняка бы ответил, но в этот момент включился зуммер портативной радиостанции, лежащей на приборном щитке. Он поднес аппарат к губам:

– Слушаю!

– Ну как там? – задребезжала радиостанция женским голосом.

– Едем... Порядок.

Внезапно водитель свернул с шоссе на какую-то допотопную дорогу, возможно, вымощенную булыжником, но засыпанную сверху толстым слоем опавших листьев. Я даже не заметил, как машина подъехала к мощной, покрытой мхом стене, сложенной из крупных камней. Такую стену в десяти шагах от себя не увидишь. Откуда здесь этот древний крепостной бастион?

Водитель поигналил. Дрогнули глухие железные ворота, беззвучно распахнулись створки. Мы въехали на территорию бастиона, которая мало чем отличалась от леса, окружавшего его. Те же высокорос-

лые деревья, полумрак, создаваемый исполинскими кронами, пружинистый ковер из опавших листьев под колесами.

Водитель остановил машину и, не приглашая следовать за собой, вышел наружу.

— А мы чего сидим? — спросил я, глядя, как он вразвалочку идет вперед к едва заметному среди деревьев деревянному двухэтажному дому с широкой верандой и мансардой. — Пошли, расцелуемся с сестричкой.

— Тут нас и прикончат, — прошептал Леша, толкнул меня в бок и показал глазами вперед. Перед верандой, на площадке, обозначенной угловатой кладкой из красного кирпича, красовался бело-голубой джип «митцубиси». Прислонившись к нему спиной, стояла молодая женщина, одетая в плотно облегающие кожаные джинсы, напоминающие брюки для верховой езды, и в просторную белую рубашку, слишком смело расстегнутую на груди. Ее темные волосы были аккуратно зачесаны назад и свернуты тутим клубком на затылке. На бледном, лишенном какой бы то ни было косметики лице огнем полыхали ярко-красные губы.

20

— Наконец-то! — воскликнула Эльвира, глядя то на меня, то на Лешу, и не очень решительно остановила взгляд на мне. — Объявился, мой голубчик, родственничек! Ну, дай же тебя рассмотреть как следует. По-моему, мы с тобой похожи, — сделала вывод она, насмотревшись на меня вдоволь.

— А ты сильно изменилась.

— Надеюсь, в лучшую сторону?

— Конечно! Такая красавица! Ты была совсем другой.

Я помогал ей. Было заметно, что, несмотря на мастерство перевоплощения, Эльвира первую минуту волновалась: как я отреагирую, увидев ее. Вдруг сразу пойму, что передо мной — чужая женщина, самозванка?

Она расслабилась, поцеловала меня в щеку, оставив жирный отпечаток.

— А это, — перевела она взгляд на Лешу, который тенью стоял рядом со мной, — надо понимать, твой друг Лешка?

Леша изобразил какую-то ужасную улыбку, протянул Эльвире руку и сотворил уродливый реверанс.

— У тебя симпатичный друг, — многозначительно сказала Эльвира.

— Да я и сам ничего.

— Ну, пойдем в дом, — хлопнула она в ладоши, взяла нас обоих под руки и повела к веранде. — Сейчас будем вкусно кушать и пьянствовать. Ты мартини пьешь, Костик?

Я снова оценил мастерство игры. Была бы у меня в самом деле такая сестра! Я оглянулся, чтобы посмотреть в глаза крокодилу, которому следовало бы поучиться вежливости у своей хозяйки, но того уже и след простыл.

— Неплохо ты устроилась, — произнес я. — Это я сюда звонил?

— Не совсем, — ответила Эльвира. — Ты звонил в офис на Барсучьей поляне, а в этом доме я живу.

— И далеко отсюда офис?

— Можно пройти пешком через лес, что я часто делаю. Можно и на машине по грунтовке. Полчаса от силы.

— А кто жил здесь до тебя?

— Есть версия, что этот дом построил для своей любовницы Чехов. Потом это была дача кого-то из советских наркомов... Слушай, Костик, ты все какой-то ерундой интересуешься. Идем наверх, я покажу вам ваши комнаты.

— Наши комнаты? — удивился я. — А для чего нам комнаты?

— А вы разве ко мне только на день приехали? Поживете несколько дней, подышите горным воздухом, отдохнете от курортной жары и суеты.

Я понял, что сопротивляться бесполезно. Мы с Лешей, стараясь мягче ступать по сверкающей лаком лестнице, стали подниматься за Эльвирой. За ней шлейфом тянулся запах дорогих духов.

— А где, кстати, ваши вещи? — спросила она, не оборачиваясь.

Леша хотел что-то выкрикнуть, но я опередил его:

— А какие вещи могут быть у двух бродяг? Два старых рюкзака с рыболовными снастями — так мы их в камере хранения гостиницы оставили.

Мы зашли в коридор, и Эльвира открыла первую дверь. Маленькая и уютная комната со скошенным потолком, обитым мореной вагонкой, диван, два кресла, телевизор. Из распахнутого настежь окна струилась прохлада, слабо колыхался прозрачный тюль.

— Это комната для Леша, — сказала Эльвира.

— Как для Леша? Мы разве будем жить в разных комнатах? — спросил я.

— Конечно! Это в своей гостинице будете жить в одном номере. У меня достаточно места.

Леша поймал мой взгляд и пожал плечами, мол, ничего не попишешь, старик, нас разлучают. Такой поворот событий меня не устраивал. Поодиночке нам свернуть головы намного быстрее, чем я предполагал.

Эльвира, догадавшись, что я намерен ей возразить, взяла меня под руку и решительным тоном произнесла:

— Никаких протестов не принимаю. Вы мои гости, и будьте добры подчиняться моим требованиям. Идем, не упираться, не то я заподозрю тебя в склонности... В общем, не падай в моих глазах, братишка.

Комната, предназначенная мне, находилась в самом конце коридора и мало чем отличалась от Лешинной.

— Оставляю тебя на полчаса, — сказала Эльвира, когда я зашел в комнату. — Душ на первом этаже в правом крыле. Мойтесь, отдыхайте, а потом спускайтесь в гостиную. — Она коснулась пальцами нателеного золотого крестика. — Там и поговорим обо всем.

И закрыла за собой дверь.

Через две минуты, наскоро исследовав комнату и то, что находилось под окном, я уже был у Леша.

— Слушай, ну мы влипли! — начал Леша, но и тотчас закрыл его рот рукой и показал пальцем на стены и потолки. Леша не сразу понял, что здесь нас могут подслушать.

— Да, влипли, — ответил я, рассматривая апартаменты. — Хотели на пару часов заехать, а придется гостить на всю катушку.

Эта фраза прозвучала ужасно фальшиво, но я все же надеялся, что за нами еще не успели установить жесткий контроль.

Леша вопросительно глянул на меня. Я развел руками, мол, получили, что хотели. Меня, кажется, в самом деле приняли за родственника Васильевой и, надо полагать, убьют не сразу.

– Как тебе моя сестричка? – спросил я, заглядывая под диван и кресла.

– Красивая женщина, – сдержанно оценил Эльвиру Леша.

– Не то слово... – Я выглянул в окно, посмотрел вниз, по сторонам, наверх, сел на подоконник, достал блокнот, ручку и написал: «ПОД НАШИМИ ОКНАМИ КАРНИЗ», вслух добавил: – Она просто красавица!

Леша прочитал, тоже выглянул в окно и показал мне большой палец. Он понял: в случае необходимости мы можем перейти друг к другу по карнизу.

Продолжать разговор в такой манере было просто невыносимо, и я предложил:

– А не прогуляться ли нам по лесу перед обедом?

– Отличная идея! – поддержал Леша.

Мы вышли из комнаты. Коридор был пуст. Стараясь ступать тихо, мы спустились в холл. Никого. Лесная тишина царствовала в этом роскошном лаково-деревянном доме.

– Вот, как все просто, – сказал я, направляясь через веранду к выходу, но явно поторопился обрадоваться. В дверном проеме неожиданно выросла фигура водителя. На плече, стволом вверх, он держал винтовку «гаранд», напоминающую гобой, сделанный из дорогого дерева.

– Вернитесь назад, – сказал он спокойно.

– Разве мы не можем выйти? – зачем-то уточнил я, хотя и без того было ясно, что не можем.

– Не создавайте себе лишних проблем.

– Это арест?

– Это в целях вашей личной безопасности, – ответил водитель и предупредительно качнул прикладом.

– Вопросов больше не имеем. – Я дал задний ход.

21

– Альгис наш охранник, по совместительству – водитель. Он будет заботиться о вашей безопасности. Это – Самуил, он ведет все хозяйственные дела. Это – Роза. Она помогает готовить и следит за парком...

Эльвира представляла нам собравшихся за столом обитателей особняка. Крокодил Альгис, которого я меньше всего ожидал здесь увидеть, лицемерно улыбнулся и протянул мне руку, когда хозяйка стола назвала его имя. Чернявый, бритый наголо Самуил не произвел на меня особого впечатления. Он пожимал мне и Леше руки, не поднимая глаз, как бы проходя, словно в это время был занят чем-то несоизмеримо более важным. Повариха Роза напоминала директора ресторана – она была необъятна по ширине, отягощена колоссальной грудью и золотыми цепями, сережками, кольцами и браслетами. Голова ее, увенчанная взбитой пышной прической, добросовестно склеенной лаком, казалась безобразно огромной даже в сравнении с внушительными размерами тела.

Еще две личности – плечистые, короткостриженные молодцы – сидели на краю стола, но Эльвира не посчитала необходимым представлять нам их. Они почти ничего не ели и пили только «фанту».

– Накладывайте, – сказала мне Роза, улыбувшись толстыми фиолетовыми губами.

– Обязательно валожу, – пообещал я.

– Самуил, налей гостям! – Эльвира провела рукой над столом. – Что будет пить мой дорогой братик?

– Водку!

– А Леша?

– Винца бы неплохо, – не совсем уверенно отозвался Леша. Должно быть, он чувствовал себя так же, как предводитель дворянства на свадьбе Остапа. То есть с соблазном смотрел на халяву, но знал, что скоро, возможно, будут бить.

Первую рюмку я выпил до дна, с удовольствием закусил маслинкой и скривил физиономию.

– Что-нибудь не так? – забеспокоилась Эльвира.

– Мне бы запить чем-нибудь...

– Роза, налей Костику «Воржом».

Директор ресторана колыхнула своим невероятным бюстом, потянулась за бутылкой с минералкой и уже собралась было налить мне воды в высокий хрустальный фужер, как я накрыл его сверху ладонью.

– Нет, эта посудинка для меня маловата. Мне бы... – Я поискал глазами и увидел на сервировочном столе обычную железную кружку. – Вот это то, что мне нужно.

Простой и проверенный на практике метод имитации употребления спиртного: я вместе со всеми поднимаю очередной тост и, не проглатывая водку, подношу к губам кружку, делая вид, что запиваю. Водка, вместо того чтобы наполнять мой желудок, постепенно наполняет кружку. Проблема только в том, чтобы время от времени незаметно опорожнять посудину.

Леша совсем сник. От предчувствия экзекуции у него начисто пропал аппетит. Он вяло тыкал вилкой в тарелку, пытаясь подцепить скользкую грибную шляпку. Чтобы хоть немного привести его в чувство, пришлось наступить ему на ногу.

– У меня есть тост! – сказал я, поднимаясь из-за стола. – Так уж получилось, что мы с Танюхой живем далеко друг от друга. Она – в Кемерово, я – в Москве. И потому мы так непростительно редко встречаемся. Последний раз это случилось, если не ошибаюсь, пятнадцать лет назад... Я хорошо помню, какой она была неуправляемой, взбалмошной девчонкой. Как сходила с ума тетка Люда – царство ей небесное! – когда Танюха связалась с хиппи. Это же был вызов, самый смелый крик моды – тонкий кожаный шнурок на голове, прямые длинные волосы с прямым пробором, потертые курточки, джинсики в обтягу и всевозможные «фенечки». Я тогда так и думал, что эта тяга к вольнодумству, к романтике, к бескорыстию и свободной любви останется в твоей душе навсегда. А поэтому позволь мне подарить тебе маленький сувенир как память о том золотом времени.

Я вышел из-за стола и нетвердой походкой пошел к Эльвире, доставая из кармана кожаную «фенечку» убитой Васильевой. Милосердова с легкой иронией следила за моими телодвижениями. Я приблизился к ней, встал у ее ног на одно колено и надел «фенечку» ей на шею.

– Подвинься, не видно, что там, – сказал Самуил.

Эльвира, опустив голову вниз, рассматривала сумочку.

– Я очень тронута, – сказала она негромко. – Спасибо. Сумочка в самом деле просто замечательная. И совсем неважно, что я никогда не интересовалась хиппи, никогда не носила потертых джинсиков, как ты говоришь, и веревочек на лбу. Важно твое внимание. Наверное, у

тебя что-то с памятью, — продолжала Эльвира. — Или же ты меня с кем-то спутал. Я никогда не была взбалмошной, как ты говоришь. Я была усидчивой и старательной школьницей, любила литературу и информатику.

— Правда? — Я захопал глазами. — Что время делает с человеком!

— А чтобы ты почаще вспоминал меня, хочу подарить тебе очень дорогую мне фотографию.

Она встала и, цокая каблуками по паркету, пошла ко мне. Я тоже встал, изобразил потерю равновесия и сел на колени Леше. Эльвира свернула губки, наклонилась ко мне и поцеловала, как покойника, в лоб.

— Сеструха! — рывнул я, порываясь произвести ответный поцелуй, но Леша предусмотрительно схватил меня обеими руками за живот. — Да я за тебя, понимаешь, всю жизнь...

— Смотри, — перебила меня Эльвира, вода пальцем, тяжелым от золотых перстней, по снимку. — Вот это, в сарафанчике и с бантами, я. А этот толстяк кто, не догадываешься?

— Кто? — повторил я и пожал плечами. — Не догадываюсь.

— Это ты, мой дорогой двоюродный братик.

— Правда? — почему-то удивился я. — Надо же, какой круленький. А сейчас худой, как сушеная вобла. Что жизнь делает с людьми!

Эльвира вернулась на свое место. Мне нужен был тайм-аут, чтобы разобраться во всей этой мешанине, от которой у меня уже мозги сдвигались набекрень. Кто кого, черт возьми, надувает? Я Эльвиру, или она меня? Нестерпимо захотелось по-настоящему выпить водки. Но я упал со стула и больше не вставал...

Боюсь показаться нескромным, но во мне, кажется, умер артист.

Не думаю, что у кого-нибудь могло появиться сомнение в том, что я единолично выпил литровый графин с водкой и, что было вполне естественно, оказался лежащим на полу без чувств и совести.

Несколько секунд я прислушивался к восклицаниям, выражающим крайне низкую оценку моему поведению. Затем бритоголовые подхватили меня под руки и поволокли к выходу. Я думал, что они вышвырнут меня во двор, где в тенистой прохладе я должен буду приходить в чувство, но мрачные бультерьеры потащили меня по лестнице вверх, быстро, так что засвистело в ушах, пронесли по коридору и, открыв моей головой дверь комнаты, внесли меня внутрь и небрежно свалили на диван.

— К утру оклемается, — сказал один.

— Тем хуже для него, — добавил второй.

Они вышли. Хлопнула дверь, клацнул замок.

Некоторое время я еще лежал, прислушиваясь к удаляющимся шагам, потом встал, подошел к двери и тихо нажал на ручку. Дверь была заперта.

Я сел на подоконник, с удовольствием вдыхая сырой воздух, напоенный запахом прелых листьев. Затем, прижимаясь грудью к стене, осторожно пошел по узкому карнизу. Окно Лешни оказалось открытым, и я проскользнул внутрь, пошарил по стене в поисках выключателя, зажег свет. Комната была пуста. Постельное белье, аккуратно сложенное на тумбочке, нетронуто. Я выключил свет и вышел в коридор. Черт возьми, куда он мог подеваться?

Деревянные ступени лестницы предательски закрипели под моими ногами. В этом доме, построенном на восемьдесят процентов из дерева, вообще нельзя было передвигаться бесшумно.

Я спустился в холл, убедился, что он также пуст, и прошел в гостиную. И здесь та же картина. Из окна первого этажа выпрыгнуть было несложно. Я приземлился на кучу прошлогодних листьев, которые приглушили звук треснувших веток. Не выпрямляясь, посмотрел по сторонам, отряхнул со штанов высохшие травинки и пошел в сторону от ярко освещенной веранды. Странно все это, думал я, кидая прощальный взгляд на темнооконый особняк. Очень странно.

Занятый своими мыслями, я не сразу заметил пронзительно белую беседочку с полусферическим козырьком, миниатюрными колоннами и перильцами. Хотел ее обойти, чтобы не светиться на фоне белых колонн, как вдруг услышал приглушенные голоса и присел на колени, спрятавшись в тени куста.

— Ты мнительный человек, — говорила Эльвира. — Оттого все твои проблемы.

«Сестричка» сидела на перилах, прислонившись спиной к колонне, боком ко мне. Одна нога была согнута в колене, руки, сцепленные в замок, лежали на ней.

— Я боюсь. Я все время боюсь... — не совсем внятно ответил ей мужской голос. Мужчины я не видел. Он, должно быть, сидел на скамейке, за перилами.

— Перестань... Я устала от тебя, — произнесла Эльвира.

Минуту они молчали. У меня затекла нога, но я боялся пошевелиться.

— Если бы ты когда-нибудь в жизни любила... — начал мужчина, но Эльвира неожиданно грубо перебила его:

— Только не надо ныть о любви!

И снова молчание.

— Два дня. — Мужской голос. — Только два дня. На большее моего терпения не хватит.

— Да? — усмехнулась Эльвира. — А что будет потом?

Мужчина что-то ответил, но совсем тихо, я не расслышал. Эльвира же отреагировала весьма бурно:

— Что?! — воскликнула она. — Даже так?

Она соскочила с перил и пошла к особняку. Теперь только я увидел мужчину и чуть было не вскрикнул от неожиданности. Леша!

Я не мог поверить своим глазам. Мой друг, как побитая собака, плелся за Эльвирой. Они давно знакомы? Или же успели близко познакомиться, пока я сидел в своей комнате? Чего Леша боится? Чего будет ждать еще два дня?

Я только задавал вопросы, даже не пытаясь ответить на них, — не было времени. Осторожно привстал, и тут удар в лицо свалил меня с ног.

Мне показалось, что за мгновение до этого перед моими глазами что-то ярко вспыхнуло. Слепленный мощным фонарем, я тряс головой, не соображая, что случилось. Не успел я встать на корточки, как новый удар опять кинул меня на землю. Рот наполнился кровью, в голове гудело, словно в трансформаторе высокого напряжения. Прикрыв лицо руками, я попытался рассмотреть, кто это так старательно упражняется на мне, но новая вспышка, а за ней еще более сильный

удар лишили меня всякой возможности ориентироваться в пространстве.

— Ну что, братишка, не нравится? — услышал я рядом с собой незнакомый голос.

— Я ничего не вижу, — сказал я.

— Это хорошо. Моя воля, так я бы твои зенки каблуком повыбивал.

— За что ж так жестоко?

— Вяжи его, чего ты с ним беседу завел? — сказал кто-то второй.

Я с трудом различил огни веранды. Затем чья-то тень закрыла их собой.

Ударом ноги меня повалили лицом в землю, наступили на спину и туго связали руки.

22

Голова все еще болела, а привкус крови во рту вызывал тошноту. И все-таки я благодарил Бога за то, что легко отделался. Так тебе и надо, мысленно говорил я себе. В следующий раз, если он, конечно, наступит, не будешь расслабляться и гулять по чужой территории, как по своей даче.

Трудно сказать, сколько времени я пролежал на полу, глядя на потолок своей комнаты, по которому скользили тени листьев. Судя по динамике развития событий, надеяться мне можно только на Володю Кныша, который не захочет считать меня коммунистом и примчится сюда со всем отделением милиции. Главное, чтобы он успел.

Я рассматривал свои ладони и пальцы, словно это был случайно найденный под креслом крупнокалиберный пулемет, затем стал торопливо освобождать от ремней ноги. Такая удача случается раз в сто лет, думал я, пытаюсь совладать с волнением и дрожью. Эти олухи подарили мне свободу! Эти бараны преподнесли мне бесценный подарок! Они позабыли связать мне руки!

Опасаясь, что бараны могут вспомнить о своей оплошности и вернуться, я несколько нервозно заметался по комнате, высккивая, что мне может пригодиться, потом запрыгнул на подоконник и глянул вниз. Свист в ушах, чувствительный удар в ноги, приземление. Я вскочил и, прихрамывая, побежал туда, где было темнее всего. Прочь, прочь от этого дома! Я едва не налетел на бетонную стену, погладил ее шершавую поверхность, отыскал монтажную скобу, подтянулся и перелетел через ограду, как мяч через сетку. На другой стороне я позволил себе снять все тормоза и побежал по лесу с такой скоростью, на какую был способен. Лес постепенно редел, и вскоре я вышел на альпийский дуг, усыпанный белыми горбатыми валунами, напоминавшими могильные надгробия. Внизу рассыпалась огнями Алушта, а еще дальше, по черному полотну моря, медленно скользили разноцветные огни судов.

Я свернул правее, где, как мне казалось, должна проходить дорога, примыкающая к ялтинской трассе, и когда увидел ее серебристый отсвет в лучах полной луны, то остановился, как вкопанный, услышав за своей спиной приглушенный лай и рычание. По моим следам неслась стая собак.

Я посмотрел по сторонам, надеясь найти в этой крошечной тьме какую-нибудь увесистую дубинку, затем уверенным шагом направился к шоссе, стараясь всем своим видом показать псам, что не боюсь их.

Рычание достигло самого злобного тембра. Псы должны были либо лопнуть от ненависти, либо кинуться мне на спину. Волкодавы выбрали второе.

Вожак издал какой-то сдавленный звук, упал на широко расставленные лапы и, мотая большой треугольной головой, стал прицеливаться на мою левую ногу. Наконец он схватил меня чуть ниже колена, поджал лапы, притягивая к земле всем своим весом. Едва я, вой дурным голосом от боли, наклонился, чтобы вогнать палец в черный глаз вожака, как один из псов вцепился мне в локоть.

Я проигрывал. Силы быстро покидали меня, и я уже не мог оторвать пса, вцепившегося мне в руку, от земли. Третий, самый мелкий волкодав, держал меня за штанину и, пятась назад, пытался стащить с шоссе. Уподобляясь своим врагам, я рычал, оскалив зубы, и, если бы смог достать, непременно вонзил бы их в мягкую шерсть.

Меня шатало из стороны в сторону. Пока еще свободная и здоровая левая рука маятником ходила по собачьим спинам и головам, но одуревшие от вкуса крови и предчувствия близкой победы псы не обращали на это внимания.

Не в силах больше сопротивляться и терпеть боль, я упал на колени, стараясь подмять под себя вожака, но он успел выскочить из-под меня и, приближая финал, прыгнул, распарывая клыком кожу на затылке.

Неожиданно в глаза ударил яркий свет; мне показалось, что от моего крика и собачьего рыка на нас свалилась луна. Через мгновение я различил звук мотора и, ослепленный, догадался, что ползаю по земле вместе с прицепленными ко мне псами у колес какого-то автомобиля. Хлопнули один за другим два выстрела, и я сразу почувствовал облегчение — острая боль в ногах и руке стремительно утонула. Мои мохнатые палачи в один голос заскулили, вожак упал на спину, задергал лапами, размазывая вишневое пятно по белой шерсти, и быстро затих. Вторая псина, припадая на переднюю лапу, поскуливая, торопилась к обочине, но на самом краю асфальтового полотна упала на бок и стала делать странные движения головой, будто следила за летающей вокруг носа пчелой.

Я ждал третьего выстрела. Не знаю, почему-то я решил, что третья пуля предназначалась мне.

— Ты жив, Кирилл?! — закричал кто-то над самым ухом. — Кто на тебя натравил собак? Где они?

Наконец я различил в свете фар знакомый профиль Володи Кныша. Лейтенант пытался поднять меня на ноги. Я мог встать и без его помощи, но не сразу сообразил, зачем он просунул руки мне под мышки и дергает вверх, причиняя боль.

— Подкидываешь ты нам вводные, — проворчал он. — Где они?

— Кто? — не сразу понял я.

Кныш засопел.

— Ты давал мне телеграмму?

— Давал, Володя, давал.

— Лезь в машину, по дороге обо всем расскажешь. До Барсучьей поляны еще километра три?

— Мы не туда поедem.

— Как ты вышел на Эльвиру? — спросил Кныш, когда я вкратце рассказал ему о своих алоключениях.

Пришлось рассказывать о Лепетихе, его неудачном выстреле у останков памятника морскому десанту, о том, как я нашел его труп в подъезде алуштинского дома.

Кныш покачивал головой, кашлял, кряхтел и вполголоса ругался.

– Занимаешься не своим делом, – бормотал он. – Я же предупреждал тебя... Как пацан, в самом деле... А где твой друг?

– Друг? – переспросил я. – А друг остался там.

– Ты бежал один? – удивился Кныш.

– Это было самым разумным решением, – начал я нести какую-то чепуху. – Нас заперли в разных комнатах.

Мы свернули на лесную дорогу.

– Я знаю эти места, – сказал незнакомый милиционер в бронежилете. – Мы едем на дачу, которую года два назад купила фирма, занимающаяся производством компьютерных программ. А офис у них на Барсучьей поляне.

– И что, часто беспокоили? – спросил Кныш.

– Это – первый раз.

– Охрана у них большая? – спросил меня Кныш.

– По крайней мере, трое.

– Оружие?

– Я видел только у одного. Самозарядная американская «гаранд».

– Эта «пушка» стоит на учете, – сказал мент в бронежилете. – У них есть лицензия.

– У нас нет даже косвенного повода вламываться на дачу, – проворчал Кныш. – Разве что придраться из-за собак?

Не знаю почему, но мне показалось, что если бы дача встретила нас дружным оружейным огнем, я почувствовал бы себя намного спокойнее.

23

Перед самой дачей откуда-то из темноты прямо под колеса машины кинулся человек. Я без труда узнал в нем Альгиса.

– Стой! Стой! – кричал он, размахивая рукой, хотя водитель затормозил сразу, как только Альгис показался в свете фар.

Кныш приоткрыл дверцу, и Альгис тотчас просунул голову в кабину. Он еще не видел меня и скороговоркой обратился к водителю:

– Как хорошо, что вы приехали! Прошу за мной! Здесь плохая дорога, будьте осторожны!

И пошел впереди машины, постоянно оглядываясь и махая рукой.

– Ты его видел? – спросил Кныш.

Я кивнул.

– Это один из охранников. Его зовут Альгис.

– Я его знаю, – отозвался алуштинский милиционер. – Он работает в службе безопасности фирмы, регистрировал у нас свою «пушку» и несколько газовых пистолетов.

Лучше б тебя здесь не было, подумал я, глядя в стянутую бронежилетом спину милиционера. Я интуитивно чувствовал в нем союзника Эльвиры.

Альгис, непрерывно размахивая рукой, словно водитель без его помощи не увидел бы дороги, вошел в распахнутые ворота. Мы въехали на территорию бастиона. Уже стало настолько светло, что даже под кронами величественных буков можно было обойтись без фар.

«Уазик» остановился рядом с бело-голубым «митцубиси». Сержант вышел первым, следом за ним – алуштинец, затем – Кныш. Я вышел последним. Увидев меня, Альгис вдруг просиял совершенно счастливой улыбкой.

– Вы его, голубчика, уже взяли? Какая радость!

– Идите в дом! – оборвал Кныш. Лицо его было мрачнее тучи.

– Мое почтение, Игорь Игоревич! – Альгис театрально поклонился и поднес ладонь к виску, приветствуя алуштинского милиционера.

Они пожали друг другу руки. Кныш сделал вид, что не заметил этой фамильярности. Он первым поднялся по ступеням на веранду. Я, пропустив вперед себя Игоря Игоревича, пошел следом за ним. Альгис попытался воткнуться между ним и мной, но я двинул его локтем в грудь, и он, кинув на меня взгляд палача, пошел последним.

– Зажгите свет! – распорядился Кныш, оглядывая холл. – Все, кто есть в доме, пусть соберется здесь.

– Будет сделано, – вежливо ответил Альгис и торопливо пошел наверх.

Прошло немало времени – так, во всяком случае, мне показалось, – прежде чем зашкрипели ступени лестницы, и я увидел Эльвиру в наброшенном на плечи черном платке. Лицо ее было бледным и усталым. Она мельком взглянула на меня, потом на Кныша и остановила свой взгляд на алуштинце.

– Вот, – сказала она холодно, протягивая ему лист бумаги. Игорь Игоревич взял бумагу и только было начал читать, как Кныш, развернувшись лицом к Эльвире, исподлобья глянул на нее и спросил:

– А вы, простите, кто?

– Я хозяйка дачи, – ответила Эльвира, высокомерно взглянув на Кныша.

– У вас есть какие-нибудь документы?

– Паспорт вас, надеюсь, устроит? – вопросом на вопрос ответила Эльвира и протянула Кнышу паспорт, который держала под платком.

– Сысоева Татьяна Юрьевна, – вслух прочитал Кныш, кашлянул и кинул на меня молниеносный и недвусмысленный взгляд. – Тэ-эк... Кто еще проживает в доме?

– Сотрудники моей фирмы. Прикажете всех поднять с постелей?

– Татьяна Юрьевна, – заискивающим тоном произнес Игорь Игоревич, протягивая лист Кнышу. – Это в ваших же интересах. Мы должны допросить всех свидетелей.

– Можете начать с меня, – вызывающе сказала Эльвира-Татьяна.

– Хорошо, – согласился Игорь Игоревич. – Тогда присядьте, пожалуйста. В ногах правды нет.

– Какое счастье, что вы, наконец, об этом вспомнили, – ответила Эльвира-Татьяна и села на диван.

Я не смог совладать с любопытством, поднялся с кресла и подошел к Кнышу. Тот неожиданно резко опустил руку с листком и сквозь зубы процедил:

– Сядьте, гражданин! – Затем обратился к Эльвире-Татьяне: – Суть вашего заявления нам ясна. Хотелось бы выяснить некоторые детали. Первое: зачем вы пригласили двух незнакомых людей к себе?

– Этот оборванец по телефону представился моим двоюродным братом. А у меня в самом деле есть брат. К сожалению, я сначала поверила ему и послала к гостинице «Алушта» машину.

– Когда же вы поняли, что вас обманывают?

– Сразу, как только мы встретились. Мой братец раза в три толще этого самозванца.

– Почему же вы сразу не сказали ему, что произошла ошибка и вы – не его сестра?

– Видите ли, – усмехнулась Эльвира-Татьяна, – мы сразу поняли, что перед нами воры и аферисты. Если бы я сказала, что произошла ошибка, то они бы спокойно ретировались. А отпускать жуликов без наказания – не в моих правилах.

– Что вы на это можете сказать? – повернулся ко мне Игорь Игоревич.

Я посмотрел на «сестренку».

– Четыре дня назад ты позвонила из своего офиса молодому и малоопытному киллеру и заказала убийство. Его звали Артем Лепетиха, а убить он должен был меня...

– Послушай, быдло, – прошипела «сестричка», – не обращай ко мне на «ты».

– К твоему несчастью, – продолжал я, – Артем не смог выполнить задание. Около полуночи мы приехали с ним в Алушту. Ровно в двенадцать он должен был доложить тебе, выполнено ли задание. Лепетиха зашел в подъезд своего дома первым – в целях собственной безопасности... А минут через десять я нашел у лифта его труп.

Меня перебил скрип лестничных ступенек. Мы подняли головы вверх. В холл спускалась Роза в каком-то вульгарном малиновом пеньюаре и Самуил в спортивном костюме. Мне показалось, что глаза Розы заплаканы, а щеки Самуила неправдоподобно черны от щетины, словно он нарочно вымазал лицо в саже.

– Присядьте, – сказала им новоявленная Татьяна Юрьевна. – У вас есть вопросы к моим сотрудникам? – обратилась она к Игорю Игоревичу.

– Лично мне все ясно, – не поднимая головы, ответил милиционер.

– У меня вопрос, – произнес Кыш. – Скажите, – повернулся он к Розе, – что в доме делал этот человек? – И он кивнул в мою сторону.

– Этот человек? – рассеянно переспросила Роза, оглядывая всех присутствующих и теребя на груди край пеньюара. – Он представился братом Татьяны Юрьевны, но мы все понимали, что он обманывает.

– А как вы думаете, для чего он вас обманывал?

Роза пожалала плечами.

– Думаю, хотел что-нибудь украсть.

– И потому напился, как мне сказали, до бесчувственного состояния?

Роза усмехнулась.

– Насчет бесчувственного состояния, конечно, сильно преувеличили. Я не могу сказать, что этот гражданин был сильно пьян. Точнее, он вообще был трезв.

Лучше бы Кыш ничего не спрашивал!

– Он притворился пьяным, – устало сказала Татьяна Юрьевна. – Дешевый трюк: все думают, что человек невменяем, а тот тем временем чистит карманы и шкафы.

– Вы обнаружили пропажу каких-либо вещей?

– Я еще не проверяла свои вещи.

– Где его сообщник?

Татьяна Юрьевна кивнула Самуилу. Тот нырнул под лестницу, клацнул замком, и в холл вышел Леша.

— Что касается этого гражданина, — сказала Татьяна Юрьевна, показывая кончиком сигареты на Лешу, — то могу сказать, что он, в отличие от своего коллеги, вел себя не агрессивно и, насколько я поняла, представился своим собственным именем. Лично я не вижу в его поступках какого-либо криминала.

— Разберемся, — многообещающе ответил Игорь Игоревич и перевел сонные глаза на меня и Лешу: — В машину, оба!

— Его-то за что? — спросил я, поднимаясь с кресла. — Сказали же ясно: криминала нет.

Леша густо покраснел. Игорь Игоревич неожиданно зло рявкнул:

— Молчать!

Татьяна Юрьевна кивнула мне напоследок и певуче произнесла:

— Чао, братишка!

24

Стягивая с себя по пути куртку и майку, я шел к пирсу. Недалеко от берега прыгали на волнах две «ямахи», сверкая оранжевыми бортами. Один из водителей постоянно сваливался в воду, второй же управлял более виртуозно и удерживался в седле, даже когда его вместе с мотоциклом подкидывало в воздух. От этого мне было бы нелегко уйти, подумал я, вспомнив свою недавнюю гонку на водном мотоцикле. Дима Моргун следил за мной из-под зонтика.

— Будешь кататься? — спросил он, не поворачивая головы.

— Нет, просто хочу поговорить, — ответил я, присаживаясь рядом с ним под зонт.

Напротив нас, на мелководье, полная женщина пыталась оседлать прогулочный катамаран. Поплавок под ее тяжестью полностью уходил под воду, палуба наклонялась, и пассажирка соскальзывала с нее в воду.

— Ты паспорта у клиентов требуешь? — спросил я. — Вдруг утопят катамаран, как потом счет предъявлять?

Моргун медленно повернул скуластое лицо. В его очках отразились две мои физиономии.

— Ну, — мученическим голосом произнес он. — Давай, рожай скорее! О чем ты хочешь меня спросить?

— Я уже спросил.

— Эх, Кирилл, Кирилл, — вздохнул Моргун. — Мне-то не надо лапшу вешать! Ты хочешь узнать, кто брал акваланги девятнадцатого августа.

— Да, ты прав, — признался я. — Я это хочу узнать.

— Тогда запоминай. В десять утра — молодая женщина. Фамилия ее тебе ничего не скажет. Она поплескалась минут двадцать у пирса, собрала пакет мидий и сдала аппарат. Около двенадцати акваланг взял молодой мужчина... — Моргун поднял глаза, закрытые зеркальной шторой, и сделал паузу, предакушая мою реакцию. — Да, вторым был мужчина. Алексей Малыгин. — И снова пауза. — Твой знакомый, если не ошибаюсь? Он пользовался аквалангом долго, почти до четырех часов. Должно быть, далеко плавал. И еще один раз он пользовался нашими услугами, — добавил Моргун. — Он катался на серебристой «ямахе». Причем в то же время, что и ты. Я думаю, вы с ним встретились где-нибудь в открытом море, не так ли?

— Так, — кивнул я.

— Есть еще вопросы? Пользуйся случаем, следопыт, сегодня я даю для тебя пресс-конференцию по полной программе.

— Ты сможешь повторить все, что сказал мне сейчас, под протокол? Моргун минуту молчал.

— Смогу, — не совсем охотно ответил он. — Завтра утром. Но в обмен на одну маленькую услугу.

— Какую же?

— Ты дашь мне слово, что больше никогда не станешь цепляться ко мне, как банный лист к заднице.

Мои дни делятся на удачные и неудачные, причем неудачные начинаются с того, что я поздно просыпаюсь.

Так случилось и в этот раз. Я вылез из спального мешка в двенадцатом часу, когда полуденный зной до отказа заполнил мою квартиру, и я попросту начал задыхаться. Еще час ушел на холодный душ и смазывание бальзамом многочисленных следов собачьих зубов. В итоге я вышел из дома в час полуденной снесты, и Володю Книш на работе не застал. Дежурный сказал мне, что он на выезде и сегодня вообще не появлялся в отделении.

Надо было предупредить Моргуна, что наша беседа «под протокол» переносится на вторую половину дня, и я пошел на набережную.

Зонтик и шезлонг стояли на своем обычном месте, только вместо Моргуна в тени расслаблялся незнакомый молодой мужчина. В его толстых губах дымился влажный окурочок.

— А где Моргун? — спросил я.

— Все, — ответил мужчина и зевнул. — Моргуна больше не будет.

— Что значит — не будет?

— Уехал Моргун. — У мужчины явно не было настроения говорить.

— Надолго?

— Навсегда.

Я выпрямился и поискал глазами Сергея. Парень подкачивал помпой «банан», а группа людей в полосатых спасжилетах сосредоточенно следила за его ногой.

— Здравствуйте, — узнал меня Сергей. — Вы Моргуна ищете? Так он уехал в Москву.

— По делам или как?

— Навсегда уехал. Он давно говорил, что его берут в одну крутую московскую фирму... этим... менеджером, что ли?

— И теперь у тебя новый шеф? — я кивнул в сторону шезлонга.

— Да, — не совсем радостно ответил Сергей. — Теперь у меня новый шеф.

Я попрощался с ним и вернулся домой. Снял во дворе развешанный на проволоке после стирки горный комбинезон и надел его. Он не облегал тело, был достаточно просторным для того, чтобы спрятать в его карманах оружие.

Потом я закрылся в душевой, сдвинул в сторону ванну, разобрал открывшийся под ней квадрат кафельных плиток и вынул из тайника завернутые в промасленную тряпку трофейный «ТТ» и наручники, которые мне подарил на день рождения Книш.

В восьмом часу, когда солнце свалилось за исполинскую пирамиду горы Сокол и на поселок опустилась прохлада, я направился к улице

Морской с извечным запахом навоза и подошел к дому, во дворе которого стоял небольшой фанерный флигель. Дверь флигеля была незаперта. Пригнув голову, я зашел в комнату, пробежал взглядом по койке, тумбочке, журнальному столику, на котором стояла глубокая тарелка, доверху наполненная вареными креветками, и сел в старое продавленное кресло.

Ждать пришлось недолго. Дверь распахнулась, и на пороге выросла фигура Леша. Он вытирал голову махровым полотенцем и заметил меня не сразу.

— Очень кстати, — сказал он, протягивая мне руку и с каким-то настороженным вниманием глядя мне в глаза. — А я креветок купил, сейчас ужинать будем.

Я молчал. В комнате повисла напряженная тишина.

— Ты чего молчишь? — спросил Леша.

— Думаю.

— О чем?

— С чего начать.

Леша облачился в белую рубашку, причесался перед осколком зеркала и сел на койку напротив меня.

— Начиная с середины, — посоветовал он.

— Самое грустное в этой истории заключается в том, что я потерял друга, — сказал я. — Ты сыграл роль прекрасного человека, романтика, искателя приключений, который одновременно мог быть и верным другом, и авантюристом. Такого мне всегда не хватало в жизни. Я привязался к твоему герою. Он был нужен мне... Но спектакль закончился. И вместо Леша передо мной сейчас сидит артист, которому никогда не подняться до уровня его героя... Такое, наверное, случается у артистов. — Я сделал глубокий выдох, и уже спокойно продолжал: — С Эльвирой Милосердовой вы учились в одном классе. Должно быть, у тебя были к ней сильные чувства. Я думаю, Эльвира, зная об этом, держала тебя на коротком поводке и навязывала свою волю. Не по годам умная и хитрая, она предложила тебе совершить вместе с ней дьявольскую аферу.

Эльвира создала акционерное общество, пообещала вкладчикам высокие проценты, раскрутилась, открыла несколько филиалов. Деньги потекли на счета «Милосердия» рекой, а когда пришло время массовых выплат по процентам, она придумала, как красиво выйти из игры.

— А в чем же заключалась моя роль? — спросил Леша. Мне показалось, что в его голосе прозвучала ирония.

— Ты тем временем крепил со мной дружеские отношения, готовясь подставить меня, — жестко ответил я. — Ты знал, что каждый день по нескольку часов я нахожусь рядом с Диким островом. Лучшей кандидатуры, на которую можно было бы свалить убийство, трудно было найти. Вы открыли на мое имя фиктивный валютный счет, чтобы потом можно было обосновать мотивы убийства банкирши, состреляли поддельное письмо, которое якобы я написал Эльвире, договорились с Караевым о прокате яхты, а между делом активно сажали на иглу свою жертву — Татьяну Васильеву из лагеря хиппарей, благо, что тебе, как анестезиологу, несложно было достать наркотик...

Девятнадцатого августа, ближе к полудню, когда я нырял за крабами у берегов Дикого острова, ты взял напрокат у Моргуна комплект

аквалангов и пригласил Татьяну на морскую прогулку. Думаю, она была в состоянии глубокой эйфории и полностью подчинялась твоей воле. Ты взял курс на остров, поставил «Ассоль» на якорь недалеко от берега... Затем вы с Татьяной вышли на берег. Ты стал раздевать ее. Не думаю, чтобы она сопротивлялась. Повалил на гальку, прижал ее голову к большому плоскому камню, похожему на наковальню. Потом тяжелым булыжником размозил ей череп...

Леша немного побледнел и стал покусывать губы.

— Продолжать? — спросил я.

— Да, — глухо ответил он.

— Ты утопил ее одежду — это, собственно, лишь короткие шорты да майка на тонких бретельках. Но, видимо, впопыхах обронил «фенечку», которую несколько часов спустя я нашел. Перенес труп на яхту, надел на него заранее приготовленный деловой костюм Эльвиры и сбросил тело в трюм. Затем отнес в мою лодку акваланг и кожаную накидку Эльвиры, отогнал лодку подальше в море и в акваланге нырнул в воду. Должно быть, ты не совсем точно рассчитал свой маршрут к берегу и едва не столкнулся под водой со мной. В принципе вы все неплохо продумали: я оказался на безлюдном острове один на один с убитой, ее накидка с письмом в моей лодке и крупный валютный счет превращались в серьезные улики. Но, видимо, не учли, что Моргун сумеет уладить конфликт с пограничниками и прикроет меня... Тогда вы решили подставить меня еще раз. У тебя было заметное преимущество: ты знал о всех моих ближайших планах. Когда я пошел в Морское к Караеву, вам стало ясно, что старик с легкостью выдаст тебя. Ты убил капитана в тот момент, когда я покупал вино в магазине.

Оставался последний свидетель, который видел тебя рядом с Васильевой, — бомж, ошивавшийся на пляже хиппарей. Вы не трогали его до того момента, пока я им не заинтересовался. Ты старался не подпустить меня к пляжу в тот день, когда там болтался этот несчастный алкаш, гонялся за мной, как чумной, на «ямахе» в платке и черных очках. А я даже подумать не мог, что это ты, все грехи сваливал на Моргуна. Когда в своем расследовании я зашел слишком далеко, догадавшись, кто именно похоронен вместо Эльвиры, вы решили поставить на мне точку. Но жадность наказуема, дорогой Леша. Сэкономив на опытном киллере, вы крупно обломались с этим жалким Лепетихой.

У меня не было бы никаких шансов вернуться живым из особняка «сестрички», если бы на твоих глазах я не отправил телеграмму Книщу. Ты успел предупредить банду об опасности; Эльвира, а она наверняка была где-то рядом, резко ретировалась и спряталась в более надежном месте, а оставшиеся сотрудники так называемой компьютерной фирмы договорились, что разыграют спектакль по обезвреживанию двух аферистов. Ночью я выбрался из особняка и подслушал твой разговор с Сысоевой. Скорее всего, вы говорили с ней об Эльвире. Ты настаивал, чтобы она позволила тебе с ней встретиться, угрожал. Ставил условия, что будешь ждать еще два дня. Мне кажется, ты начал понимать, что Эльвира и тебя водит за нос. Женщина с бешеным состоянием несколько иначе смотрит на школьную любовь, чем мы с тобой...

Я чуть не добавил «дружнице». Леша догадался, какое слово повисло у меня на языке, и по его лицу впервые за четверть часа пробежала судорога боли.

— И что ты собираешься делать дальше? — тихо спросил он.

— Мне очень не хотелось бы силой тащить тебя в милицию. Это было бы смешно, словно провинившегося мальчишку... ты сам знаешь, что заслужил.

Леша посмотрел по сторонам, словно потерял что-то очень важное, и сказал мне то, о чем я давно подсознательно мечтал:

— Может быть, нам для начала выпить по стаканчику, а потом ты дашь мне возможность все объяснить.

— С удовольствием. Горло начисто пересохло! — признался я.

Мы анергично встали из-за стола и вышли во двор. Леша запер флигель на ржавый висячий замок и пошел вперед, показывая, что доверяет мне. Я не захотел исполнять роль конвоира и поравнялся с ним.

Ближайшее к нам кафе «Встреча» располагало всего тремя круглыми столиками, но в это время там редко бывало много народу. На этот раз оно вообще пустовало. Леша застрял у запотевшей витрины, разглядывая пирожные и напитки в бутылках, а я, раз он взял инициативу в свои руки, сел за ближайший к выходу столик.

Рядом с кафе остановился новосветский автобус. Через передние двери по одному стали выходить пассажиры, расплачиваясь с водителем.

И тут произошло нечто такое, чего я даже предположить не мог. Леша как-то боком наехал на столик, опрокидывая его вместе со мной на пол, а затем молниеносно выскочил на улицу. Пока я выбирался из-под стола, он в несколько прыжков достиг автобуса и за мгновение до того, как закрылись дверцы, нырнул внутрь. Автобус будто только этого и ждал, резко сорвался с места и погнал в Новый Свет.

На пороге я споткнулся и, с трудом удержавшись на ногах, вывалился на улицу, тяжело дыша постоял посреди дороги, провожая взглядом автобус, потом сплюнул и выматерился.

— Ну ладно, — произнес я сквозь зубы, задыхаясь от бешенства. — Я тебя достану... Я выслушаю тебя в сизо! Я посмотрю, как ты еще будешь со мной шутить...

25

Когда я вернулся домой, меня у калитки ждал высокий человек в светлой рубашке.

— Простите, что беспокою. Случайно, не вы Кирилл Андреевич Вацура?

— А кто вы такой? — спросил я его. — Я никак не могу вас узнать.

— Мы ни разу не встречались, — усмехнулся незнакомец, — хотя... Хотя однажды говорили по телефону.

— Секундочку! Вы — Виктор Резоевич Гуруди? Так сказать, генеральный директор АО «Доброе сердце», или как там, «Сердечная забота»?

— Почему «как будто»? Я действительно генеральный директор акционерного общества. Только называется оно «Милосердие». Странно, однако, что вы меня узнали. Где вы могли меня видеть?

— На похоронах вашей чрезмерно умной предшественницы.

— Как? И вы там были?

— А чему вы удивляетесь? Ведь я был страстным поклонником ее коммерческого таланта, одним из лучших ее клиентов. Может, войдем в дом?

— Хорошо. Я займу у вас от силы десять минут. — Гурули сел на диван, положил кейс на колени и щелкнул замками. — Для начала распишитесь в ведомости. — Он достал лист, надел очки. — Три миллиарда восемьсот семьдесят миллионов плюс семьсот миллионов от процентов. Сумма, разумеется, указана в купонах, но это лишь для проформы. Я выдам вам долларами... Что вы на меня так смотрите? Что-нибудь не так?

— Значит, вы хотите вернуть мне деньги по вкладу? — спросил я, опускаясь на стул напротив Гурули.

— По вкладу и процентам, — уточнил он, доставая из кейса аккуратные пачки стодолларовых купюр, перетянутые резинкой.

— Послушайте, Гурули... не пойму, для чего вы принесли эти деньги? Они краденые, а вы, Гурули, вор.

— Они не украдены, — жестко сказал Гурули. — Это добровольные взносы вкладчиков. И с каждым из них я рассчитываюсь в ближайшее время. А вас попрошу оказать небольшую услугу. За хорошее вознаграждение, разумеется. Мне надо перевезти валюту по морю. — Он сделал паузу и добавил: — На яхте «Ассоль». Словом, я прошу вас подобрать капитана и двух матросов. Дату мероприятия, по понятным причинам, я вам пока сообщить не могу. Если подберете кандидатов, время для них определите так: в течение ближайшего месяца, но и не исключено, что через несколько дней.

— Конечно. Так и скажу, — ответил я. — О'кей!

— Через несколько дней я вас найду. — Гурули откланялся и вышел за калитку.

...Я открыл глаза, очнувшись от жутких сновидений, сел, машинально сдергивая с дивана мокрый от пота спальник. Телефон звенел, как аварийная сирена, и я, падая с дивана, рванулся к нему, схватил трубку и прижал ее к уху. Мне показалось, что на связь со мной вышла сама стихия, потому что в эту же секунду где-то над балконом оглушительно шарахнула молния.

— Подождите! — хрипло выкрикнул я. — Ничего не слышно.

— Кирилл Андреевич, прошу прощения, что в такое позднее время. — Я узнал голос Гурули. — Немедленно одевайтесь и выходите из дома. Машина уже у вашего подъезда.

— Что-нибудь случилось?

— Ничего не случилось. Просто мы начинаем работу.

— А более удобное время вы не могли выбрать для этого?

— Поторопитесь, Кирилл! Через два часа самолет.

— Куда летим?

— Летим в Анапу.

...В самолете, спустя минут пятнадцать после влета, когда мы были уже достаточно высоко и я уже не мог спуститься вниз и выдать всему миру тайну о денежном караване, Гурули извлек из своего кейса и положил на колени кожаную папку. Надел очки, открыл «молнию» и стал по одному доставать документы:

— Доверенность на яхту. Лоция. Штурманская карта... Маршрут, как видите, уже обозначен и просчитан: Анапа — Алушта, сто пятьдесят миль. Отход от причала Анапы — восемь ноль-ноль, прибытие в Алушту — восемнадцать ноль-ноль. Там я вас встречу. Средняя ско-

рость соответственно — двенадцать-тринадцать узлов плюс поправка на шторм и боковой ветер. Идти будете в относительной близости от берега, так что проблем с ориентированием у вас быть не должно. Извещение мореплавателям от десятого июня сего года. Договор. Приложение к договору с указанием суммы вашего гонорара...

— Десять тысяч долларов? — удивился я.

— Что, мало? — вроде как забеспокоился Гурули.

— Вы щедрый заказчик, Виктор Резоевич. Только я не понял, эти деньги предназначены мне или же на всю команду?

— На команду? — переспросил он и снял очки. — Разве вы подобрали себе команду?

— Я подобрал? Кажется, о матросах должны были позаботиться вы.

Мы с Гурули смотрели друг на друга; он, как и я, старался продемонстрировать крайнее изумление.

— Ну вот, — недовольно пробурчал Гурули, собирая документы. — Перед самым отплытием выясняется, что вы не подобрали себе команду. Я как вам говорил? Мне нужен капитан и матросы. Капитана в своем лице вы мне представили. А матросы где?

— Если бы вы не темнили относительно даты отплытия, то я успел бы найти матросов. Но у вас же все покрыто мраком тайны! У вас же конспирация, черт возьми!

— Я вас предупреждал, что отплытие состоится на днях.

— На днях? А из какого словаря мне узнать точное толкование этой фразы? — Меня понесло. Я дал волю эмоциям, причем настолько полную, что вокруг нас проснулись пассажиры, а стюардесса стала наблюдать за нами из-за занавески, отделяющей тамбур от салона.

— В конце концов мне кажется, что вы сами вполне справитесь с яхтой, — попытался успокоить меня Гурули.

— Естественно, — ответил я. — Это мне было ясно с самого начала.

26

Генеральный директор находился в приподнятом настроении. Когда мы подкатили к причалу на машине, встретившей нас в аэропорту, Гурули возбужденно потер руки, вышел и принял от путающегося под ногами референта зонтик. Затем представил меня:

— Господа! Это Кирилл Вадура, который поведет сегодня яхту в Крым.

Господа стали молча протягивать мне руки. Четверо из них, одетые в короткие кожанки, крупнотельные, квадратноголовые, с тяжелыми челюстями и надбровными дугами, подчеркивающими приверженность к физической работе, были, видимо, представителями, так сказать, охранных структур. Двое немолодых, лысеющих и полнеющих мужчины, одетых в костюмы-тройки, протянули мне руки с таким видом, словно давали мне деньги взаймы. Три человека в милицеевской форме были заняты курением и ограничились кивком. К остальным мужчинам разных возрастов, которые в это время спорили о высоте волны, обращение «господа», похоже, не относилось.

Я обернулся на звук сирены. К причалу приближалась вереница автомобилей: стреляющий синим лучом милицеевский «уазик», инкассаторский «броневик», два «жигуленка» и длинная, как лимузин, иномарка. Все машины, кроме инкассаторской, встали у навеса. «Броневик» на малом ходу поехал по пирсу и остановился рядом с яхтой. К

машине уже торопился Гурули. Придерживая над ним зонтик, следом семеня референт. Милиционеры, накинув на плечи серые дождевики, встали цепью у входа на причал. Из «броневика» вышли два молодых человека в тренировочных костюмах с капюшонами, подпоясанные широкими ремнями, на которых висели кобуры, посмотрели на «Ассоль», напоминаящую качели какого-то дикого аттракциона, недолго посоветовались, после чего вытащили из машины три металлических ящика, каждый размером с микроволновую печь, и поставили на асфальт.

— Приступаем! — крикнул им Гурули.

Инкассатор, стоящий на причале, поднял первый ящик и, улучив момент, передал его в руки своего товарища. Второй и третий попали на борт яхты столь же благополучно. Куда они затем перенесли ящики, я не увидел. Гурули подошел ко мне, крепко сжал руку выше локтя.

— Ну что, Кирилл? Вам пора. Побеспокойтесь о том, чтобы вовремя прибыть в Алушту. И постарайтесь не нарушить целостность печатей.

Он махнул кому-то, стоящему под навесом, и спустя минуту на малом ходу в море вышли четыре моторки. Волны подкидывали их, заливали передки, разбивались о лобовые стекла, но маленькие судна держались неплохо. В каждом — по два человека, плотно упакованных в непромокаемые штормовки. Значит, восемь человек будут сопровождать меня до конечной точки.

...Когда из серой мглы на меня наплыл Дикий остров, я шарахнулся от него в сторону, как конь от волчьей пасти, и едва не положил яхту на борт. Нас разделяло больше километра, но мне и этого расстояния было достаточно, чтобы почувствовать неприятный холодок во всем теле.

— Морская гвардия не тонет! — крикнул я, выворачивая яхту, и тут увидел, что наперерез мне, прыгая, как теннисный мячик, мчится водный мотоцикл. Наездник, стоя на полусогнутых ногах, каким-то чудом удерживал руль и, не пытаясь маневрировать среди волн, просто пробивался сквозь них. Расстояние между нами быстро сокращалось, и я уже мог различить, что этот самоубийца одет в джинсовый костюм, разумеется, вымокший насквозь, а на его голове развевается что-то вроде платка. На всякий случай я отвернул яхту в сторону, показывая, что вижу «ямаха» и стараюсь не допустить столкновения, но человек на водном мотоцикле сделал крутой вираж и снова полетел на «Ассоль» — в лобовую.

Расстояние между нами сократилось до пятидесяти метров, я разглядел на голове самоубийцы длинные смоляные волосы, развевающиеся на ветру, тонкие черты бледного лица. У меня уже не было сомнений в том, что навстречу мне по волнам летела девушка. Она подняла одну руку вверх и стала махать мне, показывая, чтобы я остановился. Достаточно было всего секунды, чтобы она потеряла управление, не удержав руль в одной руке. «Ямаха» ударилась о волну, мгновенно развернулась к ней боком и, подлетев вместе с сумасшедшей наездницей вверх, рухнула в воду.

Я тотчас дал задний ход, чтобы быстро остановить движение яхты, закрепил штурвал и, прикрывая рукой лицо от беспощадного дождя, принялся срывать с борта пробковый круг.

Я уже не надеялся вытащить ее из воды живой и вообще не надеялся вытащить. Когда выпрямился с кругом в руке и замахнулся, чтобы кинуть его, то на несколько секунд потерял незнакомку из виду. Вода по левому борту вдруг подкинула вверх что-то темное, и, к своему ужасу, я узнал шапку черных волос. Парик мочалкой кружился в пене, а я крутил головой в поисках оставшейся части безумной девушки и неожиданно увидел ее по правому борту — она пыталась ухватиться рукой за свисающую снасть.

— Держи! — крикнул я, кидая в воду круг.

Кажется, пробковое кольцо хлопнуло девушку по голове, но я не думал об этом, изо всех сил налегая на веревку. Кроссовки скользили по мокрым доскам, и мне никак не удавалось дотянуться рукой до лера. Девушка обессилела. Она не могла развернуться лицом к яхте и, просунув руку в круг, просто висела на нем.

Я понял, что не смогу вытащить ее за веревку, намотал несколько петель на кнехт и, опустившись на колени, ухватил девушку за плечо, сжимая в кулаке грубую ткань куртки.

— Отпусти круг! — крикнул я и изо всех сил потянул ее вверх.

В этот момент яхта сильно накренилась, девушка ушла с головой под воду, и мощная волна накатила на палубу. Нас обоих едва не утащило в море. Не дожидаясь, когда край палубы поднимется над водой, я со страшным криком рванул девушку на себя; волна помогла мне, и утопленница, как свежепойманная рыбка, скользнула на палубу.

Несколько мгновений мы лежали рядом, с хрипом втягивая в себя воздух. Я привстал, опираясь на руку, и посмотрел на девушку. Это была Анна.

— Ты?! — воскликнул я, не веря своим глазам. — Как ты сюда попала? Откуда? Что ты здесь делаешь, черт тебя возьми?!

Анна села, поджала ноги, обняла колени.

— Долго... рассказывать. Куда ты плывешь?

— К берегу! Я высажу тебя в Судаче. Пойдешь ко мне домой, будешь лечиться и ждать меня. Я вернусь — обо всем поговорим... Ты «ймаху» взяла напрокат?

— Какой там прокат... Я ее угнала. Ты знаешь, что везешь?

— Деньги.

— Нет, Кирилл! На яхте нет никаких денег! Ты везешь воздух!

— Мне плевать, что я везу! — Я перешел на крик. — В трюме стоят три опечатанных ящика. В Алуште я вручу их Гурули, и на этом моя миссия закончится. Ты понимаешь, что я тебе говорю? Ты способна меня спокойно выслушать? Главное — довести эти ящики до Алушты!

Анна отрицательно крутила головой, мокрые волосы хлестали меня по рукам.

— Где? Показывай!

— Что показывать, Анюта? — с трудом сдерживая раздражение, уточнил я.

— Где твои опечатанные ящики?

— Зачем они тебе?

Анна повернула перекошенное судорогой лицо.

— Если ты не перестанешь задавать глупые вопросы, я убью тебя, — спокойно произнесла она.

Я развел руками. Мне стало интересно — чего она добивается?

– Открывай! – приказала Анна.

Я поднял крышку люка.

– Спускайся вниз.

Я подчинился, прыгнул в трюм и, чтобы не стоять согнувшись, сел на один из ящиков.

– Вытаскивай!

– Что, все сразу?

– По очереди, умник!

– Пожалуйста, – ответил я, ухватившись за ручки ближайшего ящика, поднял и поставил его у ног Анны. Пиратка отодвинула его ногой подальше от люка.

– Аккуратнее, пожалуйста! – сказал я. – Там пластилиновые печати, их желательно не размазать.

Она приподняла крышку, и я подошел к открытому ящику. Он был доверху заполнен стопками газет.

27

Анна молча смотрела на меня. Я поднял недоуменный взгляд:

– Что это?

– Это деньги, которые ты везешь.

– Не может быть...

– Ты такой честный, – усмехнулась Анна. – Даже не удосужился проверить, что везешь. Потому именно тебя и наняли для этого дела.

Я присел рядом с ящиком, стал вываливать газеты на пол, затем прыгнул в трюм и один за другим вытащил наверх оставшиеся два ящика.

Второй ящик тоже был набит газетами.

– Может быть, – пробормотал я, – меня запустили с «куклой», что-бы я отвлекал внимание. А валюту тем временем повезли по суше?

Анна отрицательно покачала головой.

Я поддел ногой крышку третьего ящика. Там оказалось вовсе не то, что я ожидал. Анна привстала, глядя в ящик из-за моего плеча.

– Что это?

– Понятия не имею.

Я склонился над ящиком, половину которого занимали цилиндрические баллоны из белого металла, перевязанные между собой прозрачным «скотчем» и проволокой.

– Кирилл, – прошептала Анна, и от ее голоса мне стало не по себе. – Ты когда должен был прибыть в Алушту?

– Ровно в шесть.

– А сейчас сколько?

– Без десяти шесть.

Она сжала мою руку до боли.

– Пошли... Быстрее!

Я оттолкнул ее от себя, наклонился над коробочкой и, не прикасаясь к ней, внимательно осмотрел ее со всех сторон. Это были электронные часы. Индикатор, ритмично мигая, освещал дно ящика призрачным зеленоватым светом. И вдруг, словно запеленговав меня, на боковой стенке корпуса часов загорелась маленькая красная лампочка и часто-часто запульсировала.

– Бомба, – как о чем-то обыденном сказал я. – Кажется, сейчас рванет. За борт!!

Анна колебалась всего мгновение, перелезла через деер и, зачем-то зажав пальцами нос, прыгнула в воду ногами вперед. Я полетел следом за ней, вонзился в волны, ушел в воду с головой, но тотчас вынырнул.

— Анна! — крикнул я, поднимаясь и опускаясь на волнах.

Она барахталась рядом, ударяя по воде руками, словно отбивалась от какого-то фантастического жидкотелого существа. Я подплыл к ней.

— Держись за меня!

— Уйди!.. Это уже... не имеет смысла.

Вода попала ей в рот, и она закашлялась. Нас кидало из стороны в сторону, вверх и вниз, вспененные гребешки волн перекатывались через наши головы. Мы никуда не плыли, а лишь держались на поверхности, провожая взглядом яхту. «Ассоль», зарываясь носом в волны, продолжала плыть в сторону Крепостной горы, с каждым мгновением удаляясь от нас все дальше и дальше, и мной в какой-то момент овладело чувство безысходности и непоправимой ошибки, которую мы сгоряча допустили. Но это продолжалось недолго. От мощного взрыва, казалось, содрогнулось море; огненный шар мгновенно окутал яхту, и из него, словно иглы ежа из мешка, выскочили обломки, за которыми тянулся дымовой шлейф; темнея, шар поднимался вверх, вытягивался по ветру, и под ним оголилась корма яхты — только корма, чудовищный, уродливый обломок некогда красивой яхты. Матово сверкнуло литое слово «Ассоль», и последний останок стремительно провалился в морскую бездну.

Анна завывала, как собака на могиле хозяина, подняла лицо, глядя на низкое грязное небо.

— Будь все проклято! — крикнула она. — Ненавижу... весь этот поганый мир!.. Не хочу его видеть!.. Я не хочу...

— Анна! — кричал я, подплывая к ней ближе. — Не ори так громко... Успокойся! Рядом остров. Мы доплывем.

Я обогнал ее, крикнул, чтобы она не отставала ни на метр, и не сводил глаз со скалы. Надо было точно попасть в узкую щель между камней, куда после каждого удара устремлялся поток воды. Когда до скалы оставалось всего несколько десятков метров, море перестало считаться с моим намерением и, играясь, приподняло метра на три вверх, а затем с нарастающей скоростью понесло прямо на скалу. Я непроизвольно закрыл глаза. Меня плавно развернуло, и на скорости, с которой сплавляются с горных рек байдарочники, я проскочил в метре от скалы. Не веря в чудесное спасение, выплыл на поверхность и стал крутить головой во все стороны, отыскивая Анну.

— Анна! — крикнул я, но мой голос тотчас утонул в реве прибоя.

Пятясь спиной, я выходил на берег. Анны нигде не было видно. Шатаясь, едва держась на ногах, я снова пошел в воду, упал лицом вниз и поплыл к скале. Держась за скользкий камень, покрытый острыми, как битые стекла, ракушками, я смотрел пустым взглядом на дикую пляску волн и вдруг услышал совсем рядом тихий стон.

Анна полувисела, ухватившись за каменный выступ, и покачивалась на волнах, как буй. Я поскользнулся на камне и упал в воду рядом с ней. Глубины не было, я сразу нащупал ногами неровное дно, выпрямился и попытался приподнять Анну, чтобы она смогла лечь на камень, но девушка вырвалась из моих рук.

- Да подожди ты! - сквозь зубы произнесла она.
- Почему ты молчала, когда я тебя звал?
- Я ударилась коленкой... Понаставили здесь камней, ноги переломаешь, пока до берега дойдешь!

Подняв Анну на руки, я стал выбираться из подводных каменных завалов и рухнул на мокрый песок.

28

До того, как окончательно стемнело, я облазил весь остров и собрал все, что хотя бы теоретически могло гореть. Водоросли, щепки, пластиковые бутылочки и прочие дары моря не столько огня давали, сколько дыма, но мы с Анной, сидя рядом с нашим дикарским очагом, блаженствовали. Она рассказывала о том, что ей удалось увидеть и узнать за те дни, когда, казалось, между нами уже не будет ничего общего.

...Как только меня на ее глазах увезли в милицию, она разыскала Лешу, сообщила ему эту ужасную новость и помахала ему ручкой, несмотря на то, что Леша предложил Анне немедленно поехать в отделение и добиться свидания со мной. Чтобы он не догадался о ее планах, она устроила ему что-то вроде вялотекущей истерии, сказала, что нас обоих видеть не может, и три дня вынуждена была жить в гостинице аэропорта. Она взялась за расследование самолично и в первую очередь ухватила за фигуру, которую я вообще не принимал во внимание, - за Германа Милосердова, брата «покойной».

По удачному стечению обстоятельств Анна летела в Москву тем же рейсом, что и Милосердов. Некоторое время она наблюдала за ним, спрятавшись за шторкой, отделявшей салон от тамбура, где располагались туалеты. Герман с удовольствием пил шампанское, листал журналы, что-то подсчитывал на калькуляторе, а потом спал, положив голову на плечо услужливого охранника.

Во Внуково, не задерживаясь у сектора выдачи багажа, Милосердов пошел к выходу. На площади его встречала группа мужчин. Он шутил, улыбался, растягивая толстые губы во всю ширину лица, и совсем не был похож на человека, вернувшегося с похорон сестры. Черный лимузин притормозил рядом, и Анна поняла, что может потерять следы Германа. «Герман Леонидович! - крикнула она, повиснув на руках охранников, - я корреспондент газеты «Деловой мир»! Позвольте задать вам несколько вопросов!.. Да отпустите же вы меня!»

«Боюсь, что не смогу быть вам полезен, - прошептал мясистыми губами Герман. - Если вы имеете в виду трагический случай с моей сестрой (тут он деланно нахмурился, попытался постареть лицом, но смог лишь слегка покраснеть), то никакого криминала не было. Это была ее роковая неосторожность... Так в своей газете и напишите». «Вы неправильно меня поняли, Герман Леонидович! Я вовсе не собираюсь писать о криминале, и о вашей сестре не собираюсь писать. Мне нужны материалы для очерка о благотворительной миссии акционерного общества, которое ваша сестра возглавляла».

Милосердов недолго размышлял, достал из нагрудного кармана бумажник, оттуда - визитку. «Эта неделя у меня занята. Позвоните мне в офис не раньше первого сентября», - сказал он и, повернувшись, сел в машину.

Тогда Анна еще не догадывалась и не могла догадываться, что сестра Германа не почивает в гробу, а продолжает жить и здравствовать,

только под другой фамилией. Но интуиция подсказывала, что удача улыбнулась ей, и она ухватила за хвост крупного зверя, косвенно или напрямую виновного в том, что меня несправедливо оклеветали и загребли в милицию.

Неделя в той ситуации — срок для Анны немислимый. Ее хватило только на два дня ожидания. Одевшись так, как, по ее мнению, должна выглядеть корреспондент газеты, и прихватив с собой плеер вместо диктофона, Анна направилась в офис Милосердова на Садово-Кудринской.

Маленькая, кругленькая, как колобок, секретарша с трудом оторвала замаскированные тушью глаза от экрана монитора и односложно ответила: «Германа Леонидовича нет». — «А когда он будет? Я корреспондент газеты». — «Нет, я не могу, — голосом профессиональной скандалистки проворочала секретарша, открыла ящик стола и достала оттуда сигареты и пепельницу. — Назначает встречу, сам же о ней забывает, меня не предупредил, с ума сойти можно... У него сегодня свадьба, девушка, я не понимаю, как он мог назначить вам встречу? Вы знаете, где Гоголевский бульвар? Центральный Дом журналиста, там его ищите, может быть, он с вами поговорит».

Свадьба Милосердова? Два дня спустя после похорон сестры? Это было что-то из ряда вон выходящее, думала Анна, скупая по дороге с прилавков всевозможные газеты.

В вестибюль Дома журналистов она прошла свободно, объяснив вахтерам, что интересуется книгами, которые продавали здесь же, но в ресторан ее не пропустили вежливые «качки». Она села на диван, откуда был хорошо виден вход в ресторан, и раскрыла газету, просматривая статьи, наблюдала за людьми.

244
Так прошел час. За это время из банкетного зала лишь один раз вышла группа хорошо одетых мужчин и женщин. Они постояли тесным кругом в центре вестибюля, покурили, посмеялись. Анна сразу узнала среди них Милосердова. В одной руке он держал бокал, а другой обнимал за плечи довольно симпатичную молодую женщину в ярко-красном костюме. Она мало походила на невесту, во тем не менее окружающие ее люди протягивали к ее бокалу свои и поздравляли с законным браком.

Когда группа снова скрылась за дверьми банкетного зала, Анна вернулась к чтению газет и неожиданно узнала новость, которая ее ошеломила. В небольшой заметке под рубрикой «Политика» говорилось о том, что «дело о скандальном убийстве в Крыму сестры известного борца за обмануток вкладчиков и кандидата в депутаты Госдумы Германа Милосердова закрыто в связи с отсутствием состава преступления. Все подозреваемые отпущены из-под стражи. Следствие пришло к выводу, что Эльвира Милосердова погибла в результате несчастного случая».

В первое мгновение Анна почувствовала, как гора свалилась с ее плеч. Какое счастье — я на свободе! Следом за этим — чувство досады. Зря, выходит, она торопилась уехать в Москву, зря выслеживала Милосердова и тратила на него время и нервы. Анна даже тихо рассмеялась над собой, быстро встала и вышла на улицу.

На следующий день она заехала к своей подруге Кристине, работающей в Бирюлевском районном загсе. «Послушай, Кристина, — ска-

зала Анна, после того как подруги обменялись последними новостями. – Есть ли у тебя доступ к информации о браках в Москве? – «Ну, милочка, я от тебя тащусь! Странные у тебя интересы, – ответила Кристина, с прищуром глядя на Анну и глубоко затягиваясь сигаретой. – А что именно тебя интересует?» – «Все!» – уклончиво ответила Анна.

Они пошли к двери соседнего кабинета. Кристина открыла ее ключом, приложила палец к губам, показывая, что надо соблюдать тишину, и зашла внутрь. Это была небольшая комната с компьютерами. Кристина села перед монитором, включила тумблер и, дождавшись, когда компьютер загрузится, вышла в сеть.

«Как фамилия твоего старого знакомого?» – с нескрываемой насмешкой спросила она, не отрывая глаз от экрана. Анна ответила. Кристина набрала фамилию в строке запроса и нажала на ввод. Экран вспыхнул салатовым цветом, и по нему побежали строки. «Милосердов Герман Леонидович, – вполголоса стала читать Кристина. – Тысяча девятьсот пятьдесят восьмого года рождения, город Москва, прописан по адресу: Усачева, дом двадцать один дробь семь, квартира семь. Русский... Мгм, надо же!.. Брак зарегистрирован Москворецким отделом ЗАГСа двадцать седьмого августа сего года, о чем в книге регистрации актов... Так, это не интересно... Вот! Брак зарегистрирован с гражданкой Васильевой Татьяной Игоревной, тысяча девятьсот семидесятого года рождения, место рождения – город Кемерово, прописана... Ну, это тоже не интересно...» – «Вот это как раз очень интересно, – перебила ее Анна и сама дочитала до конца: – Прописана: город Кемерово, улица Чекистов, дом два, квартира шесть, комната тринадцать квадратных метров... Должно быть, это комната в коммуналке... После заключения брака присвоены фамилии: мужу – Милосердов, жене – Милосердова»...

Отпускные деньги, предназначенные на трату в Судаче, оставались практически нетронутыми, и Анна, распрощавшись с Кристиной, в ближайшей железнодорожной кассе взяла билет на Кемерово. Утром следующего дня она выехала с Казанского вокзала, а двое суток спустя, в четвертом часу по местному времени, уже ехала по городу в такси на улицу Чекистов.

Коммуналки выгодно отличаются от отдельных квартир только в том отношении, что у людей, проживающих там, всегда имеется нектошная информация на своих соседей. Анна поднялась по прогнившей, почерневшей от поломоочных тряпок деревянной лестнице на второй этаж и позвонила. Открыл ей молодой мужчина с длинными волосами, перехваченными сзади шнурком, одетый в жилетку поверх черной футболки и бежевые брюки. В мочке уха сверкали многочисленные кольца из белого металла, с шеи свисали разнокалиберные цепи. В левой руке он держал художественные кисти, похожие на горящие свечи. «Вы ко мне, сударыня?» – спросил он. «Простите, – ответила Анна. – Я ищу свою подругу... Кажется, ошиблась квартирой». «Но почему же? – улыбнулся мужчина. – Может быть, вы попали именно туда, куда хотели. Как зовут вашу подругу?» – «Татьяна. Татьяна Васильева». – «Нет. Вы не ошиблись. Татьяна живет здесь. Точнее, жила. – Он сделал шаг назад, открыл дверь шире. – Пропу!»

Он провел Анну вперед, толкнул дверь и сделал жест рукой, приглашая войти. Анна зажмурилась от яркого света. Маленькая комна-

та, где из предметов были лишь разложенный диван, небольшой круглый столик да членистоногий этюдник с холстом на подрамнике, была насыщена запахами масляных красок и дешевых цветочных духов. На диване, поверх смятой красной скатерти, сидела совершенно голая девушка. Ничуть не смутившись поналению Анны, она оценивающе оглядела ее с ног до головы и остановила взгляд на лейбле ее джинсов.

«Простите, — сказал мужчина, внимательно рассматривая глаза Анны, словно угадывая ее мысли. — Я сейчас работаю, но могу уделить вам немного времени».

«Мне одеваться, Жорик?», — растягивая слова, певуче произнесла натурщица. «Накинь халат и приготовь кофе, — ответил Жорик и снова повернулся к Анне: — Садитесь на диван... К сожалению, стульев нет, я их вынес и оставил лишь то, что нужно для работы... Выпьете чего-нибудь?»

Анна отрицательно покачала головой. Художник подошел к подоконнику, на котором лежала куча газет вперемешку с книгами, и стал рыться в них. «Вот, — спустя минуту сказал он, протягивая Анне сложенный лист бумаги. — Прочитайте!»

Анна развернула листок. Это было письмо, отпечатанное на пишущей машинке: «ДОРОГИЕ СОСЕДИ! ЧТОВЫ ВЫ НЕ ВОЛНОВАЛИСЬ, ХОЧУ ВАС ИЗВЕСТИТЬ О ТОМ, ЧТО ИЗ КРЫМА Я ПОЕХАЛА В МОСКВУ К ОЧЕНЬ ХОРОШЕМУ МОЛОДОМУ ЧЕЛОВЕКУ, ЗА КОТОРОГО СКОРО ВЫЙДУ ЗАМУЖ. В СВОЮ КОМНАТУ БОЛЬШЕ НЕ ВЕРНУСЬ, ЗАЯВЛЕНИЕ НА ВЫПИСКУ ВЫШЛЮ ПОЧТОЙ. ОДНА К ВАМ ПРОСЬБА: ВЫШЛИТЕ, ПОЖАЛУЙСТА, НА МОСКОВСКИЙ ГЛАВПОЧТАМТ (ДО ВОСТРЕБОВАНИЯ) ВСЕ МОИ ДОКУМЕНТЫ И МОИ ФОТОГРАФИИ, КОТОРЫЕ НАЙДЕТЕ В МОЕЙ КОМНАТЕ. ЦЕЛУЮ ВАС ВСЕХ — ВАША ТАТЬЯНА».

«Можно взять это письмо?» — спросила Анна. «Это письмо? — прощептал художник, медленно разжимая пальцы, затем повернулся и подошел к окну. — Вы просите меня о невозможном. Но пусть будет так. Забирайте. Это одно из немногих, что осталось у меня в память о Танюхе. Письмо да несколько ее портретов...»

Анна проследила за его взглядом. На стене, противоположной окну, среди больших и малых полотен, пестреющих цветными пятнами, выделялись два портрета взрослой девушки. Один был выполнен в профиль: девушка с тонкой сигаретой в губах и мотоциклетном шлеме касалась пальцами темного стекла-шторки. На втором портрете — в анфас — она, чуть подняв лицо вверх, обеими руками зачесывала ровные пепельные волосы назад.

«Кто это?», — спросила Анна, переводя взгляд с портретов на лицо художника. «Это? — переспросил он. — Это ваша подруга — Татьяна Васильева... Странно, что вы не узнали ее!» — «Действительно странно», — пробормотала Анна, снова поворачиваясь к картинам и внимательно рассматривая их. Она хорошо запомнила женщину в красном, молодую жену Милосердова, которая, по данным ЗАГСа, проходила под именем Татьяны Васильевой. На портрете же была изображена совершенно незнакомая ей девушка, не имеющая ни малейшего сходства с женщиной в красном.

«Продайте мне один из них!» — вдруг произнесла она.

Художник развел руками: «Нет, не могу. Эти картины не продаются».

Анна щелкнула сумочкой, вынула из нее две стодолларовые купюры. «Продайте!» — повторила она, протягивая деньги.

Через секунду они исчезли в его кулаке. «Только ради того, чтобы приобщить вас, так сказать...».

Анна сама сняла портрет, выполненный в анфас, с гвоздя и быстро попрощалась.

Ночь ей пришлось провести на вокзале, утренним рейсом она выехала в Москву. Пропала девчонка, думала Анна, рассматривая портрет Татьяны. Эта дама в красном воспользовалась ее паспортом и вышла замуж за Милосердова. Из дома она позвонила Кышшу и выяснила, что я уплыл на яхте, правда, Володя не знал, куда именно.

В начале восьмого утра, после небольшой задержки из-за погодных условий в аэропорту прибытия Анна вылетела в Симферополь.

К полудню добралась до Судака. Погода была ужасной. Порывистый ветер срывал верхушки волн, с силой кидал их на бетонные пирсы. На непривычно пустынной набережной стоял непрекращающийся грохот прибоя. Горизонт просматривался плохо, но то, что море пустынно, можно было сказать однозначно.

После нескольких безуспешных попыток достучаться в железные двери лодочного гаража Анна нашла рубильник управления подвешенной системой, поднимающей и опускающей плавсредства на воду, и, быстро освоив нехитрую систему, подвела к краю причала и опустила водный мотоцикл настолько, чтобы взбесившиеся волны едва могли достать до днища «ямахи», сама села под козырьком второго яруса и стала смотреть в море, ожидая появления на горизонте «Ассоли».

Что случилось потом, мне было известно...

У меня онемела рука, но я еще долго лежал, не меняя положения, чтобы не разбудить Анну. Она тихо спала, уткнувшись носом мне в шею. По ее щеке, подрагивая, скользил солнечный луч. Невидимая из-под козырька скалы, где-то над нами парила чайка; она стонала, хохотала, ее крик то удалялся, то приближался. Моря не было слышно совсем. Казалось, что мои барабанные перепонки не выдержали грохота волн, и я оглох.

Анна повернулась на другой бок. Я освободил руку, тихо привстал и накрыл девушку своей курткой. Затем, стараясь не шуршать по гальке, вышел из нашего убежища, поднялся на самую верхушку скалы, откуда весь берег просматривался довольно четко, и, почти готовый уподобиться чайке и воспарить, набрал в грудь побольше воздуха, чтобы крикнуть от восторга, как вдруг краем глаза заметил какое-то движение у кромки берега.

Романтическое настроение обвалилось водопадом куда-то к ногам и мгновенно впиталось в холодный жесткий камень. Я упал, прижимаясь к его наждачной поверхности, спрятал голову за каменный выступ и, затаив дыхание, стал следить за двумя моторными лодками, на малом ходу причаливающими к прибрежным камням острова. В каждой было по три человека, на задних сиденьях желтели баллоны аквалангов. Почти все одеты в джинсы и черные майки, у одного на голове черным шелком блеснул платок. Человек, стоящий у руля первой лодки, спрыгнул в воду, потянул на себя швартовочную веревку, закрепил ее на остром каменном выступе, затем подвел к берегу и вторую

лодку. Люди, прыгая через борта в воду, выходили на берег. У большинства из них я без труда заметил пистолеты, один нес английский пистолет-пулемет «пэчет» с боковым магазином.

Аккуратно постриженный коренастый мужчина в голубой рубашке, не произнося ни слова, стал жестикулировать. Двое в черных майках и с пистолетами за поясами как по команде опустили на рукоятки ладони и, озираясь по сторонам, пошли по западному берегу острова. Вторая пара вместе с командиром в голубой рубашке запрыгала по камням восточного берега. У моторных лодок остался один человек, который сел на лодочный передок, надвинул на глаза кепи и стал пристально смотреть на небольшую серую коробочку, держа ее, как книгу, обеими руками. Я не сразу догадался, что это была электронная игра «Тетрис».

Никаких сомнений в отношении намерений этих людей у меня не было.

Ползком, словно ящерица, царапая грудь и ноги о пористую поверхность камня, я стал спускаться вниз. В расщелину, где еще спала Анна, добрался по вертикальному камину, упираясь в одну стену спиной, в другую — ногами. Это была настоящая пытка. Я «отшкурил» спину до крови. Метров с трех пришлось прыгать. Песок смягчил удар и приглушил звук. Пот уже градом лился с меня.

Я подполз на четвереньках к девушке, которая все так же крепко спала, накрывшись моей курткой с головой. Чтобы она не вскрикнула, я крепко прижался губами к ее губам. Она тотчас проснулась и в первый момент приняла мой жест за проявление нежности. Но я тотчас закрыл ей рот ладонью и знаком показал, чтобы она молчала.

Анна смотрела на свои ладони, выпачканные в моей крови, и в ее глазах медленно разбухал ужас.

— На острове чужие, — шепнул я ей. — С оружием.

Убедившись, что Анна нормально усвоила эту новость и не пытается кричать, охать или чрезмерно громко вздыхать, я отнял руку, потом вытащил зарытую наполовину бутылку с дождевой водой и жадно выпил половину. Анна сделала всего глоток и поморщилась. Я знаком спросил ее, будет ли она пить еще. Анна отрицательно покачала головой, и я вылил остатки воды. Теперь в моей руке было оружие.

Медленно, шаг за шагом, мы пошли по расщелине на западный берег острова. Я выглянул из нашего убежища. Черномаечников пока не было видно. Я схватил Анну за руку и, ничего не объясняя, побежал с ней к воде. Мы присели среди камней.

— Ты когда-нибудь била человека бутылкой по голове? — шепотом спросил я ее, глядя во все стороны.

Глаза Анны расширились, как цветочные бутоны на рассвете.

— Понимаю, — кивнул я. — Это страшно. Но не в такой степени, когда умираешь сам. Возьми бутылку... нет, за горлышко, как гранату. Помнишь фильм про Штирлица, как он шарахнул бутылкой коньяка по голове немца?.. Ну молодец, вижу, что понимаешь... Сядь за камнем, чтобы тебя не было видно. И ничего не бойся.

— А ты?

— Я буду играть роль разлагающегося трупа, выкинутого штормом на камни.

Я опустил в воду по шею и стал следить за берегом. Не прошло и минуты, как показались незнакомцы. Балансируя, они прыгали с камня на камень, останавливались, смотрели по сторонам, о чем-то переговаривались и шли дальше.

Когда нас разделяло всего метров двадцать, я опустил руку поглубже, нащупал гальку размером с кулак и с короткого замаха кинул ее в скалу. Полет моего снаряда убийцы не заметили, но на звук обернулись. Несколько мгновений они смотрели в ту сторону, откуда только что пришли.

— Что это? — спросил один.

— Не знаю. Похоже, упал камень... Сходи, посмотри, — ответил второй.

Его напарник вытащил из-за пояса миниатюрный «бульдог» с крохотным, словно сточившимся от долгого пользования стволом и, подражая крутым артистам американских боевиков, взял его двумя руками, спрятал за ним свой нос и медленно пошел обратно. Второй не шелохнулся, наблюдая за ним до тех пор, пока тот не осмотрел отвесную стену.

— Ничего. Птица, должно быть, камень скинула. Так и по балде недолго получить...

Он стал возвращаться. Первый, не дожидаясь, пошел в нашу сторону.

Я лег на дно лицом вверх, слегка приоткрыл глаза, раскинул руки в стороны. Легкая волна покачивала меня, словно пыталась вытолкнуть на камень. Три минуты я мог не дышать.

Я видел лишь игру бликов на поверхности воды да темное пятно камня и почти ничего не слышал. Расслабился, ушел в себя. Стал мысленно считать. Дошел до ста — ничего.

Слабая волна в очередной раз толкнула меня, и я почувствовал, как острые края мидий полоснули по плечу, еще раз, и еще... Из порезанного плеча, должно быть, пошла кровь. Если этот мужик не дурак, то догадается, что я притворился. Из трупа кровь не идет.

Вся надежда на дураков и умную, мужественную Анну.

Я услышал негромкий крик — из-под воды он казался гулким, отдаленным. Затем вдруг как-то сразу погасли блики, и надо мной выросла фигура человека. Я терпел из последних сил. Организм подавал сигналы бедствия, легкие судорожно сжимались и разжимались, но я не мог даже закрыть рот и сжать зубы. Человек коснулся ногой моего лба, слегка притапливая. Бандит брезговал взять меня за голову рукой. У меня в висках тяжелыми ударами отдавались удары сердца. Еще двадцать, десять секунд от силы...

Человек встал на колено, пригнулся, рассматривая мое лицо. О том, что это был очень удобный момент, я подумал мгновением позже после того, как на голову бандита обрушилась тяжелая бутылка из-под шампанского. Черномаечник стал быстро падать, валился на меня, и я, поднявшись из воды, как покойник из могилы, обеими руками вцепился ему в горло, повалил в воду, выхватил «макаров» и наступил коленом на послушное тело.

Анна сидела рядом по грудь в воде и пыталась убрать мокрые волосы с лица. Она все еще не могла прийти в себя, но уже ждала похвалы, заглядывая мне в лицо.

— Молодец, — прошептал я, хотя до раздачи орденов было еще далеко.

— Мак! — кричал напарник утопленника. Мы не видели его, но по голосу было ясно, что он быстро приближается. — Мак, что ты там нашел?

— Утопленника! — не сдержавшись, ответил я.

Стало тихо. Анна с испугом взглянула на меня. Я замерз и мечтал выйти из воды.

Парень в черной майке медленно прошел в метре от нас, не заметив две головы среди камней, похожие, должно быть, либо на буи, либо на морские мины. Он все еще прятал свой нос за короткоствольным «бульдогом».

— Ку-ку! — сказал я ему.

Парень вздрогнул и резко повернулся в нашу сторону. Я выстрелил. Пуля сложила его вдвое, словно он пытался ползти следом за ней к себе в живот. Револьвер выпал из ослабевших рук в воду, и Анна не успела его поймать. Подняв тучу брызг, бандит свалился в воду.

— Оставь, — прошептал я Анне, которая шарила по донным камням в поисках «бульдога». — Пусть трудятся криминалисты. Выходим... Я уже очоленел.

— Это потому, что ты голый.

Она позволила себе шутить!

— На той стороне еще трое, — сказал я, ползком выбираясь на берег. — Но они нам не по зубам. Перестрелку устраивать не будем.

— А ты не знаешь, кто они? — спросила Анна. Ее зубы выбивали дробь.

— В первый раз вижу.

— Они могли услышать звук выстрела?

— Вряд ли. Ветер дует в нашу сторону.

— Кто им сказал, что мы здесь?

— Да черт их знает!.. Ах, зараза, из-за этих ракушек шагу спокойно ступить нельзя... Может быть, люди Гурули засекли вчера с берега, как мы с тобой с яхты прыгали... Словом, нас не должно быть. Мы не входим в их планы... Тихо! За мной, быстро!

Пригибаясь, я добежал до стены, посмотрел по сторонам и, убедившись, что нас никто не видел, кивнул Анне.

— Там, — махнул я пистолетом в ту сторону, откуда пришли те двое, — стоят моторные лодки. Их пасет один дятел... Ты моторку сама завести сможешь?

— Не знаю. Не пробовала... Хочешь надеть мою майку?

— Без штанов, но в майке — это вообще будет цирк. Пусть лучше так... Прости за этот вид, оскорбляющий общественную нравственность.

Прижимаясь к стене, мы пошли к моторным лодкам. Я с опозданием подумал, что было бы неплохо надеть на себя джинсы и черную майку одного из бандитов, но на это не было времени — вторая пара боевиков, которую вел мужчина в голубой рубашке, могла к этому времени обойти остров через северную оконечность и с минуты на минуту выйти на нас.

Скоро мы увидели «часового» — сидя спиной к морю, он продолжал складывать электронные кубики и время от времени поглядывал по сторонам. Я отдал «макаров» Анне, знаком показал ей, чтобы она ос-

тавалась здесь и хорошенько думала, прежде чем нажать на спусковой крючок, а сам ползком добрался до воды, держась за камни, бесшумно опустился в нее и тихо поплыл к лодкам.

Среди камней, кочками торчащими из воды, было мелководье, и я не столько плыл, сколько полз по дну, стараясь не высовывать плечи. От последнего камня, за которым я мог спрятаться, до ближайшей моторки было метров двадцать, и я проплыл их под водой, скользя над самым дном, коснулся рукой лодочного кила и медленно поднял голову. Затем, держась за борт, приблизился к лодочному передку. Тихая волна подтолкнула меня вперед, и я всем телом лег на песок.

До спины «часового» я мог дотянуться рукой, но с лежащего положения трудно было ударить наверняка. Пришлось, подогнув локти, встать на колени...

Услышал он что-либо или почувствовал опасность интуитивно — не знаю, но «часовой» неожиданно вскочил на ноги и круто повернулся ко мне, направив в меня длинный и тонкий ствол какого-то странного допотопного пистолета, похожего на «парабеллум». Мне ничего не оставалось, как поднять руки вверх, — одно неверное движение, и этот тип всадил бы мне в грудь пулю.

Не все коту масленица, подумал я про себя и по-дружески попросил:

— Не стреляй. Я сам пришел сдаться...

— Заткнись! — неожиданно громко и грубо закричал парень, размахивая стволом пистолета перед самым моим носом. Его указательный палец дрожал на спусковом крючке. — Руки на камень! Ноги шире!

Я только помолился за Анну, как за моей спиной грянул выстрел. Ничуть не сомневаясь в том, кто его автор, я повернулся и увидел, как нервный любитель «Тетриса» оседает на песок. Анна, как блошка, скакала по камню и так неосторожно размахивала рукой с «макаровым», что я на всякий случай приготовился ко второму выстрелу.

— Быстрее! — кричала она. — Они бегут сюда! Заводи мотор!

Я уже сам видел: метрах в ста от нас перебежали от камня к камню люди в черном. Щелкнул пистолетный выстрел, и пуля с воем срикошетила от камня, рядом с которым я только что стоял.

— Пригнись! — сказал я и, не дожидаясь, пока Анна сообразит, толкнул ее на камни. Вторая пуля просвистела над нашими головами. — В лодку, живо! — приказал я.

Анна, не вставая на ноги, перевалилась через борт. Я дернул за швартовочную веревку. Увязая коленями в песке, оттолкнул моторку от берега и запрыгнул на сиденье. Со звуком лопнувшего надувного шарика ветровое стекло покрылось сеткой трещинок, лицо кольнули осколки. Не поднимая головы, я посмотрел на приборную панель и похолодел: в замке зажигания не было ключа.

— Хреновы наши дела, Анята, — пробормотал я.

— Что?! — не поняла она.

Лодка, двигаясь кормой вперед, медленно заплыла за большой валун. Несколько десятков секунд мы были вне досягаемости огня бандитов.

— Посмотри, нет ли там весел! — крикнул я, зачем-то вращая руль, будто от этого мотор мог вдруг завестись.

Приподнявшись с сиденья, Анна растерянно посмотрела по сторонам.

— Весел нет. Только эти... акваланги.

— Что?! — не поверил я в удачу. — Милая, ласточка, солнышко, это же наше спасение!

Несколько выстрелов и звонкие удары пуль о борта лодки заставили нас снова упасть на сиденья. Мы вышли из «мертвой» зоны. Бандиты, уже не таясь, бежали ко второй лодке и на ходу стреляли по нам. Не целясь, я добил обойму до конца, выкинул пистолет в воду и ужом скользнул следом за ним.

— Нырять сюда! — крикнул я Анне, держась за край борта.

— А акваланги?

— Нырять! — рывкнул я.

От короткой очереди, выпущенной из «пэчета», ветровое стекло окончательно рассыпалось. Спинка сиденья, покрытая коричневой кожей, задрожала, принимая в себя пули, сквозь рваные дыры показалась пороховая начинка. Анна свесилась через борт, будто ей было плохо, затем над кормой мелькнули ее туго обтянутая джинсами попочка, ноги, и она благополучно ушла в воду.

На берегу затарахтел лодочный мотор. Я схватил за ляжку первый попавшийся акваланг с притороченной к нему маской, стащил его в воду и стал надевать на спину Анне.

— Загубник! — орал я.

— Чего? — отчаянно ударяя руками по воде, переспросила Анна.

— Загубник засунь в рот!

— А как я тогда буду говорить?

Бандиты спешно сажались в моторку. Один уже сталкивал ее на воду.

Анна поймала конец гофрированного шланга и схватила загубник зубами, словно голодный — шницель, но через мгновение вырвала его и стала плевать.

— Что такое?! — прохрипел я.

— Совсем не дышится в твоём дурацком акваланге!

У меня не было свободной руки: одной я держался за борт лодки, а другой стаскивал в воду еще один акваланг.

— Господи! Редуктор отвинти! Какая же ты...

— Сам дурак! — ответила Анна, не без труда дотягиваясь до вентиля редуктора.

Пули градом сыпались вокруг. Если бы нас не закрывала своим полузатошленным корпусом лодка, то мы давно были бы покойниками. Чтобы закинуть ляжки на плечи, мне пришлось сделать глубокий вдох и уйти с аквалангом под воду. Когда я вынырнул и стал отвинчивать редуктор, Анна боролась с маской. Моторная лодка с тремя убийцами, нацелившимися на нас оружие, делала широкий вираж.

— Бы-бе-бо бе биббо! — пробубнила мне Анна с загубником во рту.

— Чего ты бормочешь! Под воду! Немедленно вниз!

Но она снова вырвала загубник и повторила:

— Ничего не видно в этой маске! Запотела!

— Да что там тебе рассматривать! Пошли! — И, как только Анна начала дышать через трубку, я взял ее за плечи и окунул в воду.

Свой загубник я закусил уже под водой.

Шторм поднял на поверхность донный слой воды, смешал с прогретым, и теперь сентябрьское море, в котором обычно можно купать да-

же младенцев, стало обжигающе-холодным. Я почувствовал это сразу, как только принялся энергично раздвигать обеими руками воду, направляя себя в глубину. По всему телу прокатилась волна озноба, сердце на мгновение притаилось в груди и застучало с удвоенной силой. Пальцы ног и рук окоченели сразу же.

Анна перебирала руками чуть правее меня. Майка на ней вздулась, и моя подруга выглядела толстой и неуклюжей. Белое облако пузырьков обволакивало ее тело, напоминая рой каких-то настырных кровососущих насекомых.

Без ласт мы двигались слишком медленно и слишком много затрачивали усилий. Наивно было полагать, что мы сумеем добраться до берега за полтора часа — на столько должно было хватить воздуха в баллонах, если, конечно, они были заправлены «под завязку». На полпути к берегу опустошенные баллоны придется утопить и продолжать плыть уже на поверхности, что потребует еще больше сил.

Но об этой дальней перспективе я не очень-то задумывался. Мы чудом остались живы, но за жизнь, кажется, еще надо было побороться.

По донным камням, покрытым колышущимися водорослями, пробежала тень. Мы с Анной одновременно подняли головы. Над нами, метрах в пяти, пронеслась моторка. Ее темное днище и винт вспенили поверхность воды. Анна схватила меня за руку, показывая вверх. Кажется, она хотела что-то крикнуть, выдохнула носом воздух, и из-под маски выскочили пузыри.

Моторка на большой скорости умчалась куда-то, исчезла из виду, но через минуту снова пронеслась над нами, словно истребитель на бреющем полете. Она резко остановилась, будто налетела на какое-то препятствие. Мотор затих.

Я схватил Анну за руку, опустил ноги вниз. Мы, не делая никаких движений, медленно опускались на глубину. Шлейф пузырьков двумя столбами поднимался к поверхности.

И тут я услышал приглушенные хлопки выстрелов. Анна вздрогнула, стала крутить головой, и ее волосы, как солнечные лучи, разползлись в стороны. Не думаю, что нас заметили. Вода была не слишком прозрачной, но от моторки отделяла толща в несколько десятков метров. Скорее, бандиты, чувствуя, что мы где-то рядом, открыли беспорядочную стрельбу по воде.

Мы коснулись ногами «шерстяной» поверхности камня. Он остановил наше погружение на глубину, но опускаться еще ниже было уже не по силам ни мне, ни Анне. Боль в ушах и холод становились почти невыносимыми. Оттолкнувшись от камня, мы поплыли прочь от моторки, все время оглядываясь. Выстрелы затихли, бандиты, должно быть, вместе с обоймами разрядили и нервное напряжение.

Прошло минут десять. Дно постепенно уходило все ниже и ниже, пока мы не перестали различать камни и водоросли.

Под водой ориентироваться трудно. Пока мы старались как можно дальше уйти от моторной лодки, не думая о направлении движения. Вполне возможно, сейчас мы плыли параллельно берегу или под большим углом к нему. Но подняться наверх и скорректировать движение можно было только тогда, когда убийцы окончательно потеряют надежду отыскать нас и уберутся восвояси.

Анна снова схватила меня за руку и стала показывать назад. Я обернулся, поднял голову. Темное пятно медленно двигалось по по-

верхности воды за нами, словно мы оставляли за собой следы, и убийцы заметили их. Мы с Анной одновременно повернули в сторону и ускорили движение. Лодка прошла на малой скорости в каких-нибудь десяти метрах от нас. Застыв, как каменные статуи затонувшей Атлантиды, мы следили за ней. Сбоку от борта резал воду какой-то круглый блестящий предмет. Я не сразу понял, что это была голова одного из убийц. Надев маску, он выискивал нас.

Проплыв еще немного, моторка снова остановилась. Мы с Анной изо всех сил проталкивали себя сквозь толщу воды. Если даже нас не заметят через маску, то могут увидеть пузыри на поверхности воды. Под нами снова поплыли смутные контуры донных камней. Либо это был участок относительного мелководья, либо мы приближались к острову. Темное, облепленное ракушками тело колоссального подводного столба надвигалось на нас. Я заметил его метров за двадцать или даже меньше того: вода, как увеличительное стекло, приближает предметы. Мы, словно сговорившись, направились к нему. Подсознательное стремление видеть и чувствовать рядом с собой предметы, к чему привык человек земли, диктовало свою волю. За каменным исполином можно было спрятаться, за него можно было подержаться, почувствовать привычную опору, отдохнуть.

Анна первой и не без опасений прикоснулась к каменной стене, словно к какому-то мохнатому чудовищу. Это было тело огромной скалы, и ее обрамленная пеной верхушка, что было хорошо заметно, едва выступала над поверхностью моря. Словно истосковавшись по ласке, чудовище тотчас обволокло наши руки пушистой бахромой водорослей. Из-под ладоней, напуганные неожиданным визитом, выбежали мелкие рачки и снова глубоко зарылись в пористое тело скалы.

Анна испуганно отдернула руку, поднесла ее к маске. Я подумал, что ее цапнул клешней краб, но не успел взять ее ладонь в свою и рассмотреть. Поверхность воды недалеко от нас всколыхнулась, белое облако пузырей смерчем устремилось в глубину, сопровождая фигуру нырнувшего с катера подводника. Я сильно толкнул Анну в спину, заставляя ее заплыть за скалу. Следом за первым нырнул и второй подводник. Мы с Анной прижались к скале, боясь дышать и выдать себя пузырями. Подводники, как две гигантские жабы, некоторое время кружились на месте, помахивая длинными лапами и глядя во все стороны, затем глянули друг на друга и, сверкнув лезвиями ножей в руках, медленно поплыли в нашу сторону.

Кажется, пришло время достойно умереть.

Анна в каком-то отчаянном порыве схватила меня за плечи и стала крутить головой. Она едва не выпустила загубник — ей хотелось что-то крикнуть мне. Пузыри выбивались из уголков губ, из-под маски на меня смотрели расширенные от ужаса глаза. Я не мог оторвать Анну от себя. Она обезумела, тыкалась своей маской в мою. Подводники нас еще не видели, но вряд ли сомневались в том, где мы прячемся. Без ласт, без какого-либо оружия у нас не было шансов уйти от них. Анна это поняла. Она уже обрекла нас на скорую гибель. Не отпуская меня, она вырвала изо рта свой загубник. Воздух белым дымом за клубился между нами, защекотал пузырьками шею и щеки. Она хотела покончить с собой до того, как подводники приблизятся к нам, и предлагала мне поступить таким же образом.

Ну нет! Я так не привык и был готов драться до последнего, даже если мое поражение predetermined. Я вернул загубник Анны на свое место. Это движение чем-то напоминало зуботычину. Прости меня, милая, мысленно извинился я перед девушкой, в последнее время тебе часто достается от меня. Но отказываться по своей воле от жизни и хлебать соленую воду — вежливо, не по-христиански.

Она все еще сопротивлялась. Я заламывал ей руки, не позволяя Анне снова выхватить загубник или сорвать с себя маску. От нашей борьбы, казалось, загудела скала. В поисках опоры мы хватались за водоросли, грозди ракушек, били по мохнатому телу ногами, и вокруг нас расплывалось рыжее облако мельчайшей взвеси, словно подняли пыль дерущиеся на завалинке петухи. Через несколько секунд мы перестали друг друга видеть.

И тут я понял, что это — наш единственный шанс. Фантазия моя отличается однообразием, особенно в критические моменты жизни. Я не смог придумать ничего нового, похожий трюк я уже проделал полчаса назад на западном берегу острова. С усилием оторвав от себя Анну, я выразительно постучал себя кулаком по голове и стал изо всех сил расчесывать «шкуру» подводного чудовища. «Пылевое» облако разрасталось подобно пожару на картонной фабрике. Анна не сразу поняла, зачем я это делаю, потом, опустившись ниже, принялась мне помогать. Подводников я уже не мог увидеть, но чувствовал, что они совсем близко. Вытолкнув Анну из «пылевого» облака, я принялся стаскивать с себя акваланг. В последний момент, сделав глубокий вздох, вытащил загубник и закрутил редуктор, оставшись лишь в одной маске.

Лямки акваланга были слишком широкими, и я никак не мог зацепить их за какой-нибудь выступ. Наконец мне это удалось. Два баллона желтыми пятнами налипли на тело скалы. На расстоянии протянутой руки уже невозможно было разглядеть, что это всего лишь баллоны, а не человек в акваланге. Я же, худой, голый, с ровным бронзовым загаром, прекрасно маскировался в рыжих водорослях, крепко прижавшись к камню.

Анна опустилась ниже. Я уже ее не видел и даже не чувствовал пузырьков от ее дыхания. Может быть, она, как и я, перестала дышать, чтобы не выдать себя раньше времени.

Я почувствовал движение воды. Водоросли вокруг меня заколыхались, переплетаясь с моими волосами. Я не сводил глаз с двух желтых пятен. Лишь бы лямки не сорвались с выступа, молил я Бога, это будет началом моего конца.

В мутном облаке началось движение теней. Сначала я увидел красную в белых полосах ласту подводника. Она качнулась рыбьим плавником перед самым моим лицом, всколыхнула «пыль» и исчезла. Затем я увидел тень подводника в полный рост: кажется, он скользил вдоль скалы головой вниз, отыскивая нас с Анной, и прошел всего в каких-нибудь метрах от акваланга.

Желтые пятна баллонов вдруг заслонила собой широкая спина подводника. Убийца, заметив акваланг, отвел правую руку с ножом в сторону, чтобы можно было сильнее замахнуться. Стараясь не вспугнуть свою жертву раньше времени, он, затаив дыхание, медленно приближался к баллонам. Ключнул, мокрушник, на приманку!

Когда подводник нанес удар ножом по коричневому облаку, целясь чуть выше редуктора, где, по его предположению, находилась

моя шея, я бешеной акулой выскользнул из своей засады, обхватил ногами его бедра, словно резвого скакуна, раздирая ногтями лицо, сорвал с него маску и загубник. Убийца, ослепший, шокированный неожиданным нападением со спины, инстинктивно рванул вверх, отчаянно перебирая ногами; он забыл про нож и без сопротивления отдал его мне, растопылив пальцы, чтобы легче загребать воду. Я, все еще сидя на нем верхом, полоснул лезвием по колючему от щетины горлу. Подводник судорожно дернулся и стал мотать головой; бурый «дым» окутал нас обоих. Я отцепился от него. Подводник, уже не двигая широко расставленными ногами, стал с ускорением кружиться вокруг оси, будто на коньках на льду исполнял какой-то танец. Воздух, вырывающийся из шланга, реактивной силой вращал труп.

Я недолго смотрел на эту подводную агонию. Сходя с ума от нетерпения, я шарил руками по бархатной стене, отыскивая свой акваланг, и не мог его найти — к «пыли» примешивалось кровавое облако, и большая часть скальной стены исчезла из виду. С беззвучным воплем, выдыхая давно отработанный воздух, я устремился вниз, вдогонку за уходящим в глубину трупом, пробивая головой шуршащий рой воздушных пузырьков, поймал шланг, который кружилась змеей, и, давась холодным воздухом и водой, стал дышать. Труп тащил меня с собой в глубину, во мрак, в холод, и после первых вдохов, от которых в голове зазвенело, я ощутил, а точнее, вспомнил о боли в ушах; давление нарастало с каждой секундой, и я уже рисковал погибнуть от глубины, а не от удушья, но не было воли оторваться от живительного шланга, я опускался все глубже и глубже, перед моими глазами уже поплыли радужные круги...

С сильным рывком загубник выскочил из моего рта. Я едва не хлебнул воды. Надо мной, на фоне далекой поверхности, напоминающей серебристые облака, танцевала Анна. Одной рукой она крепко держала меня за волосы, а второй гнала под себя воду, пытаясь поднять меня наверх. Я не сразу заметил, что на ее плече висит мой акваланг.

Я успокоился, прекратил вырываться, давая Анне понять, что вполне пришел в себя и мои волосы можно оставить в покое. Она сняла с плеча акваланг. В его ляжки я просто влетел, поймал ртом загубник, и Анна отвинтила редуктор.

Потом только я стал нормально соображать и, вращаясь на месте, как это делал труп подводника, смотрел во все стороны, воинственно полосуюя ножом воду. Никого поблизости не было видно. Анна что-то хотела мне объяснить, крутила головой и показывала в сторону. Я привлек ее к себе свободной рукой. Чувство безумной радости, огромного, катастрофического счастья вдруг нахлынуло на меня. Это была первая, психическая эйфория. Я едва не сорвал с себя маску, чтобы, обуреваемый восторгом, не начать размахивать ею.

Мы остались живы. Судя по поведению Анны, она тоже не пострадала. Я отправил ко дну одного подводника, а второй, судя по всему, вернулся на катер. Небывалое везение, фантастика, Божья воля — не знаю, как объяснить нашу чудесную победу. Четверых из шести вооруженных людей мы прикончили, не имея никакого оружия, кроме бутылки из-под шампанского да собственных рук.

Мы провели в воде почти весь день, и только ближе к вечеру наше жалкое трепыхание в километре от берега заметили с вышки спасательной станции и выслали за нами моторную лодку. После пережитых событий у меня возникла стойкая аллергия на моторки, и я не сразу поднялся на ее борт. Один из спасателей что-то кричал мне, протягивая руку, но я с опаской смотрел на него красными, воспалившимися глазами и бил его по руке. Анну спасатели просто втащили в лодку — она почти не подавала признаков жизни.

Ребята попались на редкость добросовестные. Я давно не видел, чтобы кто-нибудь так самоотверженно трудился задарма. С Анны они быстро стащили джинсы и майку и стали в четыре руки растирать ее. Когда лодка на малом ходу причалила к уже безлюдному пляжу, моя подруга была способна самостоятельно выйти и добрести до медпункта. Мне дали большое сухое полотенце. Я завернулся в него и пошел вслед за Анной. Один спасатель последовал за нами, а второй погнался лодку к гаражам.

Мы сидели с Анной на топчане, покрытом простыней и прозрачной клеенкой, и дрожали. Организм вырабатывал тепло, и все мышцы наших истощенных тел трудились, как поршни двигателя.

— Ну, вы даете! — восхищался спасатель, который привел нас в медпункт. — Как вы умудрились так далеко заплыть?

— Уснули на надувном матрасе, — ответил я. — Течением отнесло...

— Что, оба уснули на одном матрасе? — усмехнулся спасатель и налил нам по стакану водки.

Я стал приходить в себя и ориентироваться в обстановке. Те парни в черных майках не для того положили на Диком острове четверых своих бойцов, чтобы спокойно дать нам уйти. Я вскочил на ноги, подошел к дверному проему, отвел марлевую шторку в сторону, посмотрел на окутанный сумерками пустынный пляж.

— Вы не могли бы одолжить это полотенце до завтра? — спросил я у спасателя. — Моя одежда затонула...

Наверное, у меня был настолько несчастный и испуганный вид, что спасатель поспешил помочь:

— Я вам дам шорты и майку! Почти новые! — Он кинулся в подсобку и добавил оттуда: — Я их недавно стирал. И можете не возвращать, ходите, сколько надо, а потом выкиньте!

Он вынес мне одежду. Я быстро облачился в белые трусы и бордовую майку.

— А обувь... — произнес спасатель, глядя на мои босые ноги и покусывая губы. — Может быть, найду шлепанцы. Знаете, отдыхающие часто оставляют тапочки на пляже, мы их подбираем и ждем, когда хозяин отыщется.

Я отрицательно покачал головой, снова кинул взгляд на пляж и тронул Анну за плечо:

— Пойдем, Анюта.

Ее все еще колотила крупная дрожь. Она отрицательно покачала головой и с трудом произнесла:

— Е-е-еще водки... пожжжжалуйста...

От предчувствия беды мне стало даже жарко. Я схватил Анну за руку и потянул ее к выходу силой. Она взвизгнула, высвободила из-под одеяла руку и ударила меня:

– Уйди-и-и! Не пойду никуда-а-а!

– В самом деле, – вмешался спасатель. – Посидите еще. Ваша девушка сильно переохладилась. Ее следовало бы растереть спиртом или скипидарной мазью.

Я не слушал его. Снова взял Анну за руку и сжал ее до боли.

– Анна, мы должны идти!

Она крутила головой, морщилась, хныкала, а когда я заставил ее подняться с топчана, пронзительно закричала:

– Куда ты меня тянешь?! Я не хочу больше в море! Отпусти меня, я хочу остаться здесь! Мне холодно!

– Послушайте! – крикнул спасатель, пытаюсь отгородить от меня Анну. – Оставьте ее в покое! У вас нервное переутомление!

Мне показалось, что я услышал, как со стороны набережной раздался тихий скрип тормозов автомобиля. Оттолкнув спасателя, я схватил Анну в охапку. Она закричала с такой силой, что у меня заложило уши. Спасатель неожиданно двинул меня кулаком в челюсть – не сильно, словно предупреждая, что следующий удар будет более убедительным. Анна тотчас добавила с другой стороны. Она ничего не соображала, не понимала, что мы были на волоске от смерти, а спасатель ничего не знал. Он простит меня, когда узнает все, подумал я и, резко развернувшись корпусом, крепко въехал ему кулаком в подбородок. Спасатель оказался крепким парнем и устоял на ногах. Если бы я в этот момент опустил руки, он быстро бы привел меня в горизонтальное положение. Я ударил его еще раз – по левому уху и завершил наш спор прямым ударом тыльной стороной ладони по переносице. Несчастный спасатель, вытащивший нас из воды, сбивая табуреты и вешалку, грохнулся на пол.

Я взял мокрые джинсы Анны, обвязал их вокруг пояса, присел перед девушкой, смотревшей на меня совершенно безумными глазами, обхватил ее за ноги, оторвал от пола и закинул девушку на плечо, как это делают джигиты, воруя невест. Выбежал на пляж, кинулся, увязая в остывшем песке, в сторону, к напоминавшим гробы лодкам, лежащим на металлических опорах днищем кверху, упал на колени перед первой попавшейся и стал заталкивать под нее Анну. Она тихо поскуливала, вяло сопротивлялась, кидала мне в лицо песок, и все же мы оба благополучно скрылись под надежной крышей. А главное – вовремя.

Я закрыл ладонью рот Анне, слегка приподнял ее голову, чтобы она могла все увидеть своими глазами. С парапета на пляж прыгнул человек в курточке и темных брюках. Руки его были опущены в карманы. Не торопясь, глядя по сторонам, он подошел к двери медпункта, сдвинул марлю, вытянул руку с пистолетом вперед и дважды выстрелил. От каждого выстрела Анна вздрагивала, словно кто-то невидимый толкал ее в спину. Так же спокойно и неторопливо убийца спрятал пистолет в карман, повернулся лицом к морю, сплюнул под ноги, посмотрел в сторону Крепостной горы, затем – в нашу. Кажется, взгляд его остановился на лодках. Мы с Анной перестали дышать. Человек, снова опустив руки в карманы, медленно пошел в нашу сторону. Он понял, что вместо меня убил случайного человека? Он заметил нас? Я почувствовал, как напряглась шея Анны. Похоже, что я невольно сдавил ее своими пальцами.

Не было уже никаких сомнений – убийца шел прямо на нас. Я очень медленно опустил руку на песок и сжал в кулаке полную горсть. Какая глупость. Это не поможет. Я даже не докину песок до его лица. Теперь ясно, почему лодки напомнили мне гробы.

Человек, не дойдя до нас шагов десять, остановился, посмотрел по сторонам. Зачем он тянет? Свидетелей не будет – у него пистолет с глушителем, можно хоть всю обойму разрядить в нас – на набережной, где из каждого кафе несется музыка, никто не услышит. Мои нервы дошли до предела. Сейчас я очень хорошо понимал киногероев, которые рвали на груди рубахи и орали: «Стреляй, гад!»

Человек сплюнул еще раз – должно быть, это был такой ритуал. Через несколько секунд его ноги в коричневых туфлях «инспектор» мелькнули перед нашими перекошенными лицами, и каблуки застучали по днищу лодки. Нам на головы посыпался песок. Еще два удара, затем металлическая опора, на которой стояла лодка, закачалась, тихо закричала, и все затихло.

Анна повернула ко мне лицо. К счастью, в темноте я не видел, какое на нем было выражение.

– Ушел? – одними губами спросила она.

Я беззвучно, по-пластунски, вылез из-под лодки, посмотрел наверх, по сторонам. По набережной, удаляясь, плыли красные огоньки автомобильных габаритных фар.

– Ну что? – спросил я. – Уже согрелась? Больше не хочешь водки?

– Хочу, – процептала Анна. – Зачем... зачем он выстрелил в него?

– Молчи, не спрашивай... Выть хочется... Вставай, надо уходить отсюда. Книшку позвоним с «Горки». Там есть телефон. У убийцы много примет: ботинки, брюки, автомобиль. Его высчитают в полчаса...

Я не верил в то, что говорил.

Мы шли по темному пляжу молча. Анну штыло от усталости и водки. У нее не было сил даже плакать, и она время от времени лишь негромко всхлипывала. Я не мог разжать кулаки. Судорога скрутила их. У меня перед глазами стояло лицо убитого спасателя с застывшим на нем выражением недоумения, будто он хотел спросить: ребята, за что?

– Я достану его... – бормотал я. – Достану этого Лешика вместе с его Эльвиркой. Я раздавлю этих клопов. Я отрежу Малыгину уши и затолкаю их в рот Милосердовой. А потом отрежу ей голову и пришью к плечу Лешика. И этого сиамского близнеца мы похороним на том же симферопольском кладбище, под той же могильной плитой...

Да простит меня Господь за такие слова и мысли!

31

Рано утром мы сели на автобус, следующий рейсом из Феодосии в Ялту, предварительно купив в станционном киоске свежие газеты. Анна принялась просматривать заголовки и буквально через полминуты ахнула:

– Послушай, тут только про тебя и пишут! «Кому это выгодно?» Автор – какой-то Фисменович. «Вывод экспертной комиссии о том, что взрыв на яхте «Ассоль» произошел в результате воспламенения электропроводки в непосредственной близости от баков с бензином, можно было поставить под сомнение только потому, что этой версии отчаянно придерживается официальный Симферополь. Я не склонен принять эту версию лишь по той причине, что комиссию создал и

возглавил Виктор Гурули — человек, который в наибольшей степени был заинтересован в целостности и сохранности денег, предназначенных для выплат вкладчикам... Вот гад, а? Врет и не краснеет!.. Слушай дальше...

— Это не интересно, — перебил я. — Поищи что-нибудь про меня.

— Про тебя, про тебя, — забормотала Анна, перебирая газеты, — вот про твоего друга. Обращение генерального директора АО «Милосердие» Виктора Гурули ко всем вкладчикам. «Дорогие акционеры! Счет жертвам нашего акционерного общества растет. Кому-то очень хочется, чтобы вы, и в первую очередь свободолюбивый и гордый народ Крыма по-прежнему стоял у помойного корыта. Кому-то очень выгодно, чтобы ваши кошельки были пусты, чтобы вы мечтали досыта наестся хлеба и чтобы свыклись с мыслью, что вы — быдло. Не надо напрягаться, чтобы отгадать эту хитрую задачку. Это выгодно тем, кто сегодня стоит у власти. Они прекрасно знают — бедными, зависимыми людьми управлять гораздо проще, нежели богатыми и свободными...»

— Я же просил поискать что-нибудь про меня.

— А он и про тебя вспоминает. Вот: «Погиб мой друг — капитан яхты «Ассоль» Кирилл Андреевич Вацура. Эта смерть останется на совести убийц, взорвавших яхту. Но лишь на очень короткое время. Считаю необходимым открыто объявить о том, что я своими силами создал специальную следственную группу из числа высококвалифицированных профессионалов и частных детективов. Эта группа уже работает... Каждый час я получаю информацию о ходе следствия. Могу сообщить, что на следы преступников мы уже вышли. И ведут эти следы в высокие государственные инстанции...» Послушай, Кирилл, за этот поклеп его же милиция со свету сживет! «Призываю всех акционеров «Милосердия» теснее сплотить свои ряды. Не дадим себя ограбить! Не дадим себя обмануть! Построим свой дом, свою судьбу, свое счастье своими руками!» И факсимильная подпись. — Анна отвернулась к окну.

Ненавижу политиков. Ненавижу дураков. От них все беды на земле.

В многолюдном алуштинском автовокзале мы чувствовали себя вполне безопасно. Как выяснилось, на Барсучью поляну рейсовые автобусы не ходили, а частники отказывали нам по той причине, что въезд в дачную зону для посторонних был закрыт.

Анна все заглядывала мне в глаза.

— Кирилл, может быть, не поедем туда?

Я отрицательно покачал головой.

— Пришло время возвращать долги. Я не успокоюсь, пока не развошшу тот муравейник.

На попутке мы добрались до ялтинского шоссе. Дальше — по серпантину, ведущему в сторону Барсучьей поляны, пошли пешком. Анна скоро отстала. Она плелась посреди дороги, останавливаясь и отдыхая каждую минуту, пока окончательно не упала в тень кипариса. Я не стал ждать, когда она снова встанет, повернулся и побрел к ней.

За весь день вверх по серпантину не поднялась ни одна машина. После захода солнца мы стали умирать от голода. Наконец впереди замаячили два желтых светящихся пятнышка, прыгающих по серпантину. Навверх шла машина.

– Эй, кукушка! – крикнул я Анне. – Бегом ко мне! Занимай исходную позицию!

Я спустился с обочины в глубокий кювет и залег, чтобы меня не было видно с дороги.

По верхушке кипариса скользнул луч, и вслед за этим словно из-под земли на Анну выскочила «БМВ», разбрызгивая впереди себя свет. Раздался пронзительный визг тормозов, и вслед за этим – словесная тирада на естественном шоферском жаргоне:

– Какого черта ты стоишь посреди дороги?! Если надоела жизнь, то иди лучше утопись!

Я узнал в водителе крокодила Альгиса.

– Кто ж это такую красотку бросил? – спросил Альгис, на всякий случай осматриваясь вокруг.

– Мой дружок, – ответила Анна. – Мы с ним поцапались, и он прямо здесь высадил меня. Я не знаю, куда мне идти. Умираю, хочу чего-нибудь выпить... Послушай, у тебя случайно нет?

– А ведь ты не из робких, крошка? Я прав? – Альгис протянул руку к ее лицу.

Анна не успела ответить – крокодил рухнул на капот «БМВ» от моего удара кулаком в голову. Он мгновенно спрыгнул с капота, вытащил из-за спины пистолет и направил его на меня. Но моя подруга, не ведающая страха, вовремя пришла на помощь. Она прыгнула на Альгиса и обхватила его руку с пистолетом, как мангуста кобру, рука Альгиса дугой пошла вниз. Прогредел выстрел, пуля забила фонтанчик пыли у самых моих ног. Не дожидаясь, когда крокодил прострелит почти новые кроссовки, я прыгнул на него и на этот раз достал до его шеи. Голова Альгиса гулко ударилась о крышку капота, по-моему, даже оставила там вмятину. Анна подобрала с асфальта пистолет. Она была возбуждена и желала продолжения расправы над врагом.

– Отойди! – крикнула она мне, нацеливая пистолет в голову крокодила. – Сейчас он мне все расскажет!

– Убери пистолет, – сказал я Анне, вытирая свободной рукой пот со лба. – И посмотри, не едет ли кто сюда.

– Считаю, что ты уже покойник, – произнес Альгис, сплевывая красную слюну.

– Я уже давно так считаю, все не дождусь. Садись за руль! Погнали пчел в Одессу, мафиози! – сказал я.

Анна нежно постучала стволом пистолета по затылку Альгиса.

– Дядя, я тут, – напомнила она о себе и об оружии.

Кажется, до крокодила дошло, что на свете есть много всяких разнополюсных сил и противодействий, помимо той, которая обитает на лесной даче Татьяны Сысоевой. И этот элементарный закон физики, судя по всему, стал для него открытием.

32

Офис заметно отличался от соседствующих каменных замков. Это была маленькая копия лесной дачи – двухэтажный домик с белыми, выкрашенными известью стенами, деревянной лестницей, ведущей на крыльцо с козырьком, украшенное резными карнизами, с окошками, наглухо закрытыми ставнями.

Альгис остановил машину в нескольких шагах от лестницы, хотел отключить фары, но я перехватил его руку, продолжая рассматривать

дом. Ни высокого забора, ни колючей проволоки, ни вооруженных до зубов охранников. Крокодил словно прочитал мои мысли:

— Охрана внутри.

— Сколько человек?

— М-м-м... Один.

Я с недоверием взглянул на Альгиса.

— Что же так не густо?

— Тут дело не в количестве охранников. Перед тем как открыть нам двери, он обязательно позвонит на лесную дачу. Это сразу вызовет подозрение.

Я отключил фары. Несколько секунд мы неподвижно сидели, привыкая к темноте.

— В принципе, мы можем мирно расстаться с тобой, — сказал я, — если ты будешь хорошо себя вести и ответишь на все мои вопросы.

— Попробую, — Альгис пожал плечами.

— Где Малыгин?

— Не знаю. Я не видел его с тех пор, как вы уехали с ментами. Скорее всего, он в Москве, при Милосердовой.

— Какую роль вы отвели ему? Он кто, любовник Эльвиры или киллер? А может быть, и то, и другое?

Альгис усмехнулся — распухшие губы его шевельнулись, и это напомнило гримасу боли.

— Не знаю, любовник он или козел... Мне кажется, Милосердова использует его для самой дурной работы. А он соглашается на все. То, что он пас тебя, — это так, мелочь.

— Милосердова в последние дни не появлялась здесь?

— Нет, она в Москве.

— Естественно, вместе с деньгами?

— Насчет денег меня не информируют.

— Где Гурули?

— Не знаю. Может быть, в Ялте, может, в Симферополе. Он здесь давно не появлялся.

Я отщелкнул из рукоятки пистолета магазин, убедился, что в нем достаточно патронов, и вогнал его на прежнее место. Альгис в нерешительности топтался у задней дверцы, а когда Анна вышла из машины, потянулся за коробкой, лежащей на сиденье, но я остановил его:

— Коробку возьмет она, — и кивнул на Анну.

Анна обратила на меня недоуменный взгляд.

— Давай, давай, милая, — ответил я. — Ты понесешь коробку, я — пистолет, а Альгис — свои грехи. У каждого свой крест. Как зайдешь, вырони коробку у ног охранника.

Анна кивнула. Мы поднялись на крыльцо к обитой железом двустворчатой двери с глазком, над которой тускло светила лампочка.

Звонить пришлось несколько раз, пока наконец не лязгнул замок. Но металлическая дверь не открылась, глазок загорелся маленькой лампочкой.

— Альгис, ты? — раздался изнутри сонный мужской голос.

— Я, — ответил Альгис, покосившись на меня.

— Чего это тебя в такое время принесло? — спросил охранник, не торопясь открыть дверь.

— Дискеты надо выгрузить.

Заскрежетал засов, дверь приоткрылась. Немолодой охранник с помятым от сна или пьянства лицом глянул на нас.

— Кто это с тобой? — спросил он, на всякий случай закрывая собой проход.

— Приятели, — ответил Альгис. — Помогают...

— Я позвоню хозяйке. Разрешит — впусти.

В одно мгновение я понял, что произойдет дальше. Охранник снова закроет дверь, позвонит на лесную дачу, скажет, что ни с того ни с сего приперся Альгис с неизвестными мужиком и бабой; Сысоева, если не полная идиотка, сразу догадается, кто такие «мужик с бабой». О последствиях не хотелось думать.

Мне оставалось лишь кинуться на дверь и с отчаянной решимостью пробить ее своей головой, но положение спасла Анна. Не дожидаясь, когда охранник закроет дверь, она выпустила из рук коробку. Та упала у самого порога, коробки с дискетами вывалились к ногам охранника. Закрывать дверь, не раздавив коробки, уже было невозможно.

Анна ойкнула, присела на корточки и стала торопливо подбирать товар с пола.

— Раззява! Руки у тебя не к тому месту пришиты! — выругался я.

— Ну что вы девчонку обижаете! Бывает! — Охранник наклонился, чтобы помочь.

От удара рукояткой пистолета по затылку он на секунду застыл, будто прислушивался к своим ощущениям, медленно начал оседать и уткнулся лицом в пол. Анна, перешагивая через него и рассыпанные коробки, первой прошла через двери. Я подтолкнул Альгиса, который, кажется, уже плохо ориентировался в пространстве и не знал, куда ему идти.

Я заклеил охраннику рот и перемотал руки, заведенные за спину, лентой «скотч». Анна подобрала с пола оставшиеся дискеты и картриджи, закрыла входную дверь на засов, кивнула на коробку и сказала Альгису:

— Бери, теперь твоя очередь.

— Куда нести коробку? — спросил Альгис.

— Где кабинет Сысоевой? — задал я встречный вопрос.

— У Сысоевой, собственно, нет кабинета. Все работают в одной комнате.

Я показал глазами на дверь, обитую черным ледерином:

— Здесь?

Альгис кивнул, взялся за ручку. Дверь была заперта.

— Где ключи?

Он пожал плечами.

— Скорее всего, у Сысоевой.

— Обыщи этого несчастного, — сказал я Альгису, кивая на охранника.

Альгис со вздохом опустился на колени, вяло провел рукой по спине охранника.

— Ничего нет.

Я оттолкнул его в сторону, проверил карманы охранника и вытащил связку ключей.

Анна подобрала ключ к черной двери, и мы оказались в большой комнате. Вдоль стен тянулся ряд столов, на них матово отсвечивали серыми экранами мониторы компьютеров.

— Какая прелесть! — негромко воскликнула Анна. Она испытывала профессиональный восторг, рассматривая компьютер, стоящий у самой двери. Затем Анна устроилась в кресле у центрального компьютера и включила его. Казалось, она вмиг забыла обо мне, о крокодиле, стоящем, как провинившийся школьник, в углу, и полностью переключилась в мир символов, цифр и букв, которые выводил экран монитора.

— Ну, что там? — спросил я, заглядывая через ее плечо в экран.

— Очень интересно, — ответила Анна, пробегая пальцами по клавиатуре. — Мне кажется, если, конечно, я не ошибаюсь, что здесь работает бригада очень опытных и своеобразных программистов... Встроенный модем... Выход на глобальную сеть... Сейчас я проверю компьютер на вирус. — Анна вскочила с кресла, взяла с соседнего стола лист бумаги и стала списывать с экрана цифры. — Неужели? Это даже круче, чем я предполагала. Целый пакет программ-взломщиков! Наш программист рассказывал, что это теоретически возможно. Но чтобы обнаружить эти программы в такой дыре!

— Пора закругляться, — напомнил я.

— Отстань! — отрезала Анна.

Она увлеклась и забыла, где мы находимся. Мне же было тревожно. Казалось, что где-то далеко надывается на подъеме автомобиль.

— Анна, — повторил я и коснулся ее плеч. — Давай прихватим коробку с рабочими дискетами. Потом что-нибудь из них выудим.

— Они все заражены, — коротко ответила Анна.

— Что? — не понял я.

— Хватай карандаш! Переписывай реквизиты! Нет, ты представляешь? Несколько программ запускаются через сеть, и они валамывают все системы защиты: расшифровывают пароли, коды, и бригада получает доступ к любой секретной информации банковских счетов.

— Подожди! — попытался я приостановить ее словоизлияния. — Вот эту ерунду на второй строке тоже переписывать?

— Все переписывать! — крикнула Анна. — Хакеры! Компьютерные воры! Причем воры высочайшей квалификации! Они снимают финансовые счета с различных банков, куда удается заслать вирус-взломщиков, переводят деньги на счет своего банка, а потом специальными программами разрушают всю информацию о взломе. Их практически невозможно высчитать! Вот тебе и Барсучья полянка в крымских горах!

Когда я краем глаза заметил в дальнем углу комнаты движение, было уже поздно. Стул, описав под потолком дугу, врезался в меня, ударив ножками в спину и голову. Я успел лишь прикрыть локтем лицо, но удар был настолько сильным, что я не удержался на ногах и вместе с обломками стула, развалившегося на моих плечах, повалился на Анну, сбивая ее с кресла. Падая, я выстрелил туда, где стоял Альгис, но промахнулся; крокодил, демонстрируя необыкновенную прыть, взвился в воздух и со сдавленным криком добавил мне ногой в голову.

Следующим ударом ноги он выбил из моей руки пистолет, кинулся следом за ним, но тотчас остановился — понял, что не успеет добежать до него и тем более выстрелить; развернулся и снова взвился вверх, намереваясь столь же эффектным приемом опять свалить меня. Но тут я достал его ножкой от стула, которая почему-то оказалась у меня в ру-

ках, и сильным ударом подсек обе его ноги. Крокодил упал на спину, инстинктивно выкинув руки под себя, смягчая приземление. Он не смог прикрыть лицо, и тяжелая угловатая палка с лаковой пропиткой с хрустом сломала крокодилову переносицу. От такого удара я, наверное, сразу бы откинул ноги, но Альгис легко вскочил на ноги и попытался свалить меня ударом кулака справа. После близкого знакомства моей головой с его ногой моя реакция несколько ослабла, и все же я сумел вовремя подставить локоть, отбивая летящий в меня кулак, а когда мне открылась лоснящаяся, смуглая от загара и покрытая щетинкой челюсть Альгиса, я вложил в ответный удар всю силу, на которую еще был способен.

Такого результативного удара я не видел даже в кино. Альгис пролетел спиной над Анной, которая с чумными глазами все еще сидела на полу, и с диким криком врезался головой в экран монитора. Раздался короткий хлопок, звон разбитого стекла, монитор задымил, брызгая искрами. Остатки экрана острыми зубами впилась Альгису в щеки, словно его голову наполовину заглохило кровожадное чудовище. Ноги Альгиса стали танцевать по обломкам стула и осколкам стекла. Анна отскочила в сторону, с ужасом глядя на крокодила, который, выгнувшись дугой назад, пытался снять с головы страшный дымящийся шлем.

— Уходим! — крикнул я, хватая Анну за руку.

Она подняла с пола пистолет и следом за мной запрыгнула на подоконник.

33

Мы с Анной вернулись в Москву, и я первым делом позвонил Валере Нефедову.

Нефедов, когда я напрашивался на встречу с ним, обычно принимал меня в своем кабинете, а в худшем случае — где-нибудь на улице, в районе Лубянки. На этот раз он поинтересовался, откуда я звоню, уточнил адрес Анны и пообещал звезать в течение дня.

Он появился на пороге квартиры в седьмом часу вечера с букетом белых гвоздик для Анны и литровой бутылкой «Абсолюта». Выглядел Валера как всегда прекрасно: безукоризненно причесан, гладко выбрит, в дорогом темно-синем костюме. Правда, заметно поправился. В сравнении со мной он выглядел как ходячий двусторчатый шкаф.

— Валера, мы с Анной хотим серьезно с тобой поговорить, — начал я. — Девятнадцатого августа на Диком острове была убита молодая женщина. Московский начинающий политик Герман Милосердов опознал в убитой свою сестру — генерального директора акционерного общества «Милосердие» Эльвиру Леонидовну. По подозрению в убийстве взяли под стражу коммерческого директора Вистора Гурули, но очень скоро его выпустили, закрыв дело за отсутствием состава преступления...

— Так, и что дальше? — перебил Нефедов.

— Мне кажется, ты невнимательно слушаешь меня, — признался я.

— Нет. Я очень внимательно слушаю тебя. Только...

— Что «только»?

— Только все, о чем ты говоришь, мне давно известно.

Мы с Анной переглянулись и в один голос воскликнули:

— Как известно?

– Видишь ли, дружище, мы ведь тоже иногда раскрываем преступления.

– Вы что же, Милосердову уже взяли и доказали ее вину?

– Пока нет. Но скоро возьмем.

– И ее брата?

– И брата тоже. Хотя его взять будет труднее. Он возглавил партию радикальных мер, так называемую ПРМ. А эту партию поддерживают некоторые влиятельные лица из окружения президента. Поэтому нам нужен веский повод, чтобы взять Милосердова.

– Валера, ты хочешь сказать, что вам известны все тонкости и детали этого дела? – не мог поверить я.

– Мне не хочется тебя расстраивать, друг мой, но это так.

– И вы знаете, кто убил эту девочку? – Я кивнул на портрет Васильевой, который Анна успела повесить на стенку. – Вам известно, что это сделал Малыгин?

– Малыгин? – переспросил Валера. – Кто такой Малыгин?

– Ну вот! – облегченно воскликнул я и хлопнул кулаком по ладони. – Ты не знаешь убийцу Васильевой, а говоришь, что въехал во все тонкости.

Валера задохнулся и в упор посмотрел на меня. В его взгляде что-то изменилось.

– Кирилл, – сказал он голосом, в котором уже не было оттенка насмешки и иронии. – На протяжении достаточно длительного времени ты постоянно путался у нас под ногами, затрудняя работу следственной бригады. Мало того, ты каким-то чудом умудрялся одновременно мешать мафии, милиции и ФСБ. Я несколько раз просил тебя перенацелить свою энергию на какое-нибудь другое дело. Теперь же я просто требую – и как твой друг, и как представитель органов безопасности, – чтобы ты прекратил какие-либо действия в отношении Милосердова, его сестры и всех остальных людей, замешанных в этом деле. Ты понял меня? Я требую!

– Фу-ты, ну-ты! – произнес я. – Напугал! А на каком основании требуешь?

– На том основании, что ты балуешься, а я работаю.

– Какое же это баловство! – вмешалась Анна, бросившись мне на помощь. – А ты знаешь, сколько раз он жизнью рисковал, ходил по краю пропасти?! Сколько раз его пытались подставить, убить, и только чудо спасало?!

– Знаю, – ответил Валера. – Я все знаю. А вот ты не знаешь, сколько раз я клялся набить Кириллу физиономию за эти игры. Я не ставлю под сомнение его талант, ум и храбрость, но у него нет главного.

– Чего же?

– Права определить вину людей и наказывать их. Твоя миссия, Кирилл, закончена. Ты раскрыл преступление, поставил об этом в известность органы безопасности. Все, спасибо. Жму руку...

– Еще раз, – сказала Анна. – Первые три цифры.

Она сидела перед экраном компьютера и искала в электронном справочнике адрес банка по номеру счета, который я ей диктовал. Это был тот самый счет, на который хакерами переводились деньги с Барсучьей поляны.

— Триста десять, — диктовал я, — пятнадцать... семьдесят четыре...

— Индекс?

— «Р» два ноля «ВБС».

— Есть, — ответила Анна. — Кажется, ухватила. «Москва, Восточный филиал «Уникоцбанка». Улица Саранская. Дом тридцать, корпус четыре».

— Я удовлетворен.

— Как? Уже? А разве твое уязвленное самолюбие не требует припелеть Лешика к стенке?

Я пожал плечами.

— Собственно, уже нет. Перегорело.

— Да брось ты! — не поверила Анна. — А у меня как раз разыгрался аппетит. Сейчас я позвоню на работу, договорюсь о машине.

— Мне кажется, что нам с тобой будет достаточно лишь понаблюдать за кульминацией со стороны.

— Или изнутри. В общем, там будет видно. Как говорил кто-то из великих, главное — ввязаться в драку. Пора ставить точку, иначе нам никогда не начать новой жизни.

Было четверть седьмого. Безостановочно шел моросящий дождь, серые низкие тучи обложили небо. У входа в банк, упаковавшись с головой в черный плащ, напоминающий расу, стоял охранник. Сквозь опущенные жалюзи из окон первого и второго этажей едва пробивался свет. Довольно часто прохожие, взглянув на вывеску с обменным курсом валют, открывали тяжелую дверь банка с темным стеклом и заходили внутрь. В этот час, в такую погоду и с непримечательным обменным курсом посетителей было бы намного меньше, если бы не воскресный день, когда все банки и обменные пункты обычно закрыты.

Мы следили за входом из-за шторок «РАФа», на котором подъехали к банку. За рулем сидел Василий, работал он в той же фирме, что и Анна. От дыхания запотевало стекло, и его время от времени приходилось протирать рукавом плаща. Анна пользовалась платком.

Умница водитель, не оборачиваясь, спросил:

— Я пока не нужен?

— Пока нет, — ответила Анна.

— Пойду покурю.

Он вышел, потер лобовое стекло тряпкой, поправил стеклоочистители и, прикуривая, стал прогуливаться по тротуару.

Половина седьмого. Рядом с банком по-прежнему ничего интересного не происходило. С шумом наезжая на лужи, мимо проносились машины. Ни одна из них даже не притормозила.

Кажется, мы приехали не туда. Ворованные счета, может быть, и стекали на этот адрес, но Милосердова и его компанию скорее всего следовало искать в офисах возглавляемой им партии или «общественного комитета». Я все никак не мог решиться сказать об этом вслух. Храбрости хватило лишь на предложение:

— Через пятнадцать минут уезжаем.

— Через полчаса, — поправила Анна.

— Почему через полчаса?

— В семь банк закроется. Ой, смотри, к банку подъехала машина.

Я прилип к окошку, глядя из-за шторки одним глазом. «Мерседес» цвета белой ночи, вспыхнув красными габаритными огнями,

остановился напротив входа, освещенного неоновой вывеской. Кто-то вышел, хлопнув дверцей, но я не видел человека, пока машина не тронулась с места. Невысокая, полная женщина в ярко-красном легком плаще, с копной черных волос на голове быстро подошла к главному входу банка. Охранник кинулся открывать перед ней дверь.

— Началось! — Я хлопнул ладонью по сиденью. — Явилась первая мадам!

— Кто это?

— Роза. Фамилии не знаю. Я видел ее на лесной даче. Который час?

— Без четверти.

— Сейчас повалят. Должно быть, они слетаются к закрытию банка. Что у них тут будет? «Малина», сходка, партийный съезд?..

— Ну что, пошли? — спросила Анна и кинула на пластиковый пакет, лежащий на сиденье.

— Пошли, — ответил я и, прихватив пакет, вышел из машины.

Анна взяла меня под руку, и мы направились к входу банка. Охранник молча скользнул по нам взглядом и, не найдя в нас ничего привлекающего, повернулся спиной.

Узкий и длинный зал с мягкой мебелью, пальмами и фикусами в кашпо причудливых форм был почти пуст, лишь у кассового окна валютных операций стояло человек десять. Мы с Анной пристроились в конец очереди. Девушка-кассир, заметив нас, предупредила:

— Господа, мы работаем до девятнадцати часов!

Пряча лица, мы с Анной косились на входную дверь. Скрипнули тормоза. К банку подъехала очередная машина, и через несколько секунд в зал вошли двое незнакомых мужчин. О чем-то разговаривая, они прошли в торец и скрылись за дверью из красного дерева.

Анна взяла у меня из рук пакет, неторопливо прошла в конец зала и села в кресло рядом с красной дверью. Никто не обратил на нее внимания. Она опустила пакет на колени, кинула быстрый взгляд на входную дверь, на кассовое окошко, вытащила из пакета портрет Васильевой и поставила его на журнальный столик, прислонив к стене так, чтобы он сразу бросался в глаза всякому, кто подходил к красной двери. Медленно встала с кресла и, стараясь не стучать каблуками по мраморному полу, вернулась ко мне.

Победный флаг был вывешен. Оставалось дожидаться того, кто перед портретом неминуемо признает свое поражение, — убийцу Васильевой Лешу Малыгина.

Анна нервничала и незаметно царапала ногтями мою ладонь. Через дверное стекло было видно, как охранник снова кинулся открывать перед кем-то дверь.

— Бомонд! Цвет нации! — шепнул я Анне и опустил голову, чтобы не светить своей восторженной физиономией.

В зал вошли Гурули и Сысоева. Виктор пропустил даму вперед. Он был весел, возбужден и негромко бормотал Татьяне Юрьевне на ухо. Черное кожаное пальто и такая же кепка генерального директора блестели от влаги, словно Гурули пришел пешком. Моя «сестричка» в отличие от него была без плаща, в сером деловом костюме, будто пришла не с улицы, где шел дождь, а из смежного помещения. Не обратив внимания на портрет, они скрылись за красной дверью.

Мы уже не сводили глаз с входной двери. Через полминуты к дверям банка подкатила скромная «шестерка» голубого цвета, припарковалась, наехав передними колесами на тротуар.

— Какие люди! — не сдержал я возгласа. — Солнышко мое ясное!

В дешевой китайской куртке цвета застиранных джинсов из машины вышел Леша Малыгин. Он закрыл дверцу «Жигуля» на ключ и надавил пальцем на брелок. Машина пискнула сигнализацией и подмигнула фарами. Леша посмотрел по сторонам и, сунув руки в карманы куртки, зашел в зал. Играя ключами, он щелкнул пальцами, привлекая внимание кассирши, улыбнулся ей и вразвалочку пошел в торец зала. Мы с Анной буквально окаменели, исподлобья наблюдая за ним. Леша прошелся взглядом по портрету, вялым движением зевачи глянул на шторы, цветы в кашпо, на свои кроссовки и толкнул пятерней красную дверь.

Мы с Анной переглянулись.

— Ну и выдержка! — прошептала она. — Он даже...

Но я уже не слушал ее и незаметно толкал в плечо. В моих глазах, должно быть, было столько изумления, что Анна осеклась на полуслове и немедленно скосила глаза в сторону двери. Незаметно, словно таясь, в зал проскользнул невысокий коренастый человек с лицом, которое, как говорится, было до боли знакомо. Этого человека мы меньше всего ожидали здесь увидеть. Дима Моргун!

Бывший начальник судакского проката беззвучно пошел по залу, едва ли не касаясь плечом стволов палм, но не так самоуверенно, как Гурули, и не развязно, как Леша, а какой-то пружинистой, наполненной скрытой силой походкой, какой пума идет по следам своей жертвы. Взгляд его был устремлен вперед, на дверь. Когда до нее оставалось не больше десятка метров, Моргун стал замедлять шаг, словно из двери подул невероятной силы сквозняк. Перед портретом Моргун остановился. Несколько мгновений он не сводил с него глаз, затем медленно повернулся в сторону окна, посмотрел на то, что отражалось в стекле, нервным движением пригладил волосы и немедленно скрылся за дверьми.

Я почувствовал, как Анна прижалась ко мне.

— Давай уйдем отсюда, — не поднимая головы, прошептала она.

В это трудно было поверить. Моргун не мог знать Васильеву в лицо! Если, конечно, не был ее убийцей.

35

Я взял Анну под руку и повел к двери. Парень, стоявший за нами, спросил вдогонку:

— Вы совсем уходите?

— Совсем, — не оборачиваясь, ответил я и взялся за ручку двери.

Но выход на улицу был перекрыт. Невысокий, мне по плечо, молодой мужчина в спортивной куртке сделал какое-то движение рукой перед лицом охранника, распахнул дверь и маленьким танком попер на нас. Он был плохо воспитан и не пропустил Анну, вынуждая ее пятиться назад.

— Секундочку! — коротко сказал он, напряженно улыбаясь. — Федеральная служба безопасности. Вернитесь на свое место!

Он стоял спиной к двери, широко расставив свои короткие ножки, и быстро двигал зрачками влево-вправо.

Я отвел Анну к ближайшей пальме и на всякий случай закрыл ее собой.

— Не волнуйся. Сейчас сюда вломится Нефедов, и нас выпустят на улицу.

Анна кивнула. Ей хотелось этому верить. Девушка-кассира перестала отсчитывать деньги, привстала со стула, глядя на человека в спортивной куртке, и, кажется, незаметно нажала кнопку вызова. Через щель между лепестками жалюзи я увидел, как напротив входа в банк остановился автобус. Окна его были завешены, в салоне — темно. Распахнулись обе двери. На одном окне шторка колыхнулась, и мне показалось, что за ней мелькнула голова в каске и черной маске, закрывающей все, кроме глаз.

Из красной двери вышел Моргун. Он был уже без куртки, в пиджаке, в одной руке нес кожаную папку, а другой что-то доставал из нагрудного кармана.

— В чем дело? Я администратор банка! Кто вы такой? — громко говорил он, приближаясь к маленькому мужчине.

— Ничего страшного! — ответил ему человек из службы безопасности. — Маленькая формальность...

То, что произошло потом, трудно было расставить в последовательности. Кажется, сначала в зале погас свет, затем раздался pistolетный выстрел, а следом за этим — оглушительный визг женщин, стоящих в очереди.

Я схватил Анну в охапку и вместе с ней упал на кожаный диван.

— Стоять! — раздался чей-то крик, кажется, это был голос Моргуна. — Всем оставаться на своих местах!

Топот ног, короткие выкрики:

— Дверь на засов!

— Они пошли! Готовь первую голову!..

— Не подниматься!

— Заткнись!

Где-то рядом с жутким звоном разбилось большое витринное стекло.

Я приподнял голову. По сумрачному залу, пробиваясь сквозь жалюзи, бегали полосатые световые пятна. С улицы доносился душераздирающий вой сирены. Несколько легковых машин с зажженными фарами стояли напротив окон банка, разбрызгивая «мигалками» красные и синие снопы света. Присев на одно колено, по всей длине тротуара выстроилась цепочка омонцов в бронежилетах, касках и масках на лицах.

Анна машинально подняла руки и стала поправлять волосы.

— Не двигаться! — закричал ей из-за кассовой стойки человек с квадратной фигурой, и к нам подлетело что-то темное, тяжело дышащее, пахнущее потом. Я попытался вскочить на ноги, как сильный удар прикладом в лицо свалил меня опять на диван. Перед глазами словно разорвалась световая бомба. Слепленный болью, я ничего не видел. В голове шумело, будто я опустился под воду.

Когда я отнял ладони от лица, они были липкие от крови.

— Врубай! — крикнул кто-то из глубины зала.

Вспыхнул свет. Мне стало больно, будто меня снова ударили. Щурясь и вытирая с разбитой брови кровь, я стал искать глазами Анну.

У выхода, лицом вниз, в темно-вишневой луже лежал маленький мужчина, который представился сотрудником службы безопасности. В нескольких шагах от него, у самого окна — женщина в синем плаще. Глаза ее были открыты, правая рука с сумочкой прикрывала рот, будто женщина боялась закричать. В левой руке, откинутой в сторону, она все еще сжимала несколько долларовых купюр, которые так и не успела пересчитать.

Все окна в зале уже были закрыты белыми волнистыми шторами. На противоположной стороне кассовой стойки, рассредоточившись на всю длину зала, стояли боевики с автоматами.

Анна была в группе заложников. Крупнотелый парень, ударивший меня прикладом, стоял перед ними, широко расставив ноги, и водил из стороны в сторону стволом автомата.

— Руки всем опустить! — визгливо кричал он. — Не двигаться! А то всех сейчас на пол положу! Кому жизнь надоела, спрашиваю?

Анна стояла, опершись о стойку, и спокойно смотрела на меня. Опустила голову, раскрыла сумочку, вынула из нее платок и, отстранив стоящего впереди себя мужчину, подошла ко мне.

— Стоять, сука! — завизжал крупнотелый, замахиваясь на Анну прикладом.

Я обрушился на него, отталкивая в сторону, но ударить не успел — тот въехал коленкой мне в живот. Я согнулся пополам, сдерживая стон и ожидая выстрела в голову, но кто-то властно остановил крупнотелого:

— Отставить, Секач! Не распускай руки!

Я почувствовал, как Анна пытается поднять меня.

— Ты можешь встать? — спросила она. — Обопрись о мое плечо.

Я тяжело выдохнул, с трудом распрямылся и схватился руками о стойку.

— А-а, иуда! — произнесла Анна.

Я поднял голову. Перед нами стоял Леша и смотрел на нас из-под тяжелых надбровных дуг. Глаза были глубоко спрятаны, я их не видел.

— Вы сами виноваты, — сказал он.

— Жаль, что не пристрелил тебя в Судак, — ответил я, прижимая платок к глазу.

— Чем тише себя будете вести, тем лучше, — негромко произнес Леша, потом перевел взгляд на Секача: — Этих двоих — в дальний угол! — приказал он. — Остальных поставь вдоль окна лицом к стеклу... Господа! — обратился он ко всем заложникам. — Мы не причиним вам вреда, если вы будете выполнять наши требования. А с омоном мы договоримся.

Из красной двери вышел Моргун, на мгновение остановился у портрета Васильевой, усмехнулся, взял его и, с улыбкой рассматривая, подошел к нам. Глаза его превратились в тонкие щелочки, усики, похожие на мохнатую гусеницу, растянулись в стороны.

— Ну, здравствуй, дружочек. Значит, вычислил меня? — спросил он, глядя кошачьими глазами то на меня, то на портрет. — Напрасно. А ведь я предупреждал тебя, чтобы не совал нос в чужие дела. Ты не внял умному совету. — Он сел на диван. — Надо же. И кто-то же такую дрянь рисовал, холст, краски переводил. А ведь ты все время думал, что это Лешка ее замочил, так ведь? Правильно делал, что так думал. Лешка у нас козлом отпущения работает. Мы на него всех собак веша-

ем, и он за это деньги получает... Эх-эх, — вздохнул Моргун. — И чего, спрашивается, тебе не хватало в жизни? И бабу себе хорошую завел, и хата на юбка есть, и деньги имел. Острых впечатлений захотелось? Что ж, получишь.

Моргун перевернул картину и надавил пальцем на холст. Ткань с хрустом прорвалась. Он показал нам изуродованный портрет. Из рта Васильевой торчал палец Моргуна, словно длинный язык.

— Смешно, правда? — спросил он, ударил рамку о колено и кинул обломки нам под ноги.

К Моргуну подошел Леша, что-то шепнул ему на ухо.

— Все они там полковники! — ответил Моргун. — Надо еще разобраться, кто его уполномочил. А как он связался с Германом?

— Позвонил ему в кабинет.

— Герман передал ему условия?

— Нет, шеф хочет поговорить с ним с глазу на глаз.

— Что ж, запускай этого парламентаря, посмотрим, что за птица. Два ствола направить ему в лоб, остальные — в затылок заложникам... Включая и этих молодоженов, — добавил он, кивнув на нас с Анной. — Обыскать его, поставить вровень с остальными у шторы. А потом будем разговаривать.

— Дима, — сказал я. — Ты казался мне умным человеком.

— Уже не кажусь? А что так?

— Неужели ты еще надеешься, что вам удастся уйти?

— Надеюсь? Я? — переспросил он и задумался. — Я не люблю это слово. Надежда — это тупая вера в чудо. А я знаю, что чудес не бывает. Есть законы, есть расчет, есть умные ходы. И мы будем эти ходы делать. Все остальное будет зависеть от того, насколько наше любимое государство оценит ваши жалкие жизни. К сожалению, на этот товар цена нынче стремительно падает. Так что, даже не знаю, не знаю... — Он задумался, достал платок, высморкался. — Да, брать в заложники надо людей влиятельных. Желательно, членов правительства. А еще лучше — президента. — Моргун рассмеялся. — А вы — кто? Мелоченка, расходный материал. В Чечне такие, как вы, сотнями под артобстрелом гибнут. И ничего. А горстка этих жалких людишек, — он кивнул на заложников, стоящих перед окном, — кому нужна? Мамам да нам. Больше никому. Потому-то, дружок, нет никакой надежды.

— Пойдете ва-банк? — спросил я.

— А что нам, злодеям, остается делать? Воровская разборка, от нее не уйдешь. Кодекс чести! — И он развел руками.

— О чем ты говоришь? — не понял я. — При чем тут воровская разборка?

Моргун снова растянул губы в улыбке и прищурил глазки.

— Эх, Кирюша! Взгляд твой чист, как у младенца или кретина. Ты думаешь, что те brave ребята с закрытыми лицами, — он кивнул на окно, — готовятся восстановить справедливость и наказать зло? Нет. Они всего лишь устраняют конкурентов. Герман, если бы пришел к власти, раздавил бы нынешних правителей, как каток дождевых червей. А народ бы при этом кричал «браво» и рукоплескал. Они, — он снова кивнул на окно, — такие же честные, благородные, как и мы. Эта мафия ухватила самую лакомую сферу влияния — сферу власти — и не хочет передела. Это ее право — держать власть. А наше — отбирать ее. Все в порядке вещей.

— Ты говоришь: «Если бы Герман пришел к власти». Неужели ты считаешь, что вы столь могущественны? Да вся ваша афера едва не треснула по швам еще три недели назад, когда ты плыл с Дикого острова на берег и под водой чуть не натолкнулся на меня. Всего на метр ближе — и я узнал бы тебя.

Моргун усмехнулся.

— Я, между прочим, так и решил, что ты меня узнал. И потому быстренько придумал фокус с белой накидкой и запиской в кармане.

— Постой! — не понял я. — Ты придумал этот фокус до того, как мы едва не столкнулись под водой, или после?

— После, дружок, после!

— Но ты ведь привез на остров накидку заранее и заранее подкинул ее в мою лодку!

Моргун отрицательно покачал головой.

— Пограничники нашли пустую лодку, Кирюша. Накидки в ней никогда не было. Этот белый кожаный плащик хранился в моей мастерской. Там же я и сочинил записку.

— Как же тебе удалось подделать мой почерк?

— Любопытствуешь? А правда, занимательная штука — узнавать правду из перных уст? К слову, а тебе не страшно узнать все?

— Разве в моем положении можно еще чего-нибудь бояться?

— Это ты верно заметил, — ответил Моргун. — Так вот, по поводу записки. Каждый день, дружок, перед тем, как отчалить к острову, ты собственной рукой писал в моем учетном журнале: «Трехместную лодку с парой весел и спасательным кругом, все в исправном состоянии взял на прокат до восемнадцати часов». И расписывался. Было это?.. Было! С этого образца мне не стоило больших усилий скопировать твой почерк.

— Но такой шикарный компромат логичнее было бы отправить в милицию, а не мне в руки, — пожал я плечами.

— Нет! — Моргун покрутил головой, чиркнул зажигалкой и прикурил. — Не логичнее. Профессиональные эксперты могли бы быстро раскусить, что почерк подделан. К тому же они обязательно бы связались с пограничниками и выяснили, что те никаких вещей в лодке не находили. А ты, получив накидку с запиской, становился, во-первых, моим должником и сразу исключал меня из числа подозреваемых, коль я сам тебя выручил, а во-вторых, переключал свой острый ум на поиск собственного алиби, а не преступника. Словом, я тебе рот закрыл и поубавил твою сыскную энергию. Ты мог откровенно говорить только с Лешкой, который ко всему прочему был нашим человеком. Отпала необходимость тебя убивать — ты был совершенно безопасен для нас, и мы знали о каждом твоём шаге.

— Чем тебе Караев помешал? — спросил я, глядя на короткие и сильные пальцы Моргуна, в которых зажата сигарета. — Зачем старика убил?

— Караева? — переспросил Моргун, глубоко затягиваясь. — А в этом, дружок, ты был косвенно виноват. В один прекрасный вечер мне из Симферополя позвонил Илья Городецкий, клерк, контролирующий частное строительство в Крыму, и сказал, что отец Малыгина — бывший анестезиолог, когда-то лечивший его, почему-то заинтересовался дачей Пикова и дал мне номер телефона, по которому Малыгину просил перезвонить. Я сразу узнал твой номер. И тогда мне стало ясно,

что это ты звонил Городецкому от имени Малыгина-старшего и, видимо, намеревался найти капитана на даче Пикова в Морском. Караев вряд ли видел, что я поднимался на борт яхты с мыса Ай-Фока, но он разговаривал с наркоманкой, мог заметить что-то подозрительное и проболтался тебе. Короче, этого свидетеля пришлось убрать...

Моргун замолчал, раздавил окурок и поднялся с дивана. В зал в сопровождении двух охранников вышел невысокий, толстеющий, пухлогубый мужчина в костюме. Когда Моргун почти вприпрыжку пошел к нему, Анна сказала мне:

— Это Герман Милосердов.

— Господи, а плюгавый-то какой! — вырвалось у меня. — Плюнуть не на что, а возглавил партию.

Милосердов не стал подходить к двери, где все еще лежал труп мужчины в спортивной куртке, дождался, когда Моргун подойдет к нему, что-то сказал ему, показал рукой на автоматчиков за кассовой стойкой и на дверь, повернулся и семенящей походкой покатился обратно к красной двери. Моргун отдал какое-то распоряжение Леше и Секачу и вернулся к нам.

— Что касается божжа с пляжа хиппарей, — сказал он так, словно никуда не отлучался, опять опускаясь на диван и закуривая, — то и здесь ты подставил старика.

Он видел меня пару раз, когда я таскался по пляжу с Танькой-наркоманкой, и, хотя у алкашей память никудышная, мог запомнить кое-какие приметы. Я не трогал бы его, если бы ты не надумал плыть на «ямахе» на тот пляж. Так совпало, что в это время, когда ты пришел ко мне за «ямахой», где-то за пляжем железнодорожников гонял на водном мотоцикле Леша. Я понадеялся, что он тормознет тебя на подпути под каким-нибудь предлогом, но Леша скоро вернулся и сказал, что не смог тебя задержать, и ты благополучно причалил к пляжу хиппарей... Собственно, грех мой невелик: алкоголики и так пьют всякую дрянь — то денатурат, то тормозную жидкость. А я напоил его отборным метиловым спиртом с небольшим добавлением бензина.

— Меня от него тошнит, — сказала мне Анна.

— А это оттого, девушка, — спокойно ответил Моргун, — что вы чувствуете мою правоту. Вашего друга предупреждали не раз: не суйся в это дело. Не полез бы — не было бы такого количества невинно убиенных.

— Если ты говоришь, что я не представлял для вас опасности, то зачем вы приказали Лепетихе убить меня? — спросил я.

— Лепетиха — это тот зеленый начинающий мокрушник с вечно глупым выражением на лице? — уточнил Моргун. — Я не имел к нему никакого отношения. Это уже инициатива Витька Гурули. Ты попытался припереть его к стене со своим счетом в двадцать пять тысяч баксов, а Витек настолько жаден, что убьет человека за один доллар. Из-за своей жадности он и самого дешевого киллера где-то откопал. К тому же он трус — побоялся звонить киллеру из своего ялтинского дома и попросил сделать это Татьяну Сысоеву. Татьяна, дура, согласилась и чуть было не засыпала наш филиал. К счастью, ты ошибся, когда принял Сысоеву за Милосердову и выдал себя за ее брата. Сысоева, мне рассказывали, ловко подыграла, а потом сдала тебя ментам... Если говорить о Гурули, то он — вечная гиена, потому что всегда питался объедками. Я, как и ты, его на дух не переношу. Но у него мощный козырь — он знает фамилии «шишек» из числа Крымского руководства,

которые прокручивали в «Милосердии» бюджетные бабки и имели с них бешеный навар. Менты потому и не могут упрятать его за решетку. И тебя, собственно, тоже потому, что дело прикрыли.

— Ты говоришь, что Гурули жадный. Но он, между прочим, выплатил мне все баксы по фиктивному счету.

Моргун рассмеялся.

— Эх, дружок, наивный ты человек! Все тридцать тысяч — фальшивые. Но Гурули понадеялся, что поздно вечером и в пьяном виде ты этого не заметишь. Так оно и вышло. Кроме того, эта гиена без согласования с Пиковым взорвала «Ассоль», чтобы убраться и сделать тебе имидж мученика и борца за права вкладчиков. Но возмещать ущерб Пикову пока не собирается. Все надеется снять с новых вкладчиков богатый урожай... Ни хрена у него не выйдет. Жаль яхту!

— Эта гиена, между прочим, в одной компании с тобой, — напомнил я.

— Увы, увы! — развел Моргун руками.

Он встал, улыбнулся своей широкой улыбкой, когда глаза превращаются в щелочки, а усы растягиваются во всю ширину лица, и уже другим, грустным и усталым, голосом добавил:

— Договорить нам, наверное, уже не удастся. Хотя, скорее всего, договорим на том свете.

Он повернулся и пошел к выходу. Два боевика, стоящие рядом с дверью, взяли автоматы наизготовку. Дверь открылась, и в зал вошел Нефедов.

— Стоять! — сказал ему Моргун. — Руки за голову!

Он подошел к Нефедову вплотную и стал ощупывать его с ног до головы. Нефедов поворачивался по его команде то спиной, то боком, пока, наконец, не увидел нас. Он ничего не сказал, но в его взгляде было достаточно крепких выражений в мой адрес.

— Можете опустить руки. — Моргун закончил обыск и просмотрел удостоверение личности, которое нашел в кармане плаща Нефедова.

В зал выкатился Милосердов. Он, должно быть, очень хотел казаться целенаправленной и решительной личностью. Быстро подошел к Нефедову, остановился в трех шагах от него.

— Значит, так. Разговор наш будет коротким и, надеюсь, плодотворным. Два миллиона долларов наличными, автобус с пятью полными канистрами бензина и средствами связи и готовый к вылету самолет с экипажем в аэропорту Внуково.

— Доллары мы сумеем доставить вам уже к утру, а автобус... — начал Нефедов, но Милосердов не дал ему договорить:

— Не к утру, а немедленно, в течение часа! И не надо говорить мне, что в Москве все банки ночью закрыты.

— Хорошо, — ответил Нефедов. — С долларами я постараюсь решить вопрос как можно быстрее. Сложнее будет с самолетом.

— Снимайте с рейса любой готовый к вылету самолет... Господин Нефедов! Давайте заканчивать излишне затнувшийся разговор. Жизнь этих людей, — он кивнул на строй, — зависит только от того, насколько точно вы выполните наши требования. Не советую вам идти напролом и проливать кровь невинных людей. Будьте умнее, отпустите нас вместе с самолетом восвояси! Все! — подытожил Милосердов. — Мы с вами прощаемся. Все остальные разговоры — только по телефону, а потом — по рации.

— Секундочку! — поднял руку Нефедов. — Я согласен сделать первый шаг.

- Конкретнее.

- Я немедленно передаю вам один миллион долларов взамен двух заложников.

Милосердов сделал шаг к Нефедову.

- Сначала деньги, потом - заложники.

- Но...

- Никаких «но»! Или вы принимаете мои условия, или нет.

- Я принимаю ваши условия.

- Мы никогда не расплатимся за эту милость, - шепнул я Анне.

- Пригласим его на нашу свадьбу, - ответила Анна, - и он простит нам этот долг.

- Несите деньги, - сказал Милосердов таким тоном, словно речь шла о какой-нибудь сотне рублей. - Перед входом в банк остановитесь, вытряхните содержимое мешка или чемодана - не знаю, какая у вас будет тара, - на асфальт. Потом я скажу, что делать.

Нефедов вышел и вернулся к дверям банка спустя всего минут пять или семь. Боевики снова встали по обе стороны от дверей, взяв автоматы наизготовку.

- Свет! - крикнул Милосердов.

В зале стало темно. Моргун ухватил за ворот куртки парня-заложника и подтолкнул к окну:

- Сдвигай штору!

Парень взялся за ткань. Милосердов, стараясь не попадать в луч света, из-под его руки стал всматриваться через щель жалюзи.

- Скажи, пусть вываливает деньги на асфальт. Да только на сухое место!

- Высыпай! - крикнул Моргун, подойдя к двери.

Милосердов присел, наклонял голову, чтобы было лучше видно.

- Скажи, пусть все соберет, возьмет мешок и пойдет с поднятыми руками.

- Эй! Полковник! - позвал Моргун. - Мешок в зубы, руки вверх, и дуй сюда!

Вспыхнул свет. Секач раскрыл перед Нефедовым дверь. Тот вошел, разжал руки. Мешок упал у его ног. Моргун поднял его, улыбаясь и не сводя глаз с Нефедова, заглянул внутрь и подошел к Милосердову.

- Порядок, шеф!

- Я беру тех двоих, - сказал Нефедов и кивнул на нас с Анной.

Вдруг Моргун, стоявший все это время за спиной шефа, шагнул вперед и отрицательно покачал головой:

- Только бабу!

Милосердов вскинул брови.

- Почему? Есть причины?

Моргун склонился над ухом шефа и что-то ему шепнул.

- А-а-а! - протянул Милосердов. - Так это и есть тот самый частный детектив? Нет, детектива в последнюю очередь! Выпускаем бабу.

- Эй, мадам! - позвал Секач. - Поторопитесь, а то мы передумаем.

- Без него я не пойду, - неожиданно спокойно и твердо ответила Анна.

- Только без капризов, - сквозь зубы произнес я. - Прошу тебя, не устраивай здесь сцен. Уходи немедленно!

- Вы позволите мне поговорить с ними? - спросил Нефедов у Милосердова.

— Полминуты.

Нефедов подошел к нам.

— Вот что, друзья, — взволнованно прошептал он. — Влипли вы очень серьезно. Ни самолета, ни автобуса никто Милосердову не даст. Омоновцы настроены очень решительно. Сейчас начнется такая рубка, что вряд ли кто живым останется. Анна, ты выйдешь со мной, а Кирилла я постараюсь обменять на наркотики. Это тоже валюта, и у террористов она хорошо идет...

— Нет, — перебила его Анна. — Без Кирилла я отсюда не выйду.

Я кинул взгляд на Нефедова. Он понял меня, схватил Анну за руку и потянул за собой. Анна вдруг замахнулась и ударила Нефедова сумочкой по голове.

— Отцепись! Не смей прикасаться ко мне!..

— Да че с ней церемониться! — вдруг сорвался с места Секач, быстро подошел к Анне и схватил ее за волосы. — На улицу, сука!

Он пригнул ее голову и толкнул к двери. Анна устояла на ногах, развернулась и сильно замахнулась. Мы ударили Секача почти одновременно: Анна залепила ему звонкую пощечину, а я, понимая, что мы подписываем себе смертный приговор, со стоном наслаждения заехал ему каблуком в подбородок. Секач рухнул на кассовую стойку, и вслед за этим события понеслись со страшной скоростью. Оглушительно застучала автоматная очередь, погас свет, раздался обваленный грохот бьющегося стекла, истошно завизжали женщины.

— На пол! — диким голосом кричал Нефедов. — Все на пол!

Рядом трещала стойка, раздавались выстрелы, короткие вспышки вырывали из темноты силуэты людей с оружием, над полом потянуло холодным сквозняком. Я лежал сверху Анны, прикрывая ее собой, видел полусогнутые фигуры омоновцев и лежащих на полу людей.

Выстрелы затихли. Я оперся руками о холодный пол, усыпанный битым стеклом, дернул головой, стряхивая застрявшие в волосах осколки, провел ладонью по голове Анны.

— Анюта, ты как?

— Дайте свет! — скомандовал кто-то.

Под потолком вспыхнули уцелевшие светильники. У входа, прижимая коленом к полу Милосердова, стоял Леша Малыгин. Он завел обе руки Германа за спину и защелкнул на них наручники. Нефедов, морщась от боли, подошел к Малыгину, обнял одной рукой и кивнул на улицу:

— Иди, теперь без тебя разберемся.

— Анна, — позвал я. Она лежала на холодном полу лицом вниз. Я взял ее за плечи и приподнял. Волосы закрыли лицо. Тогда я сел на пол и положил ее голову к себе на колени. — Ну все, хватит, — сказал я. — Пошутили и хватит.

— Второй этаж блокирован? — спросил Леша у Нефедова. Тот кивнул. Правой рукой он поддерживал левую. На рукаве, выше локтя, проступило темное пятно.

— Иди, — повторил Нефедов.

Леша отрицательно покачал головой.

— Нет, я останусь до конца.

Он посмотрел на нас с Анной и лицо его помертвело.

— Анна, — шепнул я, убирая волосы с ее лица. — Анютка, милая, что с тобой случилось?

Глаза ее были открыты. В уголке губ алела капелька крови. Леша подошел к нам. Под его ногами хрустело стекло.

— Так ты, оказывается, мент? — спросил я равнодушно.

— Что с ней?

— Не знаю, — ответил я. — Молчит.

Леша присел рядом, взял руку Анны, держал ее долго, глядя на кусочки стекла, выпачканные в чьей-то крови. Потом опустил руку на пол.

— Пульса нет, — произнес он.

— Это ерунда, — ответил я. — Пульс не всегда можно прощупать. Она дышит.

— Она умерла, — сказал Леша.

— Сам ты умер, дурак! — выкрикнул я не своим голосом.

Омоновцы выводили оставшихся в живых боевиков. Германа Милосердова подняли на ноги два человека в штатском и повели к машине, которая задним ходом подъезжала к разбитым дверям.

Привалившись к стойке, Леша смотрел на красную дверь. Оттуда выводили людей. Гурули вели под руки двое крепких парней. Роза прошелестела плащом рядом с Нефедовым, остановилась на секунду и гневно сообщила ему:

— Я этого так не оставлю! У меня есть кому пожаловаться на этот беспредел!

Моргуна, накрытого простыней с головой, вынесли на носилках.

Затем по залу прошла невысокая молодая женщина в ярко-красном костюме. Казалось, она идет сама по себе, а двое конвоиров сзади нее — всего лишь случайные прохожие. Это была Эльвира Милосердова. Она остановилась рядом с Лешей, подняла на него глаза, улыбнулась ему.

— А-а, касатик! — ласково произнесла она. — Так ты, выходит, мент поганый? Поздравляю. Ты многого достиг. За решетку, можно считать, меня упрятал. — Она вздохнула. Лицо ее брезгливо скривилось. — А вот любви моей ты так и не добился. Не по силам оказалось. Но зато теперь отведешь душу, побалуешь большое самолюбие. Не себе — так никому, да? — Она плюнула ему под ноги и вышла на улицу.

Я не видел лица Лешы и не понял, что с ним произошло, но к нему вдруг близко подошел Нефедов и сухо сказал:

— Прекрати, майор. Возьми себя в руки!

Анна лежала на моих коленях. Я гладил ее волосы. Она всегда любила, когда я гладил ее волосы. Одна сережка из левого уха потерялась. В розовой мочке осталась лишь едва заметная дырочка. Я коснулся ее пальцем...

Потом я спал или, может быть, просто сидел без сознания, привалившись спиной к стойке. А когда открыл глаза, Анны уже не было, и вокруг меня лишь блестели осколки на мраморном полу да чернели капли крови, похожие на засохшие лепестки карликовой розы...

Теперь я живу на высоте четырех тысяч метров над уровнем моря в красной «бочке», вожу туристские группы к Приюту Одиннадцати, снимаю начинающих альпинистов со скалы Пастухова и стараюсь не замечать непроходящую боль в душе, не вспоминать знойный Судак, многолюдную набережную, белые скалы, парки, напоенные запахом хвои, — все те места, где я когда-то был счастлив. Из окон моей умершей в снег «бочки» не видно моря.

Шахматная этикетка

Под редакцией
международного гроссмейстера
ВИКТОРА ЧЕПИЖНОГО

Публикуем оригинальные композиции VI международного конкурса составления шахматных задач-миниатюр, а также решения задач, опубликованных в №№ 9-12 "Смены" за 1996 год. Правильные ответы прислали **Ю. Карташов** (Санкт-Петербург), **В. Кожакин** (Магадан), **Н. Костюкович** (Могилев, Беларусь), **И. Некрасов** (Архангельск), **Г. Попов** (Якутск), **Г. Садовский** (Москва), **В. Симонов** (Самара).

ПУБЛИКУЕТСЯ ВПЕРВЫЕ

34. А. ПИКУЛИН
д. Голоцк, Беларусь

Мат в 2 хода

35. В. КОВАЛЕНКО
*г. Большой камень,
Приморский кр.*

Мат в 2 хода

36. В. ДЛЮН
г. Мужачево, Украина

Мат в 2 хода

37. Н. РЕЗВОВ

Одесса, Украина

Мат в 3 хода

38. П. ЛОУРИДАС

Германия

Мат в 3 хода

39. В. АНТИПОВ

г. Борочичи Новгородской обл.

Мат в 3 хода

б) н. f7-g5

40. Ю. ЛЯЛЮШНИН

Екатеринбург

Мат в 4 хода

41. Ю. СУШКОВ

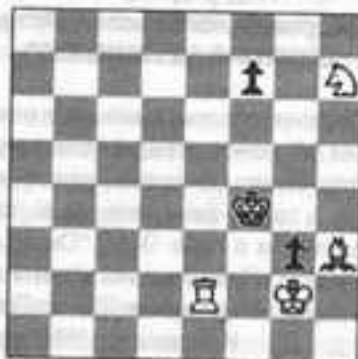
Санкт-Петербург

Мат в 5 ходов

42. М. ХОФМАН

Швейцария

Мат в 6 ходов

РЕШЕНИЯ ЗАДАЧ**«Смена» № 9, 1996**

98. С. Радченко. 1.Л6б? h5!, 1.Л5а? Нрh8!, 1.Лh

99. В. Желтоножко. 1.Нрс3? Сb5!, 1. Сd1? Сa2!, 1. с3!

100. А. Нурзиев. 1... Нрf5, f5 2. Сe6, Сf3x, 1. Нf7? f5 2. Нe5x, 1... Нрf5!, 1.Нe6? Нрf5 2. Фf4x, 1... f5!, 1. Нh3! Нрf5, f5 2. Фf4, Нf2x

101. Ю. Сушнов. 1. Нрд5 d6 2. Нd8 d5 3. Фf4x, 1... d5 2. Фd4 d4 3. Фf5x

102. А. Нурзиев. 1. Нh5! Нрh5 2. Фd8 Нрh4 3. Фd4x, 1... Нрh7 2. Фf6 Нрd8 3. Фd7x, 1... Нрf7 2. Фf6 Нрe8 3. Нg7x, 1... Нрf5 2. Фd8 Нрe4 3. Фd5x

103. В. Мальниченко и В. Иванов. 1. Сg7 Нрe7 2. f8h! Нрд8 3. Сf6x, 1... Нрд7 2. Сf6 Нрe6 3. f8hx

104. Ю. Сушнов. 1. Нрд6! Нрe6 2. Фb5 Нрe7 3. Фf5, 1... Нрe5 2. Фo4 d5 3. Фd4

105. М. Велунов. 1. Фd4 bc 2. Нрс6 Нрb8 3. Фd7 Нрa7 4. Фс7

106. В. Иванов. 1. g4 Нрe6 2. g3 Нрд6 3. g5 Нрe6 4. g4 Нрд6 5. Нс5 Нрe5 6. Сс7x. Побочное решение: 1. Нрд4 Нрe6 2. Нf6 Нрд6 3. Нe8 Нрe6 4. Сh4

«Смена» № 10, 1996

107. Е. Марков. 1. Фе7

108. Л. Салай. 1. Нг4

109. В. Мальниченко. а) 1. Фd3; б) 1. Нde6

110. А. Зарх. 1. d3? e4!, 1. Лс3? Нрe4!, 1. Лf6

111. С. Радченко. (бел. Сa6 - a5, черн. па7 - a6) 1. Сe1? a5!, 1. Лd2? Нрf3!, 1. Лg2

112. В. Клипанев. 1. Лf5

113. В. Иванов. 1.Лa1! Нрe4 2. Лd1, 1... Нрд4 2.Лh1

114. З. Гнат. 1.f7 Нрh7 2. f8Л, 1... Нрh5 2. f8Ф

115. Н. Нугимин. а) 1. Лс3 Нрd5 2. Сf5 Нрe5 3. Лс5x, 1... Нрe4 2. Сe6 Нрe5 3. Лe3x; б) 1. Сg2! Нрe6 2. Сe4 Нрe5 3. Лe7x, 1... Нрf5 2. Сd5 Нрe5 3. Лg5x

116. А. Ставрицкий. 1.f4 g1 2. g7; 1. g7? Сd5!

117. В. Кожанян. 1.Нрс5 a2 2. Нрb5, 1... Нрe4 2. Сb5

118. Л. Грольман. 1.Лd2? Нрb1!, 1. Нрe2? Нрd1!, 1.Сf3? Сb2!, 1.Сa4! Нрд1, Сb2 2. Лe6, Нрe2

119. Ю. Сушнов. 1.Нb1 Нрb4 2. Фa3 Нрb5 3. Нрд5, 1... с4 2. Нрд5 Нрb4 3. Фa3

120. Ю. Лялошин. 1.Нрд2 Нd5 2. Лfд5 Нр ∞ 3. Лg5 Нрf3, Нрe4, Нрf4 4. Лe4, Лf5, Нрд3; 1... Нe6 2. Лe6 Нрд4 3. Лe6 Нрд4 4. Лb6

121. В. Сурнов. 1.Нрb7 Нрb5 2. Нb6 Нрb4 3. Лd3 Нрb5 4. a3

«Смена» № 11, 1996

122. Р. Линкольн. 1.Сe4

123. Д. Гинно. 1. Фс3

124. Н. Луис и Н. Напрос. 1.Фh1? b1!, 1.Лh1

125. И. Афек. 1. b8С? Нрb7 2. Сd6 a6!, 1. b8Н Нрb7 2. На6

126. В. Иванов и Н. Чинено. 1.Фf8 Нрe3 2. Нрс2 Нрe2 3. Лe4x, 1... Нрд3 2. Фf2 Нрд4 3. Лd5x

127. Н. Ротенберг. 1.Нe3 Нрe5 2. Нd5 Нрe6 3. Лe7x, 1... d6 2. Нрe2 Нрe4 3. Лg4x, 1... d5 2. Нрд4

128. Л. Манаронец. 1. с4 Нрe7 2. Фe6 Нрe6 3. b8Ф, 1... Нс7 2. с5 Нрe7 3. Фс7, 2... На6 3. Фс8

129. В. Желтоножко. 1. Сd4 f5 2. Лg1 Нрb6 3. Лg8, 1... Нрb6 2. Сf6 Нрh7 3. Лe6

130. Ю. Сушнов. 1. Сg4! Нрд5 2. Лd3 Нрe4 3. Нрс4 e6 4. Лd2 Нрe3 5. Лe2x, 1... e6 2. Сe6 Нрe4 3. Лa3 Нрд4 4. Сf5 Нрд5 5. Лd3x, 1... e5 2. Сf5 e4 3. Сe6 e3 4. Сf5 e2 5. Лd3x

«Смена» № 12, 1996

131. Н. Спаре. 1. Сa1

132. Н. Чернышев и А. Нириченко. 1. Нс5

133. М. Харалович. 1. Нрс7

134. Л. Лебедев. 1. Нрд6? f4!, 1. Нрf6? d4!, 1. Нe5? Нрf4!, 1. Лd8? f4!, 1. Лf8? d4!, 1. Лс5? f4!, 1. Лe8!

135. А. Кириченко. 1. Фd6

136. В. Марнович. 1. Нd2

137. Н. Герасимов. 1. Фg2 Сd7 2. Фa8

138. В. Желтоножко и В. Новаленко. 1. Нрa4 b1Ф 2. Сс3 Фb2 3. Лf1x, 1... Нрb1 2. Лh1 Нрс2 3. Сf5x, 1... b1Н 2. Сf5 Нd2 3. Сс3x

139. И. Стариченко. 1. Нрe2 Нрb 2. Нрf1 3. Нf2x, 1... Нg2 2. Нрд2 3. Нf2x, 1... Нf3 2. Нf2 Нрg1 3. f1x, 1... Нf5 2. Фf5

140. А. Селиванов. 1. Нg3 Нрd3 2. Фg5, 1... Нрe3 2. Нf1, 1... e6 2. Фd2

141. Н. Ротенберг. 1. Сe5 Нрf7 2. Нh6, 1... Нрf5 2. Нрe7

142. Л. Лебедев. 1. Нрe5 Сf4, Сf6, Сh4, Сh6 2. Нрf4, Нрf6, Сg4, Сg6

143. В. Мальниченко. 1. Лa3 g4 2. Лa5 g3 3. Нрf3

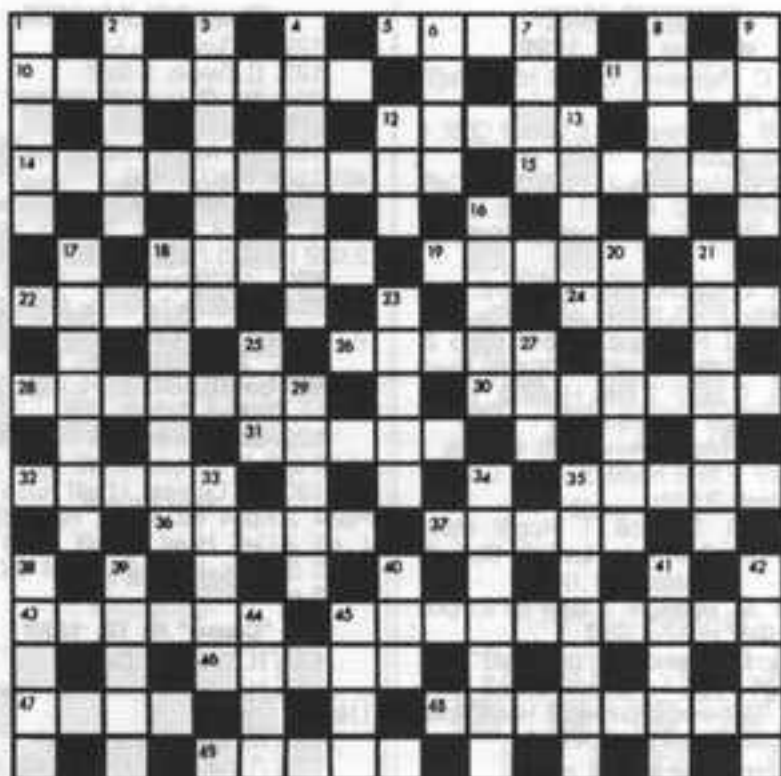
144. В. Колпанов. 1. Фd2 Нрb6 2. Фd6 Нрa5 3. Нb5, 1... Нрb4 2. На4 Нрс4 3. Фе3, 1... Нрс4 2. На4 Нрb3 3. Фс3

145. С. Абраменко. 1... Нрд4 2. Лf3 Нрe4 3. Сd5 Нрд4 4. с3x, 1. Нрe5 Нрс5 2. Лb7 Нрс6 3. Сd5 Нрс5 4. b4x

146. В. Желтоножко и В. Новаленко. 1. Нрe2 a2 2. Нрд3 a1Н 3. Фе2 с5 4. Фе1x, 1... с5 2. Фе2 с4 3. Нрe3 Нрд1 4. Фе1x

147. Н. Чистяков. 1. Сa5 a6 2. Сb5 ab 3. Сс3 b4 4. Сb2x

148. В. Военный. 1. На4 Лb8 2. Лg5 Лb5 3. Нс5, 1... Лg8 2. Лg7 Лg7 3. Нс5

По горизонтали.

5. Единственная женщина в свите Воланда. 10. Картина Н. Брюллова, перед которой В. Жуковский просиживал часами. 11. Вид спорта, в котором гремел А. Шошинас. 12. Материал для фильтрации воды, завозимый Саудовской Аравией из Голландии. 14. Учитель С. Танеева. 15. Смотряны зимы. 18. Приспособление, облегчающее посадку воздушного шара, предложенное физионом Шарлем. 19. Свобода дреаного грека как ценность, под которую он брал деньги взаймы. 22. Предмет с репейниками, втрибут рыцаря. 24. Английский писатель, чье непомерное тщеславие сделало его сатириком. 26. Немецкий химик; изобрел детский конструктор. 28. Название туркменской столицы до 1919 года. 30. Морская рыба, которая становится вредной на второй день после поимки. 31. Моллюск, из нитей которого в древности ткали виссон. 32. Шляпка с острыми носом и нормой. 35. Ягодная слава Эльзаса. 36. Название аромата в повести Н. Гоголя "Тарас Бульба". 37. Дерево, превратившее в прошлом веке амазонские джунгли в "зеленый ад". 43. Овощ, чьи листья после заморозки похонни на крыльях летучих мышей. 45. Кардинал, исполняющий обязанности главы Ватикана с момента смерти папы до избрания нового понтифина. 46. Французский художник, чьи поздние картины критики назвали "мистическими беседами". 47. Мирное имя Гришки Отрепьева. 48. Нарлица на картине Веласкеса "Менины". 49. Древнеиндийский поэт, возмозный автор "Махабхараты".

По вертикали.

1. Все служители одной церкви. 2. Библейский пророк, чьи уст коснулся горящим углем серафим. 3. Гриб, вошедший на Запад, как и шампиньон, в культуру. 4. "Штатная" река США. 5. Бальзам на душу. 6. Город, чей архиепископ — примас Франции. 7. Английская кличка полицейского. 8. Дельта или эстуарий. 12. Диалог, киним Платон шагнул в идеальное. 13. Орех, из чьей скорлупы делают пуговицы. 16. Рыба, печенью которой лечат глаукому (кладут ее на два дня в станок речной воды, снимают жирную пленку и закапывают по капле в день). 17. Домашний цветочек с самыми красивыми листьями. 18. Торг по принципу: чего хочешь, то и просишь. 20. Часть русской армии, отличавшаяся в пушкинские времена шитьем на воротнике. 21. Дельфин, способный выпрыгнуть из воды на высоту пять метров. 23. Театр, где антеры, по китайской поговорке, одновременно и зрители. 25. Старое русское название франта, щеголя. 27. Человек, способный обломить первого встречного последними словами. 29. Австралийское племя, у которого зять с тещей разговаривает на особом языке. 33. Единица магнитодвижущей силы. 34. Немецкий композитор, бывший гораздо популярнее своего современника И. С. Баха. 35. Тип стиха, киним написаны "Масни" А. Белого. 38. Должность Оболдуя при дворе Ивана Грозного. 39. Аленто, Мегера или Тисифона. 40. ... или пропал (или все получить, или ничего). 41. Крутой американский генетик, заводчик садрунчик. 42. Самоцвет, девятое основание стены Великого Небесного Иерусалима. 44. Л. Толстой сказал: "Знания — орудие, а не ...". 45. Шотландский промышленник, чьим именем названа земля в Антарктиде.

Иллюстрация
Анатолий Заварзин
Самостоятельно
Анатолий Заварзин

**ОТВЕТЫ
НА «ЗРУДКИ»
НАПЕЧАТАННЫЙ
В № 3**

По горизонтали.

1. Буква. 6. Примула. 10. Маневр. 11. Сайга. 12. Афелина. 13. Бристоль. 14. Ежова. 17. Иртыш. 20. Нлапрот. 22. Буше. 23. Хунзы. 24. Дуб. 25. Юмес. 28. Лизун. 30. Дрова. 32. ... отвес. 35. Руо. 37. Анонс. 38. Языг. 41. Фревилль. 42. Череп. 43. Ягуар. 46. Целестин. 47. Винарий. 48. Снарб. 49. Виноще. 50. "Синдран". 51. Нырок.

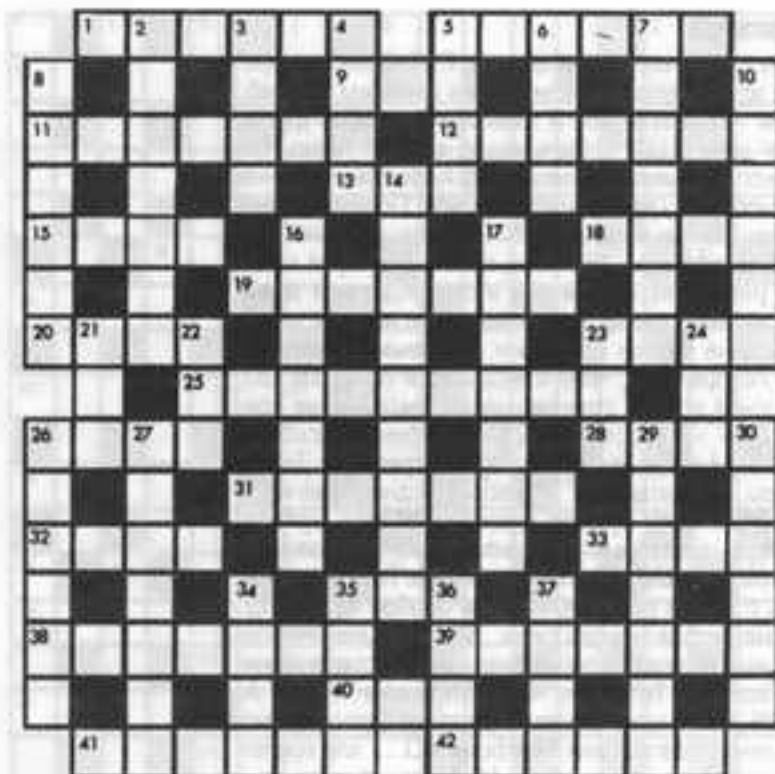
По вертикали.

1. Босне. 2. Найло. 3. Амеба. 4. ... энциглика. 5. Светопреставление. 7. Руфь. 8. Малерб. 9. Лонджи. 12. Аллод. 15. Нгутик. 16. Воздух. 18. Туя. 19. Шен. 21. Туз. 28. Нрониг. 27. Ювента. 29. Щеплятник. 31. Пух. 33. Мяч. 34. Сыр. 36. Орфей. 39. Зелили. 40. Гепард. 43. Янсен. 44. Узайр. 45. Рыбак. 46. Цян.

КРОССВОРД
 Составил **Е. ГРОМОВ**,
 Пахистинское
 Самарской области

По горизонтали.

1. Неподъемный подъемный снаряд. 5. Планета, управляющая – у астрологов – зрелостью человека. 9. Голубое диво полей. 11. Художник итальянского Возрождения, первым населивший свои произведения людьми из плоти и крови. 12. Нунд-иезуит, оклеветавший князя Петра Долгорукова, будто он написал подметные письма А. Пушкину. 13. Крупный исторический период. 15. Апостол, чьим именем называют себя индийские христиане. 18. Мановый наркотик. 19. Virtuозная музыкальная пьеса, возникшая в XVI веке. 20. Приток Туры (бассейн Тобола). 23. Чего-то очень много. 25. Специалист сельского хозяйства. 26. Чувство – ... души (старинный афоризм). 28. Обычный жанр в творчестве П. Бянова. 31. Состояние у буддистов; полное освобождение от животных желаний. 32. "... веночная" – народная песня, где "младца сновали золотым кольцом". 33. Овощ, приправя к холоду. 35. Подношение. 38. Мастер, знающий толк в бочках. 39. Разбойник, освобожденный от кари иудеями, пославшими Иисуса Христа на Голгофу. 40. Остров, на котором живут почти сто миллионов человек. 41. Ярлык с указанием стоимости товара. 42. Азовская сельдь-рыба.

По вертикали.

2. Русское название аборигена. 3. Время любовников и разбойников. 4. Дерево, чей сок в Древнем Египте пили для возбуждения аппетита. 5. Первая ступень в морской карьере. 6. Ягодный кустарник, в народе называемый башмалой, монжевельником и т. д. 7. Металл, нажим активизирует люминофоры. 8. Слова "гриб" и "грипп" по отношению друг к другу. 10. Сельхозмашина. 14. Шахматный ход. 16. Лесной пчеловод на Руси. 17. Основание, на котором укреплено артиллерийское орудие. 21. Рена, впадающая в озеро Балхаш. 22. Государство, на месте которого образовалась Бирма. 23. Свадебное торжество у мусульман. 24. Трехметровая птица, истребленная в Новой Зеландии человеком. 26. Стрельба. 27. Процесс получения гусиного пуха. 29. Русский художник. С ранних лет, по его словам, "был влюблен" в Пушкина и Шенспира. 30. Политическая разведка, процудывание. 34. Римский Пан, чью скульптуру создал Роден. 35. Нянжеский писец в Древней Руси. 36. Шнурник. 37. Австрийский писатель, автор исторического романа "Смерть Вергилия".

**ОТВЕТЫ
НА КРОССВОРД
НАПЕЧАТАННЫЙ
В № 3**

По горизонтали.

9. Бордюр. 11. Роббер. 12. Мясорубка. 13. Фемиды. 15. ... Чналов. 17. Целовальников. 18. Эмфазы. 20. Инанна. 22. Терснал. 26. Льянана. 27. Анергия. 28. Мирянин. 29. Силера. 30. Обвады. 31. Нгтинал. 32. Вилорог. 33. Интрига. 34. Ортинан. 38. Зурита. 42. Ариане. 45. Восьмигранник. 46. Йогурт. 47. Нердла. 48. Рассрочка. 49. Жарное. 50. Реноме.

По вертикали.

1. Хорезм. 2. Ядрица. 3. Юрмала. 4. Шестивил. 5. Бабенно. 6. "Тренни". 7. Облыва. 8. Героин. 10. Нрылос. 14. Дезинтегратор. 16. Консерватория. 18. Фунгулер. 21. Негадница. 22. "Таманго". 23. Раритет. 24. Нанонин. 25. Ланолин. 35. Ремесло. 36. Изгарь. 37. Осадчик. 39. Урожай. 40. "Ивушка". 41. Астрейя. 42. Анчара. 43. Ифрина. 44. Нельма.

Александр Горбов

Старые голландцы трактовали натюрморт не как "мертвую натуру", а как "тихую жизнь". Именно так воспринимает этот жанр Александр Горбов. В предметах художник видит особую скрытую жизнь, неотделимую от жизни человека, с его бытом, привычками, влечениями. Разрезанный пирог, очищенный лимон с виспящей спиралью конурой, недопитый бокал вина, горящая свеча, раскрытая книга – все как бы освещено незримым присутствием человека. В каждом полотне идеально выписанные детали, необычайная конкретность, эмоциональная выразительность. И потому создается впечатление глубины, реальности предметов и даже их осязаемости. Художник часто применяет прием контраста – теплая и холодная гамма цветов, естественное и искусственное освещение, – тем самым передавая все разнообразие фактуры предметов. И теплый свет, и словно горящие изнутри краски рождают своеобразный загадочный мир вещей. В них и пленительная тайна, и благородное поэтическое чувство.

– У каждого художника – свой "нонен", своя любимая тема, – рассказывает Александр Горбов. – У меня натюрморт, пейзажи... Я рос в деревне на Украине, место не слишком живописное, только роскошный вишневый сад да еще степь могли радовать глаз. Однажды летом удалось побывать в Москве, в Третьяковке, и тот восторг, ту безумную радость от увиденного помню до сих пор. Особенно поразил Левитан. Впервые увидев его полотна в оригинале, понял: вот такую неброскую, скромную русскую природу буду писать, если стану художником. С годами появились другие нумиры – французские импрессионисты, малые голландцы с их натюрмортами. Натюрморт – слонный жанр. Прекрасно выписать яблоко или серебряную цепочку, свисающую со стола, – минутное дело. Но передать дух предмета, чтобы зритель, рассматривая на полотне, снаем, дыню, смог ощутить ее аромат, ее вкус – такое редко кому удается. Когда видишь натюрморты малых голландцев, так и хочется протянуть руку и, например, от роскошной кисти винограда, сочной, словно вобравшей в себя солнечные лучи, оторвать ягодку. Потрясающее мастерство. Что касается личных пристрастий, то больше всего люблю писать цветы. Не роскошные, экзотические, а полевые, привлекающие своей скромностью, неброскостью...

Творческая судьба Александра сложилась удачно. Он оказался единственным, чей эскиз планета и фильму "Сталкер" утвердил А.Тарковский. И это – из тысячи конкурсантов. Как результат – многочисленные заказы от "Рекламфильма" при Госкино, выставка кинопланета, приглашение участвовать в Международном киносалоне в Польше.

Но настоящее признание пришло к художнику после того, как он представил серию натюрмортов на выставке "Русские традиции". Тогда же, в 1990 году, Горбов стал членом международной федерации художников ЮНЕСКО. А в 1993-м Александр участвовал в выставке российских художников, проходившей в Израиле, и все его работы были проданы с аукциона.

...Когда-то Александр мечтал о сцене, даже поступал в Щунинское училище. Но судьба распорядилась иначе... Он стал художником, щедрым и ярким. И дальнейший его творческий путь обещает много...

ЛЮДИЛА КАНДАЛОВА

"СМЕНА" – 97

Во втором полугодии мы планируем опубликовать роман Андрея Ильина "Обет молчания – 4". Новые произведения Николая Леонова, Сергея Устинова, детектив Грегори Макдональда о приключениях Флетча, фантастический роман Майка Резника "Миф далекого будущего", вторую часть книги Питера Брауна и Стивена Гейнза о группе "Битлз". В каждом номере – очерки о малоизвестных эпизодах отечественной истории и шедеврах мирового искусства.

Ф. СП-1

АБОНЕМЕНТ на _____ журнал
(индекс издания)

СМЕНА

Количество комплектов

на 1997 год

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
---	---	---	---	---	---	---	---	---	----	----	----

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)

ДОСТАВочНАЯ КАРТОЧКА

ПВ	место	ли-тер

на _____ журнал

(индекс издания)

СМЕНА

Стои-мость	подписки пере-адресовки	руб. руб.	Количество комплектов	1
------------	-------------------------	-----------	-----------------------	---

на 1997 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
---	---	---	---	---	---	---	---	---	----	----	----

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)

ВНИМАНИЕ ПОДПИСЧИКОВ!

Со второго полугодия 1997 года на "Смену" вводятся два подписных индекса:

70820 – для индивидуальных подписчиков; цена 11500 рублей за один номер, 34500 – за три, полугодовая подписка – 69 000 рублей (по каталогу "Роспечати" без стоимости доставки);

72516 – льготная подписка для библиотек, общеобразовательных школ и воинских частей; цена 10 000 рублей за один номер, 30 000 – за три, полугодовая подписка – 60 000 рублей (без стоимости доставки).

Подписка принимается без ограничений всеми отделениями связи.

Проверьте правильность оформления абонемента!

На абонементе должен быть проставлен оттиск кассовой машины.

При оформлении подписки (переадресовки) без кассовой машины на абонементе проставляется оттиск календарного штемпеля отделения связи. В этом случае абонемент выдается подписчику с квитанцией об оплате стоимости подписки (переадресовки).

Для оформления подписки на газету или журнал, а также для переадресования издания бланк абонемента с доставочной карточкой заполняется подписчиком чернилами, разборчиво, без сокращений, в соответствии с условиями, изложенными в каталогах «Роспечати».

Заполнение месячных клеток при переадресовании издания, а также клетки «ПВ – МЕСТО» производится работниками предприятий связи и «Роспечати».

Александр ГОРБОВ. Натюрморт со шкурой леопарда

Натюрморт с бутылками

Тина Тернер